

Анастасия Сычёва

**Путешественница во времени. Книга 2.
Воспоминания о будущем**

© Сычёва Анастасия

© ИДДК

Пролог

Валери Андерс злилась.

Ну почему, почему жизнь так несправедлива?! Почему именно ей, умнице, красавице, колдунье, обладающей огромным магическим потенциалом, так сильно не везло? Почему всякий раз, когда до желанной свободы оставалась самая малость, буквально руку протянуть, в последний момент всё срывалось и летело в тартарары?

А ведь она заслуживала счастья как никто другой! Никто другой в этом чёртовом ковене магов никогда не был настолько талантлив и умен, как она, никто другой не прикладывал таких усилий для развития своих способностей! И ведь это было так правильно – чтобы именно её магические силы были настолько велики, чтобы именно она обладала такой властью! Совет ковена – сборище самовлюблённых идиотов – всё время твердил, что надо быть осторожнее, но ей хотелось большего, и уж она-то точно знала, что сможет этого добиться! Тёмная магия открыла ей новые, недоступные остальным горизонты, и саму Валери мало смущал тот факт, что для обретения большего могущества необходимо было идти на человеческие жертвы. Вот только вести себя следовало осторожнее. Какая досада, что ковен сто тридцать лет назад разоблачил её новое увлечение! Вся её жизнь круто изменилась в худшую сторону. Впрочем, из-за этого она уже почти не переживала, поскольку осознала, что сама была виновата. Как же самонадеянно, неосторожно она себя тогда вела! И за эту ошибку ей приходится расплачиваться по сей день!

Но как она позволила тогда этому человеку обрести над ней такую власть? Почему не сбежала сразу, а потратила драгоценное время на месть обидчикам? Спору нет, месть удалась, и воспоминания о том убийстве до сих пор приносили удовольствие и чувство глубокого удовлетворения, но... Сбежать после уже не удалось. Её очень быстро настигли и предложили выбор – либо суд и вечное заточение, либо верная служба. Знай она тогда, что эта служба обернётся пожизненной каторгой, то согласилась бы на суд Совета...

– Тяжёлые мысли? – непринуждённо осведомился её собеседник, сидевший напротив.

Валери торопливо сделала глоток из бокала. В этих словах ей отчётливо послышалась скрытая насмешка. Ни в коем случае нельзя было дать понять, как сильно её уязвляли подобные замечания. Крепкий алкоголь обжёг горло, но колдунья и глазом не моргнула.

– Нисколько, – выдавила она. Горло саднило, но ей удалось произнести эти слова ровно. Только не показывать собеседнику свою неуверенность!

– Врёшь, – равнодушно отозвался человек напротив. Обмануть его Валери не удавалось ни разу – ложь он чуял мгновенно.

Боже, как же она ненавидела его! Это он лишил её свободы, оставил в подвешенном состоянии на сто тридцать лет и мог распоряжаться её жизнью любым удобным ему образом!

– Не беспокойся, – деловито посоветовал тот ей, словно она произнесла это вслух. – Скоро всё закончится, и ты сможешь идти на все четыре стороны.

Проклятье! Как этому человеку всегда удавалось читать по её лицу, точно по раскрытой книге?!

Но произносить это всё же не стоило, так что она огромным усилием взяла себя в руки и закинула ногу на ногу. Оценила результат – ноги, дорожные туфли на четырёхдюймовой шпильке, юбка коктейльного платья – всё выглядело безупречно. Эта мысль слегка улучшила настроение.

– Как скоро? – поинтересовалась она, настраиваясь на деловой лад. – Нас хоть и не разоблачили, но ритуал в Эйлсфорде всё равно сорвался. Что вы намерены делать теперь?

– Проводить его, разумеется.

- Но маги...

- Слишком сильно заняты своими делами и поисками лазутчика. Нам это сейчас только на руку. Плюс Искательница им больше не помогает - значит, их шансы на успех ещё немного снизились.

Валери уставилась в лицо собеседника с жадным вниманием.

- Она мертва?

- Впала в кому, - уточнил тот. - Разумеется, было бы лучше, если бы та авария сделала из неё отбивную, но тут уж ничего не поделаешь. Живучая оказалась...

- Так может, ей... помочь? - осторожно уточнила Валери. - Добить в больнице, чтобы она уже наверняка не помешала?

Признаться, именно это задание она бы выполнила с огромным удовольствием - уж очень её раздражала эта бледная невыразительная дылда. Ну что, что Джеймс нашёл в ней такого, чего не было в ней, Валери?!

Её собеседника это предложение внезапно развеселило.

- Не спорю, с этой задачей ты бы справилась блестяще! Уильяма ты устранила просто отлично, не подкопаешься! Однако не думаю, что в этом есть необходимость, - весёлый тон сменился на задумчивый. - Врачи говорят, что вероятность того, что она очнётся, невелика. Я же сомневаюсь, что её семья будет долго уповать на чудо. Они сами отключат её от аппарата жизнеобеспечения. И мы тут будем вовсе ни при чём.

Колдунья с лёгким разочарованием кивнула.

- Мы же возвращаемся к ритуалам. Слушай внимательно...

Глава 1

В коридоре заскрипели старые половицы, и я торопливо повернула голову к окну. На всякий случай прикрыла глаза и сосредоточилась на том, чтобы дыхание было ровным и размеренным. Шаги приблизились, щёлкнула ручка, и с тихим шорохом дверь приоткрылась. Кто-то остановился на пороге, и я почувствовала на себе чужой внимательный взгляд. Должно быть, моя имитация здорового сна была достаточно убедительной, потому что через несколько секунд дверь закрылась, опять заскрипели половицы, и всё стихло.

Я вздохнула с облегчением и перевернулась на спину, бездумно уставившись в потолок. По нему местами змеились тонкие паутины трещин, пересекая расписные узоры, и их разглядывание стало моим единственным способом развлечься, поскольку вставать с кровати мне почти не разрешали. Полный человечек среднего возраста в тёмно-коричневом сюртуке и с небольшим саквояжем, которого здесь почтительно именовали «доктор», и которого я видела дважды, прописал мне постельный режим. Сказал, что с полученной травмой головы мне необходим покой. Лично я чувствовала бы себя гораздо спокойнее, если бы мне сделали МРТ перед тем, как ставить диагноз, но что-то подсказывало, что в этой реальности до изобретения томографа пройдёт ещё не один десяток лет.

В комнате было полутемно и душно – мало того, что окна были закрыты, так ещё и ставни были наглухо заперты изнутри. Предписание всё того же доктора, который уверенным тоном объявил, что уличный шум, как и свежий воздух, больной только навредят. Я пробовала осторожно возразить, но меня никто и слушать не стал, решив, что я всё ещё не пришла в себя. Кроме врача я видела только высокую худую женщину с собранными в высокий узел чёрными волосами, которая, кажется, была здесь главной, и девушку в чёрном платье до пят с белым воротничком, переднике и в белом чепце. Девушка держалась очень тихо и в разговор со мной не вступала, хотя я ей улыбалась и всячески демонстрировала дружелюбие, надеясь получить ответы на свои вопросы. Высокая женщина говорила холодным, резким голосом, отдавая кому-то распоряжения, на меня смотрела без капли сочувствия и обращалась ко мне «мисс Барнс». И, как я понимала, в доме был ещё мужчина – поскольку именно мужской голос назвал меня «Бетси», когда я только очнулась. Этим мой нынешний круг общения исчерпывался.

Я не сразу поняла, что со мной случилось. Воспоминания о том странном перекрёстке отпечатались в сознании очень отчётливо и не были похожи на сон, который стирается из памяти вскоре после пробуждения. Но случившееся было настолько нереальным, необъяснимым, что поначалу я решила, что это всё было лишь фантазией. Когда я открыла глаза, то в первый момент испытала огромное облегчение от того, что выжила, поскольку после «света в конце тоннеля» я была уверена, что моё тело так и осталось лежать в исковерканной машине. Но затем, медленно, шаг за шагом, я начала осознавать, что влипла гораздо серьезнее, чем могло показаться. У меня несколько дней очень сильно болела голова, словно кто-то пытался проломить мне череп. Болели также руки и ноги, хотелось пить, и всё это было странно. Своё состояние после аварии я представляла себе совершенно по-другому – гораздо тяжелее. Затем я обнаружила, что украшенный росписью потолок над головой совершенно не напоминает белый больничный, что не слышно писка приборов, а в воздухе не пахнет больницей. Вместо этого был застоявшийся спёртый запах, словно помещение давно не проветривали. Рядом с кроватью почему-то горели свечи, которые вдобавок ко всему чадили, и, присмотревшись, я обнаружила, что они стояли в старинном подсвечнике. В довершение картины, люди, появившиеся вскоре рядом со мной, меньше всего походили на медперсонал. Меня о чём-то спрашивали, что-то восклицали, но голова продолжала трещать, и соображала я по-прежнему плохо, так что вскоре меня оставили в покое. Высокая женщина перед уходом бросила кому-то в коридоре: «Пошлите за доктором!», а после этого я то ли заснула, то ли потеряла сознание – не знаю.

В следующий раз я проснулась днём. Судить о времени суток было тяжело, потому что закрытые ставни не позволяли определить, день сейчас или ночь, но до меня доносился приглушённый уличный шум, да и вошедшие вскоре в комнату люди не были похожи на тех, кого только что подняли с постели. Тогда я впервые увидела доктора, хотя прежде, чем его впустить, высокая женщина убедилась, что я как следует укрыта одеялом, так что оставалась видна только голова. Доктор расспросил меня о моём самочувствии,

называя меня всё так же «мисс Барнс», поговорил с высокой женщиной и удалился. Я же в тот момент была настолько потрясена тем, как сильно внезапно изменился мой голос, что не стала никому доказывать, что я вообще-то «мисс Эшфорд», отвечала односложно и в дискуссию не вступала.

Когда они ушли, и я снова осталась в полумраке, то проверила себя на наличие травм. К моему удивлению, я не нашла никаких видимых повреждений – ни переломов, ни порезов, ни искалеченных конечностей. На руках и ногах, а также на боку обнаружилось несколько ушибов, но больше ничего, что напоминало бы о той аварии.

Глаза постепенно привыкли к темноте, и я смогла разглядеть окружающую обстановку. Новым невероятным открытием для меня стало то, что внезапно я с удивительной чёткостью увидела предметы, которые раньше ни за что не смогла бы различить из-за плохого зрения. Ни очков, ни контактных линз на мне не было – я даже пальцем в глаз себе аккуратно потыкала, чтобы убедиться, что линз действительно нет – и это внезапное обретение зрения вывело меня из равновесия ещё на час. Немного успокоившись, я решила всё же разведать окружающую обстановку и быстро убедилась, что находилась не в больнице и даже не у себя дома. Более того – окружающие предметы, казалось, были взяты из какой-то давно ушедшей эпохи, и у меня возникло впечатление, будто я попала в музей. Кровать с пологом, украшенные резьбой и завитушками комод и шкаф орехового дерева, вычурный туалетный столик с круглым зеркалом, софа у изножья кровати... Решив в первый момент, что у меня галлюцинации, я протёрла глаза и обнаружила, что одета в длинную, до пят, плотную ночную рубашку, начинавшуюся сразу у горла. В душной комнате, да ещё в этом балахоне, было невыносимо жарко, но я была так ошарашена внезапной догадкой, что позабыла о дискомфорте. Не может такого быть... Это невозможно! Подобное случается только в сказках!

Когда на третий день головная боль начала отступать, я решительно откинула одеяло и с трудом поднялась на ноги. Каждое движение давалось с усилием, но я, хватаясь за окружающие меня предметы мебели, добралась до туалетного столика и буквально упала на стул перед ним. А когда взглянула на своё отражение в зеркале, не сдержала вскрика.

Оттуда на меня смотрела та самая девушка, которую я встретила на перекрёстке, и которая исчезла в ярком свете. Абсолютная нереальность происходящего оглушала, и я почувствовала себя так, словно меня стукнули по голове пыльным мешком. Не в силах поверить, я прижала ладонь ко рту, загоняя крик обратно – и девушка в зеркале сделала то же самое, с ужасом взирая на меня. Без сомнения, это было то же самое лицо, только сейчас она – или теперь уже я? – выглядела бледной, осунувшейся и похудевшей. Давно не мытые светлые волосы свалились и были похожи на паклю, большие синие глаза запали, под ними залегли тени, губы бантиком выглядели каким-то бесцветными. Фигуры за тканью длинной просторной ночной сорочки было не разглядеть, но мне показалось, что девушка была худенькой и тоненькой, как тростинка. На вид ей было лет восемнадцать-девятнадцать, и до болезни она, наверное, была прехорошенькой. Что же с ней произошло? Я разбилась в автокатастрофе, а с ней что случилось? Как она оказалась прикованной к постели?

Что же мы имеем? Если до этого у меня были какие-то сомнения, то после того, как я увидела себя в зеркале, они отпали. Меня забросило в другой мир, в другое тело. Не знаю, как это работает... как это получилось, но, если только я не сошла с ума, то вот результат. Что же в таких случаях полагается делать?

Фэнтези-книг о попаданцах мною в своё время было прочитано достаточно, чтобы всё же поверить в происходящее, а не списать это на помрачение рассудка и плод воспалённого сознания. Да и учитывая всё то сверхъестественное, что наполнило мою жизнь в последний месяц, я уже была способна поверить во что угодно. Большинство книжных сюжетов о попаданцах развивалось по одному сценарию: вскоре после «перемещения» герою являлся некий маг или мудрец и сообщал, что тому каким-нибудь невнятным пророчеством суждено победить некое великое зло. Но сперва герою надо пройти обучение добыть оружие, чтобы сокрушить это самое зло, совершить подвиг, или каким-нибудь иным способом доказать, что он действительно Избранный и достоин спасти мир. Герой отправлялся в странствие, по пути обзаводился компанией верных друзей и в четырёх случаях из пяти обнаруживал у себя магический дар. В итоге он

побеждал главного злодея, а сам становился королём, или архимагом, или народным героем. Если попаданец был мужчиной, то нередко он получал в качестве бонуса гарем из эльфиек, а если женщиной – то прекрасного принца на белом коне, с которым они потом жили долго и счастливо. Впрочем, в последнее время прекрасные принцы были уже не в моде, так что героини переключались на опасных и, в общем-то, отрицательных героев, которых они перевоспитывали в принцев.

Надо будет потом поискать в доме и мудреца, и злодея, и прекрасного принца. И коня.

А если серьёзно, то я совершенно не представляла, что делать дальше. Никакими особенными знаниями и необходимыми для выживания навыками я не обладала. В некоторых случаях герой в книгах получал память человека, в тело которого он вселялся, но никаких чужих воспоминаний в моём собственном сознании не всплывало. И сколько же я смогу обманывать окружающих, что я не та, за кого себя выдаю?

И... Кто мне вообще смог бы помочь? Все мои близкие... Мои родители, Тея, Шарлотта, Алекс, Мартин... Для них я так и погибла в той аварии. Как я буду дальше без них? Пусть я весьма уверенно доказывала Джеймсу, что необщительна и прекрасно справляюсь со всем самостоятельно, но ведь я никогда не оставалась одна. Моя семья и друзья всегда присутствовали в моей жизни. Пусть не всегда рядом, но они были, и я точно знала, что, если что-то случится, они помогут и поддержат! А теперь? Как я буду жить дальше? Совсем одна?..

На глаза сами собой навернулись слёзы, которые мне не удалось сдержать. Я хочу обратно! Хочу домой! Я не просила отправлять меня в другой мир!

Где-то через полчаса, когда глаза уже жгло и я наревелась почти до икоты, слёзы начали иссякать. Я неловко стёрла мокрые дорожки широкими рукавами ночной сорочки, стараясь не коситься на своё новое отражение в зеркале. Кстати... Тут я нервно дёрнулась, только сейчас сообразив, что эгоистично позабыла о ещё одном очень важном моменте.

Что произошло с Ричардом? Выжил ли он? Или тоже погиб, только ему повезло меньше, и его земной путь именно тогда и закончился? Этого я никогда не узнаю...

А мои родители? Они же с ума теперь сойдут! Каково им было, когда в Турин позвонила Тея с заявлением, что я разбилась в автокатастрофе?

В этот момент мне стало понятно, что слёзы вылились ещё не все, и снова взять себя в руки я смогла далеко не сразу. Больше всего мне хотелось залезть с головой под одеяло, чтобы весь этот незнакомый мир со своими законами остался где-то в другой реальности, которая мне лишь привиделась в страшном сне. Но, если задуматься... Выбор у меня не такой уж большой. Там, на перекрёстке, как я в итоге поступила? Ведь у меня уже был шанс закончить всё и умереть!

Именно так поступила настоящая «мисс Барнс», когда пошла дальше, к свету. Я выбрала другой путь, захотела жить. Вот он, мой второй шанс – пусть и такой... своеобразный. Не упусти его! Моё настоящее тело, тело Джейн Эшфорд, должно быть, так и погибло в той аварии; мне же дали ещё одну возможность. Пускай в другом месте, в другом мире, в другом теле... но я её не упущу. Я приспособлюсь. Научусь и выживу.

Новые впечатления, как и принятие этого решения, отняли у меня слишком много сил. Едва добравшись до кровати, я снова отключилась и проспала почти целый день.

Головная боль постепенно уходила. Через три дня разглядывание трещин и узоров на потолке мне надоело окончательно и, когда горничная принесла мне на подносе бульон на обед, я потребовала ванну. Не мыться почти целую неделю – ужас какой... Девушка исчезла, и чуть погодя вернулась в сопровождении всё той же высокой женщины, которая остановилась у кровати, буравя меня строгим, недовольным взглядом. Вблизи я рассмотрела, что она была далеко не старая, но своей сухостью напомнила мне воблу. На ней было тёмно-зелёное платье с длинными рукавами и высоким глухим воротником, к которому была приколота брошь из оникса. У меня немедленно возникла ассоциация с вредной гувернанткой. Я сделала максимально честные глаза, но ту это несколько не впечатлило.

– Значит, вы уверены, что чувствуете себя хорошо, мисс Барнс? – и голос такой резкий, словно я перед ней в чём-то провинилась!

– Гораздо лучше. Спасибо, – прошелестела я, понятия не имея, как к ней обращаться.

Та неодобрительно покачала головой, но внезапно пошла на компромисс:

– Я пошлю за доктором Митчеллом.

– Вы очень добры.

Доктор появился через пару часов. «Гувернантка» вновь сначала тщательно проверила, чтобы я была до подбородка укрыта одеялом, и только потом пропустила уже знакомого толстячка с саквояжем.

– Как вы себя чувствуете, мисс Барнс? – спросил он, даже не пытаясь провести осмотр.

Я мысленно пожала плечами и ответила:

– Более чем сносно.

– Вызывает ли что-нибудь беспокойство? Что-нибудь болит?

Это был как раз тот момент, над которым я размышляла последние сутки. Раз мне предстоит выживать в совершенно незнакомом мире, нужно максимально упростить себе задачу. Пожалуй, стоило рискнуть. Ведь, судя по ощущениям, что бы ни произошло с настоящей мисс Барнс, больше всего пострадала её голова...

– У меня провалы в памяти, – выдавила я.

У молоденькой горничной расширились глаза, женщина в зелёном платье сохраняла бесстрастное лицо, а доктор отреагировал совершенно спокойно.

– Это не удивительно, ведь вы ушибли голову во время падения. Какого рода провалы в памяти вас беспокоят?

– Я не помню имена... – осторожно, словно пробуя зыбкую почву, начала я, пристально следя за реакцией присутствующих. – Не помню последних событий.

Доктор Митчелл смотрел на меня с самым живым интересом.

– И при этом вы чувствуете себя намного лучше?

– Да.

– Весьма любопытно, – пробормотал он, изобразив сочувственное выражение лица. – Мисс Барнс, пускай это вас не тревожит. Небольшая потеря памяти вполне ожидаема после этого несчастного случая. Полагаю, что память в скором времени вернётся. Мисс Грэм, – обратился он к воле. – Полагаю, мисс Барнс может подняться с постели. Разумеется, она не должна волноваться и нервничать. И выходить из дома в ближайшее время я бы не советовал...

– Благодарю вас, мистер Митчелл, – вежливо отозвалась та, и доктор, слегка поклонившись мне на прощание, пожелал скорейшего выздоровления и удалился.

Ещё через час я уже нежилась в горячей ванне. На практике это оказалась бадья, которую две горничные с трудом затащили в мою комнату и ещё полчаса наполняли горячей водой, таская тяжёлые вёдра. Закончив это дело, одна ушла, а та, которую я уже запомнила, осталась в комнате, явно ожидая от меня каких-то действий. В первый момент я растерялась, поскольку в своей реальности привыкла мыться одна, но потом вспомнила, что в старые времена (а меня, похоже, забросило в параллельный мир, отстававший от нас в развитии минимум на столетие) прислуга помогала господам при водных процедурах. Потом я подумала, что тело, в общем-то, всё равно не моё, так что стесняться особо нечего, и сбросила ночную рубашку, надоевшую мне хуже горькой редьки.

Горячая вода и ощущение чистоты позволили мне вновь почувствовать вкус к жизни.

Горничная помогла мне вымыть голову, потом я долго сидела у разожжённого камина и сушила волосы, потом та же девушка (во время купания я выяснила, что её зовут Сара) причесала меня. Моё отражение в зеркале после купания заметно похорошело: светлые волосы распустились и вьющимися волнами обрамляли привлекательное личико, которое слегка вернуло краски. В этот момент я подумала, что, пожалуй, всё складывается не так уж и плохо. По крайней мере, я попала в тело девушки из привилегированного сословия, что позволяет мне сидеть на месте и ничего не делать, пока всю работу за меня выполняют слуги.

Затем начался процесс одевания, в котором я почти не участвовала, поскольку та же Сара помогала мне одеться. Вот на этом этапе я подумала, что не так уж мне и повезло с обретением нового тела. Увидев собственными глазами количество одежды, которую на меня вознамерились надеть, я потеряла дар речи и только молча глазела на происходящее.

Сперва шла лёгкая сорочка без рукавов. Поверх неё надевался корсет, на который я уставилась, как на средневековое орудие пытки, поскольку была наслышана о том, какие травмы женскому организму он наносил. Чтобы горничная зашнуровала его, мне пришлось ухватиться за столбик полого кровати и терпеливо перенести экзекуцию, после которой дышать мне удавалось неглубоко и с трудом. Я немедленно почувствовала себя героиней Киры Найтли в фильме «Пираты Карибского моря». Потом шла ещё одна сорочка – приталенная, потом странного вида подкладка, которую мне закрепили сзади ниже талии, потом нижняя юбка... В итоге, когда на меня наконец-то надели весь наряд целиком, я обнаружила на себе чёрное строгое платье с турнюром, которые носили у нас конце девятнадцатого – начале двадцатого века. Что ж, по крайней мере, меня не занесло в дремучее средневековье, где меня вполне могли бы сжечь на костре как ведьму. И на том спасибо.

Голова кружилась от недостатка воздуха, двигаться под несколькими слоями ткани было тяжело, да и весило всё платье целиком килограммов десять. Пожалуй, теперь я могла представить себе, почему дамы раньше обязательно носили с собой нюхательные соли и по любому поводу падали в обморок. Это была не блажь, а настоящая жизненная необходимость...

Впрочем, оглядев себя в зеркало, я констатировала, что выгляжу не так уж и плохо. Ношение корсета меня по-прежнему смущало... Но зато с уверенностью можно сказать, что в своём родном двадцатом веке о такой тонкой талии я могла только мечтать.

Пока я ходила взад-вперёд по комнате, привыкая к собственной неповоротливости и стараясь найти нормальный ритм дыхания, в комнату снова зашла мисс Грэм. На меня она смотрела по-прежнему недружелюбно, но мне показалось, что она относилась к той породе людей, которые в принципе очень редко бывают чем-то довольны. В руке она держала распечатанное письмо, а на её поясе я только сейчас заметила связку ключей.

– Ваш кузен будет очень рад услышать, что вам лучше, – чопорно сообщила она. – А ваш жених прислал письмо, в котором осведомляется о вашем здоровье. Полагаю, я могу ему ответить, что опасность миновала, и свадьбу можно не переносить?

Она кивнула на лист бумаги в руках, а я ощутила острое желание изобразить умирающего лебедя и объявить, что я ещё слишком слаба для подобных новостей. Так у меня, оказывается, ещё и жених имеется?

– Ж-жених?.. – переспросила я, стараясь говорить как можно равнодушнее.

Но от мисс Грэм мой растерянный вид не укрылся, и мне показалось, что она лишь в последний миг спрятала саркастическую усмешку:

– Вы и его не помните?

Я промолчала, а она продолжила, причём на секунду мне почудилась в её голосе неприкрытая ирония:

– Рекомендую вспомнить. Весь Лондон ждёт вашей свадьбы, как самого значительного события в этом сезоне.

В этот момент в коридоре раздался какой-то шум и звон. Как выяснилось, одна из горничных позабыла в коридоре ведро, в котором носила горячую воду, а сейчас в темноте кто-то налетел на него, не заметив. На лице «гувернантки» на секунду отразилось раздражение, и она устремилась к дверям, оставив распечатанное письмо на туалетном столике.

Не обращая ни малейшего внимания на её гневный голос, доносившийся из коридора, я торопливо схватила письмо. Слова расплывались перед глазами, не желая складываться в предложения, так что в итоге я смогла разглядеть лишь дату вверху страницы.

«10 мая» – было написано там. – «1885 год».

Глава 2

Остаток дня прошёл для меня, как в тумане. К счастью, у мисс Грэм нашлись какие-то свои дела, из-за чего она до вечера не появлялась в поле зрения, а горничные были заняты работой по дому, и я осталась предоставлена самой себе. Голова кружилась, и, пока горничные убирались в моей комнате – взбивали перины, чистили камин и подметали пол, – я отправилась исследовать дом. На втором этаже я обнаружила небольшую библиотеку и, недолго думая, уединилась там. Мне было необходимо побыть в одиночестве и немного прийти в себя.

Только сейчас, увидев дату на письме, я окончательно осознала, что со мной произошло. Моя жизнь никогда не станет прежней. Мои родители, моя сестра, Шарлотта, Алекс и Мартин, в общем-то любимая работа, даже Патрик – всё осталось в совершенно другой реальности.

Впрочем, о чём это я? С хронологической точки зрения никто из них ещё даже не родился! Девятнадцатый век на дворе! От таких мыслей впору было спятить.

Я смахнула вновь набежавшие слёзы. За прошедшие дни я так и не смогла привыкнуть к тому, что вся моя предыдущая жизнь в один момент оказалась отрезана, начисто стёрта. Нельзя раскисать, надо держать себя в руках... Я знаю, знаю, но как же отчаянно мне хотелось обратно, в свой привычный мир!

Когда первое потрясение, смешанное с безнадёжностью, неохотно отступило, я снова вернулась к раздумьям, каким образом подобное могло произойти. Конечно, истории о попаданцах в фэнтези хороши, но в реальной жизни их не применишь. Ещё месяц назад я бы сказала, что то, что произошло со мной, совершенно невероятно и не поддаётся объяснению. Но, встретив настоящих магов и слегка соприкоснувшись с их миром, я уже могла сказать, что со мной случилось. Что там Майкл и Розмари рассказывали о людях, которые могут переноситься во времени, не контролируя этот процесс?

Путешественница во времени. С ума сойти, как подобное вообще возможно? Почему я? Кто-то из предков был магом, и мне не повезло унаследовать ген, отвечающий за подобную магию? Или такие перемещения происходят абсолютно произвольно, и на моём месте мог оказаться любой? Механизм «обмена телами» с той мисс Барнс был мне теперь вполне понятен. Я пошла по пути, по которому пришла она, и оказалась в её теле. Возможно, если бы она пошла по «моей» дороге, она бы очнулась в 2015 году и стала Джейн Эшфорд. Но девушка предпочла умереть и закончить всё.

Странно, но этот вывод принёс мне облегчение. При одной только мысли, что какая-то незнакомка могла занять моё место в моей семье и в моей жизни, в то время как я оказалась в ловушке здесь, у меня затряслись руки, и от тоски и безысходности захотелось завывать. Кажется, я отдала бы всё на свете, лишь бы вернуться назад!

Следующее утро началось для меня со знакомства с новым лицом. В сопровождении мисс Грэм я спустилась в столовую и только в этот момент обратила внимание на ещё одну деталь моего нового тела.

Настоящая мисс Барнс была невысокого роста. Мне, привыкшей в своём времени смотреть на окружающих чаще всего сверху вниз, было непривычно постоянно задирать голову, чтобы видеть лицо собеседника.

При нашем появлении, из-за сервированного овального стола, широко улыбаясь вскочил молодой человек, который бросился ко мне с самой живой непосредственностью, так что мне даже показалось, что он сейчас заключит меня в объятия. Но нет – он ограничился тем, что порывисто схватил меня за руки и горячо потряс их:

– Бетси, ты даже не представляешь, как я счастлив, что ты выздоровела!

Я постаралась изобразить на лице такую же радость от встречи, лихорадочно размышляя, кто это может быть. Точно не отец и не дядя – возраст не тот. Брат? В доме, где живут две женщины, мужчине, не связанному с ними родственными узами, делать было нечего.

– Сэр Перси, прошу вас, осторожнее, – строго осадила его мисс Грэм. Каким-то

невероятным образом ей удалось сочетать в своём голосе непреклонность с почтительностью. – Ваша кузина ещё недостаточно окрепла.

Так же стремительно, как взял меня за руки, он их выпустил, и в жесте раскаяния сложил ладони на груди, пока я хвалила себя за сообразительность.

– Прости, Бетси! Я такой болван!

– Ничего страшного, – я улыбнулась.

– Но, раз ты уже встала, то не откажешься от завтрака?

Он подскочил к стулу, отодвинув его красивым жестом, который у нас остался где-то в далёком прошлом, и предложил мне сесть.

Я не стала отказываться и послушно опустилась на стул, хотя в турнюре делать это было чудовищно неудобно. «Мой» брат – а точнее, кузен – тем временем помог сесть и мисс Грэм, причём ей это удалось сделать с гораздо большим изяществом, чем мне.

Молодой человек вернулся на своё место, и мы приступили к завтраку. Несмотря на предложенные яства – омлет, ветчину, кровяную колбасу, жареные грибы, тосты, рогастики, сыр и мармелад, – ела я мало. Меня здорово смутили столовые приборы – они лежали по обе стороны от тарелки небольшими рядами, как в каком-нибудь историческом фильме. Кусок в горло не лез по двум причинам: из-за давящего корсета, а также из-за сурового взгляда сидевшей напротив меня мисс Грэм. По её приподнятым бровям я поняла, что пару раз с выбором вилки и ножа всё же ошиблась. Как я уже успела убедиться, она являлась не моей гувернанткой (мисс Барнс уже точно вышла из учебного возраста), а моей компаньонкой и выполняла роль почётного эскорта и надзирательницы одновременно. И кто её ко мне только приставил? И куда делись мои родители?

Будучи не в силах в полной мере насладиться предложенными блюдами, я рассматривала окружающую обстановку и людей, составляя своё мнение. Кузен поглощал завтрак со здоровым аппетитом, не забывая поддерживать непринуждённую беседу. По большей части он говорил о светских приёмах лондонского высшего общества, в которое мы входили, и о каких-то наших общих знакомых, имена которых мне ничего не говорили. Я отвечала односложно, механически кивала и улыбалась, как китайский болванчик, так что мисс Грэм в конце концов сжалилась надо мной и объяснила молодому человеку, что я частично потеряла память.

– Бедняжка Бетси! – воскликнул он, участливо глядя на меня. – Не могу себе вообразить, каково тебе сейчас!

И продолжил рассказывать. Самочувствие «бедняжки Бетси» его, похоже, волновало на уровне обычной вежливости, что меня слегка удивило, однако не расстроило. Чем меньше окружающие обращают на меня внимание, тем лучше, по крайней мере, сейчас.

На вид кузен был примерно моим ровесником... прошу прощения, лет на пять-шесть старше меня, принимая во внимание мой новый возраст. Это был довольно привлекательный молодой человек среднего роста, светловолосый, несомненно обаятельный и очень непосредственный. Такой наверняка становится душой любой компании и с лёгкостью находит общий язык с кем угодно. С мисс Грэм он говорил с уважением, со мной – дружелюбно и слегка покровительственно. Но почему двоюродные брат и сестра вдруг живут под одной крышей? И где родители этой девушки, которые за несколько дней никак не давали о себе знать? На ум пришла вполне очевидная догадка, и я ещё раз оглядела окружающих. На кузене – кстати, было бы неплохо узнать его имя – был серый сюртук, на нас с мисс Грэм – тёмно-серые унылые платья. Никаких ярких цветов или украшений. Чтобы проверить свои подозрения, я непринуждённо поинтересовалась:

– Могу ли я сегодня ненадолго выйти из дома? Мне хотелось бы прогуляться. Немного развеяться.

От перспективы в одиночестве гулять по Лондону девятнадцатого века мой живот скрутило, но мне было необходимо проверить реакцию остальных.

– Доктор Митчелл сказал, что вам пока рано выходить, – непреклонно изрекла мисс Грэм и нахмурилась, из-за чего тонкие черты её лица заострились ещё больше. – И понятие «развлекаться» в вашем положении неуместно. Дождитесь окончания траура.

Что и требовалось доказать. Осталось только выяснить, кто из родителей недавно умер. Кстати, сколько времени с этого печального события могло пройти? Год? Вероятно, раз траур уже нестрогий. В противном случае мы бы все были облачены в чёрное.

– Мисс Грэм, не будьте столь суровы, – добродушно вмешался кузен и сочувственно улыбнулся мне. – У Бетси срок траура почти истёк. И не забудьте, что через каких-то два месяца она выходит замуж. Свадьба ведь уже второго июля!

Вот это поворот!

– Что тоже не слишком поощряется обществом, – с упорством средневекового монаха, доказывающего, что Земля плоская, продолжила за него мисс Грэм. – Раз вы, сэр Перси, настаиваете на том, чтобы свадьба не переносилась, то вашей кузине следует соблюдать приличия, как всякой благовоспитанной девице. Но всё равно, свадьба сразу после траура...

– Это не только моё желание, так пожелал и граф, – молодой человек пожал плечами, хотя по его лицу становилось понятно, что пожелание графа он целиком разделял. – Твой жених, Бетси, выразил надежду, что твоя болезнь не повлечёт за собой отмену свадьбы, и я его поддержал. Граф был очень рад, что тебе стало лучше.

– Я польщена, – пробормотала я, за что заслужила долгий задумчивый взгляд мисс Грэм, и мысленно дала себе оплеуху. Нельзя здесь так говорить! Не расслабляйся, следи за каждым словом!

Признаться, известие, что меня забросило в Лондон в конец девятнадцатого века, меня не слишком обрадовало. Викторианская эпоха... Не так уж много я о ней знала. Мои родители-историки занимались итальянским Возрождением и эпохой Просвещения и, следовательно, разговоров о девятнадцатом веке у нас дома не велось. Все мои познания об этой эпохе были почерпнуты из фильмов и исторических романов, вроде «Джен Эйр» или книг Диккенса. Но и то, что мне было известно, оптимизма не внушало. Медицина, гигиена, наука, техника, конечно, уже развились до вполне сносного состояния, но с родным двадцатым первым веком не сравнить. Электричество постепенно входит в повседневный обиход, телефон, кажется, тоже уже изобрели, но о развитых технологиях моего времени теперь можно забыть. Чёрт, да Джек-Потрошитель начнёт убивать своих жертв только через три года! Что ещё я знаю об этой эпохе? Множество ограничений для женщин, особенно высокого происхождения – нельзя выходить из дома в одиночку, нельзя оставаться с мужчиной наедине ни на секунду, если только вы не родственники, нельзя разговаривать с незнакомцами... Неудивительно, почему мисс Грэм так тщательно следила, чтобы я была целиком укрыта одеялом, прежде чем впустить в комнату врача. Феминизм здесь пребывает в самом зачаточном состоянии, и для женщины существует всего один вариант устроиться в жизни – выйти замуж. Я ничего не имела против замужества и детей в целом, но не когда она становилась единственным способом самореализации. Правда, насколько я помню, девушки-бесприданницы, которые не могли найти себе мужей, становились компаньонками или гувернантками и своими силами зарабатывали себе на хлеб. Однако в семьях, где им приходилось работать, они занимали промежуточное положение между хозяевами и прислугой, и потому последняя относилась к ним без какого-либо почтения.

Я бросила быстрый взгляд на мисс Грэм. Пожалуй, здесь всё же ситуация зависит от каждого человека по отдельности, поскольку эту даму не только прислуга, но и мой кузен побаивается...

Надо бы выяснить, кто является моим женихом. До свадьбы меньше месяца, так что времени у меня осталось мало. Если не понравится – найти способ разорвать помолвку и избежать брака, поскольку мне совершенно не улыбалось провести остаток жизни в зависимости от человека, который не вызывает у меня никаких положительных чувств. Только этого не хватало! Никому не позволю мной управлять! Уж лучше стать компаньонкой, честное слово!

Последняя мысль натолкнула меня на новые размышления. Насколько завидной

невестой я здесь считаюсь? Мисс Грэм обратилась к кузену «сэр» – значит, вероятнее всего, он баронет, одна из низших ступеней в иерархии английских пэров. А моего жениха называли графом? Титул более высокий, несомненно, и тогда неудивительно, что кузен не пожелал отменять свадьбу: ведь громкое имя в Англии весило больше любого состояния. А вот зачем тогда этот неизвестный граф решил жениться на мне, сестре баронета? По большой и чистой любви? Может, у меня огромное приданое, и, если открыть входную дверь, то можно будет увидеть очередь из безутешных поклонников, жаждущих моей руки?

Я обвела столовую задумчивым взглядом, вспомнила трещины на потолке в моей комнате, потемневшие обои, и качнула головой. Нет, вряд ли. Дом явно нуждается в ремонте, да и прислуги почти нет. Я видела только двух горничных, включая Сару, и на кухне наверняка имеется кухарка. А вот в столовой нам с мисс Грэм стулья отодвигал сам Перси, не предоставив это важное дело лакеям, которых, скорее всего, просто нет. Потом посмотрела на связку ключей, которая по-прежнему была пристёгнута к поясу компаньонки. Мисс Грэм, должно быть, выполняет ещё и роль экономки, и тогда можно с уверенностью сказать, что финансовое положение этой семьи оставляет желать лучшего. У них просто нет денег, чтобы нанять прислугу.

Впрочем, возможно, у меня есть какое-то приданое, которое закреплено строго за мной и должно будет перейти будущему мужу – это было единственное объяснение, которое я смогла придумать в качестве основания желанию графа срочно жениться на мне, невзирая на травму головы и траур. Есть, конечно, вероятность, что он без ума от моего ума и неземной красоты, но особо я бы на это рассчитывать не стала. Кстати, а есть ли у меня в данный момент хоть что-то, что принадлежит только мне? Когда женщины в Англии получили право наследовать имущество и распоряжаться им? Не помню, хоть убей...

– Не огорчайся, Бетси, – сэр Перси ободряюще улыбнулся. – Как только ты станешь графиней, сможешь снова ездить с визитами, принимать гостей и кататься верхом. Надеюсь, это досадное происшествие в Гайд-парке не повлияло на твою любовь к верховой езде?

Час от часу не легче! Я, оказывается, ещё и верхом катаюсь!

– Мммм... – неопределённо промычала я, мысленно вызывая к мисс Грэм, умоляя её вмешаться и ответить за меня. Но эта гримза продолжала маленькими глоточками пить чай, глядя на меня с выражением самого вежливого ожидания, и я промямлила:

– Не уверена, что смогу в ближайшее время сесть на лошадь...

– Понимаю, Бетси, – кузен вздохнул. – Даже не знаю, что тогда нашло на Нелли. Она же всегда была такая смиренная! Что могло так напугать её в парке? Никто и предположить не мог, что она сбросит всадницу, да ещё на полном скаку!

Ах, вот что со мной произошло! Падение с лошади... ясно. Настоящая мисс Барнс, должно быть, пресильно ударила головой и расшиблась. И ей полагалось умереть из-за этого несчастного случая, а тут появилась я.

Но, как бы то ни было, ни о какой верховой езде не может быть и речи. Я к лошади и подойти-то побоюсь, не то, что забраться на неё и попробовать прокатиться...

Сколько же ещё будет таких промахов? Сколько всего должна уметь благовоспитанная молодая леди в девятнадцатом веке, чего не умею я? Рукодельничать, допустим, с грехом пополам я смогу. А танцы? Игра на музыкальных инструментах? Пение? Рисование? Вот здесь я опозорюсь по полной программе, потому что ничем таким в жизни не занималась. Надо выяснить – может, здесь в высшем обществе кто-нибудь увлекается древнеирландским? Вот тут я бы смогла проявить себя как неплохой собеседник... Чего ещё следует ожидать от тысяча восемьсот восемьдесят пятого года?

В этот момент меня прошиб холодный пот, несмотря на тёплое помещение и килограммы одежды на мне. Чёрт возьми, как я не подумала об этом раньше? Тысяча восемьсот восемьдесят пятый год! Сколько раз я видела эту цифру и слышала о ней за последний месяц! Тот самый год, когда в Лондоне совершали жертвоприношения! Год, когда маги обратились за помощью к обычному человеку, когда был убит колдун, а

Джеймс стал тёмным магом! Волнение, охватившее меня, было настолько сильным, что у меня едва хватило сил усидеть на месте, а не вскочить и не начать кружить по столовой.

Так. Что теперь делать? Если верить словам Розмари, в девятнадцатом веке убийства всколыхнули весь Лондон. К сожалению, в Интернете или по телевизору последние новости здесь не узнаешь. Почитать местные газеты? Хорошая мысль... Я скользнула взглядом по лицам собеседников и чуть улыбнулась. Можно поступить ещё проще. Сэр Перси и мисс Грэм должны были хоть что-то о них слышать. Как бы мне теперь аккуратно расспросить, что обычные люди знают о проведённых ритуалах?

Призвав на помощь все свои филологические знания, и перебрав в памяти корешки книг, которые я вчера видела в библиотеке, я ещё пару секунд помедлила и ринулась с места в карьер:

– Дорогой кузен, а не читал ли ты в недавнем времени книги Мэри Шелли?

Если перемена темы его и удивила, то он этого никак не показал, а охотно откликнулся:

– В недавнее время – нет, но её роман «Современный Прометей» я когда-то прочитал с большим удовольствием. А почему ты спрашиваешь, Бетси? Неужели тебя заинтересовали готические романы?

– О да! – горячо подтвердила я, и у мисс Грэм одна бровь взмыла высоко вверх. Кузен же, кажется, не видел ничего подозрительного. – Это было очень интересное чтение. И страшное! Я несколько ночей не могла уснуть!

– Стоит ли в таком случае молодой девушке читать подобные вещи? – с мягкой укоризной попенял он мне, но я лишь мило улыбнулась и похлопала глазами. Учитывая несколько кукольную внешность мисс Барнс, должно было получиться весьма наивно.

– Возможно, ты прав, кузен, – и смиренно опустила взор в тарелку. – Но я так счастлива, что подобным ужасам нет места в настоящей жизни! Что не существует подобных монстров, и никто не будет убивать людей в таких количествах!

В этот момент глаза пришлось поднять, чтобы не пропустить реакции окружающих, но она меня заметно разочаровала. Я ожидала тревоги, растерянности, удивления, гнева – любых эмоций, которые подтвердили бы, что я права. Но вместо этого сэр Перси только рассмеялся.

– Глупости, Бетси. Не беспокойся, это всего лишь книга. Бояться нечего!

– Мисс Барнс, вам стоит воздержаться от чтения подобных вещей, – холодным тоном добавила мисс Грэм и возмущённо фыркнула. – Читать такие отвратительные романы! Как вульгарно!..

Я сделала виноватое лицо, но в мыслях была уже далеко отсюда. Странно. Либо Розмари сильно приукрасила действительность, и на самом деле далеко не весь Лондон был осведомлён об убийствах... Либо меня забросило в какую-то иную реальность, где эти ритуалы вовсе не происходили.

Глава 3

Следующие два дня прошли совершенно тихо и спокойно. Для меня, ожидавшей на каждом шагу какого-то подвоха, подобное затишье стало неожиданностью. Разумеется, я ничего не имела против, и попыталась использовать это время с толком, стараясь разобраться в происходящем, чтобы побыстрее приспособиться к новым условиям. Сделать это за такой короткий промежуток времени в ограниченном четырьмя стенами пространстве было не так просто, но кое-какие выводы напрашивались сами собой.

Мой круг занятий и впрямь оказался крайне ограничен. Чтение, вышивание, раскрашивание экранов для светильников – вот, по большому счёту, и всё. Правда, в доме была ещё музыкальная комната, где я видела фортепьяно, но я старательно обходила её по широкой дуге, поскольку боялась, что мисс Грэм усадит меня играть. Из дома я в эти дни не выходила, да и подозревала, что в ближайшее время самое большее, куда мне позволят сходить, – это в церковь. Многокилограммовые длинные платья до пола и корсеты здорово отравляли жизнь, и ещё я мечтала о горячем душе и кондиционере. С наступлением темноты меня одолевала скука – и хотя уличное освещение в конце девятнадцатого века уже было преимущественно электрическим, в домах продолжали использовать газовое, которое, конечно, заметно уступало в яркости. Портить внезапно обретенное зрение мне не хотелось, и потому по вечерам я не пыталась ни читать, ни рукодельничать, а вместо этого обдумывала свои впечатления от проведённого дня.

Из подслушанных обрывков разговоров горничных, из сухих замечаний мисс Грэм, поведения сэра Перси и всех своих призванных на помощь знаний о нашей истории я установила, что отец мисс Барнс был баронетом. Около года назад он попал под сильный дождь и промок насквозь. Простуда переросла в сильную лихорадку и, по всей видимости, воспаление лёгких. После его скоростной смерти титул и большая часть имущества перешли к ближайшему наследнику мужского пола – его племяннику Перси. Насколько я могла судить, он и раньше был легкомысленным молодым человеком, а получив наследство от дяди, с удвоенным рвением ринулся его проматывать. Собственно, дома я видела сэра Перси только по утрам. Вскоре после завтрака он отправлялся со своими друзьями в клуб или на скачки, или на иные развлечения и возвращался домой далеко за полночь, когда мисс Грэм уже загоняла меня спать. Сначала я удивилась, почему кузену можно было свободно бывать в свете, а мне нет, хотя родственника мы, вроде, лишились вместе. Но потом оказалось, что сроки траура у нас различались: мне, потерявшей «отца», следовало ждать год; ему же, потерявшему дядю – всего несколько месяцев. Ох уж эта викторианская мораль с её нормами...

Я же – сирота и единственная дочь сэра Реджинальда Барнса – перешла под опеку двоюродного брата, и тот видел теперь свою задачу в том, чтобы обеспечить мне достойное будущее. Говоря проще – найти мне респектабельного мужа, за которым я буду, как за каменной стеной. Задача оказалась не из лёгких, потому что финансовое положение невесты было весьма скромным. Когда я убедилась, что в доме почти не было прислуги, то заподозрила, что наследство сэра Реджинальда было не таким уж и большим, а мисс Грэм потом подтвердила мне это, когда напомнила о важности моего замужества. Как выяснилось, семья Барнсов была на грани разорения, и из имущества у неё оставались всего лишь дом в городе и небольшое полуразрушенное поместье где-то в Корнуолле, которое грозило в скором времени превратиться в руины. На его восстановление потребовались бы немалые средства, которых у семьи попросту не было. Предыдущий баронет Барнс был очень образованным и увлечённым человеком, который интересовался историей, географией, литературой, иностранными языками и не сделал ничего, чтобы хоть как-то улучшить собственное благосостояние. Дом ветшал, прислуга расходилась, пока не остались лишь две горничные и кухарка; поместье разваливалось, и с появлением нового баронета ситуация продолжала ухудшаться.

А потом выяснилась деталь, которая заинтересовала меня ещё больше. Городской дом после смерти сэра Реджинальда по умолчанию перешёл к Перси как к ближайшему наследнику мужского пола, а вот владелицей поместья в далёкой глуши внезапно стала я – это было оговорено в завещании особым пунктом. В первый момент эта новость меня приятно удивила – всегда приятно сознавать, что у тебя есть какое-то имущество, – а потом я сообразила, что от этого наследства толку всё равно не будет. Кому нужен клочок земли с разрушенным домом где-то у чёрта на рогах? Зачем его вообще оставили

лично мне? Из каких-то сентиментальных воспоминаний?

Вот и сэр Перси несколько не расстроился из-за того, что поместье досталось не ему, и начал подыскивать кузине жениха, прекрасно понимая, насколько сложное дело ему предстоит. Подыскивал он деликатно, пока только присматриваясь к возможным претендентам – всё-таки Барнсы соблюдали траур, и общество осудило бы излишнее рвение даже в столь важном вопросе. Но вмешалось Провидение – иначе это не назовёшь, – и некий граф изъявил самое горячее желание жениться на мне сразу после окончания траура. Такая поспешность меня искренне удивила – приданое у невесты было весьма скромным, громкого имени у неё не было, в свете особым успехом она не пользовалась, да и с женихом была едва знакома. Моё богатое воображение немедленно нарисовало перед глазами дряхлого, уродливого и похотливого старика, возжелавшего юную и прекрасную меня, и я рассмеялась при виде этой картинки. Вот что делают привычные стереотипы, прочитанные романы и просмотренные фильмы!

Но подозрение, что дело здесь нечисто, меня не отпускало. Кузена же если такая поспешность и удивила, то он предпочёл закрыть на неё глаза. Судя по тому, что я успела о нём узнать, сэр Перси был, в общем-то, неплохим человеком. Ко мне он относился дружелюбно, но за личность как таковую не считал – что неудивительно для эпохи, где женщины только начинают отстаивать свои права. К сватовству графа он отнёсся более чем благосклонно, потому что родство с носителем такого титула открыло бы перед ним ранее закрытые двери, да и от лишних двух ртов в лице нас с мисс Грэм он бы избавился.

Компаньонка, кстати, жила в этой семье уже семь лет и приходилась Барнсам какой-то дальней родней – настолько дальней, что определить степень родства, кажется, затруднялась даже она сама. Для Барнсов она оказалась настоящим спасением. Жена сэра Реджинальда умерла много лет назад, и неуклонно приходящее в упадок хозяйство должен был кто-то поддерживать. Появление на пороге дальней родственницы, оставшейся без средств к существованию и перешедшей в разряд старых дев, оказалось как нельзя более кстати. Поначалу мне казалось, что эта дама представляет из себя классический вариант злой «гувернантки», по любому поводу придирающейся к своей подопечной, но вскоре я убедилась, что это было не так. То есть, когда я попадалась ей на глаза, мисс Грэм не упускала случая сделать мне замечание (и подозреваю, что в большинстве своём они были по делу), однако она вовсе не стремилась всё время держать меня в поле зрения и контролировать каждый мой шаг. Вовсе нет, днём, когда сэра Перси не было в особняке, она могла оставаться в своей комнате, заниматься какими-то хозяйственными делами, а то и вовсе уходила из дома и пропадала по много часов.

Таким образом, я оставалась предоставлена самой себе. Компании у меня не было: у горничных весь день был расписан по минутам, так что я только видела, как они убирали комнаты, чистили камин, стирали, гладили, чинили одежду, по очереди ходили за покупками с полной пожилой женщиной – кухаркой Барнсов, последней обитательницей этого дома. Со мной они предпочитали держаться на расстоянии. С визитами к Барнсам тоже никто не приходил, что меня несколько удивило. Да, мисс Барнс продолжала соблюдать траур, но это была уже его последняя стадия, когда в одежде допускаются, помимо чёрного, неяркие цвета, и можно понемногу выходить в свет. Ведь настоящая Бетси погибла из-за несчастного случая в парке! Однако никто из знакомых семьи не спешил меня навещать, и даже от загадочного жениха весточек больше не было. Я даже слегка обиделась – у него невеста чуть не погибла, а он не удосужился не то что её навестить, но даже написать ей! Тогда за каким чёртом ему понадобилось жениться?

Размеренный ход дней оказался прерван на четвёртое утро после моего выздоровления. Завтрак прошёл в уже привычной «домашней» обстановке, и сэр Перси вскоре отбыл на очередное развлекательное мероприятие. Мисс Грэм же доставили утреннюю почту, и она бегло просмотрела несколько конвертов, прежде чем её внимание надолго занял последний. Пробежав глазами письмо, она бесстрастно поведала:

– Вашего кузена и вас леди Вейлор приглашает на завтрашний музыкальный вечер, который она организует.

По её каменному лицу было невозможно понять, какое впечатление на неё произвела данная новость, и я как можно нейтральнее спросила:

– Я могу отправиться туда?

– Если вы хорошо себя чувствуете, – последовал невозмутимый ответ.

Я искоса взглянула на неё. Компаньонка теперь смотрела скорее задумчиво, и в этот момент мне показалось, что до меня ей не было абсолютно никакого дела. Она думала о чём-то своём, и в мыслях была далека от светского приёма.

– Стоит спросить ещё позволения вашего кузена, – добавила она, и я вернулась в реальность. – Особенно если он не пожелает составить вам компанию.

Я с умным видом кивнула, и тут в дверь постучали. На пороге показалась горничная, которая, сделав книксен, вежливо сообщила:

– С вашего позволения, мисс, сэр Гаррет Уинслоу ожидает вас в гостиной. Он просит прощения за несвоевременное вторжение, но утверждает, что у него очень важное дело.

При произнесении этого смутно знакомого мне имени с бледного лица мисс Грэм точно сорвали маску: губы дрогнули, а в глазах словно сверкнула молния. Но это продлилось какую-то долю секунды, так что я даже усомнилась в том, что это действительно было, и женщина вновь стремительно взяла себя в руки. Поднявшись на ноги, она выпрямила худую спину и холодно процедила:

– Как вульгарно! Он же не представлен! Он сказал, зачем пришёл?

– Нет, мисс.

– Хорошо, – мисс Грэм поразмышляла ещё пару секунд, а затем кивнула горничной:

– Мэри, скажи ему, что я сейчас приду.

– Прошу прощения, мисс, – вид у девушки сделался испуганный, словно она боялась разозлить грозную домоправительницу и компаньонку барышни в одном лице. – Но он утверждает, что должен увидеть мисс Барнс.

– Мисс Барнс?.. – переспросила та, и недоумённо посмотрела на меня, словно вспоминая, кто я такая и откуда здесь взялась. – Даже так? Это любопытно. Пойдёмте, мисс Барнс. Не стоит заставлять джентльмена ждать, – обратилась она ко мне вполне нормальным голосом, а затем, словно сообразив, что выбилась из образа, сурово сдвинула брови и поджала губы. Это сразу состарило её на несколько лет.

– Какая невоспитанность! Появиться в этом доме, не будучи представленным, да ещё во время траура!

Я послушно последовала за ней, не имея ни малейшего представления, кто этот посетитель и зачем ему нужно увидеть меня. Как себя вести? А если кто-нибудь догадается, что я не настоящая мисс Барнс? Я ведь столько ещё не знаю об этом времени... С присутствием компаньонки во время встречи я уже мысленно смирилась, вспомнив, что в викторианскую эпоху не допускалось даже на минуту оставить незамужнюю девицу наедине с мужчиной, да ещё незнакомым. Какой-то абсурд, честное слово...

При нашем появлении в гостиной с дивана поднялся немолодой человек среднего роста с аккуратно подстриженной бородкой клинышком и слегка поклонился. Он был сед, на носу у него находилось пенсне в золотой оправе. На столе рядом лежал котелок, что означало, как я успела узнать из правил этикета, что гость пришёл ненадолго. Удивительно, но почему-то его благообразные черты показались мне смутно знакомыми. Чуть полнейшая, ведь я даже ещё ни разу не выходила здесь на улицу и не успела обзавестись никакими знакомствами. Но человека напротив я определённо видела раньше. Только где?

Мы с мисс Грэм синхронно присели в реверансах – судя по недовольному взгляду, брошенному на меня компаньонкой, реверанс у меня тоже получился кривой, но мужчина напротив не обратил на это никакого внимания.

- Здравствуйте, мисс Барнс, – поприветствовал он меня и кивнул компаньонке. – Мисс Грэм. До меня дошли слухи о том ужасном происшествии в Гайд-парке, и я счастлив видеть вас в добром здравии, мисс Барнс.

- Благодарю вас, сэр.

- Я должен попросить прощения за мой визит. Надеюсь, вы простите мне мою бесцеремонность, но дело, вынудившее меня нарушить ваш покой, чрезвычайно важное. Мисс Барнс, меня зовут сэр Гаррет Уинслоу. Я близко знал вашего покойного батюшку. Возможно, он упоминал обо мне?..

Я машинально покачала головой, стремительно копаясь в собственной памяти. Неспроста этот человек показался мне знакомым – имя я тоже явно слышала раньше... Мисс Грэм вздёрнула брови, но промолчала, а сэр Гаррет не удивился.

- Мисс Барнс, я возглавляю историческое общество, в которое входил ваш уважаемый отец. Его образованность всегда вызывала восхищение, и он очень многое сделал для нашего общества. Я хотел бы принести вам свои самые искренние соболезнования по поводу утраты.

Я кивнула с постным видом и пробормотала слова благодарности, ожидая основной части. Ох уж эти светские условности... А вот слова собеседника меня не удивили – об увлечении Реджинальда Барнса историей при мне уже неоднократно упоминали кузен и компаньонка.

- Мы полагаем, что у вашего батюшки осталась вещь, изначально принадлежавшая нашему историческому обществу, – наконец перешёл к делу сэр Уинслоу, вперив в меня пристальный взгляд сквозь стёклышки пенсне, наблюдая за моей реакцией.

Мне пришлось его разочаровать – эти слова не говорили мне ни о чём, и я продолжала смотреть с миной вежливого ожидания на лице.

- Эта вещь очень важна и представляет из себя деревянную шкатулку со старинными символами. Возможно, вы могли найти её в личных вещах сэра Реджинальда...

- Сожалею, сэр Гаррет, но нет. Мы совершенно не представляем, что вы можете иметь в виду, – ответила за меня мисс Грэм. Она сидела почти неподвижно, но я заметила, что она взволнованно сжимала в руках носовой платок с вышитыми инициалами «АГ». Кажется, моя компаньонка, больше напоминавшая статую, чем живого человека, как раз имела о происходящем вполне конкретное представление, но не собиралась делиться им с окружающими. – Мы не находили ничего подобного. Возможно, вы заблуждаетесь, и у сэра Реджинальда этой вещи никогда не было?

- Может быть, она просто не в Лондоне, – не согласился гость, всё так же благожелательно улыбаясь. – Может быть, она осталась в Корнуолле?..

Мисс Грэм осеклась. По её задумчивому виду я поняла, что последний аргумент показался ей вполне убедительным.

- Это... маловероятно, – наконец сообщила она.

Сэр Гаррет словно понял, что ничего сейчас не добьётся, и решил сменить стратегию.

- Мисс Барнс, мисс Грэм, я прошу вас поискать эту вещь. Она очень важна для наших исследований, и я уповаю на то, что она к нам вернётся.

- Разумеется, – с самым серьёзным видом пообещала мисс Грэм. Я кивнула, подтверждая её слова, и пожилой джентльмен поднялся.

- Благодарю вас за участие, – он поклонился. Мы тоже поднялись, сделали положенные реверансы, и он, взяв котелок, направился к дверям. Мисс Грэм провожала его взглядом, и на её губах играла лёгкая полуулыбка, которую я видела на её лице впервые.

У меня не было никаких сомнений, что сразу после ухода сэра Гаррета она сделает мне строгий выговор за отсутствие манер и неумение вести себя на людях, но к моему громадному удивлению, ничего такого не последовало. Даже не взглянув в мою сторону,

мисс Грэм немедленно устремилась к себе, словно вспомнив о каком-то неотложном деле, и закрылась в своей комнате. Её странное поведение меня слегка озадачило, но думать о нём мне не хотелось. Вместо этого я сразу отправилась на второй этаж в библиотеку, совмещённую с кабинетом, в котором когда-то занимался сэр Реджинальд. Никаких дел всё равно не было, а слова сэра Гаррета меня вдруг заинтриговали. Что же такое важное могло быть у отца мисс Барнс, что историческое общество без этого жить не может? Конечно, вероятность того, что я сейчас что-то найду, невелика – ведь после смерти баронета его вещи наверняка разбирали, и раз уж в них ничего не нашли, мои поиски тоже скорее всего не увенчаются успехом.

Убедившись, что мисс Грэм у себя, и в пределах видимости нет никого из горничных, я закрыла дверь, села за письменный стол и решительным движением выдвинула верхний ящик. Никаких угрызений совести я не испытывала, поскольку ещё не успела проникнуться к моему новому окружению какими-то сильными чувствами. Бумаг в ящиках оказалось много, но ничего интересного я не обнаружила – связки писем, старые гроссбухи, по которым можно было оценить состояние имущества Барнсов, какие-то книги... Перерыв весь стол, я, в конце концов, устало откинулась на спинку стула и задумчиво посмотрела в окно.

Ладно. Если бы я была увлечённым, далёким от мира историком и мне в руки попала важная вещь, куда бы я её спрятала?

Взгляд сам собой переместился обратно на письменный стол. Но на этот раз я поступила по-другому – аккуратно доставала из ящиков содержимое и простукивала деревянные стенки в поисках тайника.

Удача улыбнулась мне на одном из последних ящиков. В первый раз я лишь без интереса просмотрела старые бумаги, а сейчас обратила внимание, что изнутри ящик выглядит гораздо меньше, чем снаружи. Тогда я осторожно ощупала его со всех сторон и нашла небольшую пружину, которую старательно подцепила ногтем.

Там оказалось двойное дно. Однако в спрятанном от посторонних глаз отделении не было никаких загадочных ценных предметов. Вместо них обнаружилась небольшая книга в кожаном переплёте. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это была не книга, а дневник, который, похоже, пролежал здесь все эти месяцы после смерти автора. Бумаги сэра Реджинальда в столе должны были просмотреть либо сэр Перси, либо мисс Грэм, а наличие дневника так и осталось для них тайной... Раздумывая над этим, я раскрыла его, и из книги спикировал на пол конверт, которым были заложены страницы. Я подхватила его, и достала из конверта сложенный вчетверо лист бумаги. Там оказалась записка, которую я аккуратно расправила на коленях.

«Моя милая Бетси! Если ты читаешь эти строки, это означает, что меня больше нет. Я сожалею, что оставил тебя одну, но верю, что ты справишься и сможешь идти дальше. Ты всегда была сильной, дорогая, и потому у меня будет к тебе последняя просьба – сожги мой дневник. В нём знания, которые ни в коем случае не должны попасть в чужие руки. Я знаю, ты поступишь правильно. Желаю тебе быть счастливой всю жизнь. Нежно любящий тебя, папа».

А у сэра Реджинальда были весьма тёплые отношения с дочерью. Кажется, баронет её очень любил... От этой мысли стало как-то грустно. Он написал ей эти тёплые слова, которые она никогда не прочтёт. Вместо неё их увидела я – совершенно чужой человек, которому они не предназначались, и который ничего не знал об этой семье.

Однако интересно, что же такое написано в дневнике, что его обладатель пожелал его сжечь? И хотелось бы знать наверняка – после смерти сэра Реджинальда кто-то всё же брал его дневник в руки? Кто-то узнал о «знаниях, которые не должны попасть в чужие руки»? И насколько эти знания на самом деле были важны? Что такого опасного мог знать человек, состоявший в историческом обществе и увлекавшийся готическими романами, вроде того же «Франкенштейна» Мэри Шелли или «Удольфских тайн» Анны Редклиф, которые я видела на книжных полках?

На последней мысли в моей голове что-то щёлкнуло, и я глубоко вздохнула, когда несколько деталей головоломки встали на свои места. Вспомнилась моя собственная прежняя жизнь – маскировка под исторический кружок и знания, которых не может быть у обычных людей.

Желая подтвердить свою догадку, я пролистнула несколько страниц и убедилась в собственной правоте. Дневник, похоже, не представлял особого интереса для окружающих по той причине, что все записи в нём были на древнеирландском. Совершенно серьёзно – сэр Реджинальд не ленился вести его на мёртвом языке, чтобы защитить от постороннего внимания. Прочитав две страницы, я откинулась на спинку кресла и посмотрела в окно.

Сэр Реджинальд, отец мисс Барнс, был Искателем. И вот почему лицо и имя сегодняшнего пожилого джентльмена показались мне знакомыми – сэр Гаррет Уинслоу возглавлял «Общество Искателей» во второй половине девятнадцатого века. Его портрет висел в коридоре у кабинета Патрика, и я видела его тысячу раз.

Глава 4

Когда мисс Грэм на следующее утро напомнила мне о приглашении на музыкальный вечер, я испытала мимолётное разочарование, хотя ещё вчера радовалась, что у меня наконец-то появилась возможность выйти за пределы четырёх стен. Причина крылась в найденном дневнике, который теперь лежал в ящике туалетного столика и который я собиралась прочитать от первой до последней страницы. Внезапное открытие, что семья Барнсов имела самое прямое отношение к Искателям, подействовало на меня удивительным образом: я словно стряхнула с себя оцепенение, охватившее меня с самого первого момента нахождения в этом времени. Это было сравнимо с тем, как если бы я случайно встретила старого друга в незнакомом городе, где все тебе чужие. Глупо, наверное... Ведь здешнее Общество Искателей отличается от того, в которое входила я. Более того – насколько я помню историю Искателей, предыдущее Общество оказалось уничтожено как раз в девятнадцатом веке и восстановилось только несколько десятилетий спустя. Но всё равно, обнаружить здесь частичку моей прежней жизни было сродни пробуждению, и главным чувством, которое я теперь испытывала, был азарт. Меня разбирало любопытство – что же такое было записано в дневнике, что его автор завещал дочери уничтожить записи?

Впрочем, мисс Грэм о переменах в моём настроении не было известно, и когда она зашла в мою комнату с напоминанием, что пора собираться на вечер, я едва успела спрятать дневник. Разумеется, не было ничего странного в том, что я забрала его себе – окружающим можно было бы наврать что-нибудь слезливое на тему, что это память об отце, – но вот если бы кто-нибудь увидел, что я читаю записи на неизвестном языке, точно возникли бы вопросы. С мисс Грэм я предпочла не спорить и без возражений позволила Саре облачить меня в очередное тёмно-лиловое платье с небольшим турнюром.

Из дома мы вышли втроём – мисс Грэм, я и сэр Перси. Тот участливо расспрашивал меня о моем самочувствии и настойчиво рекомендовал не мучить себя и немедленно отправиться домой, если в гостях мне вдруг делается дурно. Мисс Грэм лаконично отвечала ему вместо меня, что не спустит с меня глаз и проследит, чтобы всё было в порядке. Моё участие в разговоре не требовалось вовсе.

Когда мы вышли на улицу, я с трудом удержалась, чтобы не начать крутить головой во все стороны. Идти пришлось буквально несколько шагов, потому что к порогу подали экипаж, а мне хотелось рассмотреть викторианский Лондон. Движение на улицах было весьма оживлённым – не сравнить, конечно, с автомобильным, но всевозможных телег, повозок, экипажей, кэбов было столько, что вполне можно было встать в пробку. Прохожие спешили по своим делам, как в любом мегаполисе двадцать первого века. Рассмотреть улицу детально мне не удалось, во-первых, из-за сумерек, а во-вторых, из-за тумана, который почему-то был тёмного оттенка. Из-за него же создавалось впечатление, будто на улице нет никаких ярких цветов. Несмотря на преобладание коричневых и серых тонов, которые делали окружающую картину весьма мрачной, я всё равно почувствовала душевный подъём из-за возможности подышать свежим воздухом и вдохнула полной грудью. Точнее, попыталась, потому что напрочь позабыла о корсете, который по-прежнему не позволял дышать нормально. Но и неглубокого вдоха хватило, чтобы закашляться от неожиданности. В воздухе витал какой-то странный горчащий привкус, который мне не с чем было сравнить. Только в карете я догадалась, что это было – угольный смог. Ведь в девятнадцатом веке все камины и печи в Лондоне топили только углём...

Пффф. И кто-то ещё ругает современные города, что в них дышать нечем. Они просто в викторианской Англии не жили!

– Надеюсь, Бетси, твоя травма не уничтожила твою любовь к лошадям? – дружелюбно поинтересовался сэр Перси, когда мы сели в карету и кучер захлопнул за нами дверцу. Затем транспортное средство слегка накренилось – кучер забрался на козлы, – и мы двинулись с места.

– Что заставило тебя так думать, кузен? – удивилась я, не имея ни малейшего понятия, что привело его к подобному выводу.

– Ты и глазом не моргнула, когда увидела Нелли, хотя раньше обязательно подошла бы

погладить её, – пояснил тот. – Или ты всё ещё сердишься на неё за то, что она сбросила тебя в парке?

Прокол! Значит, Нелли – лошадь Барнсов, которая сбросила Бетси, а сейчас запряжена в карету?

– Как можно на неё злиться, кузен? – с доброжелательной улыбкой спросила я, надеясь, что в полумраке кареты никто не заметит, какого труда мне стоило изобразить спокойствие. поскольку я не знала, какой ответ показался бы им убедительным. – Но ты отчасти прав. После случившегося я пока не могу подходить близко к лошадям. Сразу в памяти всплывает тот ужасный день...

Я картинно вздохнула и прикрыла глаза, изображая слабость. Сэр Перси немедленно почувствовал свою вину и принялся извиняться за то, что навёл меня на неприятные мысли, восклицая, какой он осёл. Я слабым голосом, но с выражением самой искренней любезности заверила его, что всё в порядке. На этом мы закрыли тему, вполне довольные друг другом. Я отвернулась было к окну, удовлетворённая тем, что удачно избежала неприятного разговора, но в этот момент заметила взгляд мисс Грэм. Она смотрела на меня с улыбкой, исполненной самой глубокой иронии, и я поняла, что мой спектакль её не обманул. Она видела, что я веду себя не как настоящая мисс Барнс, но не спешила делиться подозрениями с сэром Перси или обвинять в чём-то меня. Ох, не знаю, хорошо это или плохо... А что будет, если она догадается, что я не Бетси?

Интересно, а в девятнадцатом веке ещё сжигали на кострах за колдовство?

Экипаж остановился. Сэр Перси вылез первым и учтиво помог нам с мисс Грэм выйти наружу. Я с интересом оглядела трёхэтажный особняк, который выглядел значительно больше и респектабельнее того, в котором жили Барнсы. К подъезду съезжались экипажи, среди которых были и обычные, без опознавательных знаков, но попало и несколько, украшенных гербами. Рассмотреть подробнее мне не удалось – чувствительный тычок мисс Грэм мне в бок напомнил о том, что надо идти в дом. На полсекунды я прикрыла глаза, собираясь с мыслями. Теперь надо сосредоточиться. Веди себя спокойно, нейтрально, в разговоры сама не вступай и по возможности переводи беседу на погоду или здоровье. Никаких личных вопросов и разговоров о себе. Ты справишься.

В прихожей нас встретили хозяева дома – джентльмен с дамой средних лет и молодая девушка чуть постарше меня. Я предположила, что дама была той самой леди Вейлор, которая и прислала приглашение. Едва мы показались на пороге, девушка немедленно устремилась к нам, пока её родители раскланивались с ещё одной парой гостей. Она была моего роста, и бледной, как человек, которого никогда не выпускают на солнце. Светло-каштановые волосы были собраны на затылке, черты лица невзрачные, напоминающие овечьи. Тем не менее, мне она улыбнулась вполне искренне, а не вежливо-безразлично.

– Мисс Барнс, я так рада, что вы смогли приехать! – тепло воскликнула она, беря меня за руки, когда мы сделали положенные реверансы, а сэр Перси отвесил ей поклон. – Как вы себя чувствуете?

– Благодарю вас, мне намного лучше, – я постаралась улыбнуться как можно дружелюбнее, заметив, что к нам подходит мать девушки.

– Сэр Перси, мисс Барнс, мисс Грэм! Надеюсь, вы поживаете хорошо?

– Более чем, леди Вейлор, – галантно ответил кузен, беря руку дамы, затянутую в перчатку, и прикладываясь к ней губами, на что дама вдруг порозовела, смущённо хихикнула и торопливо стала расспрашивать меня о моём самочувствии.

А ведь она ещё молода, не больше сорока лет, – удивлённо подумала я. А вот её супруг... Я отыскала глазами джентльмена. Он был старше её лет на десять-пятнадцать, и в волосах уже преобладала седина. Судя по внешнему облику хозяев, финансовое положение семьи было получше, чем у Барнсов, но до Рокфеллеров им, пожалуй, далеко – украшений на леди Вейлор почти не было. А их дочь, чьё имя было бы неплохо узнать, была во всём светлом, как полагалось девушке на выданье.

Мы успели обменяться обычными любезностями, когда следом за нами появилась следующая партия гостей, и внимание хозяев переключилось на них. Мы же втроем прошли в освещённую множеством свечей гостиную, больше похожую на небольшой зал. Я старалась не отходить ни на шаг от мисс Грэм, всё больше ощущая дискомфорт от незнакомой мне среды, в которой я не умела ориентироваться. Сэр Перси испарился буквально через минуту, заметив кого-то из знакомых, а мы с мисс Грэм направились вдоль стены к группе дам у окна. Среди них преобладали дамы возраста мисс Грэм и постарше – по всей видимости, матери и компаньонки, которых моя спутница поприветствовала как хороших знакомых. Меня в очередной раз расспросили о моём здоровье, а затем дамы принялись обсуждать последние новости. Я в это время оглядывала зал и гостей. Кто-то из барышень сидел за фортепьяно в углу и играл весёлую мелодию. Гости общались группками у стен, освободив центр гостиной, где танцевали три пары. Движения и фигуры танца мне были совершенно незнакомы, и я твёрдо решила, что при любой попытке меня пригласить, буду ссылаться на траур. Все молодые девушки были в светлых платьях, а в волосах у всех были цветы, из-за чего они сливались в сплошную толпу, и запомнить их по отдельности было сложно. Были и дамы в более ярких и сложных нарядах – по всей видимости, замужние, – и я залюбовалась переливами разноцветных тканей. Лакеи сновали между гостями, предлагая тем напитки. Мужчин и женщин в зале было примерно поровну, и я вспомнила, какого труда хозяйкам вечеров, приёмов и балов стоило организовать эти мероприятия так, чтобы и пригласить всех, кого нужно, и никого не обделить вниманием, и соблюсти все приличия. Дамы среднего и пожилого возраста, общавшиеся между собой, время от времени бросали острые взгляды вокруг в поисках своих юных подопечных. Те весело болтали друг с другом и с молодыми людьми. Атмосфера на приёме была вполне расслабленной – чувствовалось, что леди Вейлор приглашала только самых близких, потому что народу было не очень много и все друг друга знали. Со мной время от времени кто-то здоровался, на что я вежливо отвечала, но в разговоры не вступала. Теперь мне было интересно, когда в зале появится мой жених-граф, знакомство с которым мне обещали сэр Перси и мисс Грэм. Надо же понять, можем ли мы вообще найти общий язык или нет...

Моим вниманием завладела пара в центре зала, которая чем-то отличалась от других танцующих. Издалека я не могла разглядеть их лица, но их движения отличались удивительным изяществом, как у профессиональных танцоров. Темноволосый мужчина был заметно выше своей партнёрши – стройной блондинки с такой тонкой талией, что Скарлетт О'Хара умерла бы от зависти. Однако разница в росте нисколько им не мешала, и смотрелись эти двое удивительно гармонично. Я невольно засмотрелась на их танец – создавалось впечатление, что каждый из них точно предугадывал действия второго – и отошла от мисс Грэм и её знакомых. Тем неожиданнее для меня прозвучал голос, раздавшийся прямо за моей спиной:

– Рада видеть вас в добром здравии, мисс Барнс.

Я вздрогнула и даже слегка подпрыгнула на своём месте. Но не от того, что говоривший подкрался ко мне со спины, а от того, что я внезапно осознала, что знаю этот голос. И либо у меня начались слуховые галлюцинации, либо...

Взяв себя в руки, я развернулась и... огромным усилием сцепила зубы, чтобы удержать свою челюсть от падения. Ибо прямо передо мной стояла Розмари, которая выглядела почти так же, как и в моём времени. Встреча с ней была последним, чего я ожидала от этого приёма. На ней было такое же длинное платье и старомодная причёска, как и у прочих дам в зале, но всё же это точно была она. Удивительно, но наряд девятнадцатого века смотрелся на ней гораздо органичнее и естественнее, чем одежда двадцать первого. В первый миг я едва удержалась от того, чтобы не броситься Розмари на шею от радости, что наконец-то вижу кого-то знакомого. Но затем я заметила, с каким вежливо-нейтральным выражением она смотрит на меня – ничего общего с нашим общением в моём двадцать первом веке, где мы успели немного сблизиться – и вспомнила, что я нахожусь в совершенно другом времени.

– Прошу прощения, что напугала вас, – учтиво сказала Розмари, от которой не укрылся мой ошалевший вид. – У меня не было подобного намерения.

– Д-добрый вечер, м-мисс Блэквуд, – промямлила я, всё ещё не придя в себя. Мысли мелькали лихорадочно, и мне срочно требовалось минут десять на то, чтобы взять себя в

руки и всё обдумать. Брови Розмари на полсекунды взмыли вверх, словно я совершила какую-то ошибку, но она ничего не сказала. – Ничего страшного. Это я слишком задумалась.

– Я рада, что вы пришли на этот вечер. Это хорошая возможность вернуться к светской жизни, общаясь только со знакомыми, – продолжила она так же учтиво. Слова звучали дружелюбно, но меня по-прежнему не покидало ощущение, что Розмари не было никакого дела до меня.

– Леди Вейлор была очень любезна, пригласив нас, – согласилась я.

Пожалуй, небольшие изменения во внешности Розмари всё же можно было найти. Она выглядела моложе, сейчас ей было не больше тридцати лет. Держалась она с тем же достоинством и уверенностью в себе, что и в моём времени, вот только на окружающих она смотрела гораздо более надменно. Я зацепилась взглядом за ожерелье с крупным рубином у неё на шее и задумалась – какое положение она сейчас занимает? В моём времени ни Майкл, ни Розмари ни разу не упоминали о своём статусе в Лондоне конца девятнадцатого века. Но статус явно был не из низких.

Тем временем мелодия стихла, пары на «танцполе» поклонились друг другу и вернулись к прочим гостям. Из-за фортепьяно поднялась молоденькая девушка, уступая место дочери хозяев, и я поразились их различию. Обе были дебютантками высшего света в почти одинаковых светлых платьях и цветами в волосах – найди десять отличий! – но блёклая мисс Вейлор была похожа на овцу, в то время как вторая девушка оказалась темноволосой, смуглой, с живыми тёмно-карими глазами. Её внешность совершенно не соответствовала канонам викторианского представления о красоте, но, тем не менее, она производила гораздо более приятное впечатление. Она весело сказала что-то мисс Вейлор, на что та улыбнулась, и легко устремилась к поджидавшим её молодым людям. В её поведении было что-то очень непосредственное, что невольно располагало к себе.

– Леди Блэквуд, мисс Барнс, – бодро поприветствовали меня, и я, отвернувшись от девушки, посмотрела на новоприбывших, раскланиваясь с ними уже чисто машинально. Как оказалось, к нам подошла та самая пара, которая привлекла моё внимание во время танца. На этот раз желания упасть в обморок от неожиданности у меня не возникло, потому что я уже увидела Розмари, хотя голова по-прежнему шла кругом. Майкл улыбнулся мне гораздо более тепло, чем его возлюбленная, и я в который раз поразились, насколько он хорош собой. Сейчас, в одежде дворянина девятнадцатого века, его образ достиг идеала. Именно о таком Мистере Дарси наверняка мечтает каждая женщина, и я только тихонько вздохнула.

– Как вы поживаете, мисс Барнс? – поинтересовался Майкл. – Надеюсь, вам уже лучше?

Я пробормотала слова благодарности, глядя на его партнёршу. Если увидеть Майкла после появления Розмари было вполне закономерно, то обнаружить прямо перед собой прекрасную, словно Снежная Королева, Валери Андерс я совсем не ожидала. Но, тем не менее, это была она. Корона платиновых волос, точёное лицо, сапфировые украшения. Декор на её платье было самым глубоким в этом зале, однако оно не выглядело пошло и вульгарно. Наоборот, оно показывало ровно столько, чтобы заинтересовать всех присутствующих мужчин, не выходя при этом за рамки приличий. Осиная талия, голубая ткань платья, подчёркивающая льдисто-голубые глаза... М-да, я терпеть не могу Валери, но выглядела она эффектнее всех присутствующих женщин, этого нельзя не признать.

– Мисс Барнс, – она улыбнулась мне совершенно равнодушно, а затем с гораздо большей теплотой обратилась к Розмари. – Дорогая Роуз, я так рада тебя видеть!

– Здравствуй, Валери, – та улыбнулась ей в ответ, на что я удивлённо моргнула. – Наслаждаешься танцами?

– Наслаждалась, – поправила её та и фыркнула, повернув голову в сторону мисс Вейлор за фортепьяно. – Бедняжка Оливия совершенно не умеет играть. С Эмили никакого сравнения.

– Ты совершенно права, – Розмари улыбнулась. – Эмили просто умница. Алан ею очень гордится.

– Неудивительно, – хмыкнула Валери, оглядываясь, а затем, заметив кого-то среди гостей, воскликнула: – Смотри, там Алисия с миссис Панкхёрст! Надо подойти поздороваться! Майкл, надеюсь, ты извинишь нас?

– Разумеется, – заверил тот и слегка склонил голову. – Леди Блэквуд.

– Лорд Фостер, – с каменным лицом отозвалась Розмари, окидывая его взглядом, полным ледяного презрения. – Мисс Барнс.

Обе леди направились к своим знакомым, причём Валери умудрялась двигаться с такой лёгкостью, словно на ней была не многослойное платье весом в двадцать килограмм, а летний сарафан. Глядя им вслед, я ошарашенно пыталась осмыслить происходящее. Розмари и Валери – подруги... Розмари и Майкл не вместе... Что происходит? В какую параллельную вселенную меня забросило?

Однако выходит, что забросило меня в ту самую вселенную. Я ведь знала, что маги были в Лондоне в конце девятнадцатого века – и вот они собственной персоной, пожалуйста! Лондонская аристократия. Вот только я пока видела всего троих, хотя в том же двадцать первом веке магов в Лондоне было гораздо больше. Здесь же в теории должны быть Алан, Чарльз, Алисия и Рыцари, Уильям Майклсон, тот тёмный маг, который совершал жертвоприношения...

Ладно, какой смысл врать самой себе? Здесь же должен быть ещё один маг, который интересуется меня гораздо больше всех остальных, вместе взятых. Что с ним? Раз здесь Розмари, то он точно должен быть...

Как говорится, помяни чёрта – и он сразу же появится. Мы с Майклом вежливо обсудили погоду за окном и моё драгоценное здоровье, когда к нам подошло новое действующее лицо. В этот самый момент я лишилась дара речи и могла только смотреть на приближающегося к нам мужчину, при виде которого моё сердце заколотилось, как ненормальное. В памяти немедленно всплыла наша последняя встреча и тот поцелуй, который остался в совершенно другой жизни, и который я помнила так отчётливо, словно это было вчера.

– Мисс Барнс, – Джеймс слегка поклонился, глядя на меня точно так же равнодушно, как и его сестра. – Рад, что вам лучше.

– Б-благодарю вас, – это было единственное, что я смогла из себя выдавить.

Потеряв ко мне интерес, Джеймс повернулся к Майклу и хотел задать какой-то вопрос, но не успел.

– Граф Блэквуд! Виконт Фостер! – радостно вскричал невесть откуда взявшийся сэр Перси. – Рад вас видеть!

Пока мужчины здоровались, я недоумённо взглянула на кузена, не ожидая его появления и удивляясь такому бьющему через край дружелюбию, и только потом до меня дошёл смысл его слов.

Граф Блэквуд?

Граф?!

Не может быть...

Глава 5

Какая-то часть меня продолжала вопить в полный голос, что я сошла с ума и что не бывает таких совпадений. Я была совершенно согласна с внутренним голосом, но продолжала смотреть, как Майкл, Джеймс и сэр Перси сначала приветствуют друг друга, а потом охотно начинают обсуждать последние скачки в Эпсоме и того, кто выиграл кубок Дерби. Да нет, это невозможно. Мало ли в Лондоне графов? Вот только скорость, с которой рядом со мной возник кузен, едва на горизонте показался Джеймс, явно была не случайной. Но если Джеймс Блэквуд и впрямь был женихом мисс Барнс, то получается...

– Мисс Барнс, надеюсь, ваш следующий танец свободен? – вернул меня в реальность его голос, и я пристально взглянула ему в лицо. Вопрос был задан совершенно дежурным тоном, которым незваному гостю из вежливости могут предложить чаю, искренне надеясь, что тот так же из вежливости откажется. В любом другом случае я бы немедленно приняла приглашение и подпрыгнула бы на месте от радости, но сейчас я прекрасно помнила, что не знаю ни одного па из танцев этой эпохи. Сэр Перси за спиной Джеймса отчаянно мне засигнализировал, но я любезно ответила:

– Я крайне признательна вам, но прошу понять моё положение. Мой траур по отцу ещё не закончен, – сэр Перси стрельнул в меня очень недовольным взглядом, всем видом показывая, что я должна быть поучтивее.

– Разумеется, – безразлично согласился Джеймс, которого мой отказ несколько не огорчил, и тем же равнодушным тоном добавил: – Но, надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии пройти по залу?

На это возразить мне было нечего.

– Конечно, лорд Блэквуд.

Я взяла его под руку, и мы неторопливым прогулочным шагом двинулись вдоль стены. Напоследок я заметила, как у сэра Перси сделалось довольное лицо, точно у заботливой мамы, пытающейся поскорее выпихнуть любимую дочь замуж, а Майкл смотрел на Джеймса со слегка ироничной улыбкой. Казалось, происходящее его забавляло. Затем я украдкой взглянула на своего спутника, медленно свыкаясь с мыслью, что это не совсем тот маг, которого я встретила в две тысячи пятнадцатом году. Различие было не во внешности – как и Розмари, Джеймс мало изменился. Русые волосы были отпущены до плеч и собраны в небольшой хвост, что явно выбивалось из принятых здесь норм, хотя лично мне это очень нравилось. На вид магу можно было лет двадцать пять – то есть он был почти ровесником той меня, которая осталась в Лондоне двадцать первого века. И он не был тёмным магом. Я держала его за руку, не ощущая никакого холода, и это было... приятно. Переводя книгу заклинаний, я так устала от ледяного дыхания тёмной магии, что её отсутствие невольно поднимало настроение.

Под взглядами почтенных дам мы дошли до противоположной стороны и развернулись обратно. Прочие гости Вейлоров смотрели на нас цепко, оценивающе, особенно матроны, у которых наверняка были собственные дочери на выданье. Я почувствовала себя практически живым товаром, и мне стало неуютно от этого сравнения. Но затем я отвлеклась от этих мыслей, потому что обнаружила, что к нам подбежала та самая смуглая исполнительница, которая вблизи оказалась очень хорошенькой девушкой.

– Мисс Барнс! Я очень рада вас видеть, как вы поживаете? – она широко улыбалась, не пытаясь выглядеть строго, и я подумала, что это было самое искреннее проявление чувств, которое я сегодня видела. – Вы уже совсем выздоровели?

Последний вопрос она задала с неподдельным участием, и я невольно улыбнулась в ответ.

– Мне намного лучше, – повторила я заученную фразу, но произнесла её с гораздо большей теплотой. Хоть одно лицо без маски в этом зале!

– Мне очень жаль, что так вышло. И я бы очень хотела пригласить вас на конную прогулку, хотя теперь сомневаюсь, захотите ли вы после этого ужасного происшествия...

– Возможно, позже.

Нет, надо срочно восполнять пробелы в своём образовании! Танцевать я не могу, ездить верхом тоже. Наверняка сейчас обнаружится отсутствие ещё каких-нибудь умений.

– Да, я понимаю... Вы не хотите сыграть, мисс Барнс? Мы можем исполнить что-нибудь в четыре руки!

Ну вот, что я говорила? Час от часу не легче!

Должно быть, что-то такое отразилось на моём лице, потому что даже Джеймс, внимательно взглянув на меня, укоризненно заметил:

– Эмили, будь милосердна. Мисс Барнс совсем недавно полегчало.

– Ах, простите меня! – огорчённо воскликнула девушка. – Мисс Барнс, мне очень жаль! Клянусь, я не хотела быть назойливой!

Я заверила её, что нисколько не расстроилась, и Эмили с облегчением улыбнулась.

– Вы очень добры! И я очень надеюсь, мисс Барнс, что после того, как вы с графом Блэквудом поженитесь, мы будем видеться чаще!

Так, понятно, всё-таки не совпадение...

Она продолжала что-то говорить, но я её почти не слышала. К счастью, вскоре Эмили окликнула какая-то её знакомая, и девушка упорхнула прежде, чем я пропустила мимо ушей какой-нибудь вопрос. Мы же продолжили наш променад по залу, хотя у меня гудела голова от перенапряжения. Затем мы остановились, чтобы поприветствовать группу каких-то очередных знакомых, чьих имён я совершенно не запомнила. На них я обратила внимание только потому, что уж очень колоритно они смотрелись – трое господ почтенного возраста что-то усердно доказывали молодому человеку, который годился каждому из них во внуки. Молодой человек вблизи оказался совсем юным. Почти не скрывая эмоций, он бросил страдальческий взгляд на Джеймса, на что тот только ухмыльнулся, и мы продолжили наш путь.

Происходящее не имело никакого смысла, и у меня всё больше крепло ощущение, что я не вижу всей картины в целом.

Выходит, мы с Джеймсом помолвлены. С одной стороны, его кандидатура в женихи устраивала меня больше, чем какая-либо иная, но с другой... Это было непонятно. Джеймсу нет никакого дела до собственной невесты; у него же на лице написано, что никаких чувств, кроме скуки, наше общение у него не вызывает. Неужели настоящая мисс Барнс была настолько серой мышью, что совершенно не смогла наладить отношений с женихом? Да даже если бы они друг друга терпеть не могли, это уже было бы хоть каким-то проявлением эмоций, а здесь такое чувство, будто мисс Барнс – просто пустое место! Даже наша прогулка по залу под ручку – лишь следование викторианским условностям. В нём нет никакого намёка хотя бы на дружеское расположение, не говоря уже о более сильных чувствах. Ну, хорошо, допустим, чувства в браке для него – не главное. Тогда что побудило его сделать предложение мисс Барнс? Да ещё нарушив светские условности с трауром? Приданого у меня нет, это я уже выяснила. Денег я ему не принесу, да и не похож Джеймс на обычного охотника за приданым. Единственное, что у меня есть – это полуразрушенное поместье в Корнуолле. Ну и на кой чёрт, спрашивается, оно нужно Джеймсу?

И потом, не стоит забывать, что он маг. Причём даже не тёмный, сейчас Джеймс входит в ковен! Я не слишком хорошо знаю, как маги относятся к понятию «семья», но мне казалось странным, что маг вдруг собрался жениться на совершенно обычной девушке, и все его близкие абсолютно спокойно воспринимали происходящее. Все они – Майкл, Розмари, Валери – разговаривали со мной вполне вежливо и дружелюбно, без скрытого негатива. Даже Валери, а ведь она влюблена в Джеймса...

Единственный факт о мисс Барнс, который заслуживает внимания, – её отец был Искателем. Возможно, дело в этом?

На ум снова пришёл оставленный в моей комнате сэра Реджинальда. Нужно

прочитать его как можно скорее. Возможно, те самые тайные и опасные знания, которые он поручил уничтожить своей дочери, прольют свет на происходящее... И как же жаль, что в своём времени я не расспросила Майкла и Розмари об их жизни в девятнадцатом веке более подробно!

Следующая мысль потрясла меня так сильно, что я споткнулась о длинный подол платья и чуть не упала. Джеймс посмотрел на меня неодобрительно, но ничего не сказал.

У него же была жена! Тогда, в машине, Розмари говорила, что у меня нет никаких шансов, потому что он всю жизнь любил её одну! Но как это возможно, если через месяц он должен жениться на мне?

Да вот только жениться он должен был не на мне, а на мисс Барнс! Которая умерла неделю назад, неудачно упав с лошади, а вместо неё в этом теле теперь обитаю я! Должно быть, мисс Барнс должна была спокойно умереть, Джеймс остался бы холост и через какое-то время женился бы на той своей единственной любимой. Но теперь здесь я – и Джеймс остался женихом мисс Барнс.

История изменила ход. Пусть ненамного, но события уже пошли не по намеченному пути.

Возможно, я смогу тогда что-то изменить? Остановить жертвоприношения здесь и сделать так, чтобы в двадцатом веке они не начались вовсе? Почему бы нет?

Тем временем мы закончили круг по залу, и от наполеоновских планов по изменению истории невольно пришлось отвлечься. Джеймс подвёл меня к мисс Грэм, общавшейся с двумя дамами, с безукоризненной вежливостью раскланялся с нами и удалился. Вскоре к нему подошёл Майкл, они о чём-то оживлённо заговорили. Затем Майкл весело хлопнул друга по плечу, и они вдвоём направились к каким-то своим знакомым. По дороге Джеймс над чем-то рассмеялся, доказывая, что всё же способен на живые человеческие чувства, и я покачала головой. Честное слово, будучи тёмным магом в двадцатом веке, он проявлял ко мне – случайной знакомой – гораздо больше интереса, чем к своей невесте здесь!

– Мисс Барнс, – привёл меня в чувство сухой голос мисс Грэм. Я встрепенулась, сообразив, что позабыла поздороваться с её собеседницами. – Полагаю, вы не знакомы с миссис Панкхёрст? И с её подругой, мисс Филиппс?

– Мы представлены друг другу, – чопорно проинформировала высокая, крупная девушка лет двадцати двух. Рыжеватые волосы были уложены в простой узел на затылке, а в её платье не было совершенно никаких изысков.

Я с умным видом кивнула, поскольку этой барышне точно было лучше меня известно, знакомы они с мисс Барнс или нет, а сама вопросительно посмотрела на третью женщину – худощавую брюнетку лет тридцати. Её фамилия была мне смутно знакома, причём слышала я её явно не здесь.

– Миссис Панкхёрст, это мисс Элизабет Барнс, дочь сэра Реджинальда Барнса. Мисс Барнс, это миссис Эмелин Панкхёрст.

В этот момент я наконец-то сообразила, откуда мне знакомо это имя. Это же известная суфражистка, которая была одной из первых в Англии, кто начал бороться за права женщин! Только, помнится, определённых успехов она начала достигать лишь в начале двадцатого века, до которого оставалось ещё целых пятнадцать лет...

– Вы считаете, что у женщин должно быть право голоса? – выпалила я, заинтересованно глядя на эту историческую личность.

У мисс Грэм удивлённо вытянулось лицо, зато вторая девушка одобрительно улыбнулась, из-за чего её лицо с широкими скулами стало ещё шире. В ней мне тоже вдруг почудилось что-то знакомое, но я решительно прогнала эти мысли. Мне уже во всех встречах кажется что-то знакомое, скоро дойду до того, что в какой-нибудь пожилой матроне разгляжу королеву Викторию...

– Разумеется, – с глубоким убеждением отозвалась миссис Панкхёрст. – Женщины должны обладать теми же правами, что и мужчины. И я твёрдо знаю, что рано или

поздно мы этого добьёмся. К несчастью, далеко не все дамы сознают необходимость равных прав... А всё потому, что немногие получают разностороннее образование, расширяющее кругозор.

Мисс Филипс смотрела на неё влюблённым взглядом, впитывая каждое слово, и я мысленно усмехнулась. Похоже, не одной мне не нравится, что в девятнадцатом веке женщина может реализовать себя только в роли жены и матери.

– Жаль, что вы не можете остаться в Лондоне, чтобы добиться большего, – вздохнула она. – Я с вами полностью солидарна!

Эммелин только кивнула.

– Сожалею, но мы с мужем в Лондоне проездом. В скором времени мы должны будем вернуться в Манчестер.

– Надеюсь, ваши дети здоровы? – вежливо уточнила мисс Грэм, но ответить миссис Панкхёрст не успела.

Какой-то незнакомый человек средних лет подошёл к ней со спины и вежливо окликнул:

– Мисс Грэм?

Та сурово поджала губы и обернулась с явной целью высказать наглецу всё, что думает о его манере подкрадываться, но, увидев подошедшего, столь стремительно переменилась в лице, что я невольно оглянулась в поисках лакея на случай, если моя компаньонка вздумает упасть в обморок. Но мисс Грэм быстро справилась с собой, а я с интересом взглянула на подошедшего, пытаюсь понять, что в нём могло вывести из равновесия человека, у которого, как мне казалось, маска строгости навсегда приросла к лицу. Но во внешности этого мужчины не наблюдалось ничего необычного: тёмные, коротко постриженные, волосы, усы, небольшая бородка. Вокруг глаз и на лбу уже протянулись небольшие морщинки. Сейчас они обозначились вполне чётко, потому что человек широко улыбнулся, явно позабавленный реакцией мисс Грэм.

– Что ты... – изумлённо начала было мисс Грэм, но прикусила язык и быстро стрельнула взглядом по сторонам, а затем вернула себе мрачный вид. – Что вы здесь делаете?

– Мисс Грэм, я надеялся, что вы окажете мне честь, составив пару в танце?

Миссис Панкхёрст и её собеседница продолжали что-то обсуждать, не обращая внимания на окружающих, и мисс Грэм позволила себе прошептать:

– Я не танцую!

– Вы разбиваете мне сердце, – с самым трагичным видом возвестил её знакомый. Судя по лукавому огоньку в глазах, он от души забавлялся происходящим. – Мисс Грэм, клянусь вам честью, если вы откажете мне, я сегодня же появлюсь под вашими окнами с гитарой и буду распевать серенады, поставив всех ваших соседей в известность о моих чувствах к вам!

Глаза мисс Грэм стали квадратными, но на бледных впалых щеках вспыхнул предательский румянец.

– Прекратите этот балаган! – почти шёпотом воскликнула она, нервно озираясь по сторонам в поисках развесивших уши любопытных гостей, но рядом стояла только я. – Я же компаньонка! Какие ещё танцы?!

– Я не приму отказа, – категорично заявил её поклонник и, подхватив мисс Грэм под руку, устремился с ней к прочим танцующим. Та последовала за ним, причём довольно быстро прекратив сопротивление.

Ну и дела. Даже у такой сушёной воблы, как мисс Грэм, внезапно обнаружился воздыхатель. А забавно было бы посмотреть, как он исполняет серенады, а компаньонка не знает, куда деться и как объяснить сэру Перси, почему ему не дают ночью заснуть...

Пожалуй, с новыми открытиями на сегодня пора было заканчивать. От изобилия

свалившихся на меня новостей голова кружилась уже по-настоящему. Давящий корсет тоже не облегчал жизнь. Музыка казалась слишком громкой, людей вокруг было слишком много, а в зале внезапно стало слишком душно. Но падать в обморок на глазах у всех гостей мне нисколько не хотелось и, собравшись с силами, я с трудом направилась к дверям.

В холле было прохладно, пусто, и мои шаги гулко отдавались от пола. Свернув в коридор, я наугад открыла одну из дверей и оказалась, по всей видимости, в библиотеке Вейлоров.

Вот только она была уже занята. При моём появлении с дивана поднялся молодой человек, читавший при свете нескольких свечей в канделябре.

– Прошу прощения за вторжение, я не хотела вас беспокоить, – выдала я заготовленную на подобный случай фразу и хотела было ретироваться, но молодой человек не позволил. Отложив книгу, он торопливо вскочил на ноги.

– Мисс Барнс! Уверяю вас, вы нисколько мне не помешали. Вы здоровы?

– Я прекрасно себя чувствую, – заверила я, нащупывая одной рукой ручку двери.

– Вы очень бледны. Может, позвать миссис Вейлор или мисс Грэм? Или послать за врачом?

– Нет-нет, не стоит...

– Тогда хотя бы присядьте, – предложил он.

Участие юноши показалось мне вполне искренним. Я благодарно улыбнулась и опустилась на кушетку.

Тот взял с письменного стола графин с водой, налил в бокал и подошёл ко мне, протягивая бокал мне. Я с благодарной улыбкой приняла его, сделала глоток. Голова всё ещё кружилась, но обморок, кажется, мне уже не грозил.

– Благодарю вас, мистер... – тут я запнулась, сообразив, что совершенно не представляю, кем был мой собеседник.

– Рассел. Артур Рассел, – подсказал он без малейшей тени недовольства или укоризны. Присмотревшись, я вдруг узнала в нём того самого молодого человека, которого видела в компании пожилых джентльменов, когда они что-то активно ему втолковывали. Юноше было лет двадцать, не больше. Его имя показалось мне смутно знакомым, но я лишь покачала головой. Наверное, сегодня его при мне уже упоминали.

– Простите меня.

– Не беспокойтесь, – он улыбнулся, из-за чего у него на щеках обозначились ямочки. – Мы с вами виделись ровно две минуты во время знакомства. Неудивительно, что вы не запомнили моё имя. Вы пришли сюда за чтением? Или просто отдохнуть от прочих гостей?

Последние слова прозвучали так непосредственно и наплевательски по отношению к этикету, что я невольно рассмеялась.

– Боюсь, вы сочтёте меня невоспитанной, но насчёт последнего предположения вы правы. Кажется, светский приём утомил меня сильнее, чем можно было ожидать.

– Я вас понимаю. Сам сбежал по той же причине.

– Я видела, – ляпнула я, не подумав, когда вспомнила, как ему досаждали три джентльмена, но он лишь усмехнулся.

– Да. Мои друзья могут быть слишком решительными, так что мне бывает необходим перерыв.

– Я не буду больше отвлекать вас от книги, – я поднялась с намерением откланяться.

– Позвольте проводить вас в зал? – в этот момент он невольно нахмурился, представив

себе перспективу новой встречи с теми господами.

– Благодарю, но в этом нет необходимости.

Я широко улыбнулась, и он понял, что от меня не укрылось его беспокойство. Мистер Рассел благодарно кивнул и вернулся к книге – на обложке я успела заметить название «Граф Монте-Кристо» – и вышла из библиотеки. И только у дверей зала сообразила, что прекрасно себя чувствую, а головную боль словно рукой сняло.

Вечер продолжался своим чередом, но больше ничего особенного не происходило. Единственным заслуживающим внимания явлением была непривычно счастливая мисс Грэм. Уже после полуночи гости начали разъезжаться. Мы распрощались с хозяевами, и я радовалась, что первое испытание прошло сравнительно успешно. Сэр Перси, мисс Грэм и я направлялись к выходу, когда к нам подошли Розмари и Валери.

– Сэр Перси! Мисс Барнс! Как, вы уже уходите?

– Моя кухня ещё недостаточно окрепла, миледи, – пояснил баронет, с удовольствием рассматривая красавиц перед собой.

– Разумеется, вам стоит поберечь себя, – согласилась Розмари. – Возможно, стоит позвать врача?

– О, уверяю вас, это лишнее, – заверила я. – К завтрашнему утру я буду в порядке.

– Очень надеюсь, – Валери тонко улыбнулась и протянула мне руку. – Я была очень рада увидеть вас, мисс Барнс. Надеюсь, мы с вами станем хорошими друзьями.

Собираясь сказать какую-нибудь любезность, я в недоумении пожала её ладонь, и лишь призвав на помощь всё своё самообладание, не отёрнула руку. Ладонь у Валери оказалась ледяная, и мне показалось, что холодный воздух охватил всё моё предплечье, с лёгкостью проникнув под рукав. С заминкой я выдавила в ответ улыбку.

– Я тоже очень надеюсь на это, мисс Андерс.

Вид у меня, похоже, и впрямь был нездоровый, потому что мой ответ их полностью удовлетворил. Заверив друг друга в вечной дружбе, мы разошлись, и я с трудом удержалась, чтобы не обернуться им вслед.

Валери уже сейчас занималась тёмной магией. Этот холод я не спутаю ни с чем другим. А учитывая, что в данный момент она входит в магический ковен, презирающий тёмную магию в любом её проявлении... Очень интересная картина вырисовывается.

Глава 6

Следующий день обещал быть таким же серым и спокойным, как и неделя до приёма. С утра я сидела в своей комнате и читала дневник сэра Реджинальда, в котором пока, правда, не обнаружила ничего интересного. Отец мисс Барнс описывал собрания Искателей, их обсуждения и дискуссии, а также впечатления от прочитанных книг и встреч с разными людьми, но его размышления были совершенно будничными, просто мыслями человека, глубоко увлечённого своим делом. И хотя мои мысли постоянно перескакивали на вчерашний вечер, я заставляла себя сосредоточиться и читать записи на древнеирландском дальше, потому что понимала – я должна разобраться, что здесь происходит.

Короткий стук в дверь вынудил меня отвлечься. Я едва успела спрятать дневник в ящик, как на пороге, не дожидаясь моего разрешения, возникла мисс Грэм. После возвращения с приёма она почти не говорила, целиком пребывая в себе, и я даже слегка удивилась – неужели это танец с поклонником произвёл на неё такое впечатление? Увидев, что я бесцельно сижу за туалетным столиком и ничего не делаю, она нахмурилась, но не стала заострять внимание на моём поведении.

– Мисс Барнс, вы совершенно забросили игру на фортепьяно. Вы должны больше упражняться, чтобы достичь большего совершенства.

Только этого для полного счастья не хватало!

– Ээээ... – неуверенно промямлила я, в панике подыскивая убедительную отговорку. – Н-не уверена, что это хорошая идея. Я ещё не совсем здорова...

– Недостаточно здоровы для игры на фортепьяно и пения? – вкрадчиво спросила она, и мне показалось, что в её глазах сверкнул какой-то странный огонёк. – Как же так, если сегодня вам предстоит играть на вечере у графини Моррис?

– Уверена, графиня простит мне мою болезнь, – прикрыв глаза якобы от слабости, уже машинально выдала я. – Я извинюсь перед ней.

То, что произошло в следующий миг, не укладывалось ни в какие рамки и было последним, чего я ожидала. Вместо того, чтобы кивнуть или прочесть нотацию, мисс Грэм сжала губы в тонкую полоску, резко выбросила вперёд правую руку и с гневом воскликнула:

– Довольно!

Неизвестной силой меня сорвало с места и отшвырнуло к стене. Я преболно ударилась локтем о выступ, так что всё тело зазвенело, но схватиться за ушибленную руку внезапно стало физически невозможно – я почувствовала, как меня прижало к стене чем-то невидимым, так что у меня не было возможности шевельнуться. Неприятным дополнением стало то, что я больше не чувствовала под ногами пола – значит, моя компаньонка удерживала меня на весу. Мисс Грэм продолжала стоять в паре метров от меня, всё так же протягивая в мою сторону руку, и смотрела с холодным гневом в глаза. По-прежнему ничего не понимая, я попыталась пошевелиться, но потерпела неудачу.

– Отвечай! Кто ты такая? Кто тебя послал?

– Ч-что? – искренне изумилась я, от удивления даже на секунду позабыв о собственном неудобном положении. – Меня никто никуда не посылал!

– То есть ты вселилась в неё по собственному почину? Ведь ты не Элизабет Барнс! Ну, отвечай, кто ты?

Резкая боль пронзила мою голову, словно что-то с силой сжало её в тисках и теперь медленно сдавливало. Я закричала и инстинктивно попыталась прижать ладони к голове в попытках затолкать боль поглубже, но руки так и остались прилепленными к стене. Это было точно так же, как в тот раз, когда меня пыталась убить Валери, вот только сейчас на спасение можно было не рассчитывать. Пожалуйста, хватит! Пусть это прекратится!

Словно в ответ на мою беззвучную мольбу, тиски слегка разжались. В комнате раздавался какой-то странный пронзительный звук, и я не сразу поняла, что это был мой крик, который я даже не слышала, пока эта ведьма меня пытала.

– Мне повторить вопрос, или ты его поняла? – голос был стальной, без проблеска сострадания, и я поняла, что, если я не отвечу, она просто продолжит меня пытать без малейших угрызений совести.

– Меня никто не посылал, клянусь!

– Хорошо, допустим, – я осторожно приоткрыла глаза и обнаружила, что мисс Грэм опускает вторую руку, продолжая удерживать первую на весу. – Продолжай.

– И да, я не Элизабет Барнс, – обречённо призналась я.

– Об этом я уже догадалась, – язвительно сообщила мисс Грэм. – Ты Путешественница. И я спрашиваю снова – кто ты и зачем вселилась в эту девушку?

Я молчала, и она выразительно подняла вторую руку. Я представила, как она сейчас снова попытается расплавить мне мозги, и выдавила:

– Я не хотела вселяться в неё. Я Путешественница во времени... если вам это хоть о чём-то говорит.

И закрыла глаза, ожидая, что сейчас мне и придёт конец. Ну кто мне поверит, учитывая, насколько редким явлением были такие Путешественники? Но прошла секунда, две, а затем сила, прищиплившая меня к стене, пропала. Не ожидая такого, я кулём свалилась на пол, ощущая боль и в голове, и в ушибленной руке, и в ноге, на которую я только что неудачно приземлилась, и зашипела сквозь зубы.

– Путешественница во времени, – задумчиво протянула надо мной мисс Грэм. Приподняв голову, я обнаружила, что она ходит взад-вперёд по комнате, постукивая себя указательным пальцем по подбородку. – А вот это уже интересно. Выходит, настоящая мисс Барнс мертва?

– Разбилась, упав с лошади, – хмуро подтвердила я, проводя рукой над губой. На пальцах осталась кровь, шедшая из носа, и я с отвращением вытерла их прямо о платье.

Убедившись, что пока меня пытать не собираются, я со второй попытки с трудом поднялась на ноги. Мешали несколько слоёв нижних юбок, которые путались под ногами. Перед глазами по-прежнему расплывались красноватые круги, а всё тело гудело. Почувствовав, что сейчас просто осяду обратно на пол, я ухватила обеими руками за столбик кровати и с трудом сфокусировала взгляд на мисс Грэм. Та всё так же размышляла над чем-то, не обращая на меня внимания.

– Это... неприятно. Смерть мисс Барнс... несколько осложняет дело, – она наконец-то взглянула на меня, но мой плачевный вид, похоже, не произвёл на неё никакого впечатления, и разжалобить её мне не удалось. – Из какого ты времени?

– Из двадцать первого века, – неохотно отозвалась я, не видя никакого смысла скрывать правду.

Мои слова её впечатлили.

– Даже так? И каким будет буду... Впрочем, нет, – торопливо перебила она саму себя. – Я не должна знать. Лучше поговорим о деле. Насколько хорошо ты осведомлена о происходящем здесь? О социальном устройстве, о культуре, об истории?

– В общих чертах, – осторожно ответила я, не понимая, к чему она клонит. Мисс Грэм иронично вздёрнула одну бровь, и я неохотно добавила. – В самых общих.

– Да, я так и подумала... И что же ты намереваешься делать? Какой видишь свою дальнейшую жизнь?

Данный вопрос занимал меня в последние дни весьма сильно, но однозначного ответа на него не имелось. Остановить тёмного мага, предотвратить жертвоприношения – затея

хорошая, но кратковременная, а останусь я в викторианской Англии на всю оставшуюся жизнь. По большому счёту, я намеревалась просто плыть дальше по течению, подстраиваясь под обстоятельства. Является ли это признаком трусости и безволия? Возможно. Но что ещё остаётся? Я не сумасшедшая и прекрасно понимаю, что мне не удастся перестроить этот чуждый мне мир под себя, и так или иначе придётся подстраиваться под его законы.

Все эти философские рассуждения были очень интересными. Вот только я не стала пересказывать их мисс Грэм, а вместо этого независимо пожала плечами (это движение, впрочем, весьма чётко отражало суть моих умозаключений). Но бывшая компаньонка только кивнула, словно прекрасно меня поняла.

– Вполне предсказуемо. Значит, ты собираешься жить жизнью мисс Барнс, будто ты – это она. Отлично... – её лицо внезапно озарилось довольной улыбкой, будто ей на ум пришла новая идея. – Я бы даже сказала – просто прекрасно! Твоё появление может упростить мне задачу.

Коротким движением она достала откуда-то белоснежный носовой платок с вышитыми на нём инициалами «АГ» и с доброжелательным видом протянула мне, словно предлагала оливковую ветвь.

Я не спешила принимать его, и с подозрением посмотрела на магически одарённую мисс Грэм, которая теперь смотрела на меня без малейшей злости. Наоборот – с интересом и чем-то, похожим на дружеское расположение.

– Не бойся, – спокойно сказала она, с лёгкостью заметив мою настороженность. – И извини за допрос. В последнее время обстановка... несколько напряжённая. Всё время ожидаешь нападения со спины.

Её слова ситуацию особо не прояснили, но платок я приняла и осторожно стёрла кровь с лица.

– Откуда такое дружелюбие? – иронично осведомилась я, не понимая, с чего та вдруг сменила гнев на милость, и не выпуская её из поля зрения. Конечно, если она снова сейчас нападёт, я ничего не смогу сделать... ну, может, хотя бы увернуться попробую.

Мисс Грэм широко улыбнулась – мимика, казалось бы, вовсе ей неподвластная, так что я даже позабыла о собственном непрезентабельном виде.

– Оттуда, что мы с тобой можем быть друг другу полезны, – охотно отозвалась моя компаньонка.

Через десять минут я вошла в библиотеку, где меня уже ожидала мисс Грэм. Горничная сервировала чай, и над чашками поднимались облачка ароматного пара. К этому моменту я кое-как пригладила растрепавшуюся причёску и умылась, причём Сара страшно удивилась, когда я поймала её в коридоре. Я затруднялась сказать, что удивило её больше – мой расхристанный вид или внезапная просьба об умывании – но, попричитав, она убежала на кухню за кувшином с водой. И, видимо, во время допроса мисс Грэм использовала какое-то звуконепроницаемое поле, раз моих криков в доме никто не услышал. Чёртова ведьма...

Приведя себя в относительный порядок, я поняла, что готова к новой встрече с магом, который обнаружился в непосредственной близости от меня. Из услышанного можно было сделать вывод, что сама мисс Грэм, кем бы она ни была, явно не являлась простой компаньонкой и преследовала какую-то цель, неким образом связанную с мисс Барнс. Что ж... Почему бы не послушать, что она хочет мне сказать, и что именно хочет предложить?

Мисс Грэм сидела на стуле у окна и выглядела так же строго и чопорно, как и всегда, так что у меня даже на секунду закралось подозрение, не померещилась ли мне вся эта сцена у меня в комнате. При моём появлении она кивнула на диван напротив, предлагая располагаться. Я послушно села, понимая, зачем она выбрала такое положение: теперь я сидела на свету, а её лицо было скрыто в тени.

– Предлагаю начать с простого, – деловито сказала она. – Как тебя зовут?

Я только пожала плечами, не собираясь принимать целиком её правила игры.

– Моё имя здесь ничего не значит. Использовать его в этом времени – только рисковать лишний раз выдать себя окружающим.

– Справедливо, – после паузы отозвалась та, и мне показалось, что ей понравился мой ответ. – Ты неглупа, это хорошо. Что тебе известно о магии? И магах?

– Самое общее. Обычные маги, Путешественники и тёмные. Путешественники, в свою очередь, делятся на тех, кто переносится в пространстве, и тех, кто переносится во времени. Обычные маги и Путешественники живут ковенами. Тёмные – одиночки.

– До перемещения в девятнадцатый век ты знала, что ты сама Путешественница?

– Нет.

– Ну, хорошо, – словно приняв какое-то решение, она поднялась на ноги и села рядом со мной. Я обратила внимание на этот переход – теперь я отчётливо видела её лицо, и мы были на равных. – Я тоже Путешественница, но в пространстве.

Я не стала удивляться, а только кивнула, ожидая продолжения. Чего-то в этом духе можно было ожидать после превращения чопорной дамы в хладнокровную дознавательницу, хотя находиться рядом с ней мне было неудобно. Все мои предыдущие встречи с Путешественниками заканчивались тем, что они нападали на меня или кого-то из близких мне людей, да и эта встреча началась примерно с того же.

– В доме Барнсов я оказалась не случайно. Моим заданием был шпионаж.

– За сэром Реджинальдом? – не подумав, ляпнула я первое объяснение, которое мне пришло на ум.

Она пристально взглянула на меня, и на узких губах показалась одобрительная улыбка.

– Тебе и об Искателях известно? И ты уже поняла, кем был «твой» отец?

Проклиная свой длинный язык, я неохотно кивнула. Мисс Грэм же, кажется, была очень довольна, что не надо углубляться в долгие объяснения.

– Совершенно верно. Это распространённая практика – многие из моих братьев проникают в семьи Искателей и следят за тем, что происходит в этом обществе. Конечно, толку от Искателей мало, но совсем сбрасывать их со счетов не стоит... – я укоризненно кашлянула, задетая такой оценкой, но компаньонка не обратила на это внимания. – Баронет Барнс не стал исключением, и за те несколько лет, что я прожила в этой семье, вплоть до его смерти, я не узнала ничего по-настоящему стоящего.

– Вы вселились в настоящую мисс Грэм? – резче нужного спросила я, не сумев перебороть чувство неприязни. Уникальная магия Путешественников по-прежнему внушала мне отвращение, и в памяти сразу всплыло случившееся с Мартином.

– По необычному стечению обстоятельств – нет. Барнсы действительно моя дальняя родня, и именно поэтому шпионаж за этой семьёй поручили мне. Когда он не дал плодов, мне приказали возвращаться, но тут произошло кое-что, что заставило нашего главу передумать. Скажи-ка мне, – она с интересом взглянула на меня. – Вчера мы были на приёме, где ты увидела своего жениха, а с ним и его друзей. Какое впечатление о них у тебя создалось?

– Если вы о том, что они все маги, то мне об этом известно.

– Да? – искренне озадачилась она. – А ты и впрямь наблюдательна, раз так быстро определила.

Я не стала переубеждать её, рассказывая о своём знакомстве с магами в будущем, а только слегка склонила голову вбок, показывая, что я внимательно слушаю.

– И как ты думаешь, что побудило графа Блэквуда просить у сэра Перси твоей руки?

Вот это да! Значит, с этой помолвкой и впрямь всё не так просто, раз даже

Путешественники всполошились, хотя, казалось бы, они сюда вообще никаким боком не вписываются!

– Не могу себе представить.

– Совершенно справедливо. Потому что в этом нет никакой логики! Маги почти никогда не женятся на обычных людях, а если женятся, то только по большой любви. Для Блэквуда же мисс Барнс не значит абсолютно ничего! Тогда зачем такие сложности с браком? Он ничего не приобретает от подобной женитьбы!

Её слова настолько дословно повторяли мои собственные мысли, что я даже восхитилась собственной проницательностью. Выходит, я была во всём права, подозревая за происходящим какую-то интригу.

– И вы остались в семье Барнсов, чтобы?..

– Чтобы дожидаться вашей свадьбы и узнать, что Блэквуду и прочим магам понадобилось от Барнсов, – подтвердила мисс Грэм мою догадку, а затем вдруг вскочила на ноги и в волнении прошла по комнате. – Ковен магов что-то задумал, и я должна узнать, что! Вселиться в кого-то из домочадцев самих магов я не могу – слишком рискованно. Магам прекрасно известно о наших способностях, и меня с лёгкостью могут разоблачить. Оставаясь же в твоей семье, я не вызываю подозрений и привлекаю гораздо меньше внимания.

Её взволнованный вид подсказал мне, что мы подошли к сути дела. Раз Путешественница утратила привычное хладнокровие, речь идёт о самом важном.

– Позвольте, угадаю, – я откинулась на спинку дивана и скрестила руки на груди. – Я вам нужна, чтобы и дальше играть роль мисс Барнс. Если она исчезнет, то не будет никакой свадьбы и, соответственно, ваши усилия пропадут даром. Придётся искать новые пути, чтобы подобраться к магам и их секретам.

– И вероятность того, что я подберусь к ним так же близко, как сейчас, крайне ничтожна, – охотно подтвердила мисс Грэм, даже не подумав отрицать. – Ты умна, Путешественница. Именно поэтому я даже рада, что в тело моей воспитанницы вселилась та, кто неплохо разбирается в происходящем. Будь на твоём месте настоящая мисс Барнс, мне было бы труднее. Она-то ничего не знала о магии.

– Это понятно, – задумчиво согласилась я. Поведение компаньонки вопросов больше не вызывало, её доводы были вполне убедительны. – Но у меня остался вопрос – а каким образом вы будете мне полезны? Вы же говорили о взаимовыгодном сотрудничестве?

Я бы не очень удивилась, если бы она начала меня шантажировать, угрожать и запугивать, однако мисс Грэм только улыбнулась.

– Я помогу тебе здесь освоиться, – спокойно ответила она. – У тебя отсутствуют знания этикета, простейших манер и многие навыки, которые девушкам этого времени прививают с детства. Это тебя и выдало – я очень быстро заподозрила, что ты не та, за кого себя выдаёшь. Ты не знаешь ничего ни об этом мире, ни о собственной семье, ни о знакомых. Графини Моррис, о которой я спрашивала, даже в природе не существует, и настоящая мисс Барнс точно бы удивилась, кто это. Я буду учить тебя и не удивлюсь твоему невежеству, которое наверняка вызовет множество вопросов у любого другого, кто взялся бы научить тебя.

Я молчала. Возразить было нечего. Она была совершенно права – с моим нынешним уровнем знаний я едва ли смогу хоть чего-то добиться. Моя тайна раскрылась спустя всего неделю моего пребывания здесь, и мне ещё повезло, что первым меня раскрыл тот, кому известно о Путешественниках. Да и... Врать не буду – мне не меньше Путешественницы хотелось выяснить, что было на уме у моего жениха. Будь на его месте любой другой маг – и я бы два раза подумала, прежде чем связываться в очередную авантюру, связанную со сверхъестественным. Но это был Джеймс... Пусть не тот, которого я знала в двадцать первом веке. Но всё же это был он. Отказаться от возможности быть с ним, видеть его, даже по столь оригинальной причине я не могла.

– Хорошо. Я согласна. И скажите, как к вам обращаться? Мисс Грэм?

– Я рада, что мы договорились, – она улынулась предвкушающей улыбкой, уже представляя, как с моей помощью будет ставить магам палки в колёса. – «Мисс Грэм» называй меня на людях, ведь мы должны поддерживать нашу легенду. Когда нет свидетелей – можно по имени. Меня зовут Анабелл.

Я уставилась на платок, который она мне дала в комнате, и который я продолжала держать в одной руке. В уголке красной нитью были вышиты инициалы «АГ». В памяти всплыли невысокая некрасивая женщина с холодным голосом и протянутой вперёд рукой и Ричард, корчащийся от боли. Затем – низина у Оствика, толпа Путешественников напротив нас с Джеймсом, стальные пальцы, впивающиеся мне в виски, и вспыхивающий ледяным огнём на моей руке символ тёмной магии, не позволяющий Путешественнику завладеть моим телом...

Совпадение? Я в них не верю. И сколько ещё таких встреч со «старыми-новыми» знакомыми мне предстоит?

Глава 7

– Тебе многому предстоит научиться, а времени у нас мало. Хорошо, что из-за траура ты ограничена в возможности выходить из дома или принимать у себя гостей. Надо использовать это время с толком, – вынесла вердикт Анабелл, расспросив меня о моих знаниях и умениях.

Этот разговор не занял много времени, потому что почти на все вопросы я отвечала лаконичное «Нет». Мисс Грэм с каждой минутой всё больше мрачнела, представив себе масштаб работы, на которую добровольно подписалась, но спорить не стала, потому что понимала, что я ей нужна. Своё недовольство она выразила лишь невольным восклицанием:

– И чему же девушек вообще будут учить в двадцать первом веке?..

На этот вопрос я не стала отвечать, чтобы не начинать новую дискуссию, а вместо этого заметила:

– Для человека, живущего в эту эпоху, ты весьма резка в суждениях. Почему так? Это я перенеслась сюда из будущего с другим мировоззрением, но твоё замечание о трауре не соответствует образу леди этой эпохи. Да и от моего невежества ты не пришла в ужас.

Анабелл снисходительно рассмеялась.

– Дорогая Бетси, я намного старше, чем ты можешь представить. Я была свидетелем тому, как десятилетиями понемногу меняются устои и правила, и прекрасно понимаю, что и то, что принято сегодня, через двадцать-тридцать лет ничего не будет значить.

В своих рассуждениях мисс Грэм внезапно оказалась гораздо ближе к истине, чем можно было представить. Через тридцать лет в Европе всюду будет идти Первая Мировая война, которая попросту уничтожит привычный мир, принеся ему на смену нечто принципиально новое и непривычное...

Но вслух я этого говорить не стала, а вместо этого спросила о ещё одной очень важной вещи:

– Анабелл, зачем несколько дней назад к нам приходил глава Искателей? Что такое важное они не могут найти?

– Я бы многое отдала, чтобы узнать, о чём шла речь, – отозвалась та, и нахмурилась. Проницательный, сосредоточенный взгляд напомнил мне ту Анабелл, которую я видела в своё время, несмотря на абсолютное внешнее различие. – Сэр Гаррет Уинслоу был близким другом твоего отца... Точнее, отца Бетси. И если «Общество Искателей» и в самом деле отдало ему что-то на хранение, в этом нет ничего необычного. Вот только после смерти сэра Реджинальда мы не обнаружили ничего странного в его вещах.

Под «мы» явно подразумевались Путешественники, и я чуть поморщилась, представив, что они проводили в доме обыск.

– Сэр Уинслоу предположил, что эта вещь спрятана в поместье... – начала было я, но тут мисс Грэм иронично приподняла одну бровь, и меня осенило. – Вы там уже побывали, да?

– Ещё нет, но наши люди уже на пути в Корнуолл, – без каких-либо угрызений совести подтвердила Анабелл. – Сразу после визита сэра Гаррета я немедленно поставила в известность нашего главу, и он отправил нескольких Путешественников обыскать дом.

Я хотела было возмутиться, что кто-то столь бесцеремонно влезет в поместье, которое вообще-то было моим приданым, но потом вспомнила, что я не мисс Барнс, и, соответственно, это приданое не совсем моё. Мисс Грэм, с лёгкостью догадавшись по моему лицу о моих мыслях, хмыкнула.

– Что это может быть за вещь?

– Не имею представления, – ответила та, и я почему-то сразу поняла, что она не врёт. –

От Искателей можно ожидать всего. Это может быть сушая безделица, а может быть нечто гораздо более ценное, чем можно себе представить. Общество существует столько столетий, что наверняка скрывает немало тайн...

Я задумалась. В родном двадцать первом веке никаких вещей, связанных с магией, Искатели не хранили. По крайней мере, я никогда не слыхала ни о чём подобном, хотя моим непосредственным начальником был сам глава Искателей. Всю нашу ценность составляли лишь архивы. Но ведь здесь существует то Общество Искателей, которым оно было до своего уничтожения в конце девятнадцатого века... Пожалуй, это Общество могло бы хранить разные секреты. И ведь... Вспомнилось письмо сэра Реджинальда, адресованное дочери. Там он говорил о какой-то угрозе. Возможно, всё это как-то взаимосвязано?

Я подумала ещё пару секунд и спросила:

– Какова вероятность, что об этой вещи знают не только Путешественники и Искатели, но и ковен магов? И что граф Блэквуд сделал предложение мисс Барнс ради этой вещи?

– Чтобы заполучить эту вещь себе? И действовал с одобрения своего ковена, учитывая, с каким радушием отнеслись к тебе прочие маги? – продолжила за меня Путешественница. Ответ я прочла на её лице, но она всё же договорила. – Думаю, что эта вероятность весьма велика.

Повисла тишина. Анабелл же, удовлетворившись моим молчанием, поднялась на ноги.

– Тогда за дело. Не будем тянуть.

С этого дня жизнь моя превратилась в личный ад. Анабелл прекрасно понимала, что за оставшиеся до истечения срока траура и свадьбы недели не сделает из меня образцовую леди, но твёрдо вознамерилась приложить к этому все силы. Всё свободное время она теперь обучала меня этикету, танцам, давала начальные уроки игры на фортепьяно, а в перерывах между этими занятиями рассказывала о родственниках и знакомых Барнсов. Надо отдать Путешественнице должное – у неё оказалось поистине ангельское терпение и железные нервы, потому что мои успехи оставляли желать лучшего. Память у меня всегда была хорошая, так что имена и фамилии друзей и знакомых семьи, а также их социальное положение и черты характера я запоминала легко, как и теоретическое изложение правильных манер, но применять их на практике я постоянно забывала. С танцами ситуация тоже была плачевная, потому что мне не хватало грации и изящества, да и танцевать в пятнадцати слоях одежды оказалось невероятно тяжело. А уж запомнить все повороты, развороты, поклоны и приседания за столь ограниченное время было вовсе невозможно! С игрой на музыкальных инструментах ситуация была ещё хуже. Вдобавок ко всему, внезапно начались какие-то предсвадебные хлопоты, в которых я ничего не понимала и почти не участвовала, без сожалений взвалив их на Анабелл. Как выяснилось, часть приготовлений уже была выполнена, но их прервало падение мисс Барнс с лошади, а теперь их следовало закончить, ведь до свадьбы оставались считанные недели. За следующие четырнадцать дней я, кажется, заметно похудела и подурнела, потому что времени на отдых у меня попросту не оставалось. Дневник сэра Реджинальда так и лежал в ящике стола, потому что у меня не оставалось никаких сил на перевод с древнеирландского.

Анабелл же, наоборот, выглядела вполне довольной жизнью. Через два дня после нашего разговора она, помахав в воздухе распечатанным конвертом, бодро сообщила мне, что глава Путешественников одобрил её действия, а сами Путешественники берут меня под свою опеку как одну из них. Последнее заявление меня откровенно удивило, но спорить я не стала. Опека, кажется, носила чисто символический характер, потому что Путешественники, по большому счёту, меня просто использовали, причём в открытую.

Спустя неделю мучений, Анабелл убедилась, что я полнейшая бездарность в музыке, и решила сосредоточиться на одной музыкальной теории. Я не понимала, зачем она с такой настойчивостью вбивает мне в голову, как надо правильно читать нотную грамоту и заставляет меня часами правильно писать ноты, но затем мы начали петь дуэтом, под её аккомпанемент. В этот самый момент внезапно обнаружилась некая особенность, поразившая меня до глубины души – у настоящей мисс Барнс, оказывается, был очень чистый, красивый и хорошо поставленный голос. Сумев вытянуть высокую ноту в какой-то песенке, которую мы тогда разучивали, и которую даже Анабелл не смогла спеть, я на

какое-то время ушла в глубокую прострацию, потому что в предыдущей жизни вокальные данные у меня отсутствовали полностью и петь я никогда не умела. Сделанное открытие было самым приятным за всё время моего пребывания здесь, и от мисс Грэм не укрылось моё изумление, смешанное с какой-то детской радостью из-за исполнения старой мечты.

– До смерти сэра Реджинальда Бетси регулярно брала уроки пения, – подтвердила мою догадку Анабелл, позабавленная ошарашенным выражением моего лица. – Красивый голос у неё был всегда, и отец всячески способствовал развитию её таланта, не жалея на это средств.

– Почему она не продолжила уроки после смерти баронета?

– Финансовое положение Барнсов уже тогда было весьма плачевным, – со вздохом отозвалась Путешественница. – А после смерти сэра Реджинальда его наследник начал проматывать то небольшое, что осталось. Чтобы хоть как-то урезать расходы, мы тогда отказались от всех учителей и дополнительных уроков, которые брала мисс Барнс.

– Удивляюсь, почему та девушка, Эмили, на приёме предложила мне только сыграть в четыре руки, а не спеть... – всё ещё не придя в себя окончательно, пробормотала я.

Анабелл посмотрела на меня с лёгким сочувствием.

– Полагаю, что ей просто не было известно о твоём таланте.

– Что ты имеешь в виду?

– Мисс Барнс была по природе очень застенчива. Дома сэр Реджинальд, я, и даже прислуга наслаждались её пением. Но она совершенно не могла выступать на приёмах и вечерах. Только при самых близких. В окружении чужих людей её начинала колотить сильная дрожь, и она не могла ни петь, ни играть.

– Боязнь сцены? – удивилась я. – Нервное расстройство?

Анабелл вопросительно нахмурилась:

– Прошу прощения?

Я отрицательно покачала головой, сообразив, что использовала современные понятия, которых в этом времени ещё не было. М-да... А у нас с мисс Барнс и впрямь много общего. Я тоже никогда не любила выступать перед большим количеством народа, хотя до нервных припадков дело не доходило. Ну, не зря же считается, что Путешественники во времени – родственные души...

– Давайте споем что-нибудь ещё! – горячо попросила я. – Хочу ещё!

Анабелл рассмеялась, но не стала возражать и перевернула страницу в нотной тетради.

При более близком знакомстве эта женщина неожиданно начала вызывать у меня симпатию. Я очень быстро убедилась, что личина строгой, суровой компаньонки была лишь маской для окружающих, под которой скрывался гибкий, пронизательный ум. Анабелл очень трезво смотрела на окружающий мир, принимая его таким, какой он есть. Я уже поняла, что меня она атаковала, заподозрив во мне шпионку, но едва убедившись, что меня никто никуда не засылал, она стала относиться ко мне как к союзнику – в некотором роде вынужденному, но вполне надёжному. Надёжному не потому, что она так быстро уверилась в моей лояльности, а потому, что мне попросту было некуда деваться. Со мной она была вполне откровенна и не скрывала, что я нужна ей, в первую очередь, просто как средство достижения цели, но относилась ко мне, кажется, вполне дружелюбно. Именно это мне в ней больше всего и нравилось – она всегда была очень честна и высказывала своё мнение открыто, не заботясь о чувствах собеседника. Поскольку нас связывала общая тайна, о которой не должен был знать никто из окружающих, мы чувствовали себя заговорщиками. Ведь, как известно, общие секреты могут сближать ничуть не хуже общих интересов.

Спустя пару дней после этого необычного открытия мисс Грэм ушла из дома по делам. Насколько я поняла из её уклончивого ответа, она собиралась не только за обычными

бытовыми покупками, но и на встречу с кем-то из Путешественников, чтобы доложить, как у неё продвигаются дела. Этой долгожданной передышки я ждала очень долго, и самым моим большим желанием было просто поваляться на кровати, наконец-то расслабившись. Но времени на отдых не было. Едва за Анабелл закрылась дверь, я поспешила в свою комнату и достала дневник сэра Реджинальда. Надо бы уже закончить его чтение, поскольку времени у меня почти не оставалось: и эта странная свадьба угрожающе приближалась, да и выяснить, что же скрывал сэр Реджинальд, тоже было необходимо. И я, собрав всю волю в кулак, снова засела за перевод.

Исписанные страницы подходили к концу, и я уже начала подозревать, что в дневнике на самом деле скрыт какой-то шифр, который придётся разгадывать, но затем удача соизволила мне улыбнуться.

«15 марта, 1884. Сегодня в руки Искателей наконец-то попал предмет, о котором мы столько слышали. Знаменитый «Знак равных»... Не думал, что мне когда-нибудь доведётся не то что поддержать собственными руками, но даже увидеть его. И всё равно оставлять эту вещь у «Искателей» опасно. Но, пожалуй, вернуть её магам будет ещё опаснее. Гаррет предложил всем Искателям высказать своё мнение открыто, чтобы решить, что делать со «Знаком»».

«25 апреля, 1884. Большинство Искателей сошлось на том, что хранение «Знака равных» может повлечь за собой опасность для нас всех. После собрания Гаррет попросил меня задержаться и предложил спрятать «Знак» так, чтобы его никто не нашёл. Но я не желаю брать на себя подобную ответственность. Возможно, я трус... Но я не готов рисковать жизнью моей дочери».

«28 апреля, 1884. Вчера вечером на Гаррета напали. Нападающих было трое, и их можно было бы принять за обычных грабителей, но по возвращении домой он обнаружил, что в его кабинете что-то искали. Слуги клянутся, что они здесь ни при чём. Кто бы ни охотился за «Знаком равных», он не должен его получить. Страшно наделять любого мага подобной властью».

«29 апреля, 1884. Я принял решение. Гаррет отдал «Знак равных» мне. Корнуолл лежит достаточно далеко от Лондона, чтобы можно было надёжно спрятать этот артефакт. Разумеется, никто из Искателей не в курсе. Если Господь будет милостив, так всё и останется».

«30 апреля, 1884. Если бы я был на месте магов и знал, что данный Искатель прячет очень важный и опасный артефакт, где бы я стал его искать? Разумеется, в самом отдалённом от Лондона месте. Прятать «Знак равных» в Корнуолле нельзя, потому что именно там его станут искать в первую очередь. Полагаю, что места, лучше Лондона не найти. В моей библиотеке есть тайник, который открывается, если повернуть на сорок пять градусов статуэтку на камине. Надеюсь, этого будет достаточно».

Это была последняя запись в дневнике. Все эти отрывки нагоняли странное, давящее чувство опасности, и я попыталась стряхнуть с себя оцепенение. Не помогло. Все свои воспоминания сэр Реджинальд излагал очень подробно и последовательно, а последние шли рублеными, короткими кусками без вступления и завершения, и мне показалось, что отец мисс Барнс был по-настоящему напуган, когда это писал. Почему записи прекратились именно на этом моменте? Могло ли быть так, что кто-то выяснил, что таинственный артефакт забрал себе именно сэр Барнс, решив просто избавиться от Искателя, который узнал что-то такое, чего ему не полагалось знать? Возможно ли, что его убили?

И о каком артефакте может идти речь? Об артефактах я вообще ничего не знала, и тут моя фантазия могла разыгаться вовсю.

Но зачем гадать, когда можно узнать наверняка? Я усмехнулась этой мысли и перечитала последнюю запись за 30 апреля. Я и так прекрасно знаю, как теперь поступлю. Тянуть время бессмысленно.

Я поднялась на ноги и решительным шагом направилась в библиотеку. Плотно закрыла за собой дверь и подошла к камину. Его и в самом деле украшали несколько фарфоровых статуэток, на которые я раньше не обращала внимания. Все они оказались приклеены к поверхности, и я аккуратно, чтобы случайно ничего не повредить, принялась ощупывать

их по очереди. На третьей мне повезло – после небольшого усилия она вдруг с тихим скрипом повернулась вокруг своей оси. В пустой комнате отчётливо щёлкнул какой-то механизм, и я завертела головой по сторонам в поисках источника звука. На первый взгляд, всё осталось на местах, и никакие инородные предметы не спешили привлекать внимание. Убедившись, что больше никаких изменений не происходит, я отошла от камина и осмотрелась, пытаясь вспомнить, откуда шёл звук. После несколько затянувшихся поисков я оказалась возле одного из книжных шкафов. На первый взгляд он ничем не отличался от остальных, но затем я обратила внимание, что книги на верхней полке не стояли вплотную к стене, и до неё оставалась небольшая щель. Подтащив стул, я принялась вытаскивать книги, ругая собственный невысокий рост. Насколько же жизнь была легче в моём родном теле, в котором я всегда могла сама дотянуться до верхних полок!

Но вскоре я позабыла о недовольстве. За книгами в стене обнаружилась дверца, которая после поворота статуэтки «выскочила» из стены. В закрытом состоянии она наверняка сливалась с ней, и обнаружить её было почти невозможно. Ощувив лёгкую дрожь в руках, я глубоко вздохнула и решительно потянула дверцу на себя.

За ней оказалась маленькая ниша, вроде современных сейфов, в которой стояла небольшая шкатулка. «Деревянная шкатулка с вырезанными символами», – вспомнились мне слова сэра Гаррета Уинслоу, пока я вертела находку в руках. Вырезанными символами оказались руны, украшавшие шкатулку на крышке и по бокам. Я узнала руну Иваз – символ защиты, и Райду – символ пути. На ней не было замка, и я с любопытством открыла её. Некстати пришедшее на ум сравнение с древнегреческой Пандорой я прогнала.

Внутри лежал всего один предмет – тусклые старинные часы на цепочке. Я повертела их в руках. Никакого холода я не чувствовала – соответственно, тёмной магии в них не было.

Помедлив, я всё же открыла крышку и обнаружила, что это были не совсем часы. Больше всего это было похоже на раритетный секундомер – циферблат был как у часов, но стрелка всего одна, и указывала она ровно на двенадцать. Там же, на корпусе, над цифрой «XII» была небольшая кнопка. И какое-то десятое чувство мне отчётливо подсказывало, что её пока лучше не нажимать.

Поколебавшись несколько мгновений, я сунула находку в карман платья. Что бы это ни было, будет лучше, если этот предмет будет храниться у меня. В мире, в котором я совершенно чужая, да ещё в окружении толпы магов, ведущих свои игры, мне нужен хоть какой-то спрятанный в рукаве козырь. Анабелл об этой находке пока лучше не знать. Да, сейчас мы с ней союзники, но я не настолько сошла с ума, чтобы доверить вещь, за которой охотится столько человек, первому встречному. Неизвестно, насколько этот «Знак равных» ценен, и мне теперь надо будет в этом разобраться.

Пустую шкатулку я закрыла и вернула на место. Затем поставила на место книги, убедившись, что они стоят в том же порядке, что и до моего вторжения в библиотеку. Стул вернулся к письменному столу. Последним штрихом стало возвращение фарфоровой фигурки в её изначальное положение. По тихому щелчку со стороны шкафа я поняла, что дверца тайника встала на своё место.

Теперь библиотека выглядела точно так же, как и двадцать минут назад. Никто и не заподозрит, что в ней что-то искали. И нашли.

Я удовлетворённо улыбнулась и вышла, прикрыв за собой дверь.

Глава 8

Находка загадочного артефакта стала единственным интересным событием; в остальном же дни текли всё так же однообразно, и мне вскоре стало казаться, что я попала в своеобразный «День Сурка». Никаких светских мероприятий мне из-за траура по-прежнему не полагалось, навещать меня ни знакомые семьи, ни мой жених не желали. Сэр Перси всё так же редко появлялся дома, и я осталась на растерзание Анабелл, которая продолжала моё обучение. Конечно, я прекрасно сознавала важность этих уроков, и успела усвоить за это время кое-что новое. Но стены старого особняка всё сильнее давили на меня, и я мечтала сделать хоть что-то, чтобы немного встряхнуть это однообразное существование. Я была даже согласна на новое опасное приключение или неожиданный встречу, лишь бы внести какую-то яркость в эти совершенно одинаковые дни.

Поэтому, когда несколько дней спустя на первом этаже хлопнули входные двери и раздался громкий шум, я мгновенно вскочила из-за фортепьяно и устремилась в коридор. Перед этим я успела заметить, как Анабелл иронично вздёрнула одну бровь в ответ на мою прыть, но не обратила на это внимания, а вместо этого добежала до лестницы на первый этаж и остановилась на ней, рассматривая, что происходит внизу.

Кажется, случилось что-то экстраординарное – по крайней мере, сэру Перси было неоткуда взяться дома в неурочное время. На первом царила настоящая суматоха: двое мужчин, в одном из которых я узнала лакея сэра Перси, а второй, судя по виду, был простым работягой, занесли в дом третьего, незнакомого мне хорошо одетого господина, который, похоже, был без сознания. Сара и Мэри носились по комнате как две всполошившиеся наседки и, кажется, не имели ни малейшего представления, что им следует делать. Сэр Перси остановился на пороге и наблюдал, как бесчувственного джентльмена сгрузили на диван; у того обнаружилась ссадина на лбу, откуда продолжала сочиться кровь. У кузена был очень мрачный, обеспокоенный вид. Заметив меня, сэр Перси посмотрел беспомощно.

– Надо послать за доктором Митчеллом, – наконец принял он решение и осмотрелся по сторонам в поисках того, кто смог бы исполнить роль посыльного.

За моей спиной раздались решительные шаги, и вниз спустилась мисс Грэм. С совершенно невозмутимым лицом, словно подобные картины ей доводилось лицезреть ежедневно, она оглядела людей в доме, затем подошла к мужчине на диване и хладнокровно повернула его голову к свету, осматривая рану. Горничные дружно ахнули.

– Вскипятите воду и принесите чистые полотенца, – спокойно приказала Анабелл, закончив осмотр. Девушки бросились исполнять её поручение, и через пару секунд их в гостиной уже не было.

– Может, нужен доктор?.. – робко заикнулся сэр Перси, на которого явно произвела впечатление железобетонность компаньонки, но та покачала головой.

– В этом нет необходимости. У него всего лишь содрана кожа и небольшой ушиб. Скоро очнётся, ничего с ним не будет.

Баронет вздохнул с настолько заметным облегчением, что мисс Грэм спросила:

– Что произошло?

– Он попал под колёса моего экипажа, – нехотя признался кузен и воровато отвёл взгляд. – Мы проезжали Друри-Лейн, а вам известно, какое там оживлённое движение! Кучер даже не успел увидеть этого джентльмена!

Судя по его виноватому лицу, это экипаж кузена мчался слишком быстро, а пострадавший джентльмен как раз не был виноват в этом несчастном случае, но признавать свою вину кузен решительно не желал.

– Ему повезло, что его не затоптали насмерть, – мисс Грэм хмыкнула, но сэр Перси не заметил её насмешки, а вместо этого повернулся к незнакомому мужчине, который помог занести раненого. Сейчас, когда в его услугах больше не нуждались, он скромно стоял у стены и ждал, когда на него кто-нибудь обратит внимание. Он был небрит, в не

очень чистой поношенной одежде, и у меня создалось впечатление, что он весь день таскал на себе кули с мукой или что-то такое же тяжёлое. Заметив, что я смотрю на него, он изобразил неловкий поклон.

– Благодарю вас за помощь, – сэр Перси вручил ему несколько монет, и рабочий, низко поклонившись и пробормотав слова благодарности, удалился.

Анабелл, продолжая рассматривать джентльмена на диване, поинтересовалась:

– Не знаете, кто это? Он явно не из бедных.

– Совершенно не представляю, – сэр Перси смешно вытянул голову, пытаясь увидеть время на напольных часах в углу комнаты. После заверения Анабелл, что жизни пострадавшего ничего не угрожало, он явно расслабился и хотел поскорее вернуться к привычной жизни. Так и не разглядев домашние часы, он спохватился и вытряхнул из кармана жилета небольшой брегет. – Мисс Грэм, не будете ли вы так любезны... Я опаздываю на встречу в клубе... Я никак не могу её пропустить...

– Конечно, сэр Перси, – с постным видом отозвалась та, и лично я не могла определить, вызвали ли у неё осуждение слова баронета. – Поезжайте. Я обо всём позабочусь.

– Вы мой ангел-хранитель, мисс Грэм! – радостно вскричал сэр Перси, подавая какие-то знаки своему лакею и зигзагом отступая к дверям.

Через несколько секунд с тихим щелчком закрылась входная дверь – новый баронет Барнс отправился развлекаться, радуясь, что ситуация разрешилась для него так благополучно. Я только покачала головой. Это в моём родном мире на него бы сразу подали в суд за причинение вреда здоровью, и чёрта с два он бы так легко отделался, а тут – убежал, и до свидания... Хотя кто знает, кем является раненый джентльмен. Одет он вполне прилично, значит, из высокого сословия. Может, он сейчас очнётся и потребует компенсации...

Оглядевшись по сторонам, Анабелл убедилась, что в гостиной осталась одна я, а горничные ещё не вернулись, и провела рукой над лицом джентльмена. Видимо, она использовала какие-то чары, потому что человек вдруг пошевелился и слабо застонал. За моей спиной раздались торопливые шаги, и в комнату вошла Сара с миской, над которой поднимался пар. За Сарой следовала Мэри, передавшая Анабелл полотенце. Моя компаньонка приняла его, аккуратно свернула, намочила и принялась стирать кровь с лица постепенно приходившего в себя господина.

– Бетси, идите заниматься дальше, – не поворачивая головы в мою сторону, коротко распорядилась Анабелл тоном вредной мисс Грэм. – Вы уже достаточно времени потратили впустую.

– Но... – обиженно заикнулась было я, убеждённая, что последние слова были крайне несправедливы. За прошедшие дни я стала гораздо лучше ориентироваться в нотах и пела гораздо увереннее, да и танцевальные фигуры понемногу начали запоминаться. Но затем я заметила суровый взгляд компаньонки и решила, что выяснять отношения при посторонних будет неразумно. Поэтому я только вздохнула. – Хорошо, мисс Грэм.

Та удовлетворённо кивнула, уже не глядя в мою сторону, и я уныло побрела обратно в музыкальную комнату. Там я села за фортепьяно и принялась перебирать ноты, а затем затянула сентиментальную песенку про девушку, чей возлюбленный утонул. Песня была грустная, медленная, вполне соответствовавшая моему мрачному настроению. Когда она закончилась, я подпёрла голову рукой и посмотрела в окно. До смерти хотелось выйти погулять, подышать свежим воздухом, потому что сидение в четырёх стенах казалось всё более невыносимым. Эх, и почему я не обладаю магической силой, как прочие Путешественники? Почему Путешественники во времени не могут управлять магией? Я бы не отказалась сейчас от таких способностей – по крайней мере, мне было бы проще отстаивать свои права и желания...

Хотя у кого их отстаивать? Не у Анабелл же! У неё свои интересы, и она как раз делает всё, чтобы я поскорее адаптировалась к этому миру. А с кем мне тут воевать? С сэром Перси? Со всем викторианским обществом? С женихом и прочими магами? Это же бессмысленно. Едва ли я смогу доказать кому-то свою правоту...

От этих мыслей настроение испортилось окончательно, и я отложила ноты в сторону. Все песни, которые мы исполняли вместе с Анабелл, мне уже приелись, и я отчаянно скучала по той музыке, которую слушала в двадцать первом веке – по разным направлениям тяжёлого рока, на фоне которых викторианская музыка казалась красивой, но после долгого исполнения становилась невероятно тягостной. И сейчас, подумав, что у меня больше нет никаких сил исполнять то, что было популярно в девятнадцатом веке, я запела песню, которая являлась заглавной темой из одной компьютерной игры, также оставшейся в моём родном две тысячи пятнадцатом году. В песне не было никаких современных понятий и терминов (потому что игра была стилизована под Средневековье), и она была об общих вещах – о тёмных временах и трудностях пути, и о надежде, которая бывает так необходима, чтобы продолжать идти вперёд. Песня всегда мне очень нравилась и цепляла за живое, но спеть её самостоятельно мне никогда не удавалось, поскольку в припеве и каждом куплете полагалось высоко тянуть ноты. Голос мисс Барнс же с лёгкостью справился с этим препятствием, и к середине песни я позабыла о плохом настроении и подавленности. Словно в комнате пел кто-то другой, а я слушала знакомые слова, произносимые чужим – и в то же время моим – голосом. Отсутствие музыки меня сейчас нисколько не смущало – она просто не была мне нужна. Было в этой песне что-то такое, что действительно заставляло думать о надежде, о том, что за самой тёмной ночью обязательно придёт рассвет... Последняя строка заканчивалась высокой нотой, после которой песня словно оборвалась, и я замолчала, слегка оглушённая возникшей тишиной. Как же это было прекрасно! Если бы у меня была возможность вновь встретиться с настоящей Элизабет Барнс, я бы обязательно от всего сердца поблагодарила её за эти чудесные впечатления...

Раздавшиеся в дверях редкие хлопки вынудили меня подпрыгнуть на месте и стремительно развернуться, так что я чуть не слетела со стула на пол. Я ожидала увидеть на пороге Анабелл, но вместо неё, к моему удивлению, там стоял тот самый джентльмен, которого чуть не переехал сэр Перси. Он был всё ещё бледен, но уже вполне пришёл в себя. Ссадина на лбу была аккуратно промыта, а костюм местами испачкан после падения на грязную мостовую, но всё равно джентльмен явно принадлежал к состоятельным кругам. Хотя на аристократа он, пожалуй, похож не был... Джентльмен был уже немолод, лыс, но с бакенбардами, которые переходили в густые усы и бороду. На носу у него сейчас было пенсне, которого я не заметила сразу, и которое уцелело после происшествия на улице. На меня джентльмен смотрел с таким восторгом, что мне невольно захотелось подняться и раскланяться, как в театре.

– Прошу прощения, что прервал ваше уединение, мисс, будучи непредставленным, – очень искренне извинился гость.

– Ничего страшного, – отозвалась я, и только после этих слов подумала, что благовоспитанной девице девятнадцатого века следовало бы высказать своё «фи» на такое бесцеремонное вторжение, но я пока продолжала мыслить категориями своего времени. – Как вы себя чувствуете, сэр?

– Гораздо лучше, мисс, гораздо лучше. Благодарю вас. Уверю вас, этот инцидент не стоит вашего беспокойства. Однако, мисс, не могу не заметить – ваш голос... завораживает. Он поистине прекрасен! Я уже много лет не слышал столь чудесного исполнения!

В его последних словах зазвучал настоящий восторг, и я смутилась, про себя подумав, что напрочь забыла закрыть дверь музыкальной комнаты, так что моё пение наверняка донеслось и до первого этажа.

– Вы очень добры, сэр.

– Мистер Хогарт! – на лестнице послышались быстрые решительные шаги, и на пороге возникла Анабелл. Увидев нас вдвоём, она неодобрительно поджала губы, и я вспомнила об очередном правиле викторианцев – не оставлять незамужнюю девушку наедине с мужчиной.

Джентльмен же лишь виновато развёл руками:

– Приношу свои извинения, мисс Грэм. Пение молодой мисс просто обворожительно. Ах, как жаль, что она аристократка! И к тому же не замужем!

- Мистер Хогарт! - возмутилась Анабелл. Даже мне последнее замечание пострадавшего показалось странным, но Анабелл словно по-прежнему играла роль чопорной гувернантки, хотя прекрасно поняла, к чему относилось это замечание.

- Что вы имеете в виду, сэр? - прямо спросила я, смягчив вопрос вежливой улыбкой. Но ответила мне неожиданно Анабелл:

- Мисс Барнс, позвольте представить вам мистера Хогарта - директора театра на Друри-Лейн. Он же главный режиссёр. Мистер Хогарт, это мисс Барнс, дочь сэра Реджинальда Барнса.

Судя по лицу гостя, моё имя ему ни о чём не говорило. Я же сама с интересом его разглядывала. Директор театра? Это что-то новенькое после моих здешних знакомых благородного происхождения...

- К сожалению, наш театр переживает сейчас не самые удачные времена, - печально вздохнув, сообщил мистер Хогарт и сложил пухлые ладони на животе. - Но мы стараемся, как можем. Ах, мисс Барнс, ваш голос не должен пропадать в музыкальных комнатах! Другие тоже должны знать об этом сокровище! Ах, если бы только вы могли...

- Мистер Хогарт, вы переступаете черту... - опять строго начала Анабелл, но я не дала ей договорить, поскольку всё никак не могла взять в толк, что он имел в виду.

- Прошу прощения, сэр, но о чём вы говорите?

- О вашем таланте, разумеется! - пылко вскричал он. Директор так разволновался, что вытащил носовой платок в синюю клетку и вытер лоб и щёки. - С таким голосом вы должны выступать на сцене! Ах, мисс Барнс, если бы вы были актрисой, наш театр снова стал бы знаменитым и востребованным!

Я невольно улыбнулась, приняв его слова за милую шутку.

- Благодарю за лестные слова, сэр, но у меня нет актёрского таланта. Я не умею играть.

- Вам и не было бы необходимости играть в спектакле! - лицо директора театра стало мечтательным - он явно ушёл в свои мысли и нас уже не замечал. - Только представьте: конец первого действия. Антракт. Зрители скучают, дожидаясь продолжения. И тут появляется вы. Публика поначалу теряется, не понимая, что происходит и чего ждать. И тут вы начинаете петь. Исполняете что-нибудь весёлое и быстрое или же грустное и торжественное - в зависимости от пьесы. Все заворожены, восхищены вашим исполнением. Зрители будут в восторге.

Я представила себе рисуемую мистером Хогартом картинку. Внезапно она показалась мне вполне интересной, захватывающей и - что самое невероятное - не такой уж фантастической. Но в следующий миг раздалось язвительное покашливание, и я обнаружила, что Анабелл смотрит на меня с выражением, исполненным глубокого скепсиса.

- При всём уважении, мистер Хогарт, мисс Барнс - леди. К тому же, в скором времени она станет графиней. Ей не подобает петь на сцене.

- А почему нет? - вдруг спросила я, приложив все силы, чтобы вопрос не прозвучал вызывающе. Но напоминание о приближающемся браке оказалось уж очень неприятным, и какая-то часть меня отчаянно пожелала выразить протест.

Анабелл же, кажется, едва удержалась, чтобы не отвесить мне подзатыльник, но взяла себя в руки.

- Как вы себе это представляете? - язвительности в её голосе хватило бы на троих. - Вы в трауре!

- Он почти закончился.

- Вас могут узнать!

- Нет, если надеть маску или хотя бы наложить грим! Мы же говорим о театре!

– Благовоспитанные девицы благородного происхождения не поют на сцене!

Судя по решительности в голосе, это был самый веский аргумент в её арсенале. Отвечать на эту реплику вслух я не стала, но Анабелл по моему красноречивому взгляду и так прекрасно догадалась, что я хотела сказать.

«А я не благовоспитанная девица благородного происхождения».

Она шумно выдохнула, потому что возразить здесь было нечего, и только продолжала буравить меня осуждающим взглядом, а мистер Хогарт, с интересом слушая нашу перепалку, даже сделал шаг назад, чтобы не попасться разгневанной компаньонке под горячую руку. Но, кажется, идея с привлечением меня к театральному искусству действительно захватила его, потому что он миролюбиво заметил:

– Разумеется, я не смею настаивать, но, мисс Грэм, должен заметить, что ваша подопечная права в одном. Мы сможем гарантировать ей полное инкогнито. Я прекрасно понимаю, что огласка никому не нужна, и готов приложить все усилия, чтобы мисс Барнс чувствовала себя комфортно.

Анабелл метнула в него такой испепеляющий взгляд, что он поспешно добавил, вновь хватаясь за платок, и торопливо засеменил назад:

– Но, полагаю, что данный вопрос требует более глубокого обдумывания... Возможно, будет лучше, если я вас покину... Не смею больше вам мешать... Но в любое время я жду вас в театре для обсуждения деталей! И от всей души благодарю вас за ваше гостеприимство!

Он откланялся и почти бегом удалился. Анабелл дождалась, пока шаги директора и режиссёра смолкнут на лестнице, а затем закрыла дверь в музыкальный салон и повернулась ко мне. Руки скрещены на груди, тонкие ноздри раздулись от негодования, в глазах – праведный гнев.

– Что ты творишь?!

– Ничего особенного, – мрачно заявила я, приготовившись с боем отстаивать своё мнение. – Только я не могу больше безвылазно сидеть здесь и подчиняться дурацким правилам, от которых в моём времени не останется и следа!

– По-твоему, лучший способ что-то изменить – это поставить под удар своё доброе имя и репутацию?!

– Это не мои имя и репутация, Анабелл, – тихо напомнила я. – Я не мисс Барнс.

– Но жить тебе в её шкуре! – грубо парировала Путешественница, и на это возразить мне было нечего.

Какое-то время мы молчали. Спустя несколько секунд я увидела, как злость на её лице сменяется задумчивостью.

– И как ты себе всё это представляешь? – наконец поинтересовалась она уже без прежней непримиримости.

Я задумалась. Предложение мистера Хогарта, поначалу выглядевшее совершенно абсурдным и нереальным, внезапно показалось не таким уж невероятным.

– У меня всё ещё траур... – медленно произнесла я. – Ходить я почти никуда не могу, и визитами знакомые меня тоже не балуют. Кузен дома бывает только по утрам и ночам, и то не всегда. Значит, моего отсутствия дома никто не заметит.

– Но помимо самих выступлений будут ещё репетиции, – сухо напомнила Анабелл, и я кивнула.

– Понимаю.

– Внешность изменить в целом можно... – задумчиво заметила она. – Ты же понимаешь, что никто в театре не должен узнать твоего имени?

- Придумаем псевдоним, - пожала плечами я.

Она присела на диван, продолжая размышлять, и я осторожно спросила:

- Так ты не возражаешь?

Анабелл устало помассировала виски и посмотрела на меня, как на маленького ребёнка, которому бесполезно что-либо доказывать.

- По большому счёту - возражаю. То, что ты предлагаешь, - авантюра и безрассудство, которые нужны тебе не для какой-то цели, а просто так, чтобы развлечься. Это может угрожать моему делу.

- Но?.. - поторопила я её, когда она замолкла, хотя фраза осталась незавершённой.

В этот момент Путешественница усмехнулась - холодно, оценивающе.

- Но тебе повезло, что театр на Друри-Лейн тоже попадает в зону наших интересов, - её голос понизился почти до шипения. - А это значит, что и там ты сможешь быть нам полезна.

Глава 9

– Я по-прежнему не понимаю, как подобная идея вообще могла взбрести тебе в голову, – проворчала Анабелл и откинулась на спинку сиденья, осуждающе скрестив руки на груди. – А ещё больше не понимаю, почему я согласилась на это...

Я ничего не ответила. Слегка отодвинув шторку на окне кареты, я с интересом рассматривала городские улицы. В прошлый раз, когда мы отправлялись на музыкальный вечер, присутствие сэра Перси мешало мне, а сейчас я пользовалась случаем и восполняла пробелы в своём образовании. Правда, из-за тумана, основательно приправленного угольным смогом, видимость снова была весьма ограниченной, но что-то разглядеть всё же удавалось.

Стояло утро, и горожане спешили по своим делам. Мальчишки-газетчики с большими сумками и жестяными кружками продавали газеты, громко выкрикивая последние новости. Кухарки с объёмистыми корзинами шли на рынок за продуктами. Местный аналог дворника – метельщик – старательно разгонял грязь по перекрёстку, а затем отступил в сторону, давая дорогу тяжело нагруженной телеге. Я увидела нескольких чистильщиков обуви, точильщика ножей, тащившего на себе здоровенную конструкцию с точильным камнем, стайку уличных мальчишек, промчавшихся по мостовой с громким гиканьем и свистом...

– Ты сама не отдаёшь себе отчёт, в какую авантюру ввязываешься, – с упорством католического монаха, отказывающегося во времена правления Генриха VIII принять англиканство, продолжала гнуть свою линию Анабелл. – Если хоть кто-то узнает, кто ты...

Этими нравоучениями она уже порядком меня замучила, хотя в глубине души я не могла не признать, что в её словах есть зерно истины. Это действительно была безрассудная затея, в которой по здешним меркам слишком многое оказывалось поставленным на карту, и у меня не было чёткого и внятного ответа, зачем мне это понадобилось. Пожалуй... я всё ещё ощущала себя так, словно моя настоящая жизнь осталась в двадцать первом веке, в то время как то, что происходило здесь, воспринималось как нечто непривычное и инородное, словно я не жила сама, а смотрела кино по телевизору или наблюдала за представлением из зрительного зала. Та единственная «достойная» участь, которую могло предложить викторианское общество женщине благородного происхождения, казалась мне весьма ограниченной и неинтересной, и потому я с такой готовностью ухватилась за сумасбродное предложение Хогарта. Оно действительно могло бы принести новые, гораздо более острые ощущения, которые в этом мире могли бы показаться совершенно недопустимыми...

– Мы это уже обсуждали, – напомнила я Анабелл, решив не излагать свою позицию вслух. Путешественнице она точно будет абсолютно чужда. – И никто ничего не заподозрит. Здесь молодые девушки мыслят совершенно по-другому! Никто и вообразить себе не может, что молодая леди, да ещё незамужняя, пойдёт на такое!

Анабелл молчала, только сердито хмурила брови, и я невинно поинтересовалась:

– А почему ты не пытаешься угрожать мне и запретить меня дома? Чем я могу быть полезна Путешественникам в театре?

Лицо компаньонки слегка разгладилось, и теперь она смотрела скорее задумчиво.

– Об этом я расскажу тебе позднее. Сейчас, если вы с Хогартом сможете до чего-то договориться, твоей задачей будет осмотреться и держать ухо востро. Старайся замечать любые странности.

Оторвавшись от созерцания лондонской улицы за окном, я удивлённо взглянула на Анабелл.

– Ты о чём? У меня странное ощущение, будто ты отправляешь меня шпионить.

– В некотором роде, – нисколько не смутившись, спокойно подтвердила та, и у меня от такой открытой наглости глаза на лоб полезли.

– А теперь объясни поподробнее, – я скрестила руки на груди, напряжённо наблюдая за лицом собеседницы. – Что это за новости? Мы говорили о моём безрассудстве, а теперь вдруг выясняется, что ты хочешь втянуть меня в ваши путешественнические интриги!

На неё моё праведное возмущение не произвело никакого впечатления.

– Тебе не придётся шнырять по всему театру, суя нос везде, куда тебя не просят, – без малейших сомнений заверила она меня. – Твоя единственная задача – наблюдать. Это у тебя неплохо получается, как я уже успела убедиться.

– Но почему вы не могли отправить в театр кого-то из ваших, чтобы он сам всё выяснил?

– Это небезопасно.

Дальнейших комментариев не последовало. Я смотрела на неё, ожидая продолжения, но Путешественница явно не собиралась ничего мне объяснить. Только добавила после небольшой паузы:

– И мне самой здесь часто появляться тоже не следует. Во-первых, потому что никто не должен узнать твою компаньонку, а во-вторых...

Она замялась, на её бледном лице отразилось некое подобие борьбы, словно принимала решение, стоит мне говорить или нет, а затем вздохнула:

– Просто не следует. Сегодня я схожу с тобой, но потом... Я буду сопровождать тебя сюда и встречать после, но в театре ты будешь поступать по собственному усмотрению. Впрочем, – на последних словах в её голосе прорезались слегка ядовитые нотки, – насколько я могу судить, именно этого ты и добиваешься.

Я ответила ей ангельской улыбкой, и дальше мы ехали в молчании. На Друри-Лейн экипаж остановился (к слову сказать, сюда мы приехали в кэбе, который поймали, отойдя на приличное расстояние от дома), но Анабелл вышла не сразу. Вместо этого она аккуратно отодвинула шторку, изучая театральный подъезд и – особенно внимательно – небольшую очередь за билетами. Я не поняла, что именно или кого именно она высматривала, но потом Анабелл дала знак, что можно выходить.

Здание старейшего театра Англии было мне знакомо, поскольку я несколько раз проезжала мимо него в своём родном времени. Тогда оно казалось совсем небольшим, но здесь это двухэтажное здание вполне органично вписывалось в улицу, хотя и показалось мне заметно обветшавшим. Ах да, директор же говорил, что сейчас они переживают не самые удачные времена...

В холле театра было пусто, только женщина средних лет в сером платье и переднике занималась уборкой. В руках у неё была метёлка из перьев, которой она старательно смахивала пыль с витых перил лестницы. На наш вопрос, где мы можем найти мистера Хогарта, она указала на двустворчатые двери наверху, за которыми, по моим представлениям, должен был находиться зрительный зал.

Так и оказалось. Переступив порог, я едва не присвистнула. То ли это был своеобразный обман зрения, то ли здание изнутри было так спроектировано, но зал оказался неожиданно просторным и высоким – больше подходящим какой-нибудь опере, чем обычному театру. И вот здесь народу уже было значительно больше. Первой моё внимание привлекла разгневанная молодая женщина на сцене, которая что-то сердито выговаривала утомлённой пожилой даме, одновременно тыча пальцем в свою ярко-красную юбку. Акустика в зале была такая, что гневные реплики можно было слышать даже в дальних его уголках:

– Как можно было так её подшить? Я вас спрашиваю – как?! Чтобы я растянулась на сцене прямо посреди действия?

– Мисс Уилфред...

– Если, по-вашему, это нормально, то выступайте сами! А я не желаю рисковать собственной шеей!

– Но, мисс Уилфред...

– Я так понимаю, наш дорогой директор наконец-то нашёл мне дублёршу?! Раз вы считаете, что можете больше не прислушиваться к моим словам!..

– Послушайте, мисс Уилфред...

– Слышать ничего не желаю! В этом театре отвратительно относятся к людям! Я немедленно увольняюсь!

– Дорогая, будьте снисходительны, – вступил новый голос. На этот раз знакомый – с первого ряда поднялся мистер Хогарт и направился к сцене, молитвенно прижимая руки к груди. – Маргарет, дорогая, уверен, это лишь недоразумение...

– Как это может быть недоразумением, если я сотню раз объясняла, как стоит подшить это платье? – воинственно подбоченившись, не желала уступать позиций женщина. – Или моё мнение теперь здесь совсем ничего не значит?

– Разумеется, значит, дорогая, – несколько утомлённо возразил директор, а затем достал носовой платок и вытер им лоб. – Вы главное достояние нашего театра...

Говорил он, однако, без особого пыла, словно вовсе не пытался переубедить женщину. И мне показалось, что он делал это не потому, что ему на самом деле было всё равно, а оттого, что подобную картину наблюдал не впервые, прекрасно зная дальнейшее развитие событий и, возможно, некоторые реплики. Присмотревшись повнимательнее, я убедилась в своей правоте – прочие присутствующие как ни в чём не бывало занимались своими делами, не обращая внимания на разгоревшийся скандал. Похоже, к подобным сценам они все были вполне привычны. Дирижёр и музыканты в оркестровой яме перебирали ноты и негромко о чём-то советовались. На дальних рядах и балконах горничные продолжали уборку. Болезненного вида молодой мужчина с усиками щёгольского вида сидел на стуле на сцене и скучающе наблюдал за спором. Мужчина был брюнетом и обладал, в общем-то, красивой наружностью, но его здорово портило выражение безграничного презрения ко всему окружающему миру на бледном, нездоровом лице. Ещё несколько человек расположились в зале на первых рядах. Лиц я не видела, но подумала, что это тоже актёры. На задворках сцены время от времени появлялись рабочие, которые в данный момент были заняты тем, что налаживали освещение и устанавливали новые декорации.

– Только я этого что-то совсем не чувствую! – спор на сцене разгорелся с новой силой, и актриса зло топнула ногой. – Думаете, я не знаю, что вы все за моей спиной строите мне козни? А ведь я единственная, кто в этом чёртовом театре хоть что-то делает! МакКинли пьёт, Гровер воруёт...

– Что-о-о?! – протяжно взвыл брюнет, разом растеряв весь свой богемный вид, и одним движением вскочил на ноги. – Да как ты смеешь?!.

– Правда глаза колет? – язвительно прошипела женщина. Сузив глаза, она вдруг стала удивительно похожа на рассерженную кошку, которой наступили на хвост. – Не так ли, милый?

– Клевета! – как-то по-женски взвизгнул, по всей видимости, упомянутый ею Гровер. В руках он беспокойно мямлял какие-то листы – должно быть, сценарий. Пальцы у него были белые, длинные, кисти неприятно напоминали пауков. – Сама рыщешь по театру в поисках свежих слухов и сплетен и разносишь их по окрестностям, как помойная крыса – чуму!

Последнее сравнение оказалось особенно ярким, и лицо актрисы перекошилось от злости.

– Ничтожество, – выплюнула она в ответ.

– Истеричка, – отрезал тот.

– Посредственность, – припечатала актриса, что, видимо, в её арсенале оскорблений обладало какой-то особой силой. Затем она гордо выпрямилась, подобрала подол платья и удалилась со сцены куда-то за кулисы. Полная дама, на которую она кричала в самом начале, проворно поспешила следом, что при её габаритах было не так легко. Молодой человек посмотрел вслед актрисе с выражением глубочайшего отвращения на лице,

затем вернулся на своё место и начал аккуратно разглаживать безнадежно помятый сценарий. Мистер Хогарт глубоко вздохнул, осмотрелся, и только сейчас заметил нас. Всё это время мы с Анабелл стояли молча у дверей, издалека наблюдая за развернувшимся представлением.

Хогарт очень резво направился в нашу сторону, вызвав удивлённые взгляды актёров. Усталость на его лице сменилась выражением самого искреннего радушия.

– Я счастлив видеть вас, мисс... – тут он осёкся, театральным жестом прижал ладонь ко рту, как человек, в самый последний момент не выдавший страшную тайну, и покаянно склонил голову. – Приношу свои глубочайшие извинения. Я всё помню, и мы обойдёмся без имён. Смею ли я надеяться, что моё предложение нашло в вас отклик?

– Можно и так сказать, – подтвердила я, позабавленная витиеватостью формулировки.

– Вы не можете представить, как я счастлив! – круглое лицо директора театра стало ещё круглее от появившейся там широкой улыбки. – Это лучшее известие за весь сегодняшний день! Позвольте пригласить вас в мой кабинет, чтобы мы могли в спокойной обстановке всё обсудить?

Я согласно кивнула, Анабелл сохраняла молчание, а Хогарт махнул рукой, обращаясь к остальным присутствующим:

– Продолжайте!

На сцену поднялись несколько человек для следующего акта, а мы, следом за режиссёром, вышли из зала.

Кабинет Хогарта оказался небольшим, но обставленным добротной мебелью. На письменном столе был завал из бумаг, а сбоку скромно стояла пузатая бутылка бренди и пара бокалов. Судя по количеству остававшегося в ней напитка, директор был не прочь сырым английским вечером принять добрый глоток горячительного.

– Я смею надеяться, что вы обдумали мои слова, мисс Барнс, – обратился ко мне Хогарт, тщательно прикрыв за собой дверь.

– Ну не знаю, – иронично вставила Анабелл, глядя на меня. – Если у вас такие концерты, как сегодня, проходят регулярно...

Директор только махнул короткопалой рукой.

– Маргарет – великолепная актриса. Невероятно талантливая. Для нашего театра огромная удача, что она играет у нас. Мне очень жаль, что ваше знакомство с нашим театром началось именно с этой пренеприятной сцены. Но, как у всех талантливых людей, у Маргарет свои... привычки. Ни одна премьера у нас не обходилась без скандала во время репетиции. Таким образом она настраивается, готовится к роли, – последние слова он произнёс с неким благоговением.

Путешественница тихо фыркнула, но директор всё равно её услышал и пожал плечами.

– Все привыкли и просто терпят. Гроверу – нашему ведущему актёру – конечно, приходится тяжелее остальных, потому что именно ему чаще всего адресованы её нападки. Но у него свои особенности, и нам – простым смертным – остаётся только смириться.

– Мистер Хогарт, – решила перейти к делу я, – ваши вчерашние слова меня заинтересовали. Однако прошу вас принять во внимание, что я по-прежнему связана светскими условностями, и время, которое я могу провести здесь, весьма ограничено.

– Я всё прекрасно понимаю, мисс Барнс, – на этот раз директор театра выглядел вполне серьёзным. – Разумеется, я приложу все силы для того, чтобы наше сотрудничество вышло как можно более плодотворным.

Он так и сказал – «сотрудничество», и я взглянула на него внимательнее. Интересно, всё это театрально-манерное поведение – это просто маска? Так сказать, издержки профессии?

– Итак, – Хогарт предложил нам присесть и сам расположился за письменным столом. – В театре мы стараемся чередовать серьёзные, трагические пьесы с бытовыми, комическими пьесками. Но сейчас у нас, если можно так выразиться, «трагический период», и мы ставим пьесу французского драматурга Расина «Федра».

– Я её читала, – бездумно отозвалась я, даже не вдумываясь в собственные слова. Анабелл бросила на меня предупреждающий взгляд, у директора удивлённо приподнялись брови, а я прикусила язык. М-да, и не объяснишь ведь, что через сто тридцать лет Расин будет обязательным к прочтению в курсе зарубежной литературы...

– Что ж, – прервал режиссёр затянувшееся молчание, решив не заострять на нём внимание, и снова вытер лоб платком. – Превосходно. Премьера уже состоялась, хотя мы собрали, к сожалению, далеко не такой полный зал, как нам бы того хотелось. Даже некоторая скандальность постановки не помогла... Маргарет Уилфред – наша звезда, но до лавров Сары Бернар она, конечно, не дотягивает... Сама по себе пьеса весьма психологична и, по мере развития, страсти в ней всё больше накаляются. Мне кажется, что ваше, мисс Барнс, выступление в антракте смогло бы довести напряжение до ещё более высокой точки. Разумеется, при тщательно подобранном репертуаре.

Он замолчал, ожидая от меня какой-то реакции, но я лишь кивнула.

– Понимаю.

– Репетиции проходят с утра и днём, и, насколько я могу судить, именно на них вы сможете приезжать без особых проблем.

В этот момент я окончательно убедилась, что, несмотря на милую внешность доброго дядюшки, Хогарт в первую очередь оставался коммерсантом. Ему было прекрасно известно, что «мисс Барнс» носила траур, и его это нисколько не беспокоило. Приятно иметь дело с деловым человеком.

– Сами выступления, разумеется, вечером, – продолжил он. – Но ведь вряд ли кто-то ждёт, что вы появитесь в театре, мисс Барнс?..

Режиссёр замолк, ожидая от нас с Анабелл потока праведного возмущения, но мы обе молчали, и он повеселел.

– Так что, полагаю, мы сможем найти компромисс. Вам, мисс Барнс, необходимо взять псевдоним и изменить внешность. Вы уже выбрали себе сценическое имя? Если да, то можно представить вас остальной труппе именно под псевдонимом, и хоть сейчас перейти к обсуждению деталей.

Вопрос был весьма актуальным, хотя о псевдониме я начисто забыла, больше размышляя о том, как можно было бы изменить внешность.

Директор и Анабелл продолжали смотреть на меня, ожидая моего ответа. Директор – с доброжелательным интересом, Анабелл – с лёгкой насмешкой. Ну и почему, когда срочно надо что-то выдумать, в голову никогда не приходит ничего путного?

– Пускай будет «мисс Бетси», – ляпнула я, когда тишина стала слишком уж звонкой. По крайней мере, к «Бетси» я уже слегка привыкла, и не буду забывать на него отзываться.

– Прекрасно, – совершенно спокойно согласился директор и снова потянулся за платком. – «Мисс Бетси» так «Мисс Бетси». Ваши жалованье будет составлять три фунта за каждое выступление.

Совершенно не представляя, много это по здешним стандартам или мало, я посмотрела на Путешественницу. Анабелл слегка склонила голову, и я с умным видом кивнула.

– Хорошо.

– Превосходно! – он даже хлопнул в ладоши и вскочил на ноги. – Тогда прямо сейчас я познакомлю вас с труппой. Я очень надеюсь, что вы поладите с актёрами...

И повёл нас обратно в зал. Меня постепенно захватывало ощущение какой-то нереальности происходящего. Уже не особо отдавая себе отчёт, я последовала за

директором, но до зала мы дойти не успели.

Из двери с табличкой «Костюмерная» вдруг показалась та самая пожилая дама, с которой скандалила Маргарет при нашем появлении, и сразу же бросилась к Хогарту, на ходу рассказывая о каких-то проблемах в костюмерной. Директор извинился перед нами, попросил подождать его пять минут, и убежал следом за миссис Браун – так он представил нам костюмершу. Мы с Анабелл переглянулись, пожали плечами и зашли в костюмерную, чтобы не ждать в коридоре.

Внутри нам открылись длинные ряды одежды, и у меня немедленно разбежались глаза от обилия красок и фасонов. Я словно попала в точку пересечения самых разных эпох – здесь были и платья с кринолинами, и военная форма, и греческие тоги, и рыцарские кольчуги, и средневековые туники... У окна стоял рабочий стол, на котором лежала гора ярко-красной ткани. В ней я опознала платье Маргарет. Сбоку от стола начинался ряд манекенов, на которых были парики и головные уборы.

– Как ты собираешься изменить внешность? – поинтересовалась Анабелл, разглядывая золотое платье Клеопатры на одном из манекенов. – Грим?

– Не хотелось бы, – задумчиво отозвалась я, изучая своё лицо в зеркале.

Мне доводилось читать, что в косметике раньше использовали ядовитые вещества, вроде свинцовых белил, что приводило к жутким заболеваниям кожи и общим проблемам со здоровьем. По крайней мере, во Франции семнадцатого-восемнадцатого века подобное было точно. Однако проверять на собственном опыте, из чего делали косметику в Англии конца девятнадцатого века, у меня не было ни малейшего желания.

– Здесь нужно что-то другое...

Пройдя вдоль манекенов с париками, я нашла глазами тот, на котором волосы выглядели наиболее натурально – он был ярко-рыжий, – и попыталась надеть его. На мою собственную причёску он не налезал, и я принялась вытаскивать из светлых волос шпильки. Анабелл открыла было рот, чтобы разразиться возмущённой тирадой, но только махнула рукой, справедливо рассудив, что спорить бесполезно.

Приложив определённые усилия, мне удалось спрятать волосы под парик, и теперь я с интересом разглядывала в зеркале ярко-рыжее отражение.

– Этого мало, – занудным голосом немедленно встала Анабелл. – Тебя всё равно можно узнать, пусть и не с первого взгляда.

– Вижу... – задумчиво пробормотала я. Осмотревшись по сторонам, я вдруг зацепилась взглядом за предмет, который мог бы оказаться именно тем, что мне было необходимо. С напольной стойки я сняла шляпку, к которой была прикреплена полупрозрачная вуаль. Надела её, расправила вуаль и посмотрела в зеркало. Единственным ярким пятном на мне оставался рыжий парик, который проглядывал из-под вуали. Полупрозрачная вуаль слегка мешала обзору. Я повернулась к Анабелл, ожидая её вердикта.

– Знаешь, а это уже интересно, – сообщила она, рассматривая меня со всех сторон. – Ты предлагаешь не просто спрятать внешность мисс Барнс, но вовсе не показывать своё лицо, чтобы никто из зрителей не знал, кто поёт на сцене? В этом что-то есть. Но чего-то всё равно не хватает...

Она осмотрелась по сторонам, ничего не нашла, а затем открыла сумочку и достала из неё какой-то тюбик. Я сообразила, что это, только когда уже Анабелл схватила меня за подбородок тонкими, стальными пальцами и принялась деловито красить мне губы.

– Стой спокойно! – прикрикнула она, когда я протестующе замычала и попыталась вырваться. – А то криво получится...

Я невольно отступила назад, когда она наконец-то отпустила меня, и с трудом подавила в себе желание немедленно стереть помаду.

– Из чего она хоть? – неприязненно поинтересовалась я. Опасения за собственное здоровье никуда не делись.

- Олений жир. От него не умирают, - она критически рассматривала результат своих действий, а потом развернула меня лицом к зеркалу. - Посмотри. Так лучше. Только помаду пускай тебе Хогарт покупает.

Изучая собственное отражение в зеркале, я была вынуждена с неохотой согласиться, что Анабелл права. Вуаль не скрывала черт лица, но слегка искажала их. Посторонний взгляд невольно должен был задерживаться именно на ярко-алых губах или рыжем парике, которые мешали мысленному воссозданию моего портрета. Пожалуй, это действительно было то, что нужно. Затем я повернулась и с удивлением увидела, как на лице Анабелл впервые за весь день появляется одобрительная улыбка.

Глава 10

Вернувшись вскоре Хогарту и миссис Браун мы объявили, что одолжим у театра на неопределённый срок часть реквизита. Директор, которому мы продемонстрировали мой новый сценический образ, пришёл в восторг и распорядился, чтобы миссис Браун подобрала мне одежду в тон к шляпе и парикю. Следующие полчаса помощница костюмерши – молодая невзрачная серая девушка в таком же невзрачном сером платье – снимала с меня мерки, пока сама миссис Браун работала над ярко-красным платьем Маргарет, попутно руководя действиями помощницы. К концу этой процедуры я уже чувствовала себя порядком уставшей, на что Анабелл только фыркнула – мол, ты сама на всё это подписалась, так что теперь не жалуйся. Она была права, и я прикусила язык.

Когда костюмерша наконец-то позволила мне уйти, на лестнице меня снова подхватил мистер Хогарт и повёл в зрительный зал – знакомиться с труппой. Анабелл именно в этот момент вспомнила, что оставила дома невыключенный утюг (на самом деле она упомянула встречу с портнихой, о которой совсем забыла, но смысл был примерно тот же), и поспешно распрощалась, напоследок шепнув мне, что будет ждать в карете. Её явное нежелание встречаться с актёрами было совершенно открытым, но я решила добиться от неё правды позднее. Директор театра учтиво проводил её до дверей, и, едва Путешественница скрылась из поля зрения, я почувствовала неуверенность, впервые оставшись наедине с совершенно незнакомым мне миром. Всё-таки присутствие чопорной и хладнокровной Анабелл, пусть и безгранично преданной Путешественникам, неплохо меня успокаивало.

Ну, ладно. Разберусь сама.

На сцене полным ходом шла репетиция. Маргарет, одетая на этот раз в платье винного цвета, нервно вышагивала из угла в угол, всем лицом выражая сильнейшие душевные терзания. Наконец, не выдержав напряжения, она бросилась на кушетку, и к ней немедленно подбежала седая кормилица (если я помню правильно, в пьесе её звали Энона) и принялась причитать над убивающейся царицей, параллельно пытаясь выяснить причину её мучений. В отличие от ведущих актёров, одетых современно, на остальных действующих лицах были тоги. Я так и не поняла причин этого различия – то ли сценические костюмы главных героев находились в стирке, то ли это была такая смелая режиссёрская находка.

Зато именно сейчас я наконец-то сообразила, почему Хогарт назвал постановку скандальной – во-первых, у всех актрис были слишком открыты плечи, спины и грудь, и было очевидно, что под сценическими костюмами нет тонн нижних рубашек, сорочек и так далее. А во-вторых, скандальной была сама пьеса. Действительно, ставить в викторианской Англии с её моральными устоями действо про то, как царица влюбляется в собственного пасынка, позабыв о муже, долге, ребёнке, и не может совладать с этой страстью – это очень смело.

– Господа! – торжественно провозгласил Хогарт, когда сцена подошла к концу, и Федра с кормилицей спустились со сцены вниз. Возглас Хогарта привлёк внимание всех остальных, и теперь на нас смотрели все присутствующие в зале. – Господа! Для меня огромное удовольствие представить вам сегодня нового члена нашей труппы!

Эти слова произвели магическое воздействие. Все разговоры немедленно стихли, и теперь на меня смотрели уже пристально, изучая со всех сторон. Самым пронзительным оказался взгляд ведущей актрисы – Маргарет оценивающе изучала меня с ног до головы, что-то прикидывая в уме. Пожалуй, этот интерес был мне понятен – чисто коммерческий, ведь появление новой фигуры в устоявшемся коллективе актёров должно было так или иначе нарушить уже сложившийся порядок, хоть в финансовом плане, хоть в том, как теперь будут распределяться роли. Я была уверена, что эту мысль Маргарет сейчас и выскажет вслух, но первым об этом заговорил совсем другой персонаж:

– Не могу не спросить, Хогарт – и на какую же роль вы берёте новую актрису? В нашем спектакле все роли уже разобраны. Конечно, если мне не изменяет память...

Издавательские слова принадлежали ведущему актёру, которого директор назвал Гровером. В отличие от прочих актёров, подтянувшихся поближе, чтобы получше меня рассмотреть, он продолжал сидеть в первом ряду партера, лениво развалившись в

кресле. О скандале с Маргарет уже ничто не напоминало, и он как ни в чём не бывало рассматривал меня, особое внимание уделив груди и бёдрам, хотя я с трудом могла представить, как он мог разглядеть хоть что-то под моим наглухо закрытым платьем.

На колкость Гровера директор не обратил никакого внимания.

– Мисс Бетси будет петь в антракте, – радостно сообщил он, словно делился какой-то невероятно приятной новостью. Я даже покосилась на него с удивлением – не думала, что моё присутствие может кого-то привести в такой неописуемый восторг.

– Но мы никогда не ставили музыкальные номера, – удивлённо заметила Маргарет. Теперь она стояла близко ко мне, и я, пользуясь случаем, изучила её внешность. Это оказалась жгучая брюнетка, которую я в жизни бы не приняла за англичанку, несмотря на вполне английское имя. Больше всего она была похожа на испанку или итальянку – высокая, смуглая, черноволосая, с живыми тёмными глазами. Очень красивая женщина, и в Лондоне она со своей экзотической внешностью точно должна была иметь толпу поклонников. После увиденного утром я была готова к тому, что сейчас она закатит ещё один скандал – на этот раз из-за появления совершенно новой фигуры. Но актриса выглядела вполне спокойной.

Мистер Хогарт, как мне показалось, с трудом сдержал вздох облегчения и немедленно обмахнулся платком.

– У мисс Бетси прекрасные вокальные данные, – заверил он Маргарет. – Полагаю, что в этом случае музыкальный номер себя оправдывает. Она не будет участвовать в основном действии вместе с вами, и вам не придётся узнавать манеру игры друг друга и подстраиваться. Полагаю, что трудностей быть не должно.

Эти слова, похоже, удовлетворили всех присутствующих. Только дирижёр, выглядывавший из оркестровой ямы, смотрел теперь с любопытством.

– «Мисс Бетси» – а дальше? – поинтересовалась «кормилица». Присмотревшись повнимательнее, я заметила, что это была ещё молодая женщина. Просто на ней был седой парик и грим, изображавший морщины.

– Просто мисс Бетси. Без фамилии, – спокойно пояснила я.

Актёр средних лет в пробковом нагруднике, выкрашенном золотой краской, которая должна была означать благородное золото, хмыкнул и что-то сказал на ухо своей соседке – светловолосой актрисе невыразительной наружности. Гримёр с помощью косметики попытался сделать её лицо более ярким, и, возможно, из зрительного зала результат смотрелся неплохо, но вблизи девушка выглядела размалёванной, как страшная ведьма из сказки. Остальные же посмотрели задумчиво, прикидывая, кем я могу быть, но однозначного ответа из моей внешности они бы не получили. Одета я была по-прежнему скромно, а держаться как благородная леди я пока так и не научилась, несмотря на все старания Анабелл, так что узнать настоящую меня они бы не смогли.

– Ну, мисс Бетси так мисс Бетси, – наконец вполне равнодушно отозвалась Маргарет, словно вынося общий приговор, и актёры перестали изучать меня с таким интересом.

– Всё равно музыкальные номера – это глупо, – отозвался Гровер и с небрежным изяществом вновь открыл сценарий. – Мы же не какое-то парижское кабаре... Впрочем, нашему дорогому Хогарту, разумеется, виднее.

Судя по интонации, будь его воля, Гровер немедленно выставил бы за порог непонятную певичку и не тратил бы более своё драгоценное время на подобную ерунду, однако был вынужден подчиниться обстоятельствам. Он вновь углубился в чтение сценария, и весь его вид выражал снисходительное презрение к черни, которая ничего не понимала в высоком искусстве. Женщина, исполнявшая роль кормилицы, и ещё две девушки, судя по костюмам, игравшие служанок-наперсниц, смотрели на него с обожанием. Пожалуй, не без причины – выглядел ведущий актёр сейчас очень по-байроновски, а на подобных романтических героев барышни западали регулярно.

– Мисс Бетси, – обратился ко мне Хогарт, которого поведение ведущего актёра нисколько не задело. – Я представляю вам нашу труппу. Мисс Маргарет Уилфред – наша

ведущая актриса, исполнительница главных женских ролей. Томас Гровер – наш ведущий актёр, исполняет главные мужские роли. Сара Уотсон и Фред Мастерс – актёры основных второстепенных ролей, – девушка в ярком гриме и мужчина в пробковом нагруднике кивнули. – А также Дугал МакКинли, Лилиан Бейкер, Билл Карлтон и Анна Уоррен. И, разумеется, мистер Скотт, руководитель нашего оркестра.

Все актёры кивали, когда их называл директор, даже Маргарет. Один Гровер так и не поднял головы, когда его назвали. Я же вежливо улыбалась, стараясь не подать виду, что большая часть имён пролетела мимо меня, никак не отложившись в памяти. Позже постараюсь их всё же выучить. Теперь, как я понимала, меня ожидала последняя часть экзамена, от которой будет окончательно зависеть, стану я «актрисой» или нет. Не оплошать бы сейчас перед всеми присутствующими... Ведь одно дело – петь дома, где тебя почти никто не слышит, и совсем другое – перед толпой народа. И это при том, что во время настоящего представления слушателей явно будет во много раз больше.

Ничего. Ты справишься. Вся твоя жизнь после перемещения в прошлое больше похожа на какой-то странный спектакль, чем на настоящую, и это – лишь его продолжение. Так что вперёд.

– Мисс Бетси, – обратился ко мне режиссёр, когда с церемонией знакомства было закончено, – не будете ли вы так любезны что-нибудь нам всем исполнить?..

Следующая неделя из-за репетиций пролетела незаметно. В театр я ездила чуть ли не каждый день, отправляясь туда сразу после обеда (Анабелл намертво стояла на том, что по утрам я должна оставаться дома – на случай, если кто-нибудь из знакомых семьи всё же захочет прийти с визитом). Однако знакомые с визитами не торопились, и нас навестили лишь уже знакомые мне мисс Оливия Вейлор с матерью, а также ещё одна пожилая леди, задержавшаяся на чай. Анабелл продолжала обучать меня; сэр Перси по-прежнему пропадал где-то со своими друзьями, а потом и вовсе уехал по приглашению одного из них куда-то за город. Так что сразу после обеда я отправлялась в театр и оставалась там до вечера. С актёрами я постепенно перезнакомилась заново, хотя близко ни с кем не общалась. Да и виделись мы не слишком часто, потому что репетиция самого спектакля проходила по утрам.

Анабелл наспех объясняла, на что именно я должна была обращать внимание в театре, а сама я пока не обнаружила ничего подозрительного. Конечно, у актёров были свои странности, особенно у Маргарет и Гровера, но мне казалось это вполне естественным: актёры – натуры творческие, что с них взять. За исключением истерик, которые Маргарет закатывала перед спектаклем, чтобы настроиться на нужный лад – обычно поводом к этому служила любая мелочь, и обвинить во всех смертных грехах она могла любого, – других тараканов у Маргарет в голове я не заметила. Из всех актрис в театре она единственная могла позволить себе роскошный яркий гардероб, передвигалась в собственном экипаже и жила в собственном городском доме. Как на следующий же день сообщила мне Сара Уотсон, у Маргарет был богатый любовник из лондонской знати, не жалевавший денег на её содержание. Сама Сара без грима оказалась остроносой девушкой, в чьих чертах сквозило что-то лисье, которая обожала совать нос не в свои дела. Мне показалось, что она постоянно, страстно и неутомимо завидовала Маргарет, всеми силами пестуя эту зависть. Томас Гровер же на деле оказался избалован женским вниманием, которое он принимал как должное. Все актрисы, горничные, помощница костюмерши – абсолютно все были влюблены в него, и я поначалу никак не могла понять, почему. Лично мне Гровер показался обычным нарциссом, который был в неописуемом восторге от собственной персоны. Это продлилось до того момента, пока я не увидела их с Маргарет, репетирующими сцену, в которой Федра признаётся в любви Ипполиту. Они оба играли с такой страстью, искренностью, что даже я на какое-то время поверила, что передо мной на сцене находились ожившие герои трагедии. Всю нервность и богемность Гровера как рукой сняло, а в его растерянность и смущение в этой сцене поверил бы самый опытный театральный критик. А если в пьесах, где главный герой влюбляется, он с такой же выразительностью объясняется в любви... Понятно, почему всё женское население театра было от него без ума.

Приехав на очередную репетицию, я поспешила в гримёрную. Она была у меня общей с прочими актрисами, личная полагалась только Маргарет, учитывая её статус примы. Перебросившись парой слов с Сарой и Лилиан, я надела парик, накрасила губы,

приладила шляпу с вуалью и поспешила обратно в зал. В таком виде я репетировала теперь постоянно, привыкая к новому образу. Вуаль была неплотной, обзору почти не мешала, и я почти перестала её замечать.

В зале царила суматоха – как выяснилось, с самого утра никто не мог найти Гровера, и репетиция зашла в тупик. Актёры прогнали сцены, в которых не был задействован ведущий исполнитель, но теперь он был необходим просто позарез. Я быстро поздоровалась с остальными, только что закончившими собственную репетицию, и Хогартом, после чего поспешила занять своё место на сцене. Петть перед пустым залом у меня получалось неплохо, по крайней мере, Хогарт не уставал повторять, что я принесу театру неслыханный успех. Это порядком раздражало Маргарет, Гровера и остальных, но к счастью, испортить мне жизнь они пока не пытались. Правда, Гровер никогда не упускал случая ядовито заметить, что моё участие в представлении выглядит, как пятое колесо в телеге, и все его почитательницы всецело разделяли эту точку зрения, однако решение Хогарта оспорить никто не пытался. Несмотря на несколько комичную внешность и манеры, директор управлял театром твёрдой рукой, умудряясь одновременно режиссировать спектакли, и все актёры без вопросов признавали его авторитет. Таким образом, в театре сохранялся строгий порядок.

Мы же не какое-то парижское кабаре!..

Краем глаза я успела заметить, как в дверях зала появилась высокая фигура, к которой с радостным восклицанием устремилась Маргарет, а затем мистер Скотт взмахнул палочкой, оркестр заиграл, и я позабыла обо всём на свете, сосредоточившись на нотах.

После долгих раздумий Хогарт остановился на грустной старой английской песне о конфликте долга и желаний, которая как нельзя лучше подходила к пьесе по настроению. Репетировала я теперь не только в театре, но и дома – Анабелл любезно пошла мне навстречу и аккомпанировала на фортепьяно. Голос мисс Барнс никогда не подводил, и я должна была следить только за попаданием в ноты и собственными движениями на сцене. Они, к слову, были весьма скупыми, но здесь от певицы и не ожидали никаких танцевальных номеров.

Высоко дотянув последние слова песни, я замолчала. Оркестр доигрывал последние секунды, я привычно поклонилась пустому залу и начала искать глазами Хогарта в ожидании дальнейших указаний, но тут тишину разорвали одиночные хлопки, услышать которые я совершенно не ожидала.

– Bravo! – воскликнул знакомый голос, и я изумлённо вытаращилась на его обладателя. – Брависсимо! Просто прекрасно!

В непосредственной близости от сцены обнаружили Маргарет и тот самый человек, который пришёл в начале моего выступления. Вспомнив о приличиях, я перестала таращиться и теперь лишь задумчиво рассматривала Майкла Фостера, который смотрел на меня с вполне искренним восхищением. Маргарет держала его под руку, прильнув к нему всем телом, что в высшем обществе считалось совершенно недопустимым, но здесь остальные присутствующие выглядели спокойными.

– Вы совершенно правы, виконт! – пылко согласился Хогарт, выскакивая, словно чёртик из табакерки, от полноты чувств размахивая рукой, в которой был зажат платок.

– У вас обворожительный голос, мисс, – продолжил Майкл, обращаясь ко мне. – Кажется, Хогарт нашёл настоящее сокровище!

– Она не актриса, – несколько ревниво вставила Маргарет, пристально наблюдая за лицом Майкла. – Только поёт в антракте.

М-да. Так вот, получается, чьей содержанкой она является? Даже стало как-то обидно за Розмари.

– Уверен, вас ждёт небывалый успех, мисс... – Майкл сделал паузу, и Хогарт немедленно подсказал:

– Бетси.

– Мисс Бетси, – послушно повторил Майкл и улыбнулся мне. Поразительно, но он не

узнавал меня. Значит, наша с Анабелл задумка сработала, и меня не раскрыли...

Кстати о птичках. Уж не это ли Анабелл имела в виду, когда велела мне внимательнее глядеть по сторонам?

Двери зала громко хлопнули, и внутрь ввалился Гровер, которого с самого утра никто не мог найти. Выглядел он ещё более нездоровым, чем обычно, на белых впалых щеках горели лихорадочные пятна, волосы растрёпаны. Шёл он, качаясь из стороны в сторону, и был, судя по всему, мертвецки пьян.

– Какие люди почтили нас своим появлением, – прокомментировал МакКинли, а Хогарт лишь сухо осведомился:

– Мистер Гровер, вы в состоянии работать?

– Вполне, – заверил тот, прошествовал мимо нас к сцене, обдав запахом перегара, и едва не свалился в оркестровую яму. Однако, поднявшись на сцену, он удивительным образом преобразился – в глазах появился блеск, шаг стал ровным и более плавным. На нас он посмотрел уже вполне осмысленным взглядом.

– Ладно, будем считать, что в состоянии, – со вздохом сказал Хогарт. – Начинаем со второго акта!

Актёры разбежались по своим местам, а Маргарет, поправив то самое красное платье, заново перешитое костюмершей, повернулась к Майклу:

– Надеюсь, вы извините меня за эту задержку? Мы с самого утра не могли репетировать из-за того, что Гровер не появлялся...

– Конечно, дорогая, – Майкл улыбнулся, и я только про себя вздохнула. Ну как ему удаётся быть настолько красивым? – Я подожду тебя.

– Бетси, извините нас, – слегка устало обратился ко мне Хогарт и утёр неизменным платком пот со лба. – Но, похоже, ваша репетиция на сегодня окончена. Сами видите, что происходит...

– Разумеется.

Анабелл, конечно, ещё не приехала, чтобы забрать меня. Но оставаться я не хотела, и потому отправилась в гримёрную. По дороге мне никто не встретился, и в нужном коридоре было пусто. Пребывая в своих мыслях, я уже нажала на ручку, но тут заметила, что дверь в гримёрную Маргарет была приоткрыта, и из-под неё пробивался свет. И более того – внутри явно кто-то был и ходил, отчего в полосе света проскальзывали тени. Интересно. Актриса сейчас внизу, в компании своего любовника. А тут кто? Сара ищет компромат на приму? Или подсыпает ей толчёное стекло в туфли?

Совершенно не думая, что делаю, я приоткрыла дверь. Она двигалась совершенно бесшумно, и человек в комнате ничего не заметил, поскольку стоял ко мне спиной, быстро перебирая предметы на столике. Его лицо отражалось в зеркале, и я чуть слышно ахнула. Либо у меня начались галлюцинации, либо здесь и в самом деле находился Джеймс Блэквуд, который увлечённо копался сейчас в вещах Маргарет.

Что бы он тут ни делал, мне стоит исчезнуть. Он маг, а я застала его фактически на месте преступления... И он меня не знает. Не стоит связываться.

Осторожно, медленно, я начала пятиться назад. Половицы не скрипнули, но какой-то посторонний звук маг всё же уловил, потому что резко вскинул голову и в ту же секунду увидел в зеркале моё отражение.

Мне показалось, что этот миг растянулся на вечность.

Затем он стремительно обернулся ко мне. На его лице не было смущения из-за того, что его застали за столь неприглядным занятием. На человека, срочно пытающегося придумать оправдание, он тоже не походил. На меня маг смотрел спокойно и пристально, пытаясь разглядеть моё лицо, и я отчаянно пожалела, что на мне была лишь полупрозрачная вуаль, хотя никаб в данный момент был бы гораздо уместнее. Только бы

не узнал, только бы не узнал...

– Если вы ищете мисс Уилфред, то она внизу, на репетиции, – как я ни пыталась, скрыть нотки иронии в голосе мне не удалось, и Джеймс их, конечно, расслышал. Должно быть, он ожидал, что я подниму крик или позову на помощь. Моё спокойствие удивило его, и теперь он посмотрел на меня по-новому. Оценивающе.

– В самом деле? – он огляделся по сторонам, словно пытался найти Маргарет, и снова посмотрел на меня. В тёмных глазах читалась издевательская насмешка. – Благодарю за помощь. Я бы сам не додумался.

– Я к тому, что, если вы хотите что-то найти в её вещах, вам было бы лучше спуститься и спросить её саму, – продолжила я, словно меня кто-то тянул за язык. – Возможно, она помогла бы вам это отыскать.

Джеймс ещё несколько секунд рассматривал меня – при этом я чувствовала, как мои руки мелко дрожат – а затем вдруг усмехнулся.

– Это вы только что пели на сцене? – поинтересовался он, чуть прищурившись, явно пытаясь рассмотреть моё лицо под вуалью.

Я подавила в себе желание шагнуть обратно в спасительную тьму коридора.

– Я видел вас. Ваше пение меня заворожило.

Как и Майкл, он не узнавал меня. Парик, помада и вуаль сделали своё дело. Но если Майклу это ещё было простительно, то Джеймс, не узнающий собственную невесту, показался мне образцом равнодушия и цинизма. Зачем он тогда вообще собрался жениться на мисс Барнс – и, соответственно на мне, – раз он даже её голос не узнаёт? И я не имею в виду пение на сцене, но её обычный голос – вот сейчас, когда мы разговариваем?

Чёрт возьми, о чём я только думаю?

– И что вы собираетесь предпринять, мисс? – осведомился он, изучая меня со снисходительной усмешкой. Я сообразила, что стою в дверях, воинственно скрестив руки на груди, всем своим видом демонстрируя решимость и непоколебимость. – Позовёте на помощь? Побежите за директором Хогартом? Вызовете полисменов?

Ни один из этих вариантов меня абсолютно не устраивал. Я уже собиралась ответить, как вдруг мой взгляд зацепился за бумажку, засунутую за зеркало туалетного столика за спиной Джеймса, и мои глаза изумлённо расширились. Мне даже захотелось протереть их, чтобы убедиться, что мне не показалось. От Джеймса не укрылось, как я переменилась в лице, и он обернулся в поисках причины. Увидел листок, выдернул его.

– Что это?

– Меня гораздо больше интересует, откуда это здесь взялось, – медленно произнесла я, глядя на бумажку в его руках, как на ядовитую змею.

На листке были нарисованы руны – в точности такие же, как те, что были нарисованы на плоском камне в низине под Оствиком в две тысячи пятнадцатом году. Я бы хотела сказать, что ошибаюсь... Но тот рисунок настолько глубоко въелся мне в память, что ошибки быть не могло. Это действительно были те самые руны в той самой последовательности. Чёрт возьми...

Джеймс повертел записку в руках, не обнаружил в ней ничего интересного и подбросил в воздух. Повинуясь какому-то странному инстинкту, я метнулась вперёд, чтобы поймать планирующий листок. Подхватила его, чтобы снова взглянуть на знаки, словно желая ещё раз убедиться, что это действительно они – можно подумать, что за эти несколько секунд они бы изменились! – и только в этот момент поняла, что Джеймс успел обойти меня и теперь стоял в дверях. Мы поменялись местами, и теперь его ничто не отделяло от пустого коридора.

– Хорошего дня, – он насмешливо отсалютовал мне и уже собирался исчезнуть, как я ляпнула:

- Невежливо с вашей стороны, лорд Блэквуд, бросать даму, не объяснив причин столь бесцеремонного вторжения!

Он оглянулся и посмотрел на меня уже более внимательно. В глазах сверкнул непонятный огонёк, и мне показалось, что сейчас он попросит меня снять вуаль. Его голос всё ещё звучал легкомысленно, но я поняла, что мои слова застали его врасплох:

- Так вам известно моё имя.

Я как можно независимее пожала плечами, настороженно ожидая его реакции. Ну почему я сначала говорю и только потом думаю? Но Джеймс, придя к какому-то решению, только улыбнулся. Эта улыбка была такой знакомой, и в этот момент он был так похож на того себя, с которым мы разговаривали в коттедже Алана Маршалла, что моё сердце застучало, как сумасшедшее. Ну почему меня угораздило в него влюбиться?! Почему это чувство живо до сих пор?

- И это прискорбно, ведь мне не известно ваше, - продолжил он.

- Мисс Бетси, - выдавила я в ответ, не отводя от него глаз.

Джеймс слегка наклонил голову.

- Рад знакомству, мисс Бетси, - и вдруг ни к селу ни к городу поинтересовался: - Когда ваше первое выступление?

- Через д-два дня, - заикнувшись, всё же ответила я.

Он улыбнулся.

- Я приду, - низким голосом пообещал он, и с этими словами исчез в темноте коридора.

Глава 11

Взвинченная и растерянная, я не стала дожидаться Анабелл, а отправилась домой одна, взяв кэб. О конспирации я вспомнила лишь в самый последний момент и не стала снимать шляпу с вуалью и парик, а поехала прямо в них. Едва переступив порог, я сразу устремилась в комнату, которую Анабелл использовала как кабинет, и где занималась хозяйственными вопросами. При моём бесцеремонном вторжении без стука она оторвалась от грессбуха с расходами и отложила в сторону перо. Тонкие чёрные брови иронично изогнулись.

– Надеюсь, у тебя имеется веская причина для того, чтобы явиться домой в таком виде, угрожая раскрыть нашу инсценировку?

– Ты отправила меня в театр, потому что знала, что там будут маги? – резко осведомилась я, проигнорировав её тон, который строгий начальник обычно использует в общении с нерадивым подчинённым. – Я должна шпионить за ними? Поэтому ты не ходишь со мной в театр – потому что мою компаньонку они бы, скорее всего, узнали?

Анабелл опустила голову обратно к книге и аккуратно обмакнула перо в чернильницу.

– Значит, они уже появились, – не столько спросила, сколько утвердительно заметила она. – Понятно. Полагаю, ты видела виконта Фостера?

– И графа Блэквуда, который обыскивал гримёрную Маргарет Уилфред, пока его друг развлекал нашу приму, – подтвердила я, продолжая буравить Путешественницу злым взглядом. Было жарко, и я с досадой стянула с себя шляпу, швырнув её на стул.

Мои слова произвели на Анабелл странное впечатление. На раскрытый грессбук с пера капнули чернила, и несколько цифр исчезли под тёмно-синей кляксой. Путешественница ничего не заметила, растерянно глядя на меня.

– Что он искал? – коротко спросила она. На лбу прорезались морщинки, когда она нахмурилась, скорее удивлённая, чем встревоженная.

– Этого он мне не сказал.

– Так он видел тебя?!

– Фактически я застала его на месте преступления, – при взгляде на изумлённое лицо Анабелл, я испытала на миг мстительное удовольствие оттого, что мне наконец-то удалось вывести её из равновесия. Но я быстро устыдилась этого чувства и добавила:

– Не беспокойся, он меня не узнал. Мы просто немного поговорили, и он сбежал. Что ему было нужно, он не сказал.

– Меня больше удивляет, почему он не придушил тебя там, – буркнула Путешественница. – Зачем ему свидетельница? Хотя, это же маги... Что с них, этих хранителей равновесия, вопящих о своём пацифизме, взять...

Я вздрогнула. Услужливая память немедленно подкинула воспоминание, как Джеймс, будучи тёмным магом, пытал и убил двух Путешественников. Значит, сейчас, раз он является магом ковена и не использует тёмную магию, он не причиняет вреда другим людям? И как сильно в таком случае могут различаться оба мага – тот, которого я знала в двадцать первом веке, и тот, с которым познакомилась здесь?

Анабелл, занятая собственными мыслями, не заметила моего волнения.

– Значит, пока Блэквуд был в гримёрной, Фостер отвлекал Маргарет?

– Не могу сказать, – я покачала головой. Об этом я думала по пути домой, но мысли сами собой возвращались к рунам, и сосредоточиться мне не удавалось. – С одной стороны, я сомневаюсь, что Джеймс стал бы действовать за спиной Майкла, ведь они друзья. С другой – что он мог там искать? Или Майкл не доверяет своей любовнице и в чём-то её подозревает?

– Может, он банально подозревает её в неверности? – предположила Путешественница,

но я только фыркнула.

– Шутишь? Из-за такой ерунды два аристократа будут копаться в личных вещах какой-то актрисы? Это скорее подошло бы для Сары Уотсон или Гровера, но не для магов. Нет, здесь что-то другое.

И я бы сказала, что нечто важное в гримёрной Маргарет как раз обнаружилось – листок с рунами, которые, я точно знала, станут началом важной цепочки событий. Но Джеймса они нисколько не заинтересовали, и он даже не узнал в них часть магического ритуала. Выходит, он искал что-то другое.

– Ты мне так и не сказала, за чем именно я должна наблюдать в театре, – напомнила я Анабелл, решив подойти к делу с другого угла, после чего уселась на диван и пытливо взглянула на неё.

Путешественница откинулась на спинку стула и смотрела на меня совершенно спокойно. Пару секунд она размышляла, принимая решение, а потом кивнула.

– Леди не сидит, положив ногу на ногу, – строго напомнила она, и я неохотно подчинилась. На лице Путешественницы появилось слабое подобие одобрительной улыбки.

– Выражаясь вульгарным языком, в ковене магов завёлся доносчик, который информирует нас о многих интересных вещах, что происходят в ковене, и о многих решениях, принимаемых Хранителем и Советом. Хранитель – это...

– Мне о нём известно, – коротко вставила я.

– Да? Хорошо. Так вот, нам неизвестно, кем является наш таинственный доброжелатель, потому что он поставил одно-единственное чёткое условие нашего сотрудничества – мы не пытаемся раскрыть его личность. Он хорошо осведомлён о Путешественниках, о том, как мы действуем, и о любой попытке нарушить соглашение он бы узнал. Разумеется, мы согласились, потому что не хотим лишиться такого ценного осведомителя.

– И при чём здесь театр?

– При том, что все свои послания он оставляет нам в тайнике в театре, – пояснила Анабелл. – Тайник расположен очень удобно – в холле, но случайно его не заметишь.

– Как же вы забираете информацию, что никто не заметил ничего подозрительного?

Путешественница холодно улыбнулась, из-за чего её губы сложились в тонкую полоску, а глаза в этот момент показались мне совершенно бесчувственными, словно рыбьими.

– Мальчишка-разносчик газет, – пояснила она, и я с трудом удержалась, чтобы не поёжиться – настолько в тот момент мне был неприятен её вид. – Каждое утро он приносит газеты директору Хогарту. Он же проверяет тайник.

– Вы доверили это дело постороннему, да ещё ребёнку?.. – удивилась я и осеклась, увидев красноречивое выражение лица собеседницы. Гримасу отвращения мне скрыть не удалось. – Вы вселили одного из ваших в ребёнка?!

– Он был сиротой, и внезапного изменения его личности никто бы не заметил, – равнодушно отозвалась она и пытливо взглянула на меня. – Не горшку упрекать чайник в том, что он чёрен. Между прочим, ты одна из нас.

– Элизабет Барнс умерла. Это не одно и то же.

– Спорить смысла нет. Мы те, кто мы есть, и этого не изменить. А теперь к делу, – на философские беседы она явно не была настроена. – Разумеется, мы не будем приказывать тебе выяснить, кем является наш информант. Ты не шпион, в нашем мире находишься недавно и раскроешь себя в любой момент. Но всё же будь внимательна и просто смотри по сторонам. Заметишь что-нибудь необычное – сразу сообщи мне. Мы думаем, что информатор работает в театре. На регулярное появление постороннего человека там точно обратили бы внимание...

Я кивнула и поднялась с места. Тот факт, что теперь я, по сути, работала на Путешественников, никакой радости не приносил, но деваться было некуда. Впрочем, уж лучше так, чем остаться совершенно одной, без какой-либо поддержки. А так я хотя бы знаю, что рядом есть люди, которым прекрасно известно, что я пришелец из другого времени, и которые спокойно это приняли.

Или же я просто успокаиваю саму себя. Одно из двух.

– Есть ещё кое-что, – вдруг сказала Анабелл, когда я уже была в дверях, и помахала в воздухе незапечатанным конвертом. – Думаю, тебе было бы интересно это узнать. Наши люди наконец-то добрались до поместья Барнсов в Корнуолле.

Я присела обратно на стул. В последние дни я как-то совсем забыла о визите нынешнего главы Искателей, как и о том, какое впечатление его слова произвели на Анабелл. Оставалось только порадоваться, что найденный артефакт надёжно спрятан в моей комнате... и огорчиться из-за того, что шляпа с вуалью лежала на диване. Сейчас мне совсем не помешало бы хоть немного спрятать лицо, чтобы Анабелл не смогла никак понять, о чём я думаю...

– И что?

– Судя по всему, сэр Реджинальд Барнс имел знакомых среди магов и охотно прибегал к их услугам. Не знаю, действовал ли он с одобрения прочих Искателей или же по собственной инициативе, но это не важно. Важно то, что на подвале дома установлена какая-то странная магическая защита, не пропустившая нас внутрь, – Анабелл задумчиво посмотрела в окно. – Слово подвал окружён невидимой стеной.

– Значит, поездка получилась бесполезной? – известие об очередном магическом фокусе меня даже не особенно удивило, как и то, что отец мисс Барнс общался с магами. У Патрика в двадцать первом веке тоже были свои знакомые среди магов.

– Почему? – искренне удивилась Анабелл. – Совсем наоборот. Теперь мы точно знаем, где спрятана та вещь, которую ищут Искатели и, возможно, ищут маги. Иначе зачем ещё сэру Реджинальду ставить эту защиту, если не для того, чтобы что-то надёжно спрятать?

Я с умным видом кивнула, мысленно восхитившись хитростью покойного баронета. А он и впрямь хорошо придумал – создать отвлекающий манёвр в виде сложной магической защиты, а сам артефакт благополучно спрятать в другом месте – ведь никому и в голову не придёт, что это лишь обманка, подтышка...

– В общем, мы попытаемся выяснить, что это за защита и как её снять, – подытожила Анабелл и оторвалась от задумчивого созерцания окон дома напротив. – А ты пока сосредоточься на театре. У тебя же первое выступление через два дня... Но должна сказать, что через неделю нас приглашают на приём к Саммерсонам. Этот вечер нельзя будет пропустить... Послезавтра к нам придёт портниха: у тебя очередная примерка свадебного платья. И последнее – я освобожусь через полчаса. Будем продолжать учиться танцевать кадрили.

С этими словами она вновь склонилась над колонками цифр, давая понять, что ценных указаний больше не последует и аудиенция окончена.

Я последовала её совету и сосредоточилась на грядущем выступлении. Рассказывать о «Знаке равных» Анабелл я по-прежнему не собиралась, и меня целиком устраивало, что в ближайшее время Путешественники будут заняты в Корнуолле. Джеймс в театре больше не появлялся, и мои репетиции проходили совершенно спокойно. Но самой себе я врать не могла и честно призналась, что постоянно неосознанно вытягивала голову в сторону дверей, едва на пороге зрительного зала показывалось новое лицо. Да, с чисто рациональной точки зрения было хорошо, что Джеймс не приходил – уменьшалась опасность быть разоблачённой и всё такое... Но в то же время я мечтала снова увидеть его. Мечтала снова заговорить с ним, ощутить это небывалое волнение, снова устроить словесную пикировку...

Зато видела Майкла – после собственной репетиции, когда спустилась по ступенькам к наёмной карете, в которой меня ждала Анабелл, я увидела, как он вышел из театра вместе со своей пассией, громко над чем-то смеясь. На Маргарет было тёмно-красное

пальто, шляпка с перьями и боа, и на фоне бледных светловолосых англичанок она смотрелась яркой экзотичной птицей, по ошибке залетевшей в голубятню. Майкл был так же идеален, как и всегда. Не пара – картинка.

Несмотря на то, что на мне были парик и вуаль, я поспешила сесть в карету. В театре я их теперь носила постоянно, и прочие актёры, хоть и посмеивались над моей эксцентричностью, но, в конце концов, привыкли. Надевала я их по пути в театр и снимала только на обратном пути.

Оставшиеся до моего «дебюта» дни пролетели незаметно, и я даже не заметила, как пришло время переодеться в подобранное и подшитое миссис Браун платье и выйти на сцену. Волновалась, конечно, и это мягко сказано. Без устали твердила про себя, что это просто спектакль, в котором я играю определённую роль и должна играть дальше, но помогало это слабо. Сердце всё равно грозило выпрыгнуть из груди, и я запоздало вспомнила, что у меня всю жизнь был страх сцены. Соберись! Не забывай, что ты лишь играешь. Если что-то пойдёт не так – завтра ты просто исчезнешь из этого театра, вернёшься к жизни мисс Барнс, и никто не узнает, кто ты на самом деле. Был человек – и нету...

Время, которое я мечтала остановить, наоборот, бежало этим вечером особенно стремительно. Пролетели первые два акта, актёры за сценой уходили и возвращались. Гровер и Маргарет были на высоте – даже я, не видя их, а лишь слыша за сценой голоса, прониклась их игрой до глубины души. Но вот раздались очередные аплодисменты, и я обнаружила, что рядом со мной за кулисами стояли все актёры. Значит, начался антракт. Мои ноги словно налились свинцом, и кто-то заботливый ощутимо ткнул меня пальцем между лопаток. Кажется, это была Маргарет. Чувствуя себя ещё хуже, чем на защите диссертации, я поплелась на сцену.

Дальнейшее отложилось в памяти урывками. Я выступала без объявления (это было инициативой Хогарта, который решил, что в этом случае эффект от моего выступления будет ещё ярче. Даже в афише был лишь указан мой псевдоним), и помню, как в зале снова потух свет, а затем точно упала тишина – такого поворота никто из зрителей не ожидал. К счастью, я не видела лиц – газовые рожки, установленные полукругом по краю сцены, освещали меня, но затеняли весь зал, за что я была сейчас безмерно благодарна. Но я буквально кожей ощущала пространство зала, который теперь казался мне размером с Гранд-Опера в Париже, и чувствовала себя так, словно стояла на краю бездны, могла ощутить её дыхание. Что там Ницше говорил про вглядывание в бездну, которая, в свою очередь, начнёт вглядываться в тебя?..

Но затем заиграл оркестр – и это спасло меня от позорного обморока или нервного срыва. Не было такого, чтобы я забыла обо всём на свете, но я смогла отвлечься и сосредоточиться на песне. В памяти я старательно воссоздавала героиню Маргарет, пыталась прочувствовать всё то, что испытывала она, её страдания, любовь, безысходность, и старалась передать это в собственном голосе.

Я не имела ни малейшего представления, как мне это удалось. Когда песня закончилась и оркестр замолчал, тишина рухнула на меня бетонной плитой и показалась такой оглушающей, что в ушах зазвенело. На негнущихся ногах, словно до сих пор чувствуя тяжесть этой плиты, я шагнула вперёд, слегка поклонилась, и пошла назад, неестественно выпрямив спину. До спасительных кулис оставалось всего несколько шагов, и я видела, с каким огромным изумлением, растерянностью на меня смотрели Маргарет, Сара и другие. Даже Гровер выглядел так, будто его стукнули по голове. И лишь в этот момент тишина в зале пропала, сменившись нарастающим шумом. За кулисами я обессилена рухнула на софу и наконец-то сообразила, что это было – аплодисменты.

– Энни, воды, – коротко распорядилась миссис Браун, и её помощница скрылась с глаз.

– Отличное выступление, – одобрительно заметил МакКинли и громко икнул.

– Это было великолепно! – совершенно искренне сказала Маргарет, прислушиваясь к аплодисментам. – Такого никто не ожидал. Теперь... Кажется, теперь я знаю, как играть в заключительной сцене.

Гровер резко вскинул голову.

– Нельзя менять концепцию выступления в самый последний момент! – резко возразил он, но Маргарет лишь отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

Вернулась девушка со стаканом, и сразу за ней вбежал Хогарт, на ходу утирая круглое лицо платком.

– Бетси, это было потрясающе! Вы покорили всех! К завтрашнему утру о вас будет говорить весь Лондон! Господа, не расходитесь сразу после спектакля! Всем шампанского!

Сара недовольно наморщила носик, но остальные актёры смотрели вполне доброжелательно. В ушах продолжало звенеть, и я залпом выпила предложенный стакан.

– Господа, готовимся! – напомнил Хогарт, и весёлые разговоры между актёрами стихли. Особенно довольным выглядел МакКинли, на которого часть с шампанским произвела самое благоприятное впечатление. – Через пятнадцать минут начало!

Он вышел. Я осталась сидеть, понемногу приходя в себя. Так я досидела до середины второго действия, не замечая суеты актёров за сценой, и только после этого обнаружила в себе силы подняться. Пожалуй, дожидаться окончания спектакля мне всё же не стоило – предполагалось, что сэр Перси сейчас находится в театре, но домой я явно должна была вернуться до его возвращения. Хогарт поймёт, почему я не осталась на шампанское, и не обидится.

Ноги всё ещё звенели, как если бы я пробежала марафон, а выпитая вода тяжело бултыхалась в желудке. Впрочем, это я переживу. Если всё и в самом деле прошло удачно, и я буду выступать снова, в следующий раз будет уже полегче...

В служебных помещениях театра сейчас было совсем пусто, хотя перед выступлением тут царил настоящий хаос. В последний момент у актрис обязательно рвались оборки на платьях, у актёров отклеивались накладные бороды и усы, реквизит ломался, и выяснялось, что заменить его ничем, у портнихи заканчивались нитки и ленты нужных цветов, газовые светильники на сцене переставали работать, механизмы, поднимавшие и опускавшие декорации, заклинивало, кто-то из актёров уходил в запой (чаще всего тот самый МакКинли, которого Маргарет, похоже, справедливо упрекала в пьянстве), папки с нотами для музыкантов оказывались перепутаны местами, грим ложился неудачно и черты лица выходили неестественными, гротескными. Хогарт носился туда-сюда, Маргарет закатывала очередной скандал, Гровер лениво восклицал из своей гримёрной, как ему надоело бездари и идиоты, ничего не понимающие в театральном искусстве, МакКинли бодро храпел на диване, миссис Браун с помощницей сбивались с ног, рабочие торопливо чинили механизмы и освещение, дирижёр Скотт ругался с музыкантами, выясняя, где чья папка с нотами, Сара кричала на девушку, укладывавшую ей волосы.

В общем, всем было весело.

Зато сейчас здесь царила такая же тишина, как в зрительном зале сразу после моего выступления. Радуюсь возможности незаметно ускользнуть, я хотела отправиться на поиски помощницы миссис Браун, чтобы она помогла мне переодеться, но вместо этого вдруг столкнулась с молодым человеком, прислонившимся к стене у гримёрной. Он был во фраке, и его рубашка выделялась ярким пятном на чёрном фоне.

– Сэр, вы заблудились? – вежливо спросила я, подумав, что это вполне мог быть очередной воздыхатель Маргарет. – Проводить вас в зал?

– Нет, я ждал вас, – он восторженно взглянул мальчишкой, встретившего лицом к лицу Железного Человека или Джека Воробья. – Вы ведь мисс Бетси? Я слышал ваше пение. Это было самое прекрасное, что я когда-либо слышал!

– Б-благодарю, – ошарашенно выдавила я. Встречи с поражённым поклонником я как-то не ожидала.

– Я восхищён вами, – горячо продолжил он. – Позвольте представиться – меня зовут

Артур Рассел...

«А ведь я его знаю» – вдруг подумала я, присматриваясь повнимательнее. Ведь я уже встречала этого порывистого юношу – на музыкальном вечере у Вейлоров. Он тогда ещё сбежал от всех и читал в гостинной «Графа Монте-Кристо», и его имя почему-то показалось мне знакомым. Но меня, как и маги, он явно не узнавал.

– Мистер Рассел...

– Я готов служить вам, как рыцарь служит Прекрасной Даме! Одно ваше слово... – он всё пытался схватить меня за руки, а я старательно уворачивалась.

– Мистер Рассел... – этого пылкого молодого человека следовало привести в чувство как можно скорее.

– Возможно, вы позволите проводить вас? Сейчас уже вечер... Лондон – небезопасное место для молодой дамы...

– Мистер Рассел, довольно! – обретя твёрдость голоса, воскликнула я.

Он послушно замолчал и теперь смотрел на меня преданно-восхищённым взглядом, которым, кажется, на меня смотрел никто и никогда. Пожалуй, только решительностью можно было с ним сейчас справиться.

– Прошу вас, хватит! Я очень признательна вам за высокую оценку моего таланта, но прошу вас!.. У меня был очень тяжёлый день, и я бы хотела побыть одна.

У него сделалось виноватое лицо, он опустил голову и немедленно отступил назад.

– Я умоляю вас простить меня, мисс Бетси. Я был непозволительно настойчив. Но я буду лелеять надежду на новую встречу с вами! И я бы отдал полжизни за то, чтобы вы откинули вуаль...

На этом моменте я решительно открыла дверь гримёрной и заперла её за собой на ключ. Затем прижалась к ней ухом, пытаюсь расслышать, что происходит в коридоре. Артур Рассел провозгласил ещё одно признание в вечной верности, а затем до меня, к счастью, донеслись удаляющиеся шаги.

Я глубоко вздохнула, а затем, не выдержав, рассмеялась. Ну и дела! Такого эффекта от этих выступлений я как-то не ожидала... И что, хотелось бы знать, будет дальше?

Уехать домой в тот вечер мне удалось без приключений – из слов Хогарта на следующий день я поняла, что поступила мудро, сбежав до окончания представления. Зато, когда я приехала в театр снова, сюрпризы посыпались один за одним.

Во-первых, мне немедленно сообщили, что все билеты на следующее представление раскуплены, а весь Лондон только и говорит, что о неизвестной певице с прекрасным голосом. Хогарту уже предлагали немаленькие суммы за то, чтобы он назвал моё настоящее имя.

Во-вторых, вся общая гримёрная и полкоридора оказались заставлены корзинами и букетами цветов – так что у меня даже закружилась голова от тяжёлого цветочного аромата. В большинство были вложены записки с выражением восхищения и даже предложениями познакомиться поближе. Самую огромную корзину роз – размером с меня – прислал Артур Рассел. Внутри я нашла письмо с пылким признанием в любви.

В-третьих, Хогарт, оценив всё это великолепие, объявил, что мне теперь положена персональная гримёрная. В тот же день была отперта закрытая гримёрная по соседству с Маргарет, и тонны цветов перекочевали туда. За процессом транспортировки Маргарет наблюдала оценивающе, директор Хогарт – с удовольствием, Гровер – презрительно, а Сара, Лилиан и Анна – с откровенной завистью.

И, в-четвёртых, перебирая цветы и читая записки, я наткнулась на букет лохматых пионов. К одному из них был привязан сложенный вчетверо листок:

Как и обещал, я пришёл на ваше выступление. И хотя оно длилось всего несколько

минут, ради него стоило выждать остальные три часа представления. Ваш голос действительно прекрасен, мисс Бетси.

Я перечитала его несколько раз, а затем спрятала лицо в ароматных бело-розовых цветах, чувствуя, что улыбаюсь.

Глава 12

Театральная жизнь внезапно оказалась настолько увлекательной, что к концу недели я начала жалеть, что не могу переехать в театр и остаться в облике мисс Бетси насовсем, вместо того, чтобы постоянно возвращаться в особняк Барнсов, продолжая маскарад перед кузеном и всем высшим светом. Забавно, ведь, на самом деле, как раз на сцене я носила маску – или, точнее, вуаль, – но почему-то именно жизнь актрисы казалась мне более настоящей. Может, это потому, что здесь не действовали аристократические условности и ограничения? Я могла говорить и вести себя, как хочу, и никто и не думал упрекать меня в неподобающем леди поведении. Благодаря этому именно в театре я чувствовала себя свободной.

Но эта свобода всё же оставалась иллюзорной, и с каждым разом мне всё тяжелее было возвращаться к жизни мисс Барнс. В театре прошли ещё два выступления, закрепившие мой успех. Директор Хогарт смотрел на меня теперь с обожанием, немедленно заговорив о расширении репертуара; цветы от почитателей было некуда ставить, а число поклонников у дверей гримёрной увеличилось до небольшой толпы, причём все умоляли меня снять вуаль, обещая за это золотые горы и чуть ли не луну с неба. В первый раз это собрание меня слегка напугало, затем начало просто нервировать, а потом я слегка привыкла и даже наловчилась шутливо уклоняться от их расспросов и навязчивого внимания. На репетиции я продолжала регулярно ездить – но теперь я разучивала ещё несколько песен, включая знаменитые «Зелёные рукава». Эту песенку я слышала и в родном двадцатом первом веке, но в современной обработке. Слава и восхищение поклонников невероятно льстили моему самолюбию, и я всеми силами уговаривала себя сохранять голову на плечах. Дома же продолжались предсвадебные хлопоты, а кузен, ничего не подозревавший о моей головокружительной театральной карьере, всё так же напоминал мне о важности моего брака с графом.

Складывающаяся ситуация всё больше напоминала мне абсурд, ведь от «любящего жениха» по-прежнему не было ни слуху ни духу, хотя от прочих знакомых семьи начали постепенно поступать письменные поздравления и подарки. Поведение Джеймса, его мотивы, казались мне совершенно необъяснимыми, и я поняла, что должна сама разобраться в происходящем. Анабелл мне тут не помощница, ведь она как раз заинтересована в том, чтобы этот брак состоялся.

Начать «расследование» стоило с разговора с женихом, но, разумеется, о том, чтобы самой поехать к нему, речи быть не могло. Когда я уже всерьёз задумалась над вариантом, как бы половчее пригласить его к нам, чтобы меня не упрекнули в несоблюдении очередных приличий, Анабелл неожиданно напомнила о приёме у Саммерсонов, на который я обязательно должна была пойти. Это стало решением проблемы, хотя ехать на очередной светский раут мне не хотелось. Но дело было важнее, так что в положенный день мы нарядились в платья из категории «траурные парадные» и отправились в гости.

В этот раз мне уже было легче ориентироваться, ведь теперь я примерно представляла, как проходят подобные мероприятия, да и от вечера в доме Вейлоров это почти ничем не отличалось. Также мне уже чаще попадались знакомые лица. В частности, я едва не шарахнулась в сторону при виде Артура Рассела, опасаясь, что он снова бросится ко мне с клятвами вечной верности, но он лишь приветственно поклонился мне и пошёл своей дорогой. Я запоздало вспомнила, что здесь играю совершенно другую роль, и велела самой себе быть внимательнее. Затем я заметила его в компании какого-то пожилого джентльмена, который со строгим видом что-то ему выговаривал. Артур устало кивал и, как мне показалось, с трудом удерживался, чтобы не закатить глаза или не зевнуть. С кем-то я здоровалась, обсуждала погоду, осведомлялась об их здоровье, выискивая в толпе жениха, но его пока было не видно. Зато вскоре меня окликнул Майкл Фостер, к которому через полминуты присоединилась блистательная Валери Андерс в компании той самой симпатичной темноглазой девушки, игравшей в прошлый раз на фортепьяно. Как её звали?.. Эмили?

Поскольку я в тот момент была одна, вся компания не ограничилась простым приветствием, а остановилась пообщаться.

– Как вы поживаете, мисс Барнс? – с живым участием поинтересовалась Эмили. – Мы вас так редко видим...

– Срок траура уже подходит к концу, – с приятной улыбкой отозвалась я, искоса наблюдая за Валери, и добавила в голос доверительных ноток: – Должна признаться, предсвадебные хлопоты отнимают очень много сил...

Колдунья чуть поморщилась, но это длилось буквально секунду, и случайный наблюдатель решил бы, что ей просто жмут слишком тесные туфли. Эмили ничего не заметила, глядя на меня восторженным взглядом.

– Ах, свадьба – это так волнительно! Я понимаю, что вы устали, но уверена, мисс Барнс, вы будете самой красивой невестой в Лондоне!

Её обаятельная непосредственность, в которой не было ни капли лести, удивительно располагала к себе. Я благодарно улыбнулась, а та продолжила:

– Однако, мисс Барнс, вам необходимо развеяться! Вы очень бледны. Это оттого, что вы безвылазно сидите в четырёх стенах. Хотите, мы с вами завтра отправимся на прогулку в парк? Валери, не хотите присоединиться?

– Не откажусь, – та улыбнулась, а я поёжилась от исходящего от неё холода. В буквальном смысле – дуновение тёмной магии ощущалось вполне отчётливо. Девушка же захлопала в ладоши.

– Прекрасно! Впрочем, может пойти дождь, и в этом случае мы можем сходить в картинную галерею. Или нет? Куда мы ещё могли бы отправиться?

– В театр, – предложил Майкл. – В «Друри-Лейн» сейчас настоящий аншлаг. Директор нашёл где-то певицу, слушать которую сейчас стекается весь Лондон.

Эмили смотрела на него с вежливым интересом, как человек, которому услышанная информация ни о чём не говорит, а рядом раздался новый знакомый голос, в котором отчётливо слышался упрёк:

– Лорд Фостер, вы забываете, что пьеса, которую сейчас ставят в «Друри-Лейн», носит слишком фривольный характер! Она не для молодых леди, вроде Эмили или мисс Барнс!

Повернувшись, я обнаружила Розмари, которая смотрела на Майкла так же неодобрительно, как и в прошлый раз. Ага, раз она здесь, значит и Джеймс должен быть поблизости...

– А я про саму пьесу ничего и не говорил, – пожал плечами Майкл, нисколько не смутившись. – Зато эта певица, мисс Бетси, и впрямь стоит того, чтобы её послушать.

Розмари скептически приподняла брови.

– Она и в самом деле настолько хороша?

– Очень, – вместо Майкла совершенно искренне вдруг ответила Валери. Я горделиво приосанилась. – Я такого голоса не слышала уже очень давно. Удивительно, откуда Хогарт её взял. Как вы думаете, почему она выступает в вуали и прячет лицо? Джеймс, у тебя есть предположения?

До этого момента я слушала её с живейшим интересом и очень хотела услышать их версии, но на последних словах дёрнулась, не успев вовремя взять себя в руки.

– Для создания определённого загадочного образа? – предположил мой жених, вежливо раскланиваясь с дамами и пожимая руку Майклу. Моё присутствие не произвело на него никакого впечатления, и на ту же Валери он сейчас смотрел с гораздо большей теплотой.

– Или скрывает свой настоящий возраст? – добавил Майкл.

– А я считаю, что она просто прячет какое-нибудь уродство. Бородавку на носу там или родимое пятно в пол-лица... – уверенно заявила Валери.

Эмили тихо прыснула, представив себе эту картину, а Майкл фыркнул:

– Ты только при Артуре этого не говори. А то он вызовет тебя на дуэль за оскорбление

его идеала, и не посмотрит, что ты дама...

– Пускай вызывает – посмотрим, как он со мной справится, – лихо отозвалась Валери и кокетливо стрельнула глазками в сторону Джеймса. Розмари одобритительно хмыкнула.

– Твоё бесстрашие, Валери, всегда восхищало нас всех, – галантно сообщил ей Майкл. Розмари без малейшего признака ревности продолжала улыбаться, и я поняла, что подобные комплименты колдунье делали регулярно. Сама Валери это подтвердила, когда только небрежно повела плечиком:

– Ты мне льстишь.

– Не ведь это правда, – с милой простотой отозвалась Эмили. – И вообще...

Но договорить она не успела. В этот момент к нам подошла миссис Саммерсон, которая с любезной улыбкой предложила Эмили исполнить что-нибудь для гостей на фортепьяно. Эмили сразу согласилась и обвела нас вопросительным взглядом. Валери немедленно согласилась сыграть с ней в четыре руки. Розмари предложила в этом случае спеть и спросила, не хочу ли я присоединиться. Но я представила, что будет, если я что-нибудь спою, и вежливо отказалась. Страшно представить, как на мое пение отреагируют те, кто уже был в театре и слышал исполнение мисс Бетси! Леди втроём, извинившись, оставили нас. Майкл увидел среди гостей ещё какого-то знакомого и направился к нему. Я не сомневалась, что Джеймс предпочёл бы присоединиться к другу, но бросать меня в одиночестве было совсем невежливо, и он с каменным лицом предложил мне руку.

Мы прошли вдвоём по залу, здороваясь с прочими гостями. Лорд-жених не утруждал себя изображением счастливой пары и молчал, не обращая на меня внимания. Мне же очень хотелось спросить, что он думал о певице из «Друри-Лейн», но я промолчала. Хотя и маловероятно, чтобы Джеймс меня узнал, испытывать удачу мне не хотелось. Понаблюдав, как Валери, Эмили и Розмари – блондинка, брюнетка и русая – перебирали ноты у фортепьяно, я глубоко вдохнула, собираясь с мыслями, и ещё раз проговорила про себя заранее отрепетированную речь. Когда Валери и Эмили заняли свои места и по залу поплыли первые звуки музыки, я обратилась к жениху:

– Мы можем с вами поговорить?

Кажется, он слегка удивился тому, что я вообще открыла рот.

– Пожалуйста.

Мы отошли к окну, подальше от остальных. Маг продолжал наблюдать за гостями и даже не пытался делать вид, будто ему интересно, что я хочу ему сообщить. Ничего, сейчас я его расшевелю, злорадно подумала я. И действовать будем издалека, осторожно.

– Давайте отменим свадьбу, – выпалила я, соответствуя образу юной порывистой девушки, добавив в голос плачущих ноток.

Манёвр сработал: впервые за всё время жених посмотрел прямо на меня. Я же рассматривала его нос, подбородок, лоб, шейный платок, но ни в коем случае не глядела ему в глаза. По двум причинам: робкая мисс Барнс не стала бы смотреть прямо, и я боялась, что он может узнать во мне мисс Бетси.

– И могу я поинтересоваться, что привело вас к такому решению? – голос Джеймса звучал сейчас без сарказма, лишь удивлённо. Кажется, от тихони мисс Барнс услышать подобные слова маг не ожидал.

Я же мысленно попросила прощения у Барбары Картленд и несчастным голосом прошелестела:

– Потому что... я... не люблю... вас...

Секунду он ошарашенно смотрел на меня, а потом вдруг громко рассмеялся, наплевав на общепринятые правила приличия и обратив этим на нас внимание нескольких гостей. Я сама с трудом сохраняла на лице скорбную мину и пыталась не расхохотаться, поскольку понимала, какой наивной идиоткой выглядела в тот момент.

– Девочка моя, – покровительственно сообщил Джеймс, отсмеявшись, – смею вас заверить: в браке любовь не главное.

Я растерянно хлопала глазами. Думаю, даже Маргарет Уилфред в этот момент оценила бы мои актёрские способности.

– Но как же? Что вы имеете в виду? Неужели... – тут я издала потрясённый вздох, изо всех сил стараясь не переиграть. – Неужели вы... не... любите меня?!

Он посмотрел на меня, как на умалишённую. Может, он не захочет иметь дела с такой дурой и сам откажется от помолвки?

– Вы женитесь на мне из-за... денег?! – я приложила ладонь ко рту. – Вы не можете! Вы не смеете!.. Это... гнусно! Несправедливо!

– Что бы ты знала о несправедливости, девочка, – насмешливо фыркнул он.

– Мы должны разорвать помолвку, – выпалила я, как бы не слушая его, хотя сама старалась не пропустить ни слова, ни малейших изменений в его мимике. – Мы с вами не сможем быть счастливы!

– Конечно, не сможем, – согласился Джеймс, и не подумав спорить.

– Тогда зачем вам этот брак?!

Это был, конечно, самый главный вопрос. Догадки, как на него можно было бы ответить, у нас с Анабелл, разумеется, были, но хотелось бы уже знать наверняка. Самому Джеймсу не то что наплевать на меня – я, кажется, его по-настоящему раздражаю, и сама перспектива этого брака в восторг его несколько не приводит. Значит, всё упирается в...

– Ваше приданое, – совершенно спокойно подтвердил мою мысль маг. – Дело не в сумме, а в землях на юге Англии. Уверяю вас, принадлежи они любой другой девице, мне пришлось бы жениться на ней, а не на вас.

Бинго! Пожалуй, внезапно я получила ответы на все свои вопросы. Ну, почти на все. Логическая цепочка выстроилась сама собой.

Земли на юге Англии. Поместье в Корнуолле, где в подвале стоит странная магическая защита, не пропускающая за свои пределы посторонних. Артефакт «Знак равных», который ищут Искатели и Путешественники. И, как внезапно оказалось, ещё и маги.

Как всё просто. Было только непонятно, зачем Джеймсу понадобилось обязательно жениться на мне, а не просто отправиться в Корнуолл, чтобы попытаться проникнуть в этот подвал. Но зато у меня больше не было никаких сомнений, что действовал он с одобрения, а то и по приказу своего ковена. Поэтому все прочие маги так спокойно отнеслись к его женитьбе на обычном человеке – всё из-за Корнуолла. И никому невдомёк, что подвал в поместье пустует, а артефакт давно у меня...

Но теперь уж точно стоит выяснить, что это вообще за устройство. Раз за ним охотится такое количество народу, надо быть готовой ко всему. Но пока следовало закончить начатое представление.

– Значит, в-вам нужно наше п-поместье, – мой голос всё ещё дрожал, и фразу получилось произнести не сразу. – Но что в таком случае будет со мной?

Пару секунд он удивлённо смотрел на меня. Должно быть, испуг в моём голосе звучал настолько отчётливо, что проигнорировать его было невозможно.

– Ваша жизнь после свадьбы несколько не изменится, мисс Барнс, – мне показалось, что Джеймс попытался смягчить свой голос, чтобы у меня не началась истерика. – Ведь до смерти вашего отца вы всегда предпочитали проводить своё время за вышиванием, чтением и верховой ездой, правильно? После свадьбы вы и ваша компаньонка отправитесь в родовое гнездо Блэквудов в Пэмброкшир, где сможете вернуться к привычным занятиям.

Последние слова прозвучали для меня ещё более неожиданно, чем известие о моём приданом, и на какое-то время я впала в ступор. Джеймс воспользовался возникшей паузой и поспешил откланяться, пока я не начала задавать новых вопросов, а я задумчиво присела на стул у стены. Кажется, план Путешественников в скором времени рисковал накрыться медным тазом, ведь Анабелл не рассчитывала, что нас с ней попросту отошлют из Лондона с глаз долой. Для Анабелл это, конечно, не проблема – она просто вселится в другого несчастного, а вот что делать мне?

Ладно. Пожалуй, стоит это обсудить с Путешественницей.

На следующее утро Анабелл сама объявила, что нам необходимо поговорить. Её заявление меня слегка удивило, ведь сэр Перси сегодня после завтрака остался дома и пока никуда не собирался. Перед нами он, разумеется, не отчитывался в своих действиях, и Анабелл только сердито ворчала себе под нос:

– И с чего он решил в этот раз остаться? То его сутками не бывает, то, когда не нужно, сидит в доме! И не выгонишь же его!

Её недовольство стало мне понятным, когда оказалось, что Анабелл ожидала гостя. Раздался стук дверного молотка, и мы спустились на первый этаж одновременно с сэром Перси.

– Мисс Грэм, вы кого-то ждёте? – от него не укрылось выражение ожидания на лице компаньонки. – Почему же вы не предупредили?

Анабелл с трудом подавила в себе раздражённый вздох, а затем вдруг вскинула вверх одну руку. Сэр Перси даже не успел удивиться – его глаза закрылись, и он мешком рухнул на пол. В первый миг я испугалась, что он умер, но затем заметила, как он блаженно посапывал во сне.

– Надоел... – отчётливо пробормотала Анабелл. Через две секунды в комнату вбежала Мэри, чтобы открыть дверь гостю, но моя компаньонка указала ей на бесчувственного баронета. – Мэри, сэр Перси неважно себя чувствует. Пожалуйста, побудьте с ним.

Горничная послушно осталась в гостиной и захлопотала над моим кузенком, а Анабелл сама открыла дверь и пропустила внутрь человека, которого я неожиданно узнала – это с ним Анабелл танцевала на первом приёме, и именно он угрожал ей распеванием серенад под окном. Одет этот человек был как состоятельный горожанин, однако не слишком был похож на аристократа. Сейчас от его легкомысленной манеры поведения ничего не осталось. Он выглядел серьёзным и сосредоточенным.

– Мисс Барнс, это Винсент, лидер Путешественников, – представила его Анабелл, когда мы поднялись в библиотеку.

Мужчина приветственно кивнул, пока я старалась справиться с растерянностью и не застыть столбом прямо посреди лестницы. Имя было мне хорошо знакомо, и в простое совпадение мне не верилось. Так это он в двадцать первом веке наслал на Джеймса «серую смерть»? Он вселился в Мартина?

Впрочем, сейчас речь шла не об этом, и я решила сразу перейти к делу.

– Я кое-что выяснила, – оба Путешественника внимательно посмотрели на меня. – Джеймс Блэквуд собирается жениться на мисс Барнс из-за её поместья в Корнуолле. Но также сразу после свадьбы он собирается отослать меня и Анабелл куда-то на запад Англии. Полагаю, для того, чтобы жена, которая ему не особо нужна, не мозолила глаза.

Винсент молчал, а Анабелл удивлённо моргнула.

– Но зачем ему вообще жениться? К чему такие сложности?

– Возможно, чтобы не пустить нас в поместье, – задумчиво предположил глава Путешественников. – Должно быть, маги тоже не могут пройти через защиту и решили, что в таком случае они и нас не пустят. Можно предположить, что после вашей свадьбы ковен отправит в Корнуолл своих магов для охраны поместья.

– А свадьба нужна, чтобы всё было официально? – недоверчиво уточнила я. Возможно,

какое-то рациональное зерно в этих словах было, но всё равно схема выглядела слишком сложной. Впрочем, не это было главной проблемой. – Что же мне делать, если меня отправят куда-то к чёрту на рога без моего на то согласия?

Путешественники переглянулись. Ответ я прочла по их одинаково философским выражениям лиц и возмущённо скрестила руки на груди.

– Меня это не устраивает!

– Понимаю, – задумчиво согласилась Анабелл. – Я-то просто могу сменить тело...

– Досадно, – вставил Винсент. – Ты мне очень нравишься именно в этом теле.

Я не поверила собственным глазам, но на щеках Анабелл вспыхнул румянец. До меня постепенно начало доходить, что главу Путешественников и его помощницу связывали, похоже, не только деловые отношения, а Анабелл, справившись с собой, продолжила:

– Жаль, конечно, что наш план провалился, но тут уж ничего не попишешь. А вот ты... – говорила она спокойно, но на губах проскальзывала игривая улыбка, адресованная Винсенту.

– Мне вообще нельзя за него замуж, – мрачно добавила я, глядя на эту парочку. – История уже начала менять свой ход, и эта свадьба только всё усугубит.

У Анабелл округлились глаза, а Винсент посмотрел на меня с живым интересом. Именно в этот момент я поняла, что это действительно был тот самый Путешественник – такое же выражение лица я видела у Мартина, когда в него вселился Винсент. Жалея, что вообще подняла эту тему, я неохотно пояснила:

– В моём времени мы снова все встретимся. Я буду знакома и с магами, и с... вами, – Путешественница охнула, а Винсент смотрел с самым заинтересованным видом, как бы поощряя продолжить. – В общем, мне известно, что у Джеймса была другая жена. Моё перемещение во времени что-то изменило. Не могу сказать, насколько сильно, но что-то уже идёт не так, как должно.

– И ты молчала!.. – ахнула Анабелл, но лидер Путешественников только покачал головой.

– Не стоит об этом задумываться, иначе мы все сойдём с ума. Впрочем, наши дальнейшие действия представляются мне весьма очевидными. Раз ваша с Блэквудом свадьба больше не принесёт нам никакой пользы, а вы поёте в театре, в котором маги тоже что-то задумали и, следовательно, они у вас на виду – свадьбу необходимо расстроить, а вам – петь дальше на сцене и присматривать за магами.

Такой план меня полностью устраивал, хотя он добавлял новые вопросы.

– Как мы можем её расстроить? Джеймс твёрдо настроен на этот брак. Мне не удалось пока привести убедительные доводы, чтобы он от него отказался.

Винсент с улыбкой посмотрел на свою возлюбленную. Анабелл пару секунд удивлённо глядела на него, а потом вдруг рассмеялась.

– А что, – отсмеявшись, фыркнула она. – По крайней мере, такого фокуса от нас никто не ожидает! Мне нравится. Так мы утрём нос всему ковену магов!

Лидер Путешественников улыбнулся и повернулся ко мне.

– Мы не будем никого ни в чём убеждать, мисс. Вы просто сбежите со свадьбы.

Глава 13

Тайн и необычных совпадений для меня было более чем достаточно, и я поняла, что пора что-то менять. Целых три группировки охотились за вещью, которой обладала я, не имея ни малейшего представления, что это может быть. Анабелл прояснить ситуацию не смогла бы, поскольку Путешественники сами не знали, о каком артефакте идёт речь, а подходить с вопросами к магам ковена было просто абсурдно. Оставалась последняя группа людей, которая, пожалуй, смогла бы удовлетворить моё любопытство... однако далеко не факт, что они захотели бы это сделать.

Общество Искателей... Странно было думать о нём как о чём-то постороннем и чужом. В своё время я являлась, скорее, внештатным работником и далеко не всегда была осведомлена о его делах. Но в любой момент я могла обратиться к Патрику, который охотно рассказывал об исследованиях Искателей. А здесь как поступать? Дочь сэра Реджинальда никакого отношения к Искателям не имела. Моя внезапная осведомлённость о мире сверхъестественного наверняка покажется учёным странной.

Но продолжать блуждать в потёмках я больше не хотела. Ещё раз взвесив все «за» и «против», я решила рискнуть. На следующий день после встречи с Винсентом я наврала Анабелл о перенесённой на более ранний час репетиции и отправилась в театр. Анабелл последние несколько дней меня уже не сопровождала – похоже, у неё было достаточно своих дел, связанных с Путешественниками, и она только обрадовалась, когда я заверила её, что в дневное время спокойно могу ездить на репетиции сама. Из театра я вышла в образе мисс Бетси и поймала кэб прямо на Друри-Лейн. На улице было пасмурно, Лондон казался мрачным и недружелюбным, хотя на зловещий лабиринт, как в фильмах Тима Бёртона, всё же походил мало. Вознице я назвала адрес, который помнила из слов Патрика – Бромптон-Роуд. Патрик не раз рассказывал о былой значимости Общества Искателей, как и о его истории. В экипаже я сняла шляпу и парик, вновь превратившись в мисс Барнс. С сэром Гарретом Уинслоу будет лучше встретиться в моём настоящем облике.

Кэб остановился у величественного особняка с колоннами. В первый момент я оробела, но адрес был верным, и я поднялась на широкое крыльцо. Входная дверь с грохотом захлопнулась, и воцарившаяся в огромном холле тишина, разом отрезавшая меня от уличного шума, в первый момент оглушила. Я внезапно вспомнила величественность офиса на Пэлл-Мэлл, и мне заметно полегчало. Несмотря на разницу в веках, атмосфера в штабе Общества каким-то удивительным образом оставалась точно такой же, и я невольно завертела головой по сторонам, ожидая, что прямо сейчас из ближайшей двери выйдет Патрик. Однако вместо моего начальника ко мне подошёл незнакомый пожилой джентльмен, которого явно привлёк слишком громкий удар двери. На меня он смотрел подозрительно, как на человека, который совершенно не внушает доверия.

– Мисс? Вы заблудились? – спрашивая это, он внимательно следил за каждым моим движением, словно ожидал, что я попытаюсь украсть столовое серебро и любимый чайник его бабушки.

– Я хотела бы встретиться с сэром Гарретом, – и никаких подробностей.

Лицо этого Искателя я определённо видела впервые – значит, в нашем офисе его портрет не висел, и важной шишкой он не был.

Подозрительность на обрюзгшем лице сменилась здоровым скепсисом.

– Он вас ожидает? – этот вопрос был задан с заметной долей сарказма, будто он спрашивал, не являюсь ли я королевой Англии. Тратить время впустую мне не хотелось, и я решила разъяснить:

– Меня зовут Элизабет Барнс.

Искатель пристально взглянул на меня, однако его лицо слегка разгладилось.

Ещё пару секунд он колебался, а потом с неохотой сказал:

– Я провожу вас.

- Вы очень добры, – ангельски улыбнулась я.

Мы вместе поднялись на второй этаж. Двустворчатые тяжёлые двери слегка приоткрылись, когда мы проходили мимо, и в коридор вышел молодой человек в очках. Он кивнул моему сопровождающему и поспешил по своим делам, а за его спиной я успела разглядеть высоченные шкафы в помещении, похожем на библиотеку. Затем дверь закрылась, и рассмотреть подробнее не удалось. А жаль – я готова была поспорить на свой новый голос, что это были знаменитые архивы Искателей. Да за возможность покопаться в них Патрик и большинство его коллег душу бы продали! Это ведь те самые архивы, давно утраченные, сгоревшие в конце девятнадцатого века! Сколько же знаний стинуло за раз, даже представить трудно...

Искатель постучал в одну из дверей и, дождавшись разрешения, открыл её. Кабинет сэра Гаррета был похож на кабинет Патрика тем, что там тоже привлекали внимание забытые книгами шкафы. Сам глава Искателей сидел за столом и, нацепив пенсне на нос, внимательно изучал документы перед собой. Узнав меня, он поднялся на ноги и поклонился, а затем посмотрел вопросительно и почему-то выжидательно уставился на дверь, словно ожидая кого-то ещё. Я не сразу сообразила, что он рассчитывал увидеть и Анабелл, поскольку молодой девице приходиться куда бы то ни было в гордом одиночестве по здешним правилам было некомильфо. Вспомнив о правилах этикета, я только мысленно махнула рукой. Раньше надо было об этом думать, а сейчас сокрушаться уже поздно.

- Мисс Барнс? Какой приятный сюрприз, – не дождавшись Анабелл, сэр Гаррет дружелюбно улыбнулся и предложил мне присесть, одновременно кивком отпуская моего проводника. Тот без возражений скрылся за дверью.

- Сэр Гаррет, прошу прощения, что я без приглашения...

- Ничего-ничего, – заверил он меня, глядя на меня с любопытством и... надеждой? – Чаю?

Последний вопрос совершенно не вязался с его странным видом, словно ему не терпелось перейти к делу, и я не стала его разочаровывать.

- Нет, благодарю вас. Сэр Гаррет, я хотела спросить о той вещи, которую вы упоминали во время своего визита...

- Вы нашли её? – вопрос прозвучал так, словно от моего ответа зависела, по меньшей мере, жизнь баронета, но я лишь покачала головой.

- К сожалению, нет.

После этих слов я ожидала вспышки разочарования – кажется, сэр Уинслоу был так взволнован, что плохо контролировал свои эмоции, – однако теперь он выглядел скорее задумчивым.

- Пожалуй, так даже лучше... – пробормотал он.

Эта таинственность начинала надоедать, и я решительно спросила:

- Сэр Гаррет, что это за вещь?

- Ах, да ничего особенного, – легкомысленно махнул рукой глава Искателей, переходя в амплу «рассеянного дядюшки». – Просто безделушка, которая важна нашему историческому обществу как память...

- В таком случае почему за ней охотится такое количество народу с магическими способностями? – резче нужного спросила я. Неужели настоящая мисс Барнс была такой наивной и доверчивой, что подобный номер мог её обмануть?

Баронет резко осёкся и пристально посмотрел на меня. Несколько секунд он пытливо вглядывался в мои глаза, пытаясь решить, какую линию поведения выбрать, а затем спокойно констатировал:

- Вы знаете.

- О магах и об Искателях - да.

- Отец вам рассказал.

- Да, - лучшего объяснения было не придумать, и я не стала спорить.

- Неожиданно, - пробормотал он, изучая меня, кажется, ожидая, что после подтверждения слов о существовании сверхъестественного у меня начнётся истерика. Но я молчала, и он кивнул:

- Что ж, извольте. Артефакт, который на протяжении десятилетий хранился в Обществе Искателей, называется «Знаком равных». Реджинальд рассказывал вам о нём?

Я отрицательно покачала головой.

- Секрет его в том, что эта вещь может стереть любую магию в радиусе сотни метров вокруг себя. Просто нейтрализовать её, понимаете?

- Не совсем, - призналась я.

- Любая магия вокруг исчезнет. Любое заклятие рассеется. Любой маг лишится могущества и уподобится простому смертному. Любая магическая энергия развеется.

- Надолго?

- Самое большее - на сутки.

- Тогда в чём смысл? - озадаченно спросила я. - Эта вещь не кажется такой уж ценной, чтобы за ней охотилось сразу столько человек. Ну, выключит она ненадолго всю магию вокруг, и что?

- Вык... - что, прошу прощения? - сэр Гаррет недоумённо нахмурился.

Я прикусила язык и торопливо поправилась:

- Рассеет всю магию.

- Возможно, в крупных масштабах этот артефакт и впрямь не слишком интересен, и маги стремятся заполучить его только для того, чтобы никто не использовал «Знак равных» против них самих, - задумчиво признал глава Искателей. - Однако представьте себе, что будет, если использовать артефакт в месте с повышенной магической активностью. Баланс сил в природе мгновенно сместится, и последствия могут быть какие угодно...

Я вспомнила погодные аномалии в Англии, начавшиеся после проведения первого ритуала, впечатлилась и кивнула.

- Почему вы отдали «Знак равных» сэру Ре... моему отцу?

Баронет вдруг поднялся на ноги и прошёлся по кабинету, нервно ломая пальцы. Весь его облик теперь выражал тревогу и смятение.

- За этим артефактом охотятся уже давно. Чуть больше года назад мне начали угрожать, чтобы я отдал «Знак равных» по-хорошему. Я не знаю, кто это был, да и сами угрозы - чепуха, но нельзя было допустить, чтобы эта вещь попала не в те руки. Я отдал её Реджинальду, потому что трудно было бы догадаться, что её спрятал один из Искателей. Почти целый год всё было спокойно, и я решил, что можно вернуть артефакт обратно, и пришёл к вам. Но вскоре после визита кто-то ночью влез в особняк и обыскал мой кабинет, - он обвёл руками вокруг себя, - и библиотеку. Я снова не знаю, кто это был, но мне гораздо спокойнее от мысли, что артефакт находится вне досягаемости магов. Так что, мисс Барнс, даже хорошо, что вы ничего не нашли.

Теперь он смотрел мне в глаза и говорил крайне серьёзно.

- Умоляю вас - не ищите эту вещь. Пускай она останется там, где Реджинальд её спрятал. Пускай она останется там навсегда! Мы все будем спать крепче, зная, что магам её не достать.

Я задумчиво кивнула. Поймав взгляд баронета, я заверила его, что не собираюсь ничего предпринимать. Больше вопросов у меня пока не было, и вскоре я откланялась.

Дома Анабелл напомнила мне о побеге со свадьбы, но составлять и продумывать план побега я предоставила Путешественникам, а сама вернулась к репетициям и выступлениям. «Знак равных» был надёжно спрятан в моей комнате. Конечно, мне было интересно узнать, правду ли сказал мне сэр Уинслоу, однако нечего было и думать, чтобы активировать артефакт дома. Анабелл немедленно почувствует исчезновение магии, и отвергнуться от ответа мне будет очень нелегко. В целом же, слова Искателя показались мне вполне убедительными. Оставалось только выяснить, этот ли артефакт ищут маги...

С приёма у Саммерсонов я пела на сцене ещё дважды. Количество поклонников, как и приглашений познакомиться поближе, росло, и я уже получила несколько предложений от каких-то титулованных аристократов стать любовницей. Прочие актрисы поначалу удивлялись, почему я не спешу обзавестись богатым покровителем, а потом с нескрываемой завистью пришли к выводу, что при таком количестве вариантов я просто выбираю не спеша, вдумчиво. Я не стала ни в чём их разубеждать, потому что в этом не было никакого смысла.

Репетицию я была вынуждена пропустить всего один раз. В этот день сэр Перси остался дома, и у меня не нашлось ни единого предложения, который объяснил бы столь долгое моё отсутствие. Скрипнув зубами, я была вынуждена остаться в своей комнате. Конечно, Анабелл немедленно нашла мне занятие, но я всё равно злилась и весь день мечтала, чтобы кузен провалился куда-нибудь в преисподнюю.

На следующий день моё желание отчасти исполнилось, и сэр Перси уехал на очередные посиделки с друзьями в мужской клуб, а я отправилась в театр. С тех пор, как у меня появилась собственная гримёрная, меня устраивало в моей новой «работе» абсолютно всё. Моё, пусть и небольшое, но всё же личное пространство сейчас больше напоминало цветочный магазин и с порога оглушало ароматом самых разных цветов. На столе стоял свежий букет, которого не было раньше – тёмно-красные розы перенесли сюда словно из какого-то фильма, и я рассеянно потрогала бархатистые лепестки, а затем моё внимание привлек какой-то предмет. В букете был спрятан небольшой мешочек, который среди тёмно-зелёных стеблей можно было не заметить. Ничего не понимая, я развязала его и во все глаза вытаращилась на бриллиантовые браслет и кольцо, которые выпали оттуда на подставленную ладонь.

Мама дорогая... Таких подарков мне ещё не делали. И, пожалуй, я точно знала, от кого он был.

Изучив со всех сторон букет, я в конце концов догадалась проверить мешочек и нашла в нём записку. И точно – украшения были от Артура Рассела, самого преданного из моих поклонников. С той нашей встречи после первого выступления я всячески старалась уклоняться от новых столкновений, поскольку пыл молодого человека меня тогда удивил и отчасти напугал, и я слабо представляла, как надо себя вести, чтобы он успокоился и перестал видеть во мне свой идеал. Но цветы он продолжал присылать после каждого выступления. А теперь это...

В пламени свечей бриллианты вспыхивали и переливались, и я залюбовалась блеском камней. В углу комнаты, тонувшем во мраке, раздался противный шорох, сменившийся тихим попискиванием, и я поморщилась. В театре мне нравилось почти всё, но был существенный недостаток – крысы. Я не боялась их, но каждый раз, когда замечала краем глаза копошение в тёмных углах или слышала тихий-тихий топоток лапок по дощатому полу, меня передёргивало от омерзения. Какая гадость...

Но сейчас это помогло мне взять себя в руки и встряхнуться. Подарок, конечно, очень красивый... Но оставить его себе было совершенно невозможно. Подобное обожание было мне лестно, но во всём надо знать меру. Даже представить страшно, сколько эти драгоценности могут стоить, хотя бы примерно...

Бросив последний взгляд на сверкающие грани, я убрала браслет и кольцо обратно. Хочешь не хочешь, а встретиться с Артуром теперь придётся. Не почтой же отправлять вещи, которые стоят небольшое состояние...

Приняв это решение, я поправила парик, вуаль и спустилась вниз на репетицию.

Но вернуть драгоценности владельцу мне так и не удалось.

Через два дня в Национальной Портретной Галерее, располагавшейся в эти времена на Эксбишн-Роуд, произошёл сильный пожар. Погибло много людей, причём из разных слоёв общества. Огонь уничтожил и ценные картины, но в свете гибели людей эта потеря казалась гораздо менее существенной.

Артур Рассел погиб вместе с ещё несколькими людьми, которых я встречала во время своих выездов в свет.

Высший свет Лондона погрузился в траур. Отменили все приёмы, музыкальные вечера и даже один бал. Аристократы были вынуждены довольствоваться утренними визитами, которые теперь проходили в строгой, торжественно-печальной атмосфере.

В случившееся мне верилось с трудом. О трагедии рассказала Анабелл, и теперь, сидя в своей комнате, я вертела в руках бриллиантовые браслет и кольцо, совершенно не представляя, что теперь делать. Как этот юноша мог погибнуть? Ещё неделю назад он клялся мне в вечной преданности и смотрел с таким обожанием, словно я была прекрасной принцессой, сошедшей со страниц книги... Как он теперь может быть мёртв? Что это за странный пожар в картинной галерее, который вспыхнул среди бела дня? Как эту спокойную, размеренную викторианскую жизнь вообще может потрясти подобное событие?

На следующий день после трагедии я отправилась в театр. Словно в довершение мрачной картины, над Лондоном разразилась небывалой силы гроза. Дождь падал на город отвесной стеной и, несмотря на то что я ехала в экипаже, порог театра я пересекла в мокром платье с заляпанным грязью подолом и промокших ботинках. Одежда потяжелела килограммов пятьдесят, и больше всего мне хотелось рухнуть куда-нибудь и больше никогда не вставать. Желательно, чтобы в этом месте ещё был зажжённый камин. Вуаль на шляпе висела бесформенной тряпкой, оттягивая поля вниз, и я поборола искушение снять её. Хотя, конечно, вряд ли Майкл приедет в такую погоду навестить свою любовницу...

Из-за пожара сегодняшний спектакль отменили, но репетиция на сцене шла полным ходом. После нескольких триумфальных спектаклей Хогарт объявил, что труппе пора переходить к следующему произведению. После серьёзной по настрою «Федры» должно было пойти что-то более весёлое и жизнерадостное, и теперь актёры разучивали шекспировскую «Двенадцатую ночь». Поздоровавшись со всеми присутствующими, я поднялась к себе. В зеркале туалетного столика отразилось нечто готичное – промокшая ткань платья казалась совсем чёрной, лицо скрыто потемневшей от воды вуалью. Самой себе я сейчас напоминала кладбищенскую ворону, на которую вылили ведро воды.

Дверь без стука распахнулась и ударилась об стену, словно её пнули ногой. Я резко повернулась, выронив сумочку, и с изумлением опознала в госте Джеймса, который застыл напротив меня с таким выражением лица, будто я только что на его глазах утопила новорождённых котят.

– Кто вы такая? – резко спросил он и предупреждающе вскинул вверх правую руку, намереваясь швырнуть в меня какое-нибудь заклинание. В этот момент он очень сильно напомнил мне Анабелл, и я невольно шарахнулась назад. Ничего не понимая, я даже огляделась по сторонам, словно желая проверить, точно ли он обращается именно ко мне. Никого другого поблизости не оказалось, и я посмотрела на мага, расширив глаза. Он узнал меня?.. Но как?!

– О чём вы, лорд Блэквуд?.. – пролепетала я, решив играть дурочку до последнего. Однако, к моему удивлению, следующий вопрос оказался совсем не тем, чего я ожидала:

– Что вам известно о смерти Артура Рассела? Отвечайте!

«Ну, хоть заклинаниями, в отличие от той же Путешественницы, он бросаться сразу не стал», – отстранённо подумала я, и только в этот момент до меня дошёл смысл его слов. На этот раз растерянность, которую я испытывала, была самой настоящей.

– Вы о чём? При чём здесь мистер Рассел?

Левой рукой он достал из кармана сюртука какой-то листок и протянул его мне. Бумага была влажной – присмотревшись, я поняла, что и сам Джеймс вымок под дождём примерно так же сильно, как и я, – чернила на ней расплылись, но в них всё равно ещё можно было опознать те самые руны. Но это был не тот листок, который я обнаружила в гримёрной Маргарет...

– Вам известно, что это, – холодно сказал Джеймс, когда я перевела вопросительный взгляд на него, по-прежнему не понимая. По бледному лицу мага стекали капельки воды, мокрые спутанные волосы казались совсем тёмными. И я, наверное, не смогла бы отвести от него взгляд, если бы не жёсткий блеск в глазах. Маг неожиданно начал меня пугать, и сейчас он был похож на того себя, с которым я познакомилась в своём времени.

– Ваша реакция, когда вы увидели руны полторы недели назад, была вполне красноречивой, – продолжал он. Сегодня ночью, на юго-восточной окраине Лондона провели магический ритуал, в котором были задействованы эти руны. Это произошло сразу после смерти Артура. Надеюсь, вы не собираетесь делать вид, будто слово «магия» для вас – пустой звук?

В последних словах отчётливо звучала насмешка, но я только махнула рукой. Догадка обрушилась на меня внезапно, оглушила, и в этот момент я наконец-то начала понимать, что произошло. Поняла, почему имя Артура казалось мне смутно знакомым. Затем перевела взгляд на окно – на улице продолжала бушевать непогода. Такая же аномальная, как и в Лондоне двадцать первого века.

«Прошлый Хранитель, Эдвард, умер сам, от старости, но незадолго до смерти огласил имя преемника, – словно наяву, в голове зазвучал голос Розмари. – Им стал маг Артур Рассел. Очень одарённый, но слишком молодой и неопытный. В Совете многие были недовольны. А спустя какой-то месяц после того, как он стал Хранителем, он погиб».

– Твою мать... – вслух произнесла я, растерянно качая головой и всё ещё не веря. – Твою мать...

Всё как в моём времени. Хранитель умирает – и на следующий же день проходит ритуал по смещению магического равновесия. Теперь я отчётливо вижу, что это не совпадение. Но вот... Уильям Майклсон умер в своей постели от остановки сердца. Артур погиб в пожаре. Что это? Кто-то специально поджидал, когда Хранитель умрёт? Или же... их смерти не случайны?..

Однако, подняв голову, я поняла, что высказывать свои догадки вслух пока не стоит. В глазах Джеймса настороженность мешалась с презрением, вся его фигура выражала напряжение и недоверие. Тут и дурак бы догадался, что он подозревает в случившемся меня. Мило. Впрочем, вывод вполне логичный – ведь мне действительно знакомы эти руны.

– Я не убивала вашего Хранителя, – наконец, медленно произнесла я, стараясь говорить как можно убедительнее. – Я не причастна к проведению ритуала нарушения равновесия.

– Однако для рядовой актрисы вы неплохо осведомлены о магическом мире и о случившемся, – едко парировал он, и я прикусила язык. – Занятное совпадение, не так ли?

– Что вы намерены теперь делать?

Это был, конечно, самый главный вопрос. Кричать или пытаться удрать было бесполезно. Сейчас всё зависело от того, удастся ли мне убедить Джеймса, что к происходящему я не имею никакого – ну почти никакого – отношения.

Он опустил правую руку, но спокойнее мне от этого не стало. По лицу Блэквуда и ледяному прищурю глаз было понятно, что он атакует при малейшем неверном движении с моей стороны.

– Собирайтесь, – резко приказал он. – Вашу виновность или невиновность определяют Совет и Рыцари.

Вот это попала!

Глава 14

Мы спустились из гримёрной на первый этаж и направились к выходу. Моё желание или нежелание общаться с ковенем магов в данной ситуации никакого значения не имело, и мне не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться. Джеймс крепко держал меня за руку на случай, если я попытаюсь удрать, и быстро шагал вперёд, так что я едва поспевала за ним. В вестибюле театра было холодно, и я вся покрылась мурашками, когда мокрая ткань одежды, казалось, вовсе заледенела. У самых дверей мы столкнулись с Маргарет и Гровером, с которыми я едва успела поздороваться, прежде чем Джеймс утянул меня на улицу, под дождь. Маргарет всё ещё была в образе Виолы, а Гровер поправлял бутафорскую шпагу на поясе. Судя по одобрительно-заинтересованному взгляду ведущей актрисы театра, со стороны наша пара выглядела так, словно я наконец-то нашла себе богатого покровителя. Ну и ладно.

На улице продолжал поливать дождь. В театр Джеймс приехал в собственном экипаже, и в нём же мы отправились. Ехали в молчании, под шум колотящего о крышу кареты ливня. Я размышляла о том, что мне стоило бы каким-нибудь образом дать знать о происходящем Анабелл, но пока не видела подходящей возможности. Ведь если маги сейчас придут к выводу, что я всё-таки виновна, я даже не знаю, что могло бы меня спасти...

Это был уже второй раз, когда мы с Джеймсом ехали куда-то вместе, только, в отличие от прежней поездки, сейчас настроение здорово портила откровенно враждебная атмосфера. Время от времени я чувствовала на себя изучающие взгляды своего спутника, который пытался рассмотреть моё лицо под вуалью. Взгляды были откровенно недружелюбными, и я отвернулась, лишь бы не ловить их, и попыталась сосредоточиться.

Значит, история начинает развиваться по тому же сценарию, что и в две тысячи пятнадцатом году. Если первый ритуал прошёл этой ночью, то до следующего – с одной жертвой – остаётся несколько дней. Ещё через две недели – десять жертв. Впрочем, Майкл говорил, что в девятнадцатом веке о ритуале с одним убийством им ничего не было известно. Как же мне теперь себя вести? Ведь, с одной стороны, надо приложить все усилия, чтобы маги узнали о происходящем и остановили колдуна. С другой – моя всесторонняя осведомлённость точно не сыграет мне на пользу.

И Анабелл надо предупредить. Раз убийства всё-таки начались, Путешественникам стоит знать, что в скором времени их начнут убивать.

Бедный Артур Рассел. Трудно поверить, что этого юноши больше нет. И ещё тяжелее предполагать, что вместе с ним убиты ещё два десятка людей – просто так, для отвода глаз...

Тем временем я заметила, что мы выехали из Лондона. Городские улицы сменились унылыми серыми полями, и я в первый миг встревожилась, но затем с запозданием догадалась, куда мы могли направляться – в Суррей. Помнится, в двадцать первом веке Розмари рассказывала, что тот особняк, больше напоминающий музей, столетиями являлся резиденцией Хранителей. И что, сейчас там собрался весь ковен, в одночасье оставшийся без своего лидера, и мне придётся отвечать перед всеми магами сразу?

Так и оказалось, и более того – меня ждали. Особняк оказался тем же самым, только сейчас он выглядел совсем новым и, соответственно, частично утратил свою величественность. Подробно его рассмотреть мне не удалось – снаружи продолжался дождь, а внутри Джеймс сразу повёл меня вглубь дома, не дав толком осмотреться и сравнить обстановку. В просторном помещении, куда мы пришли, почти отсутствовала мебель, и у меня вдруг возникла ассоциация с залом суда. У стены в два ряда стояли стулья и кресла, а напротив них, прямо в центре зала, сиротливо стоял единственный стул с очень прямой спинкой и куцыми деревянными подлокотниками. Так, кажется, именно он приготовлен для меня.

При нашем появлении молодая девушка, сидевшая за письменным столом у окна, поднялась, поздоровалась с Джеймсом и вышла из помещения. Блэквуд взмахом руки указал мне на одинокий стул, и я не стала возражать, послушно опустившись на него. Слегка потрясла головой, отчего с поля шляпы стекло несколько ручейков воды.

– Возможно, вам будет удобнее снять головной убор? – предложил Джеймс вполне равнодушно, но я лишь покачала головой:

– Благодарю. Я воздержусь.

Да уж, представляю, какой фурор я произведу, если станет понятно, кто я. Конечно, определённый соблазн был – хотя бы просто для того, чтобы увидеть выражения лиц магов и, в первую очередь, моего дорогого жениха... Но не стоит. Пока потерпим.

В зал начали заходить маги, и я с интересом принялась их разглядывать. Большинство лиц было мне незнакомо. Показались Розмари и Валери, которые сели вместе во втором ряду, рассматривая меня со сдержанным любопытством. Несколько пожилых джентльменов сели впереди всех, и я узнала среди них тех, кого видела рядом с Артуром на приёмах. К Джеймсу присоединился Майкл, и они вместе заняли крайние места. Последним в зал вошёл высокий энергичный мужчина с гривой волос цвета перца с солью и громогласно поздоровался со всеми присутствующими. С каким-то необычным чувством ностальгии я неожиданно опознала в нём Алана Маршалла – последнего моего знакомого мага, с которым я ещё не встретилась в этом времени. Он выглядел значительно моложе, чем в двадцать первом веке, и дело было не только в меньшем количестве седины и морщин. Нет, он держался гораздо более легко, даже смотрел как-то по-другому – по-молодому задорно. Чисто внешне маги не отличались от обычных людей. Единственная деталь, которую я заметила, – они все, кажется, были выходцами из высшего общества. Хотя громких титулов, вроде бы, ни у кого не было, по крайней мере, ничей внешний облик не кричал о несметных богатствах или королевском снобизме. Несколько человек были одеты более скромно, в однотонные серые сюртуки. Вернулась та девушка, которая была здесь при нашем появлении. Она села за письменный стол, где уже была приготовлена бумага, и взяла перо из чернильницы. Будет вести протокол «допроса»? Одета девушка была в такое же серое платье, которое она попыталась оживить приколотыми к корсажу цветами. Вот только девушка явно попала под дождь, как и мы, из-за чего тонкие зелёные веточки размокли и печально поникли, и опознать, что это были за цветы, было совершенно невозможно. А вот лицо девушки я неожиданно узнала – она была на моём первом приёме. Я тогда видела её в компании Эммелин Панкхёрст, и она внимала знаменитой суфражистке с таким выражением лица, словно та открывала ей какие-то божественные истины. Как её звали-то? Мисс Филиппс? Так она тоже маг?..

Оставалось свободно всего одно место. Маги были мрачны и встревоженно переговаривались – до меня доносились слова «равновесие», «Артур» и «ритуал». На меня они смотрели по-разному – кто-то с любопытством, кто-то с подозрением, кто-то с неприязнью. Один из людей в сером встал рядом со мной, и внезапно я сообразила, кем эти люди могут быть – это же Рыцари! Хм, интересно, а их суровая начальница тоже должна быть где-то здесь? Пока отыскать среди присутствующих решительное, с широкими скулами лицо Алисии мне не удалось. И хотелось бы знать, а адвокат мне полагается?

Разговоры смолкли, и слово взял один из пожилых джентльменов. Он не стал тратить время на вступительную часть и объяснять, по какой причине мы здесь собрались – должно быть, маги и так были в курсе, а меня за важную птицу здесь никто не держал. Вместо этого, внимательно глядя на меня, он велел:

– Назовите ваше имя.

– И покажите ваше лицо! – донёсся от дверей второй голос с повелительными интонациями.

Я резко повернулась. Человеку на пороге можно было дать на вид лет сорок, на его голове были залысины, из-за чего лицо казалось длинным и узким. Как и в двадцать первом веке, здесь он снова был одет во всё чёрное, и у меня возникло неуместное сравнение с пастором. Только, в отличие от Алана, которого я была рада видеть, появление этого человека никаких тёплых чувств во мне не вызвало, а, наоборот, заставило занервничать.

Чарльз. Вот только его сейчас для полного счастья не хватало.

– При всём уважении, – ровно произнесла я, до боли в суставах вцепившись в

подлокотники кресла. – Моя вина ещё не доказана. Я сама выбираю, как мне выглядеть.

Мне было видно, как Розмари высокомерно скривила губы, увидев во мне самоуверенную выскочку, зато на совершенных губах Валери неожиданно промелькнула слабая, но одобрительная улыбка. Пожилые маги – пресловутый Совет, не так ли? – неодобрительно зашипели между собой. Чарльз презрительно усмехнулся и занял последнее свободное место.

– Как вам будет угодно, – внезапно взял слово Алан. Он единственный из Совета смотрел на меня строго, но без неприязни. Шипение стихло. – В таком случае перейдём сразу к делу. Вы имеете какое-нибудь отношение к смерти Артура Рассела?

– Нет.

Маги, как один, вдруг посмотрели на Рыцаря, стоявшего рядом со мной. Он кивнул головой, и немедленно поднялся тихий ропот. Я же смотрела на мага в сером, медленно начиная вспоминать, кто это. Помнится, у Рыцарей был маг, который умел безошибочно отличать правду от лжи... Закери, если я не ошибаюсь. Я видела его во время засады в Эйлсфорде, но сейчас, как ни пыталась, не могла восстановить в памяти его лица. Но, наверное, это всё же был он.

– Вам известно, кто к ней имеет отношение? – это спросил другой маг, выглядевший среди членов Совета самым пожилым.

– Нет.

– Эта смерть является несчастным случаем?

– Я не знаю.

– Вы, или кто-то из ваших знакомых провёл ритуал, нарушивший равновесие сил?

– Нет.

После каждого моего «Нет» Закери кивал, подтверждая, что я не вру, и шум среди магов усилился. Главный подозреваемый внезапно оказался совершенно ни при чём, а других зацепок у магов, похоже, не было. Да и откуда им взяться? Даже сто тридцать лет спустя, во время новых жертвоприношений, мы не смогли вычислить колдуна, а уж сейчас, когда история только начинается...

– Вам известно, что это такое? – громкий голос Чарльза перекрыл шепотки, и маг помахал в воздухе листком с рунами. Как мне ни хотелось солгать, было совершенно очевидно, что делать это в шаге от ходячего детектора лжи не имеет никакого смысла.

– Да.

– Откуда?

Несколько секунд я колебалась, а потом озвучила единственный ответ, который был достаточно правдив и убедителен:

– Некоторое время назад я входила в Общество Искателей, – и ведь не соврала ни словом! Просто не стала упоминать, что Искательницей я была в совсем другой жизни.

Мои слова произвели вполне закономерный эффект – маги зашептались с удвоенной силой, и всеобщее недовольство усилилось. Алан оставался самым спокойным, а Джеймс теперь смотрел на меня задумчиво. Пожилой маг, который начал мой допрос, и вовсе весь неприязненно скривился, словно ему сунули за шиворот живую лягушку.

– Искатели совсем страх потеряли, – наконец раздражённо заявил он, справившись с собой. – Сколько ещё Гаррет Уинслоу будет лезть не в своё дело?!

– Уильям, Уильям, спокойнее, – миролюбиво, но твёрдо осадил его Алан. – Всё Общество Искателей к этому отношения не имеет, ведь мисс Бетси сказала, что была Искательницей в прошлом. Не так ли, мисс Бетси? Кстати, вы не представитесь нам вашим настоящим именем?

– Не представляюсь, – отказалась я и, чтобы смягчить резкость, добавила. – Но вы правы. Я больше не вхожу в Общество.

Маг, которого Алан называл Уильямом, продолжал смотреть гневным взором, а я вдруг подумала, что Майкл и Розмари уже рассказывали мне об одном Уильяме, который как раз очень недолго любил Искателей. Так это Уильям Майклсон передо мной? Тот, кто станет следующим Хранителем после Артура и который умрёт как раз в две тысячи пятнадцатом году?

Алан вздохнул и ненадолго задумался.

– Полагаю, в этом случае больше нет смысла удерживать вас, мисс Бетси. Лорд Блэквуд отвезёт вас обратно на Друри-Лейн. Алисия, ты всё записала?

– Да, мистер Маршалл, – отозвалась девушка, выполнявшая обязанности секретаря, и я едва не села обратно на стул, с которого уже было поднялась. Ещё одно знакомое лицо. Не зря черты этой девушки на приёме показались мне знакомыми. В этом времени она тоже выглядела значительно моложе, в её облике ещё не было той жёсткости и бескомпромиссности, которые сразу бросались в глаза в двадцать первом веке. Выражение лица казалось более мягким. Сейчас она, конечно, мало походила на лидера Рыцарей, да и занимала пока ещё весьма скромную должность... Но у неё явно всё впереди.

Маги поднимались, заскрипели отодвигаемые стулья, голоса теперь звучали не на пониженных тонах. Я мысленно перевела дух – кажется, всё закончилось вполне благополучно. Однако радовалась я рано. В следующий миг раздался голос Чарльза, перекрывший все остальные:

– Господа, неужели вы собираетесь просто отпустить Искательницу после всего, что она здесь видела? Ей известны наши лица. Это может обернуться проблемами для всего ковена.

– Я не собираюсь... – начала было я, но он только отмахнулся от меня, как от назойливой мухи:

– Помолчите, милочка, – от возмущения я и впрямь запнулась, а он продолжил, обращаясь ко всем присутствующим: – Искатели уже достаточно давно лезут в наши дела. Что мешает ей прямоком отсюда отправиться к Уинслоу и поведать обо всём увиденном, как и о наших подозрениях, что смерть Артура – не несчастный случай?

– Ну а что вы предлагаете, Чарльз? – чуть устало осведомился Уильям Майклсон, хотя мне показалось, что в целом он был вполне согласен с Чарльзом.

– Стереть ей память, разумеется, – без малейших сомнений отозвался тот.

Я вздрогнула, а Алан с безукоризненной вежливостью невозмутимо произнёс со своего места:

– Считаю своим долгом вам напомнить, Чарльз, что у нас на данный момент нет мага, которому удавалась бы тонкая работа с человеческим разумом. Если мы вмешаемся в память мисс Бетси, она рискует лишиться рассудка. Я нисколько не сомневаюсь, что эта мелочь просто вылетела у вас из головы, и на самом деле вы не предполагали ничего дурного. Не так ли, Чарльз?

Честное слово, он мой самый любимый маг во всём этом ковене!

– Я всё понимаю, Алан, – жёстко ответил Чарльз. – Но у нас слишком непонятная ситуация. Баланс природных сил нарушен. Ты сам видишь, что творится за окном. Хранитель мёртв. Мы не можем толком понять, что происходит. Сейчас не время для полумер! Я предлагаю выход, чтобы ненароком не ухудшить ситуацию ещё больше!

– Ты предлагаешь не выход, а членовредительство, – хладнокровно возразил ему новый голос, и я с изумлением обнаружила, что в спор вмешался Джеймс. Розмари резко дёрнулась и неодобрительно поджала губы, недовольная вмешательством брата, но тот не обращал на неё внимания. – Мисс Бетси очутилась здесь по моей вине, потому что мне не пришлось в голову, что она может быть из Искателей. Заставлять её платить за

наши ошибки – гнусно.

– Ты ещё слишком молод, Блэквуд, и мыслишь слишком идеалистично, – сухо парировал Чарльз, и у меня удивлённо вытянулось лицо. Это заявление совершенно не вязалось у меня со сложившимся представлением о маге, хотя, по большому счёту, Чарльз мог быть прав. По крайней мере, в том, что касалось девятнадцатого века. В две тысячи пятнадцатом году на молодого идеалиста Джеймс походил менее всего. – Благородство в данном случае неуместно!

– Ну, вот что, – заявил Уильям, совещающийся до этого момента вполголоса с другими магами Совета. – Большинство против столь кардинальных мер. Мисс... Бетси, – он слегка поморщился на моём сценическом псевдониме, – вы можете возвращаться. Но мы настоятельно рекомендуем вам забыть обо всей первой половине сегодняшнего дня.

У меня не возникло ни малейшего желания с ним спорить.

– Безусловно.

Маги начали расходиться. Джеймс напоследок переговорил о чём-то с Майклом и Розмари и приблизился ко мне. Алисия и Закери что-то обсуждали у письменного стола. Алан удалился в компании Уильяма – судя по их сосредоточенным лицам, они вернулись к обсуждению происходящего. Чарльз беседовал с Валери, и при виде этой совещающейся парочки злодеев меня пробрал нервный смех.

Обратно в Лондон мы снова ехали в тишине, несмотря на несколько часов дороги. Джеймс думал о своём, я тоже не спешила прерывать установившееся молчание. На город уже опускался вечер, когда экипаж остановился у театра. Спрыгнувший с козел кучер открыл дверь, я уже хотела выбраться обратно под дождь, но Джеймс вдруг дотронулся до моей руки. Кучер, без слов понявший хозяина, закрыл дверь обратно, а я сначала удивлённо посмотрела на пальцы мага на моём рукаве, а затем воззрилась на него самого.

– Я должен попросить прощения, – серьёзно сказал он. – Вы не заслуживали такого обращения, как сегодня.

– Всё в порядке. У вас были причины подозревать меня. И вы заступились за меня перед... – я едва не назвала имя Чарльза, но в последний момент вспомнила, что мне его знать не полагалось, – перед тем магом. Полагаю, мы квиты.

Я уже собиралась наконец-то вылезти, но он снова не позволил, окликнув:

– Мисс Бетси!

Я неохотно остановилась.

– Что вы думаете о Маргарет Уилфред?

В первый момент я растерялась, не ожидая этого вопроса, но затем поняла, что могло его вызвать.

– Вы спрашиваете, потому что именно в её гримёрной мы нашли руны?

Он кивнул, и я пожала плечами:

– Не могу сказать, причастна она к этому или нет. Я слишком мало её знаю, но она не производит впечатления тёмного мага. Возможно, вам следовало обратиться с этим вопросом к виконту Фостеру?

Он слабо усмехнулся, но ничего не сказал. Я же подумала, что Маргарет, тем не менее, вызвала у него какие-то подозрения, причём ещё до смерти Артура. Ведь искал же Джеймс что-то в её гримёрной... Однако лично мне было трудно представить Маргарет убийцей. Да и тёмным магом она не была – я бы почувствовала холод. Но кто-то всё же начал ритуалы. И каким-то образом это связано с театром – не зря мы нашли руны именно в нём. Конечно, маги велели мне не вмешиваться... Но дело слишком серьёзное.

– Лорд Блэквуд, – решила я. – Можете подняться сейчас со мной? Я должна вам кое-

что показать.

Он выглядел слегка удивлённым, но спорить или задавать вопросы не стал.

– Хорошо.

Мы вместе направились в мою гримёрную. На первом этаже мы встретили Хогарта, который устремился было ко мне с возгласом, куда я пропала с репетиции, на что я наврала, что нехорошо себя почувствовала. Обмахиваясь неизменным платком, директор выразил самую большую обеспокоенность моим здоровьем, и я поспешила уверить его, что теперь чувствую себя гораздо лучше. Присутствие Джеймса рядом навело Хогарта на те же мысли, что и Маргарет с Гровером – видимо, он тоже решил, что это мой новый любовник, – но, к счастью, не стал задавать вопросов. Я пообещала спуститься в зал через пятнадцать минут, и он наконец-то меня отпустил.

В гримёрной я заперла за нами дверь, достала из ящика письменные принадлежности и отодвинула на край стола вазу с полуувядшими цветами. Неожиданно узнав в них те самые подаренные Джеймсом пионы, я только мысленно усмехнулась такому совпадению и начала старательно выводить на листке руны. Я помнила их порядок так хорошо, что мне не нужны были никакие подсказки.

– Вот, – закончив, я показала Джеймсу лист. Увидев символы, он помрачнел.

– Мисс Бетси, лучше вам и в самом деле в это не вме...

– Я поняла, – перебила я его. – Но дело слишком серьёзное, чтобы я просто сидела в стороне. Вам известно, что эти руны означают?

– Смутно, – признался маг.

Я кивнула.

– Вот. Это руны Яра, Туризас, Гебу, Перту, Хагалаз, Эхвас, Райду и Ивас. Вокруг – Ингвас, Лагуз, Иза и Кеназ. Четыре руны вокруг означают стихии. Руна Хагалаз – символ смерти. Гебу – дар или жертвоприношение, – я говорила, вспоминая всё то, что в двадцать первом веке мне рассказывали Майкл и Розмари. Джеймс в какой-то момент перестал смотреть на меня недоверчиво, а теперь пристально разглядывал нарисованные символы, не пропуская ни одного моего слова. Разумеется, прямым текстом о жертвоприношениях я ему говорить не стала, но подтекст моих слов он и так понял.

– Вы полагаете, что неизвестный нам тёмный маг начнёт в ближайшее время убивать людей?

– Полагаю, что так, – подтвердила я. – Не могу представить себе, какую цель он преследует, но проведённый ритуал наталкивает именно на это предположение.

Около минуты он продолжал изучать мои каракули, а затем посмотрел на меня.

– Спасибо вам, Бетси, – я обратила внимание, что на этот раз он опустил слово «мисс». – Мы посмотрим, что с этим можно сделать. Только будьте осторожны.

Я кивнула. В коридоре раздались шаги, а затем Сара прокричала так, словно мы заблудились в лесу:

– Бетси, ты идёшь?! Хогарт и Скотт тебя уже заждались!

– Иду! – заорала я в ответ, и Джеймс вздрогнул.

Сара удалилась, и нам было прекрасно слышно, как она недовольно ругается себе под нос, что некоторые певички окончательно обнаглели, а она вообще-то не нанималась в посыльные. Поскольку на репетицию я и так неприлично опоздала, а разговор с женихом уже подошёл к концу, я шагнула к дверям, но путь мне внезапно преградил маг, остановившись на пороге так, что обойти его было невозможно. Передвигался он с такой скоростью, что я от неожиданности врезалась в него. Осознав, что нас разделяют какие-то миллиметры, я немедленно отпрянула назад и едва не оступилась. Джеймс

наверняка это заметил, но предпочёл обойтись без комментариев.

– То, что вы сегодня сделали, было весьма глупо, – его голос звучал резко, и я удивлённо моргнула. – Смело, но глупо. Почему вы мне сразу не сказали, что вы Искательница?

– А вы бы мне поверили?

На секунду он задумался, а потом нехотя признал:

– Нет. Но вы могли сказать об этом не сегодня, а во время нашей первой встречи.

– И тогда бы ваш маг внёс предложение покопаться у меня в мозгах не сегодня, а двумя неделями ранее, – сухо возразила я, и наконец-то посмотрела ему в глаза. Для этого мне пришлось запрокинуть голову – маг всё ещё стоял слишком близко и возвышался надо мной на добрых полторы головы. Джеймс продолжал пытливо вглядываться в моё лицо, и у меня вдруг мелькнула странная догадка, что он говорил это не из вредности, а из каких-то других соображений. На моих последних словах он чуть поморщился – значит, я попала в цель.

– В ковене... не все столь непримиримы, как Чарльз, – наконец неохотно произнёс он.

– Это приятно слышать, – не без сарказма ответила я, стараясь скрыть смущение от того, что он стоял почти вплотную ко мне. – Лорд Блэквуд, могу я идти? Невежливо заставлять режиссёра и оркестр ждать.

Он молча шагнул в сторону, пропуская меня. Не попрощавшись, я поспешила вниз, стремясь оказаться как можно дальше от мага... хотя какая-то иррациональная часть меня была категорически против этого.

Глава 15

Тем же вечером меня ожидал тяжёлый и весьма неприятный разговор с Анабелл. Конечно, после допроса в колене мне уже многое было нипочём, но общение с Путешественницей здорово меня вымотало. Раз события начали принимать тот же оборот, что и в двадцать первом веке, скрывать происходящее от неё дальше было нельзя, и по возвращении домой я сама отправилась к компаньонке с повинной. На подробный пересказ поездки к магам она отреагировала вполне спокойно – то есть внимательно выслушала, и по её виду было понятно, что она готова предпринимать какие-то ответные действия. Но вот потом, когда последовал закономерный вопрос, почему магам вообще что-то от меня понадобилось, мне пришлось рассказать ей и про руны, и про жертвоприношения, и про трагическую роль Путешественников во всём происходящем.

В первый миг Анабелл опешила, потом некоторое время приходила в себя, созерцая продолжающуюся непогоду за окном – к вечеру в Лондоне начался ураган, ломавший ветки деревьев, переворачивавший повозки и вырывавший с корнем деревья из земли. От страшных порывов ветра крыша дома гудела, рамы окон трещали, а дождь снаружи лупил косыми струями, заливая стекло. А потом все погодные аномалии вылетели у меня из головы, потому что Анабелл разразилась гневными криками в мой адрес, и в какой-то момент я даже подумала, что она сейчас снова начнёт меня пытаться. Путешественница разом утратила всё своё чопорное спокойствие и теперь походила на разъярённую мегеру – только змей вместо волос не хватало. Как я поняла из выкрикнутых обвинений, основной её претензией ко мне было то, что я до сих пор молчала о готовящихся убийствах. Я попыталась осторожно вернуть, что я не знала, по какому пути события станут развиваться в этом времени, но она меня не слушала. В итоге я замолчала, терпеливо переживая бурю. За всё это время – а бушевала Путешественница долго – к нам никто не зашёл, привлечённый воплями. Похоже, Анабелл всё же предусмотрительно поставила какую-то звуконепроницаемую защиту.

Выдохлась Анабелл удивительно резко. У меня сразу возникло сравнение с тропическим ураганом: в одну минуту ты ничего не можешь разглядеть из-за стены дождя, а в следующий момент – голубое небо и яркое солнце. Правда, намного легче мне от этого не стало – взяв себя в руки и вернув привычное хладнокровие, Анабелл заставила меня во всех подробностях и деталях изложить ей всё, что мне было известно об обрядах. Радуюсь тому, что легко отделалась, я послушно рассказала ей о двух жертвоприношениях. Помня слова магов, что до третьего ритуала в девятнадцатом веке дело так и не дошло, о нём я пока не стала упоминать. Внимательно выслушав меня – а кое-что даже записав – Анабелл отвернулась к окну. Порывы ветра продолжали налетать, так что мне пару раз казалось, что окна вот-вот не выдержат и разлетятся на куски, в точности как на приёме общества «Миллениум», с которого начались мои приключения в две тысячи пятнадцатом году. О чём в тот момент думала Анабелл, мне было прекрасно известно – как она может связаться с Винсентом и прочими Путешественниками, если на улице творится настоящее стихийное бедствие. Испытывая облегчение оттого, что она отвлеклась от меня, я уже хотела тихо улизнуть к себе, но она меня остановила:

– Подожди.

Я обречённо вздохнула, ожидая нового допроса, но вместо этого Анабелл подошла к своему столу, отперла нижний ящик и некоторое время шуrowала в нём. Затем разогнула и протянула мне какой-то продолговатый предмет.

– Вот, возьми это.

Я взяла его и с удивлением обнаружила, что это был небольшой кинжал в ножнах. Совершенно простой, без каких-либо украшений или опознавательных знаков на рукояти. Вытащив его, я осторожно провела пальцем по лезвию и прошипела – из тонкого пореза пошла кровь.

– Спасибо, – удивлённо отозвалась я, рассматривая подарок. – А это зачем? Письма вскрывать?

– Для защиты, – мрачно отозвалась Путешественница. – Раз маги заинтересовались

тобой, будет лучше, если ты не будешь совсем беззащитной. Он маленький – его удобно прятать в складках юбки и носить с собой.

Вздёрнув бровь, я посмотрела на Анабелл, не ожидая такой трогательной заботы обо мне любимой, но та уже перебирала стопку писем на столе и не обращала на меня внимания.

– Но я не умею обращаться с оружием, – на всякий случай напомнила я. – Я скорее себе отрежу что-нибудь важное, чем спасусь от обидчика.

– Не хочешь – можешь вернуть его мне, – рассеянно отозвалась компаньонка, выдернув из стопки конверт и пробега глазами по его оборотной стороне. Я её уже особо не интересовала.

– Да нет... – промямлила я, решив, что какое-нибудь применение кинжалу всё же найду. – Большое спасибо.

– Не за что.

После этого мне оставалось только пожелать доброй ночи и удалиться.

Моё следующее выступление состоялось спустя два дня и проходило по стандартному распорядку. Находиться в последние дни в доме Барнсов было невыносимо – до свадьбы оставалось каких-то несколько дней, и она продолжала неотвратимо надвигаться, комментарии сэра Перси раздражали всё больше и больше, да и Анабелл не уставала напоминать мне об этом дне и о важности побега. Знакомые Барнсов тоже зачастили с утренними визитами, начали поступать предложения на чаепития, обеды и вечера – таким образом мне стало известно, что мой траур по отцу официально закончился. Сбежать из дома на репетиции и выступления становилось всё сложнее, и театр я теперь воспринимала как спасение. Обдумав и обсудив с Путешественницей дальнейшие шаги, я на следующий же день явилась в кабинет к Хогарту и напрямик изложила ему свои планы. Я не боялась честно признаться, что собираюсь сбежать со свадьбы, поскольку директор был первым человеком, кому моё замужество было совершенно невыгодно. Внимательно выслушав мою речь, он ненадолго задумался, а потом подтвердил, что раз я хочу продолжать выступать, то он может посодействовать мне с комнатой в неплохой гостинице неподалёку.

В тот день ничто не предвещало беды. На выступление я приехала вовремя несмотря на то, что в эти дни движение по лондонским улицам было затруднено – мешали поваленные деревья и сломанные ветки, преграждавшие путь не только экипажам и телегам, но и обычным пешеходам. Дождь наконец-то прекратился, но за окном всюду царствовал холодный пронизывающий ветер, здорово портивший всем настроение. Мне же происходящее до отвращения напоминало события в моём веке, и я буквально чувствовала, как утекает меж пальцев время. Я даже отдалённо не представляла, какие шаги сейчас предпринимает ковен, чтобы найти колдуна, а спросить было не у кого – даже Майкл в эти дни не появлялся в театре, чтобы навестить Маргарет. Анабелл поддерживала связь с прочими Путешественниками, но передо мной она, разумеется, в своих действиях не отчитывалась.

В антракте я привычно отправилась на сцену. Зрители, уже знающие о новом «гвозде программы» – то бишь обо мне – никуда не расходились, а оставались на своих местах. Руки по-прежнему слегка дрожали от волнения, хотя это было не сравнить с тем полубессознательным состоянием, в котором я выступала в первый раз. Оркестр заиграл знакомое вступление, я высоко подняла голову. Свет газовых рожков всё ещё бил мне в глаза, мешая видеть, но я больше не втягивала голову в плечи, изображая гигантскую черепаху. Эх, жаль, в этом времени ещё нет видеокамер. Как бы я хотела знать, как выгляжу со стороны...

Я даже не поняла, что именно изменилось. В какой-то миг из тьмы за рампой до меня донёсся слаженный изумлённый вздох нескольких сотен зрителей, сидевших в зале. Затем мне бросилось в глаза побелевшее лицо дирижёра – мистер Скотт, не отрываясь, смотрел на меня такими глазами, словно видел зомби. Даже не поняв, что происходит, я продолжала вытягивать припев, когда меня внезапно с силой толкнули в спину. Пение резко оборвалось, превратившись в всхлип, и меня успела посетить удивлённая мысль – почему песня смолкла? Я просто не осознавала, что это был мой голос. Удар в спину был такой силы, что я не удержалась на ногах и полетела на пол. В следующую секунду с

тихим шелестом что-то скользнуло сверху, меня обожгло дыханием холода, и я вскрикнула, когда одна из декораций – объёмная, изображавшая дворец царя Тесея на Пелопоннесе – придавила меня к полу, пребольно стукнув по рукам и спине. Конструкция была настолько тяжёлой, что я очень быстро убедилась, что без посторонней помощи мне не выбраться. Тогда я повернула голову и обнаружила, что по-прежнему находилась на сцене в одиночестве. В пределах видимости не было никого, кто мог бы меня толкнуть.

Раздались крики, на сцену вбежали какие-то люди и захлопотали вокруг меня, в зале зажёгся свет, громко причитала какая-то женщина... Декорацию с меня сняли усилиями нескольких человек, в числе которых были наши актёры – МакКинли, Карлтон и Мастерс, которые выбежали на сцену прямо в сценических костюмах и гриме. Хогарт выскочил следом и теперь громко извинялся перед зрителями за недоразумение и уверял их, что это лишь незначительная неприятность. Кто-то из рабочих, находившихся на колосниках и следивших за декорациями, громко клялся и божился, что это не его вина. Затем кто-то догадался закрыть занавес, отрезавший нас от зала, и продолжения представления зрители не видели.

Наконец я почувствовала свободу и с чьей-то помощью поднялась. Хогарт подбежал ко мне, громко вопрошая, цела ли я и не нужно ли позвать врача. Я же испытывала не столько боль, сколько огромное удивление, хотя тело после удара всё ещё ныло, да и синяки наверняка останутся. Потом показалась миссис Браун с завернутым в тряпку куском льда, который она всё старалась куда-нибудь ко мне приложить, а я вяло отмахивалась от её попыток и рассматривала двухсотфунтовую конструкцию, которая столь неудачно на меня обрушилась. Повезло, что я так удачно стояла, и зацепило меня только краем... Стой я немного дальше – и удара по голове было бы не избежать, и кто знает, чем это было бы для меня чревато...

МакКинли любезно протянул мне руку, за которую я с благодарностью ухватилась, и позволила увести себя со сцены. Я с трудом понимала, что происходит, и за кулисами даже не обратила никакого внимания ни на Гровера, уже вовсю громко скандалившего с Маргарет по поводу сорванного представления (почему-то он обвинял меня в неуклюжести, а Маргарет доказывала ему, что случившееся – не моя вина, а рабочих), ни на Сару, с наслаждением слушавшую их перепалку. Затем снова появился Хогарт, выслушал мои заверения в том, что я вполне жива и здорова, успокоился и объявил, что после антракта спектакль продолжится в обычном режиме. Мне же было позволено удалиться, а МакКинли дали поручение проводить меня до гримёрной. Тот без возражений довёл меня до нужной комнаты и перед уходом протянул фляжку, которую извлёк откуда-то из складок древнегреческой тоги.

– Для успокоения нервов и укрепления сил, – предложил он и подмигнул с заговорщицким видом.

Я не сдержала улыбки от этой простодушной заботы самого заядлого алкоголика в труппе, но покачала головой.

– Благодарю, нет.

– Ну, как знаешь, – пожал плечами он, приложился основательно к горлышку сам и удалился.

Медленно, стараясь не потревожить ушибленные руки и бок, я опустилась на стул перед туалетным столиком, а затем откинула вуаль той рукой, которая болела меньше, и посмотрела на себя в зеркале. Голову не задело, и на бледном лице не было никаких травм. Парик слегка сбил, и из-под рыжих волос теперь пробивались светлые вьющиеся прядки. Ярко-алая помада размазалась, придав мне определённое сходство с Джокером из фильмов про Бэтмена. Вид у моего отражения был малость обалдевший. Что же мне так не везёт? Теперь несчастный случай на сцене... Чёрт подери этих рабочих, которые закрепляют декорации чёрт знает как. Так ведь и прийдёт ненароком... Повезло ещё, что удар пришёлся на тело, а не на голову.

Однако минутку. А почему удар пришёлся не на неё? Да потому, что к моменту падения декорации я уже сама упала на сцену. Но почему? Что сбilo меня с ног? На сцене никого не было и, следовательно, толкнуть меня никто не мог. Но удар в спину был. И единственное, чем это можно объяснить...

В дверь нетерпеливо пару раз стукнули. Прежде чем я успела хоть что-то ответить, она распахнулась, и на пороге возник Джеймс Блэквуд. По вечернему времени одет он был во фрак – просто загляденье. Не дожидаясь приглашения, он ворвался внутрь, и я, позабыв о боли в руке, торопливо вернула вуаль в её изначальное положение.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он, останавливаясь прямо за спинкой моего стула. Джеймс передвигался странными резкими движениями, словно был глубоко взволнован. Чтобы видеть самого мага, а не его отражение, я постаралась развернуться к нему, но бок немедленно отозвался болью во всём теле, и я бросила эту попытку.

– Неплохо. Спасибо, – отозвалась я и, не удержавшись, поморщилась, что, разумеется, выдало меня с головой.

– Позвольте, я помогу вам, – с этими словами он таким же отрывистым движением наклонился и положил ладонь прямо мне на больной бок. Я шарахнулась в сторону – не от боли, больно как раз стало после моего резкого движения – а от неожиданности, но вторую руку Джеймс быстро положил мне на плечо, вынуждая сидеть на месте. Хватка у него внезапно оказалась сильная, так что пошевелиться я больше не могла. От этих прикосновений мне стало не по себе, несмотря на то что нас по-прежнему разделяло несколько слоёв одежды. Пока я пыталась дать какое-то определение охватившему меня смятению, я внезапно осознала, что боль уходит. Ещё секунд через пятнадцать от неё не осталось и следа, словно происшествие на сцене мне только приснилось. Вот только руки мага были самые настоящие и не позволяли отнестись к случившемуся как к дурному сну. Позабыв в тот момент об осторожности и о важности сохранения моего инкогнито, я подняла голову и встретила взглядом с тёмно-зелёными глазами, которые в последний раз видела так близко во время нашего поцелуя, чувствуя, что просто теряю голову...

Так же стремительно, как он наклонился ко мне, Джеймс отпрянул.

– Ковен же сказал вам держаться подальше от происходящего, – как-то невпопад проговорил он, словно не сразу понял, что именно хотел сказать.

– Так это вы уронили на меня декорации? – так же невпопад удивилась я.

Он уязвлённо вскинул голову, и я поразились, когда увидела, насколько здесь, в этом времени, он был ещё молод. Сейчас он чем-то напоминал мне Артура Рассела – такой же молодой и порывистый.

– Вообще-то я вас спас, – недовольно сообщил он с таким видом, словно сомневался в правильности своего поступка. – Декорацию на вас обрушил кто-то другой. Я успел заметить падение и вмешаться в самый последний момент.

– Вы оттолкнули меня, – поняла я. – Магией.

Он кивнул, и моё сердце взволнованно заколотилось. Он спас меня! Снова!

– Спасибо. Я вам очень признательна.

Джеймс прошёлся глазами по комнате и придвинул поближе стул, который до этого стоял у окна. Сел, и внимательно посмотрел на меня.

– Бетси, кто из театральных может быть к этому причастен?

– Кто-то из рабочих?

Я подумала, что декорация не могла упасть сама по себе. Я слабо представляла, как она может быть закреплена, но в любом случае пришлось бы что-нибудь подпилить, подрезать, чтобы сделать её неустойчивой.

Джеймс, однако, только покачал головой, когда я изложила свои соображения.

– Необязательно. Декорацию обрушили магией – мы все почувствовали магический всплеск в воздухе.

– Тогда почему вы думаете, что это был кто-то из театральных? – удивилась я, мельком отметив прозвучавшее «мы». Сколько же ещё магов ковена было среди зрителей? – В

зале было полно народу. Кто угодно мог...

- Вспомните руны в гримёрной Маргарет Уилфред, - напомнил он. - Сначала они, а теперь нападение на вас. Оба события произошли в театре. Вы верите в совпадения, Бетси?

- Нет, - признала я, и неожиданно для себя улыбнулась.

- И я тоже, - согласился он. - Поклонников у Маргарет множество, и посторонних в театре хватает, но вряд ли они ходят через её гримёрную, как через проходной двор. Кто мог бы подкинуть ей эти руны в середине дня в гримёрную?

- Вы могли бы, - невинно напомнила я, воскресив в памяти обстоятельства той нашей встречи. Секунду Джеймс удивлённо смотрел на меня, а потом вдруг рассмеялся.

- Туше, - признал он. - Но смею вас заверить - я этого не делал. Не убивал Артура и не пытался убить вас.

- Я вам верю, - просто сказала я, отчаянно надеясь, что не смотрю на него глазами восхищённой дуручки. Даже в двадцать первом веке после того, как сорвалась засада в Эйлсфорде, я не смогла поверить в причастность Джеймса к убийствам, а уж сейчас - тем более. Затем я обратила внимание на ещё одну деталь. Оттого, что внезапно подтвердилась моя догадка, мне стало холодно, и волосы чуть не зашевелились на голове.

- Почему вы уверены, что меня пытались именно убить?

- Потому что эта конструкция весом в несколько десятков фунтов вполне могла разmozжить вам голову, - сухо отозвался Блэквуд, и я поёжилась.

- Значит, по-вашему, корень зла находится в театре, - задумчиво резюмировала я, желая поскорее отвлечься от неприятных мыслей. - Но как его найти? Заставить вашего Рыцаря, отличающего правду от лжи, допросить каждого?

Джеймс покосился на меня с труднопередаваемым выражением лица, и я прикусила язык.

- Даже спрашивать не буду, откуда вам всё это известно, - вздохнул наконец он, и я перевела дух. - Нет. Появление Закери будет слишком привлекать к себе внимание. Я рассказал ковену о ваших догадках, - внезапно добавил он, и я нервно дёрнулась. - Мы посоветовались и пришли к выводу, что если вы правы, то у колдуна должно быть что-то вроде убежища. Все эти ритуалы требуют подготовки, да и все составляющие - книгу заклинаний, жертвенные ножи, отвары - у себя дома на кухне хранить не будешь. После покушения на вас я склонен думать, что колдун мог обустроить это убежище здесь, в театре.

Я вспомнила холод, который почувствовала при падении декорации, подумав о чёрной магии.

- Но где он смог бы это проверить? В гримёрных, да и прочих служебных помещениях бессмысленно - тем постоянно кто-то бывает. Никакой секретности...

Я осеклась, и пару секунд мы с Джеймсом смотрели друг на друга. Усилием воли я отогнала мысли о том, как же он мне всё-таки нравится, и сосредоточилась на деле.

- Подвал, - хором произнесли мы.

Он решительно поднялся.

- Я схожу за остальными, - решил Джеймс. - Не будем тратить время. Надеюсь, они не сильно расстроятся из-за того, что не досмотрят выступление до конца.

- Я пойду с вами, - это решение пришло мне в голову само собой. Блэквуд поджал губы, разом сделавшись похожим на Розмари.

- Вас сегодня уже чуть не убили, - ехидно напомнил он. - Вам этого показалось мало?

У меня на языке вертелось замечание, что мы с ним не впервые попадаем в опасные ситуации, и если сейчас он спас меня, то в прошлый раз я спасла его, но здесь это прозвучало бы сущей бессмыслицей.

– Если это и в самом деле кто-то из наших, – мельком я удивилась тому, как легко я назвала всех театральных «нашими» – когда это они успели стать для меня такими?.. – то сейчас все заняты на спектакле. Едва ли этот колдун прямо сейчас сидит в подвале и строит свои коварные планы.

Некоторое время Джеймс молчал.

– Будь по-вашему, – наконец принял решение он. – Тогда собирайтесь.

Глава 16

Джеймс ушёл, а я начала готовиться к вылазке – точнее, достала из ящика стола подарок Анабелл и спрятала кинжал в складках юбки, в очередной раз пожалев, что в этом веке такая дурацкая мода, и вниз придётся идти в куче неудобных юбок. Мелькнула даже идея сбежать в костюмерную и подобрать какой-нибудь брючный костюм, но времени на переодевание не было. Кстати, магия Джеймса и впрямь имела потрясающий эффект – поднявшись на ноги, я обнаружила, что боль пропала, и я могла передвигаться с той же лёгкостью, что и раньше.

Маг вернулся в компании Майкла и Алана, и я с трудом сдержала улыбку. Пожалуй, такой состав группы устраивал меня больше всего. Как и Джеймс, оба джентльмена были во фраках и производили на постороннего наблюдателя самое благоприятное впечатление. Вот только азартный блеск в глазах Майкла выдавал, как ему не терпится отправиться на поиски приключений. Маршалл казался гораздо более спокойным и собранным, но и у него на лице нельзя было прочесть ни малейшего недовольства тем, что спектакль остался недосмотренным. Я в очередной раз поразилась, насколько молодым он выглядел в этом времени. Неужели то, что он так постареет за сто тридцать лет – это совершенно естественный процесс? Или сюда вмешается что-то ещё?

– Мисс Бетси, надеюсь, вы не сильно пострадали? – с отеческой заботой осведомился Алан. И он, и Майкл поприветствовали меня любезными полупоклонами, словно я была дамой благородного происхождения, и я не могла не оценить их учтивость. – Как вы себя чувствуете?

«По сравнению с Артуром Расселом – неплохо», – подумала я. Мысль была неприятная, и на меня снова накатила горечь. Но времени на переживания сейчас не было, и я постаралась отогнать образ юного мага.

– Благодаря лорду Блэквуду – более чем сносно, – заверила я его.

– Джеймс говорит, вы пойдёте с нами. Возможно, было бы практичнее, если бы вы... – и Майкл проделал некие пассы рукой перед своим лицом, намекая на откидывание вуали. По большому счёту он был совершенно прав – спускаться куда-то в подземелье в тряпке, которая мешала бы и без того слабому обзору, было очень глупо. Выглядеть самоуверенной идиоткой со странными капризами в глазах магов у меня не было ни малейшего желания, но поделать я ничего не могла.

– Я пойду так, – вежливо, но твёрдо заявила я. – Я вас не задержу.

На лице Блэквуда отразился плохо скрываемый скепсис, а Майкл лишь легкомысленно махнул рукой.

– Как знаете. В крайнем случае, Джеймс за вами присмотрит. Мисс Бетси, ведите.

Следуя моим указаниям, мы спустились на первый этаж и углубились в служебные помещения. В самих подвалах театра я ещё ни разу не бывала, но где находился вход, я знала. По пути Майкл успел забежать в одну из кладовых и разжиться там фонарями. По пути нам никто не встретился – в этот поздний час весь персонал театра находился в районе сцены, и из здания при желании можно было бы вынести половину театрального имущества – никто бы и не заметил.

Подвальная дверь предсказуемо оказалась заперта на тяжёлый амбарный замок, и Майкл уже радостно потёр руки, предвкушая, как он сейчас будет её выбивать, но Алан лишь снисходительно усмехнулся, произнёс несколько слов на совершенно незнакомом мне языке, и замок со стуком упал на пол. Из любопытства я подняла его и осмотрела – дужка развалилась на несколько частей и выглядела так, словно её распилили.

– Вечно ты всё веселье испортишь, – обиженно проворчал Майкл, и мы отправились дальше.

Подвал встретил нас тишиной и запахом сырости. Конечно, на подземелье замка Иф он походил мало, но всё равно в нём было неуютно. Газовое освещение сюда проведено не было, и мы могли теперь полагаться только на прихваченные Майклом светильники. Сам подвал, насколько мне было известно, был огромным и занимал несколько уровней.

Помещения, находившиеся ближе всего к выходу, были самыми сухими, и в них десятилетиями лежало барахло, припрятанное «на всякий случай» – старые, рассыпающиеся на части декорации, древняя мебель, державшаяся на одном честном слове, какие-то строительные материалы. Где-то в отдалении тихо капала вода, слышалось попискивание крыс. Здесь топот маленьких лапок звучал намного громче и ближе, и оттого казался ещё более омерзительным. Тёмные углы тонули в холодной, сырой темноте, и горы мусора казались бесконечными.

– Интересно, а здесь привидения водятся? – с интересом спросил Майкл, и его голос прозвучал оглушительно громко в этой тишине.

– Предлагаю разделиться, – произнёс Алан, когда мы прошли через несколько коридоров до очередной лестницы вниз. Ни конца ни края этого лабиринта видно не было. – Иначе мы будем бродить здесь до следующего Рождества.

Возражений не последовало, и Алан с Майклом спустились по лестнице, а мы с Джеймсом свернули в очередной проход. Фонари Фостера и Маршалла исчезли из виду, и стало ещё темнее. Где-то рядом особенно громко взвизгнула крыса, и мимо меня по каменному сырому полу прошмыгнуло несколько тёмных теней. Не справившись с собой, я на секунду остановилась, пытаюсь побороть омерзение.

– Страшно? – спросил Джеймс, поднимая фонарь повыше, чтобы увидеть моё лицо. Видимо, он ожидал, что я начну просить поскорее вывести меня наружу, подальше от этого кошмарного места, но я его разочаровала:

– А вам?

– Нисколько, – заверил он меня вполне спокойно, и я не услышала в его голосе бравады.

– Мне тоже, – поспешила заявить я.

– И это удивительно. Для человека, которого только что попытались убить, вы весьма храбро лезете в самое пекло заварушки.

Я пожала плечами, а затем мне на ум вдруг пришёл тот, другой наш разговор, где подобная тема уже всплывала.

– Потому что это вы, маги, в своём колене привыкли ко всяким сверхъестественным штучкам и странным событиям. Для меня же это что-то новое, необычное. Это как возможность пережить опасное, но увлекательное приключение с множеством интриг, понимаете?

Я не смотрела в его сторону, но краем глаза заметила, как поднялся вверх фонарь – единственное пятно света вокруг. Джеймс явно пытался разглядеть моё лицо в крошечной темноте.

– Приключение? – наконец с глубоким недоумением переспросил он. – Занятное определение. Даже не думал о происходящем именно с этой точки зрения.

Мы прошли ещё несколько метров, пока я не налетела на каменный выступ стены. Пребольно стукнулась плечом и прошипела сквозь зубы одно из любимых ругательств Сары. Потом слегка покраснела, вспомнив, что я вообще-то леди, которой не полагается знать подобных слов. Затем сообразила, что мисс Бетси не аристократка и, следовательно, ругаться вполне может.

– Может, снимете вуаль? – предложил Джеймс откуда-то издалека. – Я понимаю, вы создаёте определённый образ на сцене, и у вас отлично получается, но зачем так мучиться в повседневной жизни? Да ещё в подобном месте? – и я не столько увидела, сколько уловила, как он широко обвёл свободной рукой вокруг себя, указывая на неживописное пространство подземелья.

– Чтобы не ослеплять окружающих моей неземной красотой, – мрачно сообщила я, потирая ушибленное плечо и мысленно спрашивая, чего мне не сиделось в тёплой и светлой гримёрной. Но разумному совету вняла – в темноте подземелья всё равно узнать меня было сложно, к тому же парик оставался на месте – и стащила с головы шляпу.

Джеймс улыбнулся, и я уже ожидала услышать какой-нибудь комплимент, но вместо этого он вдруг вскинул свободную руку в воздух, останавливая меня. Улыбку сменило сосредоточенное выражение, и я поняла, что громких вопросов пока лучше не задавать. Маг осмотрелся по сторонам, а потом уверенно ткнул в дверь почти в самом конце коридора.

– Туда.

Мы подошли к ней вплотную – Джеймс спереди, я сзади. Дверь предсказуемо оказалась заперта, но он использовал какие-то чары, и замок с тихим щелчком открылся. Из тёмного дверного проёма на меня дохнуло знакомым холодом, и я сразу поняла, что мы пришли в нужное место. Тёмная магия здесь присутствовала в избытке.

Джеймс пару секунд напряжённо вглядывался во тьму помещения, а потом по движению его руки в комнате внезапно стало светло – вспыхнуло два десятка свечей, стоявших на столе и полках. Их неяркий дрожащий свет сразу после мглы подвала показался ослепительным, и я зажмурилась, чувствуя, как слезятся глаза. Джеймс уже вовсю изучал обстановку, когда я только приспособилась к полумраку и смогла осмотреться.

И почти сразу же поняла, что мы пришли по адресу. Комната была обставлена совершенно убого – грубо сколоченные стол, стул и полки с книгами. Но даже если бы я не ощущала холода тёмной магии, ошибиться всё равно было невозможно – моё внимание теперь было приковано к письменному столу. Вся столешница была в застывших каплях воска, по ней были небрежно разбросаны листы бумаги, сломанные перья, чернильница. Но всего этого хлама я поначалу даже не заметила, потому что в центре лежала книга.

Обычная книга в простом вытертом кожаном переплёте, при виде которой мне захотелось поскорее убежать отсюда наверх, на воздух. О да, я сразу узнала её – не зря же я провела в двадцать первом веке столько часов, переводя с древнеирландского записанные в ней описания жертвоприношений.

– А вот это уже интересно, – задумчиво резюмировал Джеймс, перебирая листы бумаги. Затем открыл книгу наугад, и я, подойдя ближе, увидела исписанные вручную страницы. – Жаль, я не силен в древних языках... Придётся искать переводчика.

– У вас есть кто-то на примете? – осведомилась я, прикидывая, стоит ли мне дать понять, что для меня все эти письма – не совсем китайская грамота. Конечно, моя полная осведомлённость о происходящем и так выглядит чересчур подозрительно, и не стоит ещё больше подливать масло в огонь. Но что ещё остаётся?

Блэквуд только усугубил эти сомнения, неохотно признав:

– Нет. Артур смог бы перевести – он увлекался древними языками – но его больше нет с нами. Можно, конечно, выяснить у Совета, но я не припоминаю, чтобы кто-то из них хорошо в этом разбирался...

«А вот Реджинальд Барнс тоже смог бы перевести», – мелькнула неуместная мысль. И древнеирландским он владел весьма свободно, раз мог вести на нём дневник. Наверняка среди Искателей этого времени можно найти того, кто справился бы с переводом так же, как я в две тысячи пятнадцатом году.

– Почему среди магов так мало людей знает древние наречия, если все ваши заклинания произносятся именно на них? – вдруг задала я вопрос, который приходил мне на ум ещё в двадцать первом веке.

– А какой смысл учить язык целиком, если в магии используются лишь отдельные слова, словосочетания и изредка – предложения? – пожал плечами маг, не отрываясь от пожелтевших ветхих страниц. – Проще зазубрить их наизусть, не вдаваясь в сложности грамматики и синтаксиса... Хотя зерно истины в ваших словах есть, – внезапно заключил он. – Сейчас бы эти знания оченьгодились.

– Я бы в этом не был так уверен, – прошелестел третий голос с порога. Джеймс отреагировал быстрее меня: он успел обернуться, а в следующую секунду сильный удар сбил меня с ног. Вскрикнув, я отлетела к стене, сбив по пути стул и выронив шляпу, и

рухнула на пол. Когда я попыталась подняться, в шее что-то хрустнуло, но голова не отвалилась, и я посмотрела на порог.

В дверном проёме из темноты материализовалась безликая фигура в длинном чёрном плаще. Лица человека было не разглядеть из-за низко надвинутого капюшона. Плащ был совершенно обыкновенный, такой вполне можно было найти даже в театральной костюмерной, а больше никаких отличительных признаков у колдуна не было. Рост чуть выше среднего, телосложение... А чёрт его знает, из-за плаща не разберёшь.

– И куда вы всё время лезете? – сокрушённо продолжила фигура, и я решила, что голос всё же был мужским. Но не могла сказать с абсолютной уверенностью – голос скорее шипел, и это мешало определить точно. – Ну ладно Блэквуд, но вы-то, мадам-простая-театральная-певичка, зачем вмешались?

После первой магической атаки колдуна Джеймс, в отличие от меня, устоял на ногах. Распрямился и посмотрел на пришельца оценивающе.

– А вам, по всей видимости, не терпится отправить её на тот свет? – иронично осведомился он, а затем вдруг встал впереди меня, загораживая от колдуна. От этого потрясаяще рыцарского жеста я взволнованно вздохнула.

– Не моя вина, что в первый раз вы её спасли, – пожала плечами фигура. – Впрочем, и эту проблему легко решить, не так ли?

В следующий миг я впервые могла наблюдать схватку двух магов своими глазами. Она выглядела не совсем так, как её обычно изображали в фэнтези: оба стояли друг напротив друга и обменивались заклинаниями, парируя удары противника и атакуя. Эта картина не сопровождалась никакими спецэффектами – ни огненных шаров, ни срывающихся с пальцев молний. Весь бой был фактически невидим для глаза обычного человека, и любому случайному зрителю могло показаться, будто два психа просто гневно машут друг на друга руками. Поначалу мне казалось, что удача на нашей стороне, поскольку Джеймс отвечал на атаки очень уверенно. Однако вскоре я начала понимать, что дело плохо – Джеймс медленно отступал и пару раз болезненно дёрнулся, когда его настигли удары колдуна. Прodelав витиеватый пасс одной рукой, чёрный плащ резко выбросил вперёд другую. Блэквуда откинуло мимо меня к каменной стене и знатно приложило об неё. Я охнула и прижала ладонь ко рту. Сознание он не потерял, но сесть попытался с видимым трудом.

Я должна что-то сделать. Что угодно... Рука сама собой легка на рукоять подаренного Анабелл кинжала.

– Вот и всё, – почти ласково сообщил тёмный маг. Голос звучал вполне обычно, и какой-то частью сознания я подумала, что уже когда-то его слышала. Но когда?..

– Как это скучно и предсказуемо...

Он прошёл мимо меня, даже не взглянув в мою сторону. Никакой угрозы я для него не представляла. Подошёл к магу, который всё пытался подняться, и несколько секунд молча стоял, наслаждаясь видом поверженного противника. Потом начал читать очередное заклинание, которое должно было стать для Джеймса последним, но вдруг осёкся и чуть наклонил голову, чтобы увидеть лезвие кинжала, упиравшееся теперь ему в горло. Я успела подняться на ноги, подойти к нему со спины и прижать кинжал к его шее. Стоять так было не очень удобно, поскольку колдун был выше меня, но эффект от моих действий был самый впечатляющий – тёмный маг оборвал себя на полуслове и замолчал. Прекрасно понимая, что преимущество по-прежнему на его стороне, и что, если он захочет, он может наколдовать что-нибудь, я надавила на лезвие, и тот зашипел сквозь зубы.

– Ни с места, – на всякий случай предупредила я. Колдун раскинул в стороны руки, демонстрируя, что он безоружен, хотя в нашей ситуации это не имело никакого значения, и я торопливо скомандовала. – Джеймс, поднимайся.

– И что теперь? – осведомился колдун, наблюдая, как маг пытается встать на ноги. Джеймса заметно покачивало – выходит, от противника ему досталось по полной программе. – Неужели у тебя хватит решимости перерезать беззащитному человеку

горло?

– А ты проверь меня, чтобы не было так «скучно и предсказуемо», – огрызнулась я, хотя его слова внесли ещё большее смятение в моё и так встревоженное состояние. Едва ли я смогу убить человека, даже зная, что он пытался убить меня и убьёт не меньше десятка Путешественников...

Джеймс наконец-то встал, и я хотела было с облегчением предоставить ему решать, что делать с колдуном, но не успела. Я даже не поняла, что произошло. Краем глаза я уловила, как в дверях возникла вторая фигура – она появилась так стремительно, что мне невольно вспомнился вопрос Майкла, не водятся ли в подвалах привидения. Но я не успела никак отреагировать, даже не успела чётко зафиксировать в сознании появление ещё одного чужака. Вдруг стало темно, и больше я ничего не помнила.

Мы с Джеймсом очнулись одновременно. Когда я открыла глаза, по потолку продолжали прыгать тени от горящих свечей. С определённым усилием мне удалось сесть, и я увидела, как у стены зашевелился Блэквуд. Выглядел он неважно – бледный, изрядно помятый и побитый, под глазами появились мешки. Вероятно, я выглядела ненамного свежее и бодрее.

– Ты цела? – спросил он, увидев, как я ощупываю себя на предмет возможных повреждений.

– Вроде да. А ты?

– Тоже.

Джеймс поднялся на ноги, осмотрелся, а затем ругнулся.

– Он забрал книгу, – мрачно сообщил он. – И все бумаги. Ищи теперь его новое убежище...

Я торопливо нашла на полу свою шляпу с вуалью – примерно такую же измятую и грязную, как и я сама – и после этого позволила себе подняться и осмотреться. Джеймс не соврал – помещение теперь казалось ещё более пустым. Все документы, всё, что могло бы хоть как-то указать на колдуна – всё пропало.

– А у него, выходит, есть помощник... – протянула я, вспомнив призрачную тень в дверях. – Вот он на нас и напал, а потом они вдвоём сбежали. Непонятно только, почему нас оставили в живых?..

– Спешили, наверное, – угрюмо отозвался Джеймс, просматривая полки, а затем разочарованно вздохнул. – Всё ценное они забрали. М-да, не так я себе представлял эту вылазку...

В этот момент в коридоре раздался шум, словно кто-то торопливо бежал по каменному мокрому полу, а затем в дверях показались Майкл и Алан. Оба выглядели примерно так же, как и мы с Джеймсом: фраки безнадежно измяты, белая рубашка Майкла вся в грязи, у Алана рассечена бровь и сочилась кровь.

– Вы как, живы? – мгновенно отметив наш внешний вид, с тревогой спросил Майкл. – Или он и до вас добрался?

– Не столько «он», сколько «они» – поправил его Джеймс, и маги переглянулись.

– Значит, их ещё и двое, – с тяжёлым вздохом констатировал Алан. – А ведь была неплохая возможность схватить обоих...

– На вас тоже напали? – уточнила я.

– Да. Я даже заметить ничего не успел – меня оглушили со спины, а Алан ещё попытался как-то среагировать, – Майкл красноречиво кивнул на рану Маршалла. – Только тот колдун оказался сильнее. А на вас, значит, сразу двое напали?

Джеймс в двух словах пересказал им случившееся, а затем подошёл ко мне и поднял с пола кинжал, о котором я благополучно забыла. Повертел его в руках, чему-то

улыбнулся и протянул его мне рукоятью вперёд.

– Ваши смелость и решительность достойны восхищения.

Я приняла оружие, проверила лезвие и убрала в ножны, с явственным сожалением заметив:

– Даже поцарапать этого колдуна не смогла... – кинжал был совершенно чистым, без малейшего следа крови. Значит, когда я потеряла сознание, он просто выпал из моей руки, не причинив никакого вреда тёмному магу. Досадно.

Ещё минут пять мы добросовестно осматривали комнатку, отыскивая признаки потайных ящиков или улики, которые пролили бы свет на происходящее, но в результате были вынуждены смириться, что ничего важного здесь не осталось. Единственное, что мы узнали наверняка, – так это то, что колдун действует не один, а с напарником. Час от часу не легче...

– Пойдёмте наверх, – наконец устало предложил Майкл. – Здесь явно больше нечего делать.

– Мисс Бетси, не будете ли вы так любезны показать нам какой-нибудь обходной путь из театра? – попросил вежливо Алан. – Боюсь, если мы появимся в таком виде на парадной лестнице, нас... неправильно поймут.

Я оглядела всех нас по очереди – выглядели все четверо так, что бродяги из трущоб по сравнению с нами казались образцами чистоты, моды и стиля – и, не выдержав, хихикнула.

– Сделаю, что могу.

Глава 17

Я собиралась проводить магов до чёрной лестницы, откуда было рукой подать до «служебного» входа, которым пользовались только театральные. Такое решение было как нельзя более актуальным, поскольку выступление только что закончилось, и можно было расслышать гул голосов с парадной лестницы и из холла – зрители направлялись к дверям, обсуждая спектакль. По пути нам попался кто-то из рабочих, не проявивший к нам абсолютно никакого интереса, помощница миссис Браун, которая при виде нашей грязной компании вскрикнула и всплеснула руками, выронив ворох тряпья, и МакКинли, который к этому моменту находился в таком подпитии, что принял нас за плод замутнённого парами бренди сознания. Однако у самых дверей нас ждал сюрприз в лице трёх леди, которые в роскошных вечерних платьях и переливающихся драгоценностях выглядели совершенно неуместно посреди тёмного, обшарпанного коридора. Однако эта встреча удивила только меня, а вот джентльмены остались совершенно спокойны. Джеймс только устало вздохнул:

– Ну, куда же без них...

– Леди, – Майкл поприветствовал их всех учтивым поклоном, который смотрелся очень галантно, несмотря на весь потрёпанный и помятый внешний вид мага. – Добрый вечер. Надеюсь, вам понравилось представление?

– Виконт Фостер, вы невыносимы, – мрачно сказала Розмари, которая до этого момента пожирала его жадным взглядом, а сейчас торопливо взяла себя в руки и сделала лицо суровое и неприступное. – Что с вами всеми произошло? Джеймс, ты что, подрался с уличным бродягой?

– А почему я-то сразу? – обиделся её брат. – Алану досталось ещё больше...

Маршалл ощутимо пихнул его в бок, но было поздно – все дамы теперь обратили внимание на ссадину на его лбу, и к Алану в ту же секунду устремилась смуглая и темноглазая мисс Эмили, которую я уже не раз видела вместе с Розмари и Валери и которая так мило общалась со мной на светских приёмах. Из всех леди на ней одной не было никаких украшений, а платье не отличалось какими-то изысками.

– Папа! Что случилось? Может, послать за доктором Митчеллом? – и, нисколько не боясь испачкать светлое платье, она повисла на шее у Алана, который крепко обнял её.

У меня банальнейшим образом отвисла челюсть. Дружелюбная Эмили – дочь Алана? У Алана есть дочь?! Но... Почему я ничего о ней не знала в двадцать первом веке? Почему её имя ни разу не проскользнуло в разговорах, почему я ни разу не встречала её лично? Ответ, который пришёл мне на ум, был всего один... и он был весьма печален.

– Что произошло? – спросила Валери, понаблюдав за милой семейной сценой. – Вы выяснили, кто пытался убить актрису?

– Ах да, – спохватился Майкл и жестом предложил мне выйти вперёд. Джеймс слегка посторонился, и я встала рядом с ним. – Дамы, позвольте представить вам мисс Бетси, звезду театра на Друри-Лейн и одновременно – борца с тёмными магами. Во время нашей встречи в особняке Хранителя нам было не до формальных церемоний. Мисс Бетси, это мисс Валери Андерс, леди Розмари Блэквуд, сестра Джеймса, и леди Эмили Маршалл, дочь лорда Маршалла.

Розмари и Валери рассматривали меня весьма придирчиво, оценивая мой безнадёжно испорченный в подвалах наряд и чумазое лицо. Собственно, оно удостоилось самого пристального внимания, хотя, вопреки предположениям Валери, на нём не обнаружилось никаких уродств. Полутёмный коридор и собранная в подвале при моём падении грязь сделали своё дело, и они меня не узнали. Эмили же разглядывала меня недолго, а вместо этого воскликнула с искренней теплотой:

– Мне очень приятно познакомиться с вами! Граф Блэквуд очень много рассказывал о вашем прекрасном голосе. Я очень надеялась сегодня услышать, как вы поёте, и мне так жаль, что выступление сорвалось! Надеюсь, в другой раз я смогу услышать ваше исполнение. То есть, конечно, я очень рада, что вы не пострадали, – она чуть смутилась и покраснела. – Я не хотела показаться грубой.

Я в очередной раз поймала себя на мысли, что этой девушке каким-то образом всегда удаётся поднять мне настроение. Должно быть, именно её непосредственность посреди обычного лицемерия казалась глотком живительного воздуха в душной комнате.

– Граф так много рассказывал обо мне? – с улыбкой спросила я, желая перевести разговор в другое русло, чтобы Эмили перестала смущаться.

– О да! – горячо подтвердила она и взглянула на Джеймса. – Он как-то упоминал, что не пропустил ни одного вашего выступления, вы знаете?

– В самом деле? – удивилась я и с интересом посмотрела на Джеймса. Тот неожиданно смутился и теперь старательно рассматривал дыру в обоях на стене напротив. Это зрелище оказалось ещё более невероятным – я и представить не могла, что Джеймс способен из-за чего-то испытывать смущение.

Это настроило меня на игривый лад, и я с невинной улыбкой спросила:

– Неужели это игра мисс Уилфред так вас потрясла?..

– Ну, вот что, – резковато оборвала меня помрачневшая Валери, которой явно не нравилось, какой оборот приняла беседа, и метнула в Джеймса быстрый, испытывающий взгляд. – Вы нашли то, что искали? И обязательно нужно было посвящать в курс дела Искательницу? – последнее слово она произнесла со слабым, но отличимым презрением.

– Нашли, мисс Андерс, – подтвердил Алан и нежно улыбнулся дочери, которая теперь рассматривала его рану и порывалась бежать за врачом. – Ссадина – это пустяк, дорогая... Не обращай внимания. Найти-то мы его нашли, но сразу же упустили. Теперь нам доподлинно известны два факта: у тёмного мага было убежище в театре, но теперь он, по всей видимости, его сменит. И второе – он действует не один. У него явно есть помощник.

– Мисс Бетси нам помогла, Валери, – миролюбиво заметил Майкл. – Она спасла Джеймсу жизнь.

На лице колдуньи на секунду промелькнула тревога за возлюбленного, а Розмари чуть прикрыла глаза, а затем бросила на брата недовольный взгляд, буквально вопивший: «Ну как тебе всегда удаётся найти неприятности на свою голову?». Потом несколько свысока кивнула мне.

– В таком случае мы очень признательны вам, мисс Бетси.

– Не пора ли нам отправляться? – предложил Алан. – Час уже поздний, а нам всем неплохо бы подумать, что делать дальше.

– Хорошая мысль, – поддержал Маршалла Майкл. – Джеймс, леди Блэквуд, вы приехали в своём экипаже?

– Мы с Валери приехали в наёмном, – отрицательно покачала головой Розмари.

– Мы с Эмили можем отвезти мисс Андерс. Нам по пути, – предложил Алан.

Эмили улыбнулась подруге, и платиноволосая колдунья с благодарностью кивнула.

– Я вам очень признательна.

– Джеймс, а мы... – начала было Розмари, но её брат только покачал головой, глядя почему-то на меня:

– Я задержусь.

Валери резко вскинула голову и посмотрела на меня с вспыхнувшей злобой, очень сильно испортившей её красивые черты. Но, разумеется, выражать вслух своё неодобрение ей не позволило воспитание этого времени, и она, проглотив гнев, промолчала, хотя я кожей чувствовала, как меня буравят льдисто-голубые глаза. Заявление Джеймса огорошило и меня саму, и я растерялась, но всё равно испытывала мстительную радость из-за того, что Валери злится. Розмари тоже смотрела

неодобрительно, но в следующий миг начисто забыла о недовольстве, потому что Майкл предложил:

– Я отвезу вас домой, леди Блэквуд.

Розмари вспыхнула до корней волос, но нашла в себе силы возмущённо выпалить в ответ:

– Это совершенно недопустимо, лорд Фостер!

Тот вздохнул, тоже вспомнив о правилах приличия, но настаивать не стал.

– В таком случае я найду вам наёмный экипаж.

И, попрощавшись с остальными, он вышел на улицу. Алан и Эмили очень тепло распрощались со мной и увели за собой Валери, которая продолжала смотреть на меня, как на омерзительную мокрицу. Я слышала, как Эмили продолжает уговаривать отца показаться врачу, а тот убеждал её, что и магией всё прекрасно вылечит. Розмари же взглянула на меня, а потом перевела очень выразительный взгляд на брата:

– Надеюсь, тебе не стоит напоминать, что ты послезавтра женишься?

Этим замечанием она умудрилась испортить настроение как мне, так и моему жениху, однако тот не стал ей грубить, а только закатил глаза:

– Роуз, я как-нибудь без твоей помощи разберусь!

Розмари высокомерно пожала плечами, высоко вздёрнула подбородок и удалилась. Когда она открыла входную дверь, с улицы донёсся громкий залихватский свист – кажется, Майкл сгонял к театру кэбы со всего Лондона.

– Мы можем поговорить наедине? – чуть устало спросил Джеймс, и по нему было заметно, что уход сестры принёс ему облегчение.

– Конечно.

Я подумала, что Анабелл уже наверняка заждалась меня, да и сэр Перси может обнаружить моё отсутствие, несмотря на поздний вечер... Но чёрт с ним. Анабелл на то и маг, и к тому же Путешественница – разберётся как-нибудь с баронетом. А мне очень хотелось услышать, что Джеймс собирался сказать мне.

Народу в театре осталось мало. Зрители разъехались, большинство актёров и актрис с поклонниками отправились кутить. На пути в гримёрную я вспомнила, что там свет был не в пример ярче, чем на чёрной лестнице, и с мысленным вздохом нахлобучила обратно шляпу с надоевшей вуалью. Поднимаясь по лестнице, мы встретили Гровера, который с жадным любопытством старой перечницы оценил наш измятый и грязный вид и с гаденькой улыбочкой пожелал приятного вечера. Вероятно, он сказал бы что-то ещё, но в момент нашей встречи на нём повисли две барышни, в одной из которых я узнала Сару, удачно обратив на себя его внимание. Уже в самом коридоре с гримёрными мы столкнулись с Маргарет. Сценический грим с неё смыли, но она всё ещё была в древнегреческой тоге. В отличие от Гровера, лично мы её, наоборот, нисколько не заинтересовали. Однако, узнав Джеймса, она спросила его, не знает ли он, куда пропал виконт Фостер. Джеймс вежливо извинился и сообщил, что не видел его. Явно расстроенная Маргарет ушла к себе, а мы с Джеймсом вошли в мою гримёрную, которая выглядела точно так же, как и полтора часа назад. С трудом верилось, что за это время столько всего произошло.

– Значит, вас можно поздравить? – не удержавшись, спросила я, однако голос прозвучал очень доброжелательно, за что я себя похвалила. – Послезавтра вы станете женатым человеком?

– Не напоминайте, – поморщился он, и устало сжал пальцами руки виски, словно у него внезапно разболелась голова. – Вся эта свадьба – один сплошной фарс. Не хочу даже думать об этом лишний раз.

Пару секунд я молча наблюдала за ним, пока он этого не видел. Сейчас Джеймс не изображал каменное изваяние, как на светских приёмах, и позволил себе показать свои

настоящие чувства. В этот момент он казался совершенно живым, нормальным человеком, причём моим ровесником. Эта перемена по сравнению с нашим объяснением у Саммерсонов поразила меня ничуть не меньше, чем наличие дочери у Алана.

– Она настолько страшная? – невинно поинтересовалась я.

Он оторвал руки от лица и косо взглянул на меня.

– Должно быть, я выгляжу в ваших глазах меркантильным негодяем, – неожиданно произнёс он. Немного подумал и добавил:

– Я вас прекрасно понимаю. Сам бы подумал так же.

– Не мне вас судить, – я присела на стул и нейтрально пожала плечами, хотя на самом деле мне очень хотелось продолжить эту увлекательную беседу.

– Я должен жениться на этой девушке. Это не моё решение, а всего ковена. Не мне – так пришлось бы кому-нибудь другому. Я просто лучше всего подошёл по возрасту.

Он сел на кушетку напротив меня, давая мне время осмыслить его слова. В целом, в услышанном не было ничего такого, до чего не додумались бы уже мы с Анабелл, но всё равно услышать это признание открыто, да ещё таким сухим языком, буквально в трёх предложениях, было неожиданно.

Несколько секунд я медлила, а потом решила:

– Это как-то связано с Искателями?

Джеймс поднял на меня глаза, и я пояснила, используя свою «легенду»:

– Ведь сэр Реджинальд входил в их Общество, как и я.

Он заколебался, словно не был уверен, стоит ли быть откровенным до конца, но потом кивнул.

– Вы правы.

Значит, всё дело точно в «Знаке равных». Тогда у меня остаётся всего один вопрос...

– Но зачем жениться? Не проще ли попробовать убедить Барнсов отдать этот артефакт или просто выкрасть его?..

Под красноречивым взглядом мага я осеклась и замолчала. Но он только невесело усмехнулся.

– Вас точно кто-нибудь убьёт за то, что вы так много обо всём знаете. Я начинаю думать, что Уильям Майклсон ошибается, и Искатели вовсе не бесполезны. Обладать такими познаниями в самых разных областях и уметь правильно их анализировать – это заслуживает уважения, – Джеймс покачал головой и продолжил: – Вы правы. Мы не раз об этом думали и даже пытались что-то предпринять.

– Так это маги на днях влезли в особняк Искателей и обыскали кабинет сэра Гаррета Уинслоу? – не удержавшись, спросила я, хотя не сомневалась в ответе. Но Джеймс внезапно недоумённо нахмурился.

– Впервые слышу об этом, – удивлённо отозвался он, и мне показалось, что он не притворялся. – Мы давно пришли к выводу, что стоит пойти законным путём – через женитьбу. Вы правы, выкрасть было бы проще. Ведь нам даже известно, где сэр Реджинальд спрятал артефакт. Вот только это место защищено очень специфическим заклятием – похоже, сэр Барнс не побоялся найти какого-то мага, попросив его поставить особую защиту. Суть в том, что пройти её может лишь член семьи Барнсов.

И хотя раньше я не сталкивалась ни с чем подобным, теперь мне всё стало предельно понятно.

Я внимательно взглянула на мага.

- Поэтому вы женитесь на мисс Барнс. Чтобы стать членом её семьи.

- Совершенно верно. После свадьбы мне нужно будет отправиться туда и найти эту вещь, - спокойно подтвердил он.

М-да, Путешественникам эту информацию точно лучше не сообщать. А то я и глазом моргнуть не успею, как меня выдадут замуж за кого-нибудь из них...

В общем-то, позиция Джеймса тоже теперь была ясна, и я даже могла её понять. Но оставалось одно большое «но», касавшееся меня самым прямым образом.

- Но что будет с вашей невестой? Точнее, женой? Ведь она здесь вовсе ни при чём. Как же её собственные желания?

По лицу мага пробежала тень, а потом он пристально посмотрел на меня. И хотя под пронзительным взглядом его глаз на меня немедленно напал столбняк, я всё равно поняла - он хотел увидеть, какую реакцию у меня вызовут его слова.

- Я не собираюсь ни к чему её принуждать. Мне лично она абсолютно не интересна и сможет жить точно так же, как раньше. У неё будет моё имя, я буду её обеспечивать... Не думаю, что она будет возражать. При нашей последней встрече она ясно дала понять, что я ей неприятен. Признаться, я этому даже обрадовался.

- Но что, если она хотела нормальную семью... - заикнулась было я. Не то чтобы это было моей заветной мечтой на данный момент, но настоящая мисс Барнс вполне могла хотеть именно этого.

- Мы ничего не можем изменить. Эта вещь нужна ковену. Ради неё некоторые готовы пожертвовать не то что счастьем, но и жизнями одного или нескольких людей.

- Я... понимаю, - маг удивлённо-недоверчиво склонил голову, и я для пущей убедительности кивнула. - Правда, понимаю. Я не совсем с этим согласна... но понять могу.

И, что необычно, я не кривила душой. Маги живут своим небольшим сообществом и ставят его интересы превыше всего. Закономерно, что ради этих интересов иногда приходится отказываться от собственных. Или же посторонних, которые к магам не имеют никакого отношения. Грустно. Но понять можно.

- Я ведь даже не поблагодарил вас за спасение, - вдруг сказал Джеймс. Он поднялся и подошёл ко мне. Мне пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть его лицо.

- Спасибо. Это было восхитительное зрелище. Никогда не забуду, как вы угрожали перерезать горло тому колдуну. Это было очень смело и так... лихо.

Я слегка смущённо рассмеялась.

- Вы уже спасли мою жизнь этим вечером, так что можно сказать, что мы квиты.

- На вас теперь будут охотиться, - неожиданно добавил он и помрачнел. - Этой ночью вряд ли стоит ждать повторного нападения - всё-таки мы их вспугнули, и сегодня колдуну и его приятелю надо найти себе новое убежище. Но потом... Я посмотрю, что можно сделать. Создам вам амулет для защиты.

- Благодарю вас, - с признательностью кивнула я, тронутая его заботой. Какой-нибудь защитный артефакт был бы теперь совсем не лишним.

В целом, сейчас был самый подходящий момент попрощаться и разойтись, потому что я не представляла, что ещё мы можем этим вечером обсудить. И тем неожиданнее для меня прозвучали его следующие слова.

- А ещё я отдал бы руку за то, чтобы увидеть тебя без вуали, - выдал Джеймс внезапно, и я едва не свалилась со стула. Маг смотрел на меня таким горящим взглядом, что мне стало не по себе, и я из последних сил постаралась свести всё к шутке:

- Тебе бы не понравилось увиденное.

Мои слова вполне могли означать, что Валери была права, и я скрываю какое-то уродство, которое можно разглядеть на свету. Однако подозреваю, если бы Джеймс увидел моё настоящее лицо, в восторг он бы точно не пришёл.

– Испытай меня, – предложил он и взял меня за руку. Прикосновение словно обожгло, и я с излишней торопливостью вскочила на ноги. Затем глубоко вздохнула, беря себя в руки. Несмотря на все мои современные взгляды на мир, я слишком хорошо помнила, что Джеймс послезавтра женится. Неважно, что женится он на мне – будь на моём месте настоящая мисс Барнс, это было бы подло по отношению к ней. Или нет? Или я мыслю слишком идеалистичными категориями, а надо наслаждаться моментом и получать удовольствие здесь и сейчас?..

О чём я вообще думаю? У него же была возлюбленная в этом времени! И где её, хотелось бы знать, носит? У нас уже вовсю развиваются события, а этой таинственной незнакомки так и нет, хотя она должна бы уже появиться... Элиза, правильно?

– Лорд Блэквуд, не надо, – наконец с огромным усилием произнесла я. Эти слова давались мне с трудом, и я осторожно высвободила руку. – Уверяю тебя, нам будет намного легче, если ты не будешь пытаться снять вуаль.

Настаивать он не стал.

– Как пожелаешь. Но у меня есть к тебе просьба, – вдруг сказал он. – Ты придёшь на свадьбу послезавтра?

«Разумеется, приду», – едва не ляпнула я вслух, поскольку что это за свадьба без невесты, но потом сообразила, что Джеймс имел в виду совсем не это.

– Боюсь, титулованные и именитые гости не оценят моего присутствия. Ты так не думаешь? – с лёгким сарказмом заметила я.

Но он лишь отмахнулся.

– Плевать на них. В конце концов, какой смысл быть женихом, если не можешь пригласить того, кого хочешь? Я бы очень хотел, чтобы ты там была. Ты первый человек за последнее время, с которым я чувствую себя совершенно свободно. Мне будет приятно, если на этом сборище восковых кукол будет хоть кто-то с человеческими эмоциями.

– Хорошо, – согласие вырвалось у меня быстрее, чем я смогла понять, что говорю.

Он улыбнулся такой счастливой улыбкой, что у меня не повернулся язык забрать слова обратно.

– Спасибо, – тихо сказал он.

Потом осторожно взял меня за руку и поцеловал её. Поклонился, словно прощался с леди, и вышел, а я так и застыла посреди гримёрной, по-прежнему ощущая его губы на моей коже.

Домой в тот вечер я приехала совсем поздно. Анабелл высказала мне всё, что обо мне думала. Мои подозрения подтвердились – кузен мирно почивал в своей комнате, усыпленный мощным снотворным заклинанием. Закончив суровую отповедь, Путешественница уволокла меня в свой кабинет, не обращая никакого внимания на мою зевоту и помятый вид.

– Теперь слушай внимательно, – приказала она голосом, не терпящим возражений. – Мы составили план твоего побега.

Глава 18

– Твой отъезд состоится завтра ночью, когда все в доме заснут. Если не уснут сами, мы им... поможем, – заметив мой выразительный взгляд, Анабелл закатила глаза. – Простые снотворные чары, не больше! И не надо так на меня смотреть. Мы же не монстры какие-нибудь... Так вот. В час ночи к дому подъедет карета, которая увезёт тебя в убежище. Чтобы ничего не случилось, тебя будут сопровождать трое Путешественников – они все надёжные, так что я вполне спокойно отправлю тебя с ними. Они отвезут тебя к Винсенту – у него дом в пятнадцати милях от Лондона. Там ты пересидишь, пока не уляжется суматоха. Потом можешь вернуться к театральной деятельности.

– Я сегодня обещала Джеймсу прийти на свадьбу, – бездумно произнесла я, только сейчас в полной мере начиная понимать, какую глупость тогда сморозила. – И что я скажу Хогарту? Завтра я снова должна петь.

– Не имею ни малейшего представления, на что ты рассчитывала, – без какого-либо намёка на сочувствие отозвалась Анабелл. Она даже не повернулась в мою сторону, продолжая смотреть в тёмное окно, сильно выпрямившись и сложив руки за спиной. – Хогарту напиши, что ты дурно себя чувствуешь. После сегодняшнего происшествия в театре твоё отсутствие никого не удивит. Блэквуду тоже напиши письмо с извинениями.

Я задумчиво запустила пальцы в свои и так спутанные волосы. Всё никак не могла привыкнуть к тому, что теперь они светлые и слегка вьющиеся...

– Ты уверена, что все эти меры предосторожности необходимы?

– Ты же сама сказала, что маги не отступятся от затеи с твоим браком, – Путешественница даже слегка удивилась. – Раз им абсолютно всё равно, кто на тебе женится... Нет, ковену нужен «Знак равных», и маги не отступятся, пока не получат его. Тебя будут искать, перевернут весь Лондон и его окрестности вверх дном. Мы с Винсентом скроем любые следы магии в этом доме, чтобы никто не заподозрил в происходящем нас. Мне ещё предстоит убедительно разыграть роль недоумевающей компаньонки, впадающей в истерику и искренне не понимающей, как её воспитанница могла решиться на подобное безрассудство. Пускай они все лучше думают, что твоя романтическая возвышенная натура не выдержала брака по расчёту, и ты сбежала из-под венца. Кстати, подобная идея вполне могла прийти в голову настоящей мисс Барнс.

Я кивнула, принимая её план. Вполне терпимо. Но Джеймс... Мыслями я уже перенеслась обратно к нашему разговору в гримёрной. Как он там смотрел на меня... И почему всё складывается так по-дурацки?..

– Раз ты теперь будешь сама по себе, тебе стоит собрать вещи с учётом того, что ты окончательно перевоплощаешься в актрису, – продолжила Анабелл, и я мысленно восхитилась её практичным подходом к любым житейским обстоятельствам. – Твоя одежда не подходит – она вся траурная и предназначена для молодых благовоспитанных девушек. Одеваться подобным образом, чтобы доехать от дома до театра и обратно – нормально, но носить такое постоянно нельзя. Актрисы такое не надевают. Тебе понадобится обновить гардероб, да и деньги на жизнь тоже нужны. Конечно, насколько я поняла, ты уже слывёшь любовницей Блэквуда, но ведь в реальности он тебя не содержит, не так ли?

– Конечно, нет, – утомлённо отозвалась я, мельком удивившись, что этот вопрос по интонации совершенно не походил на шутку. Анабелл его задала абсолютно серьёзно, что ли? Потом достала из кармана футляр, в котором лежали подаренные Артуром драгоценности – я захватила его из комнаты по пути в кабинет Анабелл – и достала оттуда браслет и кольцо.

У Путешественницы округлились глаза.

– Вот. Как ты думаешь, можно это продать? Вырученных денег на ближайшее время должно хватить.

– Ещё как, – подтвердила Путешественница. Взяла браслет и повертела его в руках. Бриллиантовые грани заискрились, разбрызгивая вокруг разноцветные блики. – А ты и впрямь пользуешься успехом... Поздравляю. Если тебе нужна помощь с продажей... У

Винсента есть знакомый ювелир. Обычно именно он занимается подобными делами, когда нам что-то нужно. Я могу обратиться к нему.

Я улыбнулась с искренней благодарностью.

– Ты меня очень выручишь.

– Не в первый раз, – рассеянно отозвалась она. – Продавать и браслет, и кольцо?

– Нет, – помедлив, решила я, и забрала кольцо обратно. – Только браслет. Кольцо пускай пока останется у меня.

– Как знаешь.

На этом мы разошлись. Я размышляла о завтрашнем дне и о том, как сильно он мог изменить мою жизнь. Конечно, не так сильно, как после моего перемещения сюда... Но всё же более или менее установившемуся порядку придёт конец. Впрочем, я об этом совершенно не жалела. И в любой другой ситуации я бы волновалась перед готовящимся побегом, боялась, что что-нибудь сорвётся... Но я могла думать только о Блэквуде. Может, стоит ему открыто во всём признаться? Он ведь, кажется, что-то чувствует ко мне – иначе не было бы этого странного разговора... Но, с другой стороны, что было бы дальше? Взять и пожениться после этого признания, будто ничего особенного не произошло? Едва ли в этой эпохе подобный фокус прокатит. Это мне с моим современным мировоззрением происходящее кажется скорее интересным приключением, а с точки зрения тех, кто родился и живёт в этой эпохе, я скомпрометировала себя всеми возможными способами, и назвать меня порядочной девушкой ни у кого язык просто не повернётся. Едва ли Джеймс захочет на такой жениться.

Да и какая свадьба вообще? Я опять забыла о самом главном... Меня изначально не было в этом историческом отрезке! Я перенеслась сюда и нарушила установленный порядок! И нельзя усугублять всё ещё больше!

С этими тяжёлыми мыслями я легла спать. И почему жизнь очень редко идёт так, как нам того хотелось бы?..

Эта же мысль посетила меня и следующей ночью, когда стало понятно, что в плане Анабелл что-то явно пошло не так. Время близилось к двум часам. Сэр Перси, горничные и кухарка крепко спали в своих кроватях, и можно было не опасаться, что их разбудит случайно скрипнувшая половица или шаги в коридоре.

Мы с Анабелл сидели в украшенной к завтрашнему торжеству гостиной. На компаньонке было домашнее платье, я же была одета по-дорожному, а у моих ног стоял небольшой саквояж, в который мы сложили самые необходимые вещи. Однако минуты тянулись, складываясь в часы, Анабелл давно нервно мерила шагами пол гостиной и при малейшем постороннем звуке бросалась к окну, но никто не приехал. Зато в три часа ночи на подоконник неожиданно сел голубь, на лапке которого я углядела сложенную записку. Пока я оценивала такой способ быстрой переписки, Анабелл быстро отвязала клочок бумаги, развернула и прочитала. После этого тревога на её лице стала ещё более явственной, но теперь к ней примешалось недоумение.

– Винсент спрашивает, благополучно ли всё прошло, – растерянно сообщила она. – Значит, ему ничего не известно. Но что могло произойти? Куда они пропали?..

Потом она отправила голубя обратно с ответной запиской. Мы ожидали снова получить письмо, но вместо него явился Винсент собственной персоной. Пока мы объясняли ситуацию, пока они с Анабелл обсуждали, что могло произойти – лицо главы Путешественников выглядело мрачнее тучи, и я сразу поняла, что он даже близко не представляет, что случилось, – незаметно наступило утро. Винсент удалился, все его мысли были заняты пропавшими братьями. Анабелл выглядела ещё более сухой и неживой, чем обычно.

– Я больше не знаю, что ещё можно предпринять, – сказала она мне. – Иди к себе, постарайся несколько часов поспать. У тебя сегодня свадьба.

Так что побег сорвался на самой начальной стадии. Я постаралась последовать совету

компаньонки и поднялась в свою комнату. Там, лёжа на кровати прямо в одежде, я всё-таки смогла задремать. И именно в тот момент, когда было пора облачаться в свадебное платье, меня внезапно посетило озарение, как можно было бы осуществить побег. Конечно, не прямо сейчас – возможность убежать до свадьбы мы благополучно упустили – но вот со свадьбы... Я даже удивилась, почему настолько простое решение не пришло мне в голову сразу. Теперь нужно только предупредить Анабелл, чтобы она подыграла мне в нужный момент.

Утро и все приготовления пролетели для меня быстро и сумбурно. Горничные, помогавшие мне одеться, суэта и суматоха, характерные для подобных мероприятий, огромное количество совершенно незнакомого народу, не пойми откуда взявшегося в доме, громкие радостные восклицания сэра Перси, чьи-то поздравления... Дом теперь больше напоминал оранжерею, потому что всё было заставлено цветами, почти как в моей гримёрной. Среди всей беготни и шума я едва нашла возможность шепнуть Анабелл на ухо, что мне понадобится её помощь, и чтобы она спрятала саквояж с вещами. Та удивилась, но пообещала всё сделать. В нескольких слоях свадебного платья было жарко, тяжело и неудобно, а из зеркала на меня смотрела болезненного вида физиономия с красными от недосыпа глазами, которые вполне можно было принять за покрасневшие от слёз. От фарсовости происходящего мне хотелось и смеяться, и плакать одновременно.

И как меня утратило во всё это влезть?

Потом была поездка в карете, усыпанная лепестками дорожка, гости в церкви... Попадались как знакомые лица, так и те, кого я никогда раньше не видела. Священник у алтаря и, наконец, мой жених собственной персоной. При виде Джеймса у меня буквально отлегло от сердца, потому что его лицо имело точно такое же выражение, как у меня, и было совершенно очевидно, какие чувства у него вызывает весь этот спектакль.

Хм. Хорошо, что здесь мы сходимся во мнениях. Кстати, говорят, что схожесть взглядов – залог счастливой семейной жизни.

Дальнейшее происходило по вполне стандартному сценарию, только я воспринимала всю церемонию отстранённо, словно там стояла не я, а кто-то другой. Произнесение клятвы, дважды произнесённое «Да!», заключительные слова священника, короткий равнодушный поцелуй теперь уже мужа, который меня даже слегка обидел, поздравления гостей, аплодисменты... С трудом верилось, что я вдруг стала замужней женщиной. Среди подходивших ко мне людей я обратила внимание только на Валери Андерс – она поздравила меня с тёплой улыбкой, которая совершенно не вязалась с перекошенным от злости лицом вчера в театре. Занятно – выходит, к актрисе она Джеймса ревновала, а к супруге – нисколько.

Когда ко мне в очередной раз устремился сэр Перси, горячо восклицая, какое это чудесное событие и как чудесно звучит имя «леди Блэквуд», я поняла, что комедию пора заканчивать. Не мешкая более, я закатила глаза, выронила из рук флёрдоранж и упала на пол. Поскольку вокруг нас как раз стояли гости, меня кто-то подхватил, не позволив рухнуть на каменный пол, за что я была ему безмерно благодарна. Дамы заохали и заахали, Анабелл командирским голосом велела остальным расступиться, чтобы я могла дышать, потом кто-то добрый сунул мне под нос нюхательную соль. От этой дряни я чуть не подпрыгнула, что разом нарушило бы всю композицию, но взяла себя в руки. Сделав вид, будто только что очнулась, и изображая ужасную слабость, я позволила кому-то увести меня в карету. Анабелл объявила, что невеста слишком сильно перевозволновалась, и ей необходимо немного полежать, сэр Перси провозгласил, что свадьба всё равно продолжается, и его любимая кузина вернётся к гостям, как только ей станет лучше, а пока праздник переносится в дом Барнсов. После этого мы наконец-то уехали.

У нас была короткая передышка перед приездом прочих гостей, но всё равно я предпочла поизображать умирающего лебедя, пока мы поднимались в мою комнату – это представление было для принарядившихся по случаю праздника горничных. Однако в мою комнату Анабелл их решительно не пустила, объявив, что мне нужен покой, и захлопнула дверь перед носом причитающих Мэри и Сары. После этого со мной произошло чудесная метаморфоза – я вскочила на ноги с постели, на которую успела опуститься, и сразу повернулась спиной к Анабелл, чтобы она растегнула мне платье.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – только заметила она.

- Я тоже, - я усмехнулась. - Но теперь всё зависит и от твоего актёрского таланта...

Она улыбнулась. Вместе мы вытряхнули меня из свадебного платья, и надели другое - винного цвета, которое вполне могла бы позволить себе мисс Бетси. Платье изначально принадлежало самой Анабелл, было мне чудовищно узко в талии и длинновато, но времени на переделку не было.

- Теперь иди, - велела я, торопливо обуваясь. - Ты должна быть у всех на виду, чтобы тебя никто не заподозрил.

Анабелл кивнула, а потом достала из кармана мешочек с монетами.

- Это мы выручили за браслет, - сказала она и положила деньги на кровать. - Саквояж я спрятала, привезу его тебе в театр позже. Удачи.

- Спасибо.

Она вышла, а я приступила к последним приготовлениям. Вынула из причёски шпильки и заколола волосы на затылке. Накрасила губы. Надела привычный рыжий парик и ставшую уже родной шляпу с вуалью. Обручальное кольцо с пальца сняла и спрятала в карман, вместо него надела подарок Артура и задумчиво покрутила золотой ободок, любуясь мерцающим блеском камней. В небольшую сумочку убрала «Знак равных» и деньги. Ножны с кинжалом были при мне. Больше в этом доме меня ничто не держало.

Антракт закончен. Начинается второй акт.

В гостиную я вплыла с видом независимым и уверенным в себе. Всё время, что я жила в этом доме, эта самая большая комната во всём особняке оставалась закрытой, но для того, чтобы пригласить на свадьбу весь высший свет Лондона, Сара и Мэри, не покладая рук, отмывали её и украшали, и к этому дню гостиная засияла. Гости в ней разбились на группки и общались между собой, в ожидании торжественного обеда угощаясь шампанским и фруктами. Я с удовлетворением отметила, как при моём появлении смолкали разговоры, и все эти нарядные, расфуфыренные леди и джентльмены начинали шептаться между собой, стреляя в меня выразительными взглядами. Я уже была, по видимости, достаточно известной фигурой, поскольку мисс Бетси никому не была представлена, но узнавали её по одной только шляпе с вуалью. Мужчины выглядели скорее заинтригованные моим приходом, дамы же возмущённо шипели. То и дело до меня доносились обрывочные замечания:

- Это та певичка...

- Фи, как вульгарно...

- Явиться без приглашения...

- Да что она себе позволяет...

Меня это настолько начало забавлять, что я по-настоящему развеселилась. Ещё больше моё настроение улучшилось, когда я увидела, как переменилась в лице заметившая меня Валери. Розмари выглядела так, словно я только что наступила ей на подол платья, оторвав от него дорогую кружевную отделку. Леди Вейлор что-то яростно шипела на ухо своей дочери Оливии, выразительно кивая на меня. Эмили Маршалл просияла приветливой улыбкой. Сэр Перси смотрел скорее недоумённо. Майкл усмехнулся понимающе и посмотрел на Джеймса. Анабелл торопливо наклонилась к своему бокалу, стараясь скрыть рвущийся наружу смех. А потом я благополучно позабыла о прочих гостях, потому что ко мне подошёл Джеймс. Выражение скуки и раздражения пропало с его лица, и он открыто улыбался мне, не пряча радости от встречи.

- Я уже боялся, что вы не придёте.

- Мои поздравления, милорд, - я сделала реверанс. - Боюсь, я не принесла подарка...

- Больше всего я рад, что вы здесь, - просто сказал он без малейшей фальши и, понизив голос, добавил. - Ни у кого не хватит сил выносить этот абсурд с настолько серьёзным видом.

– Как я вас понимаю, – я закатила глаза и слегка качнула головой, указывая на всех присутствующих одновременно, и Джеймс рассмеялся.

– Могу я попросить вас спеть? – вдруг сказал он. – Хотелось бы, чтобы от этого дня осталось хоть одно действительно хорошее воспоминание.

– Приложу для этого все силы, – я согласно наклонила голову.

Пожалуй, после пары моих песенок аристократы слегка оттаяли, хотя подозрительные, высокомерные, возмущённые взгляды продолжали меня преследовать. Оркестр продолжал играть, кто-то из молодых людей и девушек уже организовал танцы в центре гостиной, а ко мне подбежала Эмили, завязав непринуждённый лёгкий разговор. Розмари издали смотрела строго на неё, поджав губы, но подходить с замечаниями не стала. Затем к сестре Джеймса подошла Валери, и я заметила краем глаза, как они сердито зашептались, бросая на меня враждебные взгляды. Я рассмеялась над каким-то замечанием Эмили и лишь случайно заметила, как в гостиную проشمгнула Сара с очень озабоченным лицом. Ловко лавируя среди гостей, она подошла к Анабелл, которая как раз общалась с леди Вейлор, и что-то зашептала ей на ухо. Анабелл в первый миг сделала попытку отмахнуться от горничной, как от назойливого комара, но та была настойчивей и зашептала с удвоенной силой. Затем я заметила, как на лице Анабелл появилось выражение недоумения, сменившееся тревогой, и восхитилась её актёрскому таланту. Даже опытный критик ни в чём бы её не заподозрил...

Следуя сценарию, Анабелл ненадолго покинула гостиную, потом вернулась и с таким же озабоченным лицом, которое было у Сары, подошла к сэру Перси. Выслушав её, тот в первый миг опешил, а потом они вдвоём вышли из комнаты. Затем вернулись – у кузена теперь было раскрасневшееся от гнева лицо, и он что-то тихо, но грозно выговаривал Анабелл. И, возможно, ситуацию удалось бы замолчать... хотя бы попытаться избежать огласки... но Анабелл, чётко следуя плану, слишком громко воскликнула:

– Вы что, не понимаете, что Элизабет сбежала?

С этой секунды всё покатилося, как снежный ком, будто запустили цепную реакцию. В гостиной удивительным образом воцарилось молчание, словно Путешественнику услышали все разом. Среди гостей от одного к другому пронеслось растерянное: «Невеста сбежала!», сменившееся на «Ах, какой скандал!», и буквально можно было ощутить, как воздух наполнился грозным предчувствием сенсации. У сэра Перси сделалось обречённое лицо, когда он понял, что гостям уже всё известно. Аристократы в этот момент выглядели больше удивлёнными, чем негодующими из-за моего недопустимого поступка, маги смотрелись ещё более ошарашенными, словно толком не поняли, что произошло. Один Джеймс, которому вообще полагалось в этой ситуации испытывать самое большое изумление, выглядел скорее заинтригованным.

А потом гостиная превратилась в рай для сплетников. Поняв, что терять нечего, сэр Перси, не понижая голос, вышел в коридор и оттуда отдавал приказы о поисках беглянки – толпа гостей уже напоминала гудящий пчелиный рой, и кузена никто не слышал. Анабелл старательно изображала обморок, и над ней хлопотало несколько дам. Какая-то пожилая леди громко заявила, что ноги её больше не будет в доме, куда сперва заявила актриска, и откуда потом сбежала невеста. Гостиная наполнилась шумом голосов, старающихся перекричать друг друга – гости возбуждённо обсуждали это неслыханное происшествие. Несколько человек, включая ту даму, отличавшуюся повышенными нравственными устоями, немедленно уехали. Другие с удовольствием засыпали сэра Перси участливыми вопросами и предложениями помощи. Несколько человек не растерялись и продолжили угощаться шампанским и закусками. Обо мне все благополучно забыли, и уже никто не обратил внимания, когда ко мне подошёл Джеймс.

– Это был несколько неожиданный поворот событий, – признал он, с интересом разглядывая творящуюся в гостиной неразбериху. – Теперь мы этот день точно запомним.

– Не понимаю, почему ты так спокоен, – раздался злой голос, и я увидела, что к нам приблизилась Розмари. Как и брат, она уже не пыталась говорить тихо, потому что из-за гвалта вокруг её бы и так никто не услышал. – Мало того, что ты притащил свою любовницу на собственную свадьбу на глаза всей лондонской аристократии, так ещё и твоя невеста сбежала! Можешь хотя бы сделать вид, будто происходящее тебя волнует?

- А к чему? - искренне удивился её брат. - Я, конечно, надеюсь, что эту девушку, мисс Барнс... то есть графиню Блэквуд найдут раньше, чем с ней что-нибудь случится, но не вижу смысла изображать мировую скорбь.

- То есть тебя не смущает, что она тебя опозорила, бросив практически у алтаря? - ядом, прозвучавшим в словах Розмари, можно было крыс выводить.

- Нет, - легкомысленно отозвался Джеймс.

Несколько секунд Розмари молчала, гневно раздувая ноздри, а потом выдохнула:

- И что вы все в них находите? - и выразительно махнула рукой в мою сторону. - Сначала Майкл, потом ты... Что во всех этих девицах такого?..

- Дорогая Роуз, - на этот раз голос Джеймса прозвучал жёстко. - Почему бы тебе в таком случае не высказать свои претензии Майклу? Не оскорбляя при этом человека, который находится прямо здесь, ведь этим ты нарушаешь все правила приличия, которые так высоко ценишь?

Розмари вспыхнула, но не нашлась, что ответить, и, резко отвернувшись, ушла.

- Пожалуй, здесь больше не будет ничего интересного, - задумчиво констатировал Джеймс, ещё раз оглядев гостиную. - Отвезти тебя в театр?..

Глава 19

Я прекрасно выпалась на новом месте – в гостинице в паре кварталов от театра – и наутро проснулась бодрая и полная сил. Жизнь казалась прекрасной и удивительной. Анабелл явилась через каких-то полчаса после моего пробуждения и вручила мне саквояж с вещами. Сегодня моя бывшая компаньонка сменила платье аристократки на костюм простой горожанки, хотя прямой, жёсткий взгляд всё равно выдавал в ней человека, привыкшего командовать. Оглядев скромное убранство комнаты, она распорядилась подать сюда завтрак на двоих. Я тем временем оделась, решительно устранив из своего гардероба такую деталь одежды, как корсет. Надоев невыносимо, а изображать благородную даму больше не было нужды. Пускай уж лучше я прослышу эксцентричной особой, чем дальше буду задыхаться в этом орудии пыток...

– В целом, неплохо, – вынесла вердикт Анабелл, когда горничная наконец-то поставила на стол у окна поднос со снедью и вышла. – Обстановка, конечно, не слишком роскошная, но и ты пока не прима театра.

– Угу, – согласилась я, вгрызаясь в рогалик с маслом. – Мы пропустили вчера что-нибудь интересное?

– Всё вышло вполне предсказуемо, – Анабелл не сдержала насмешливой улыбки, вспоминая вчерашние события. – Сэр Перси и прислуга носились туда-сюда, сбиваясь с ног, остальные от души наслаждались происходящим, предвкушая, как они будут пересказывать такие новости. С сегодняшнего утра весь Лондон только и говорит, что об исчезновении новой графини Блэквуд. А как твой же... муж? Его случившееся, кажется, не слишком расстроило.

– Нисколько, – подтвердила я, невольно вздрогнув, когда Джеймса назвали моим мужем. – Он не слишком хочет, чтобы с ней что-то случилось, но, по большому счёту, невеста его интересовала в последнюю очередь. Признаюсь, мне жаль настоящую мисс Барнс. Никто не заслуживает подобного обращения...

Анабелл посмотрела на меня поверх чашки с чаем. В карих глазах промелькнуло странное выражение.

– А ты сама неровно дышишь к Блэквуду, – как бы между прочим заметила она. – Да и он к актрисе Бетси испытывает довольно сильные чувства, это со стороны заметно. Как ты собираешься разрешить эту ситуацию?

Я посмотрела на лежавшие на покрывале кровати рыжий парик и чёрную шляпу с вуалью, а затем отложила недоеденную булочку. Настроение заметно испортилось, ведь до этого момента я старательно гнала мысли на эту тему прочь, хотя вопрос Анабелл, конечно, бил не в бровь, а в глаз.

– Не знаю, – наконец промямлила я. – Когда я всё это только задумывала, мой план не включал в себя то, что наши с Джеймсом отношения выйдут за пределы нейтральных. Сейчас всё... усложнилось, – Анабелл посмотрела на меня, выразительно вздёрнув вверх одну бровь, и я вынужденно признала: – Но ты, конечно, права. Рано или поздно всё равно всё выйдет наружу. И тогда возможны несколько вариантов развития событий. То, что он со мной разведётся, – понятно, потому что жена, ни во что не ставящая свою репутацию, никому не нужна, даже Джеймсу с его, в общем-то, равнодушным отношением к светским условностям. А вот то, что он может раскрыть мою личность всем остальным... Вот это уже нехорошо. Могут возникнуть проблемы. Хотя меня вообще может убить тот тёмный маг, так что тут не предугадаешь. Тебя-то после всего этого ждут какие-нибудь неприятности?

– Я получила расчёт, и мне не дали рекомендаций, – будничным тоном поведала Анабелл. Она с удовольствием осмотрела со всех сторон рогалик с джемом и откусила. Я же вытаращилась на неё, не поверив своим ушам, и замерла, ожидая взрыва негодования, но Путешественница продолжала наслаждаться завтраком.

– Тебя уволили?!

– Совершенно предсказуемо, – она равнодушно пожала плечами. – Что ещё можно сделать с компаньонкой, которая не справилась со своей главной обязанностью –

присматривать за юной леди? Глупо было бы ожидать от сэра Перси чего-то иного.

– Погоди, и что? То есть ты по моей вине осталась без работы?

Анабелл рассмеялась, словно я произнесла что-то очень забавное.

– Моя дорогая мисс Барнс... точнее, леди Блэквуд... или мисс Бетси – или как тебя теперь правильнее называть? – ты же не думаешь, что работа компаньонки и домоправительницы была моим единственным занятием, и теперь я начну стучаться в богатые дома, умоляя взять меня на службу за мизерное жалованье? Не волнуйся. План, который мы разработали, и в котором была задействована мисс Барнс, провалился... Но и обстоятельства изменились. Я вернусь к моим собратьям, и Винсент скоро найдёт мне новое задание.

Я кивнула. Можно ожидать, что новое задание Анабелл будет подразумевать, что ей придётся вселиться в другого человека, раз и навсегда разрушив его жизнь. Отвратительно, конечно... Но мне ли её осуждать?

– А что с теми пропавшими? – я вспомнила причину, по которой от первоначального плана побега пришлось отказаться.

Путешественница помрачнела, на лице её обозначились небольшие морщинки.

– Не нашли. Они выехали от Винсента, но до пункта назначения так и не добрались. Словно растворились по дороге. Мы не знаем, что с ними могло произойти и где их искать. И ты будь поосторожнее. Ты же теперь сама по себе.

Я задумчиво пообещала, и Анабелл вскоре отбыла. Я же разобрала саквояж, подумав, что в будущем мне явно стоит переехать в какие-нибудь меблированные комнаты. Деньги, обручальное кольцо и артефакт надо будет всё время носить с собой, поскольку мне не удалось найти достаточно укромное место в спальне, где ни один грабитель или диверсант не догадался бы их искать. Кстати, было бы неплохо перетащить сюда часть цветов из гримёрной, чтобы немного оживить пустую, необжитую комнату. Теперь пора было отправляться в театр на репетицию. Но когда я проверяла сумочку, в дверь неожиданно постучали. Других гостей я не ожидала, и потому с некоторой опаской крикнула:

– Кто там?

– Бетси, это я, – узнала я голос Джеймса.

Точно, я же ему вчера сказала свой новый адрес! В первый миг меня охватила искренняя, ничем не обоснованная радость встречи, и я шагнула было к двери, но резко одёрнула себя и бегом устремила к кровати, где продолжали лежать парик и вуаль. Накрасить губы времени не оставалось. Хороша была бы я сейчас, влюблённая идиотка...

Распахнув дверь, я вдруг подумала, что, пожалуй, понимаю, почему Анабелл говорила, что Джеймс испытывает сильные чувства к Бетси. Он смотрел на меня так, словно мы расстались не вчера, а целый год назад, и он невероятно по мне соскучился. От этого открытия по всему телу разлилось приятное тепло... пока я не вспомнила, что вижу перед собой новоиспечённого мужа, которому самым наглым образом вру в лицо. Ну почему в жизни всегда всё так запутано?

– Ты уезжаешь? – вырвалось у меня, когда я обратила внимание на его внешний вид – дорожный плащ, шляпа в руках. Русые волосы вновь собраны в хвост. И хотя этот отъезд был совершенно предсказуем, убрать сожаление из голоса мне не удалось. Джеймс его расслышал и улыбнулся.

– Могу я надеяться, что ты будешь по мне скучать?

– Можешь, – прошептала я, поскольку неожиданно поняла, что не представляю, как проживу ближайшие недели без него. Вроде не так уж долго мы были знакомы в этом времени... Но я уже привыкла к нашим встречам и не хотела расставаться.

– Я должен уехать, Бетси, – он говорил с видимым разочарованием. – Ради этого всё и затевалось, и я теперь единственный, кто может попасть в поместье Барнсов. Надеюсь,

что это всего на две недели. Я предложил бы тебе поехать со мной... Но ведь театральный сезон ещё не закончен, и Хогарт просто так тебя не отпустит?

Я кивнула, бессознательно крутя кольцо Артура на пальце. Джеймс задумчиво проследил за моим движением.

– Прошу тебя, будь осторожна, – на этот раз невероятно серьёзно заговорил он. – Конечно, неприятности находят тебя сами... Но всё же. И держись подальше от Маргарет Уилфред.

– Почему именно от неё? – растерялась я. – Что с ней не так?

Он ненадолго задумался, словно размышлял, стоит ли мне говорить, но потом признался:

– В недавнее время стало очевидно, что в ковене есть шпион, выдающий наши секреты Путешественникам. Ничего серьёзного, но было несколько странных и неприятных совпадений и случайностей не в нашу пользу, которые Путешественники удачно использовали на пользу себе. Никто из магов намеренно выдавать нас не стал бы. А обычных людей, с которыми мы имеем дело, совсем немного. И лично я подозреваю именно эту актрису. Возможно, Майкл рассказывал ей слишком многое...

– Вот почему я застала тебя в её гримёрной. Ты искал доказательства, – задумчиво пробормотала я. Да, Анабелл тоже говорила, что у них есть осведомитель, вероятнее всего связанный с театром. Но Маргарет?.. – В принципе, это возможно. Но виконт Фостер... Впрочем, у многих в постели развязываются языки. Он ведь не знает, что ты подозреваешь его любовницу?

– Знает. Он привязан к ней и не верит мне, но мою теорию он выслушал. Однако доказательства я не нашёл, так что вполне могу быть не прав. Но всё же будь внимательнее.

Джеймс несколько секунд наблюдал, как я тереблю кольцо на пальце.

– Так что я зашёл попрощаться, – добавил он, и по его лицу скользнула тень. – Впрочем, если у тебя есть кто-то ещё...

– Что? – опешила я, посмотрела на кольцо на пальце и махнула рукой. – Это был подарок Артура Рассела, который я не успела ему вернуть. Извини, я даже не подумала...

С этими словами я стянула кольцо с пальца и сунула его в карман. Маг же поймал мою руку и надел мне на средний палец массивное кольцо с печаткой в форме буквы «Б». Явно мужское, оно было мне великовато и держалось на пальце еле-еле. Присмотревшись, я вдруг узнала его и вздрогнула – это кольцо я уже видела на пальце самого Джеймса, в две тысячи пятнадцатом году, в тот день, когда на нас напали Путешественники. От удивления, а также от ощущения deja vu – не прошло и суток с того момента, как Джеймс уже надевал мне кольцо на палец – я на пару секунд лишилась дара речи, но моё растерянное выражение лица Джеймс разглядел даже за вуалью.

– Это для защиты, – пояснил он. – Меня не будет рядом, а по Лондону разгуливают два тёмных мага. Если что-нибудь случится... Оно тебя защитит.

– Но это же фамильная вещь, – выдохнула я. – Я не могу её принять! Это слишком серьёзно! А если я его потеряю?!

– Не потеряешь, – легкомысленно отозвался Джеймс и провёл рукой над кольцом. В тот же момент я ощутила, как оно сжалось и теперь плотно обхватывало палец, словно было сделано точно мне по руке.

– Но если его кто-нибудь на мне увидит?! Такую вещь не отдают любовнице!

На последнем слове я запнулась, сообразив, что только что сказала, а Джеймс посмотрел с лукавой улыбкой.

– Значит, любовнице? – с интересом уточнил он, а я, залившись помидорным румянцем, попыталась справиться со смущением.

– В театре и так все считают, что мы любовники, – наконец выдавила я, не зная, куда деться от его слегка насмешливого взгляда. – А увидев твоё кольцо на мне, только укрепятся в этой мысли!

– Я отдал его тебе, потому что не хочу, чтобы с тобой что-то случилось, – Джеймс наконец-то сжалился надо мной и посерьёзнел, а я выдохнула с облегчением. – Опасность вполне реальна, и меня мало волнует, что будут говорить другие. Впрочем, вчера ты это, наверное, и так поняла. И я надеюсь... – он на секунду запнулся, а потом коснулся рукой вуали на мне, – надеюсь, что когда-нибудь ты начнёшь мне доверять.

Я несколько раз неловко кивнула, рассматривая подарок и привыкая к его тяжести на руке, и вздрогнула, когда услышала следующий вопрос:

– «Бетси» – это от Элизабет?

– Д-да, – с опаской подтвердила я, не понимая, почему его это вдруг заинтересовало, и нервно затеребила кольцо на пальце. Догадался, что ли?..

– А почему ты взяла сценическое имя «Бетси»? Оно слишком... сухое.

Я неопределённо пожала плечами, поскольку не объяснять же, что это было домашним именем, которое мне первым пришло на ум! Пока я придумывала, что бы сказать, Джеймс внезапно спросил:

– Могу я называть тебя «Элиза»? Мне кажется, это имя тебе подошло бы больше.

Наверное, если бы мне на голову в этот момент упал шкаф, я бы чувствовала себя менее оглушённой. Потом изумлённо уставилась на кольцо на пальце. Джеймс видел это движение... Нет, не может быть! Элиза?! Элиза?!!

Пока мой мозг в панике пытался осмыслить происходящее, Джеймс тоже над чем-то размышлял, а потом вдруг махнул рукой, и в ту же секунду плотные шторы на окне закрылись сами собой, создавая в комнате полумрак. Небо снаружи оставалось хмурым и неприветливым, и оттого в помещении стало ещё темнее. Всё ещё не придя в себя после совершенно безумной, невероятной догадки, я только растерянно моргнула.

– Что ты...

Я осеклась, потому что он повернулся ко мне и откинул вуаль с моего лица, как фату с невесты. И прежде, чем я успела отпрянуть или задать очередной глупый вопрос, поцеловал меня.

Да, он мог меня узнать. За окном всё же не ночь и, присмотрись Джеймс повнимательнее, он вполне мог бы увидеть перед собой свою сбежавшую жену, несмотря на парик. Да, я не имела никакого представления, как всё будет складываться дальше, а ситуация уже закрутилась – хуже не придумаешь.

Все эти мысли были очень правильные, рациональные, так что я похвалила себя за такой практичный подход к делу, а затем отпихнула их на задний план вместе со здравомыслием и привстала на цыпочки. Джеймс держал одну руку у меня на затылке, словно боялся, что я попытаюсь удрать, и, наверное, если бы с меня случайно свалился парик, я бы даже не заметила.

Этот поцелуй был... другим. Если в нашем прошлом (и я не имею в виду «свадебный») ощущалась тоска по ушедшему, тому, чего уже никогда не вернёшь, то в этом, наоборот, было... обещание. Ожидание. Надежда на что-то большее...

И плевать на всё остальное!

– Этого определённо стоило ждать, – тихо сказал он, когда мы наконец-то отстранились друг от друга.

– Возвращайся скорее, – всё ещё с трудом отдавая себе отчёт в происходящем, выдохнула я.

Он улыбнулся. Моё сердце пропустило удар.

– Не задержусь ни на секунду, – пообещал он. Затем аккуратно вернул вуаль на место, и шторы снова разъехались, пропуская в комнату тусклый серый свет. – До встречи... Элиза.

– До встречи, Джеймс.

Он ушёл, а я медленно опустилась на кровать. Всё случившееся можно было бы назвать фантастическим сном, если бы не массивное кольцо-артефакт на моём пальце. И я, наверное, ещё нескоро бы обрела способность соображать, целиком поглощённая мыслями о поцелуе и о Джеймсе, если бы не это имя.

Элиза.

Значит, я ошибалась. История не изменила свой ход, а шла именно по тому пути, по которому и должна была. События развиваются именно так, как мне в двадцать первом веке рассказывали Майкл и Розмари. И теперь понятно, почему Джейн Эшфорд так сильно напоминала им их предыдущую помощницу-немага. Почему Джеймс несколько раз повторил, как сильно я похожа на его предыдущую возлюбленную. Почему таинственная возлюбленная Джеймса, которая у него должна была быть в девятнадцатом веке, всё никак не появляется на сцене. Не потому, что я действительно так похожа на некую Элизу.

А потому, что я и есть эта Элиза. И была ею с самого начала.

Чёрт подери всё на свете.

В целом, следующие две недели прошли вполне мирно и спокойно, и никаких невероятных открытий больше не было. Жить только в образе актрисы оказалось намного проще. Больше не надо было соблюдать дурацкие правила и можно было оставаться собой в полной мере. Я неплохо обжилась в гостинице, а до театра теперь добиралась пешком, хотя обратно всегда возвращалась в кэбе – представление заканчивалось поздно, и мне не хотелось найти лишних приключений в лице ночных грабителей или кого похуже. Тёмные маги пока тоже никак не давали о себе знать, но кольцо я продолжала носить и, как я и предполагала, в театре моё новое украшение истолковали самым простым способом. Я не спорила, поскольку мой статус «любовницы графа Блэквуда» давал свои преимущества – в частности, помогал отшивать новых поклонников. Конечно, мою гримёрную после выступлений они не осаждали целой толпой, но время от времени появлялись.

Спокойствие оказалось нарушено примерно через полторы недели после отъезда Джеймса. Ещё по дороге в театр мне показалось, что вокруг творится что-то не то – на улице снова бушевал сильный ветер, а в пекарне, куда я зашла, чтобы купить булку к обеду, дама солидного возраста что-то обсуждала приглушённым голосом с соседкой – продавщицей из бакалейной лавки напротив. Вторая поглядывала зорким взглядом в сторону бакалеи, чтобы не пропустить покупателей, и в то же время умудрялась что-то возбуждённо рассказывать. Обе были так увлечены разговором, что едва обратили на меня внимание. Больше по дороге я никуда не заходила, но мне показалось, что даже прохожие на улице были чем-то подавлены. Неподалёку от театра и вовсе обнаружился какой-то проповедник, громко, на всю улицу, вещавший о важности спасения души и о том, что мир захватывают демоны, которых послал сатана. Вокруг него собралась небольшая толпа, хотя проповеднику приходилось прилагать большие усилия, чтобы перекрикивать ветер.

В театре я сбросила плащ и вошла в зрительный зал. Здесь было холодно, и я пожалела, что оставила в гостинице шаль. Репетиция ещё не началась, но абсолютно все актёры уже сидели здесь и тоже взволнованно переговаривались. Даже Сара уже пришла, хотя она регулярно опаздывала, а МакКинли выглядел подозрительно трезвым. Гровер был единственным, кто сидел в отдалении, не принимая участия в беседе, и с мученическим видом глядел в окно. Маргарет выглядела непривычно мрачной и напряжённой. Лилиан перешёптывалась с Анной точно так же, как булочница с бакалейщицей. Мастерс постоянно тянулся к трубке, торчавшей из внешнего кармана его сюртука, но в последний момент вспоминал, что Хогарт категорически запрещал курить в зрительном зале и одёргивал сам себя. Все актёры были в сценических костюмах, и выглядело это гротескно – словно в конец девятнадцатого века перенеслась группа людей прямиком из Средневековья.

– Что произошло? – спросила я, садясь рядом.

– А ты ещё ничего не слышала? – поразилась Сара. – Весь Лондон только об этом и говорит...

– В Эйлсфорде вчера поздно вечером провели какой-то сатанинский ритуал, – морщась, поведала Маргарет. – Целых десять человек в нём убили, представляешь?

– Пресвятая Богородица, – пробормотала Анна и перекрестилась.

МакКинли же, поймав мой взгляд, чиркнул себя ладонью по горлу, раскрыл рот в немом крике и выпучил глаза. Пантомима живо напомнила тот труп, который мы нашли в Кранли в двадцать первом веке, и меня затошнило.

Вот вам и жертвоприношение с десятью трупами. Значит, с одним уже было, оно как-то прошло незамеченным – как и говорил Майкл. Осталось ещё одно... После чего тёмный маг достигнет своей цели.

Моё появление словно прорвало какую-то плотину, потому что все вдруг заговорили одновременно.

– Какой монстр мог это совершить?

– И ради чего? Вызывал дьявола?

– Господи, помилуй нас всех!..

– Что за чёрная магия в наше прогрессивное время?

– Да когда уже репетиция начнётся? – последний вопрос принадлежал Гроверу и разом оборвал всю дискуссию. Актёры замолчали и посмотрели сперва друг на друга, потом – на ведущего актёра.

– В тебе вообще осталось хоть что-то человеческое? – резко осведомилась Маргарет. – Ты можешь думать хоть о чём-то, кроме своей прекрасной персоны?

– А зачем? – лениво уточнил Гровер.

Маргарет задохнулась от возмущения.

– Затем, что погибли люди! Причём их убили совершенно бесчеловечно! Или тебе их ничуть не жаль?

– Милая Маргарет, – актёр улыбнулся без малейшего тепла. – Ты спрашиваешь, жаль ли мне тех, кто подставил горло под нож и сдох, как скотина под топором мясника? Пожалуй, что нет. Если они позволили сотворить с собой такое – значит, они заслужили свою смерть.

Актриса поперхнулась каким-то заготовленным ответом и беспомощно посмотрела на остальных. Прочие вполне разделяли её мнение, одна Сара смотрела на своего кумира задумчиво, словно осмысливала его слова. Ну, она известная его почитательница и соглашается со всем, что он говорит... Вслух же я, не выдержав, протянула:

– Ну и мразь же ты, Гровер.

– А наша новая звезда осмелела, – ласково отозвался тот. Мой выпад совершенно не застал его врасплох – значит, Гроверу хотелось поскандальить. – Как завела нового любовника, решила, что всё можно, да, Бетси?

– Имеет на это право, – хмыкнула Маргарет.

– А ведь это как удобно, – продолжил Гровер, не обратив на её реплику никакого внимания. – Жена Блэквуда пропала, и ты теперь самая любимая, Бетси? Как удачно, не так ли?

– Ты на что-то намекаешь? – уточнила я. Ведущего актёра я не боялась – человеком он был премерзким, но, как мне казалось, не способным причинить большой вред.

- Да ты, небось, с его женой что-то и сделала, - всё так же благодушно отозвался он. - Ну, признай, Бетси, а? Неспроста же и ты на этой свадьбе была? Может, ты её отравила? Или прирезала?

- И то, и другое, - мрачно сказала я. Вступать в полемику не было никакого смысла, хотя Гровер и здесь бы нашёл, к чему прицепиться. Но на пару секунд он всё же растерялся, и тут, к счастью, в зал вошёл Хогарт. Актёры, судя по лицам, были не против обсудить убийства ещё и с ним, но режиссёр объявил о начале репетиции, и все переключились на спектакль.

Глава 20

Сцена с Гровером оставила неприятные воспоминания, но не имела никаких последствий. Прочие обитатели театра были привычны к поведению ведущего актёра и, как обычно, предпочли пропустить его обвинения мимо ушей, не восприняв их всерьёз. Спектакли шли своим ходом, и жизнь текла вполне размеренно, хотя в городе продолжали обсуждать ужасное убийство. О нём шептались везде – на рынке, на улицах, в любых общественных местах. От Анабелл мне уже было известно, что все десять погибших были Путешественниками, и что в их число входили те, кто должны были сопровождать меня. Выходит, их заранее схватили в день моего предполагаемого побега...

Единственный плюс, который можно было обнаружить во всём этом кошмарном событии – исчезновение новой графини Блэквуд отошло на второй план, и о нём теперь мало кто вспоминал. Я же поняла, что мне пора действовать. Жертвоприношение состоялось, а это значит, что маги далеки от того, чтобы наконец-то вычислить и остановить колдуна. Мне известно, где и когда случится последнее, но вот как сообщить об этом ковену? И кому там можно было бы довериться? Получалось, что только Джеймсу. Розмари сейчас настроена весьма недружелюбно по отношению ко мне. Оставались ещё Алан и Майкл... Но начать всё же следовало с Джеймса.

Несколько дней спустя я возвращалась в гостиницу после репетиции. На крыльце попрощалась с Маргарет, которая отправилась к портнихе, и неторопливо пошла по Друри-Лейн. Сегодня был первый день, когда погода перестала напоминать штормовую, а сквозь облака осторожно проглядывало солнце. Конечно, наслаждаться свежим воздухом в викторианском Лондоне, накрытом плотным угольным смогом, было непросто, но я старалась. Одновременно приходилось следить, чтобы не попасть под колёса проезжавших повозок или под копыта лошадей, а заодно не стать жертвой карманных воришек. Горожане спешили по своим делам, мальчишка-газетчик с испачканными типографской краской пальцами прицепился ко мне с предложением купить газету. Лавируя между прохожими, я пропустила момент, когда со мной поравнялся экипаж со знакомым гербом.

– Элиза!

Я круто развернулась, чувствуя, что начинаю счастливо улыбаться от одного только звука этого голоса. Джеймс спрыгнул на землю и в один шаг преодолел разделявшее нас расстояние. У меня в первый миг промелькнула безумная надежда, что он меня сейчас поцелует, но Джеймс, оказывается, помнил об установленных мной границах с вуалью лучше, чем я сама. Вспомнив, что мы стоим посреди улицы, где полно народу, я не стала бросаться ему на шею, но спрятать радостную улыбку не могла.

– Я рада, что ты вернулся, – просто сказала я.

Он улыбнулся в ответ, но потом вдруг посерьёзней, и я вернулась с небес на землю. Сейчас, когда первая радость встречи прошла, я заметила, что Джеймс явно был озабочен какими-то своими мыслями.

– Прокатишься со мной? – словно подслушав мою догадку, предложил он, и я кивнула.

– Конечно.

Он помог мне сесть в экипаж, затем сам присоединился ко мне, и карета тронулась.

– Когда ты вернулся? – я решила начать разговор с самого нейтрального. – Как прошла поездка?

– Не могу ответить однозначно, – маг помрачнел. – С точки зрения моей главной цели – найти «Знак равных» и доставить его в ковен – совершенно бесполезно, по той простой причине, что артефакта в имени Барнсов не было.

Торопливо вспомнив, что данная новость должна меня удивить, я сделала вопросительное лицо. Внутри меня всё переворачивалось от мысли, что мне приходится ему врать, но я по-прежнему медлила с признанием. Поначалу я весьма уверенно твердила себе, что просто не могу допустить, чтобы «Знак равных» оказался в ковене,

где на данный момент действовали Валери, Чарльз, да и Уильям Майклсон, не внушавший мне после моего допроса особого доверия. Впрочем, вскоре я была вынуждена признать, что отговорки отговорками, а врать самой себе было бессмысленно. Я просто боялась признаться Джеймсу и разрушить это вспыхнувшее между нами чувство. Да, я понимаю, что это глупо, и молчание только усугубляет ситуацию... Но мне хотелось продлить эту сказку, хотя бы ненадолго. Возможно, я совершала огромную ошибку.

- Но раз там стояла такая защита...

- Искатели оказались хитрее, чем мы предполагали, - Джеймс усмехнулся, но как-то невесело. - Полагаю, что сам артефакт сейчас благополучно спрятан у них, а установка мощного защитного поля, которое было не обойти, стала лишь отвлекающим манёвром. Задумка отличная - ведь абсолютно все маги ковена, включая наш многоуважаемый Совет и Рыцарей, купились на эту приманку, как малые дети.

Я вспомнила дневник сэра Реджинальда Барнса. Именно об этом он там и писал - надеялся, что как раз в Корнуолле маги и будут искать артефакт.

- Выходит, твой брак оказался совершенно ненужным шагом? - данный вопрос отношения к происходящему не имел, но не задать его я не могла.

Джеймс устало поморщился, и под его глазами отчётливо обозначились круги. Мои слова явно задели болезненное место.

- Получается, что так, - признал он. - И всё бы ничего, но эта несчастная девушка, моя жена, заслуживает сочувствия. Мало того, что брак оказался чисто по расчёту, и никто не обратил внимания на её собственные чувства и желания, а теперь она ещё и сбежала неизвестно куда. Надеюсь, её найдут до того, как с ней произойдёт что-то непоправимое...

- Ты как будто испытываешь вину, - тихо заметила я, пристально следя за его лицом. Сейчас Джеймс меньше всего походил на того надменного аристократа, который столь высокомерно объяснял мисс Барнс, что чувства не играют никакой роли. Джеймс посмотрел на меня, стараясь рассмотреть выражение моего лица за вуалью в полутьме кареты.

- Испытываю, - наконец сознался он. - Тогда я слишком злился, что именно мне приходится на ней жениться, и не хотел думать о чувствах мисс Барнс. Сейчас я понимаю, что был неправ.

После продолжительного молчания я спросила:

- Почему ты сказал, что твоё путешествие нельзя назвать однозначно бесполезным? Что-то произошло?

- А вот это интересно, - Джеймс откинулся на спинку и побарабанил пальцами по сиденью. Я думала, что смена темы его обрадует, но теперь он озабоченно хмурился. - Артефакт я не нашёл, но в кабинете сэра Реджинальда Барнса всё же покопался. В частности, нашёл некоторую часть его корреспонденции, посвящённой делам Искателей.

Он вдруг наклонился вперёд, ко мне, и, глядя мне в глаза, сказал:

- Элиза, я прошу тебя ответить честно. Искатели и в самом деле сотрудничают с правительством и информируют его обо всём, что им удаётся узнать о сверхъестественном мире?

- Что? - опешила я совершенно искренне, хотя было понятно, что маг не шутил. - Никогда о таком не слышала!

Джеймс продолжал смотреть на меня, а мне вспомнилась организация Общества Искателей, каким оно было в моём времени. Оно ведь и в самом деле было не таким уж секретным и закрытым и делилось своими находками и исследованиями со спонсорами. Но правительство?..

– Не могу сказать наверняка, – я попыталась сформулировать своё мнение максимально точно. – Мне об этом ничего не известно, хотя для твоих слов, вероятно, есть основания. Почему ты об этом спросил?

– Сэр Реджинальд вёл переписку с маркизом Солсбери, – я ойкнула, узнав имя нынешнего премьер-министра Великобритании, – и в них довольно подробно информировал о магическом мире и, в частности, о нашем ковене, вплоть до раскрытия личностей. По крайней мере, из ответных писем маркиза можно сделать именно такой вывод. Я и не знал, что Искатели настолько в курсе наших дел...

«Не Путешественники ли этим занимаются?» – промелькнул в голове вопрос. Ведь Анабелл говорила, что среди магов есть осведомитель, который передаёт Путешественникам сведения о ковене. Не Винсент ли старается подобным образом ставить палки в колёса магам?

– Насколько это серьёзно? – наконец спросила я, попытавшись представить себе масштаб проблем, открывшихся перед ковеном.

– Весьма серьёзно, – подтвердил моё предположение он. – Я вернулся в Лондон позавчера и сразу проинформировал Совет. Там сейчас творится полная неразбериха, потому что после смерти Артура мы остались без Хранителя, и решительно неясно, кто теперь должен принимать все важные решения. Рыцари стоят с суровыми лицами и наотрез отказываются хоть что-то предпринимать, поскольку они могут действовать только по приказу Хранителя. В этом жертвоприношении с десятью погибшими убили двух наших магов. Совет грызётся между собой. А самые важные проблемы тем временем остаются без внимания, включая раскрытие нашего сообщества и чёрного мага, который сейчас может творить всё, что пожелает, и остановить его никто не в силах. Ненавижу политику.

Я слабо хмыкнула.

– Что мы будем делать? Ты же не просто так повёз меня куда-то?

Он слегка улыбнулся, и гнетущая атмосфера, установившаяся после его слов, слегка рассеялась.

– С тобой я чувствую себя... легко. И у нас неплохо получается расследовать вместе, не так ли?

Я усмехнулась и покрутила на пальце подаренное кольцо.

– Да уж. И, в особенности, ловить тёмных магов...

Карета остановилась и, когда мы вышли на улицу, я узнала место, куда мы приехали – особняк Искателей на Бромптон-Роуд, куда я не так давно наведывалась. Значит, Джеймс хочет лично встретиться с сэром Уинслоу, не дожидаясь решения Совета? Смело. Но он прав, медлить в этой ситуации больше нельзя. Но вот удастся ли сейчас разговорить главу Искателей? В образе актрисы он меня не узнает и едва ли захочет откровенничать с посторонними людьми. Тут я споткнулась и едва не упала. Маги ведь думают, что я сама из Искателей! Но как мне сейчас объяснить, почему никто в Обществе меня не узнаёт?

В холле нас встретил тот же пожилой Искатель, который в прошлый раз с таким подозрением отнёсся ко мне. Было очевидно, что и наше появление лично ему никакого удовольствия не доставляет, однако он не стал вредничать, а согласился проводить нас к сэру Уинслоу. Джеймс благодарно кивнул. Я послушно последовала за ними, в панике придумывая, что делать, когда глава Искателей во всеуслышание объявит, что видит меня впервые в жизни, но на втором этаже особняка эти мысли внезапно вылетели у меня из головы.

Все окна были закрыты, до зимы было ещё далеко, однако там царил отчётливый холод, хорошо знакомый мне. И он был... неравномерным – мне показалось, что местами он становился то сильнее, то слабее. Я замедлила шаг, отставая от своих спутников, и покрутилась на месте, пытаясь понять, в каком направлении холод усиливается. Наконец, когда мне показалось, что я нашла его, я пошла вперёд, но через несколько

шагов остановилась – холод исчез. Странно. Такое чувство, словно посреди коридора висит невидимое облако...

– Элиза, куда ты пропала? В чём дело? – ко мне приблизился удивлённый Джеймс. Нашего провожающего в поле зрения не было, но я о нём даже не вспомнила.

– Ты чувствуешь что-нибудь странное? Здесь, в коридоре?

– Скорее нет, чем да, – озадаченно признался он. – Ты имеешь в виду что-то конкретное?

Ещё секунду я медлила, а потом решилась:

– Холод. Холод от чёрной магии.

– Впервые о подобном слышу, – теперь он смотрел на меня во все глаза, ожидая разъяснений.

Я неопределённо пожала плечами, поскольку сама слабо понимала, чем объясняется подобная способность, но всё же попыталась сформулировать свои ощущения:

– Это... сложно объяснить. Я словно чувствую тёмную магию, когда оказываюсь рядом с её источником. В театральном подвале так было... – «и ещё рядом с Валери», мысленно добавила я, но вслух решила пока этого не произносить.

Джеймс хотел спросить что-то ещё, но взглянул поверх моего плеча и промолчал, только взгляд стал внимательным и цепким. Я обернулась и обнаружила, что к нам приблизился сэр Уинслоу, вышедший из своего кабинета. Ковёр заглушал шаги, так что его приближения я даже не слышала.

– Способностью чувствовать чёрную магию всегда обладали Путешественники во времени, – будничным тоном сообщил глава Искателей, останавливаясь перед нами и с интересом разглядывая меня. – Вам это о чём-нибудь говорит, мисс?

Меня в этот момент даже не волновало то, что он подкрался так тихо, что услышал мои слова, и я только покивала головой, жадно глядя на Искателя.

– Ещё как говорит, – тихо подтвердила я, буквально всей кожей ощущая, как Джеймс впери́л в меня взгляд, полный глубокого, неподдельного изумления.

– И давно вы в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году? – так же спокойно поинтересовался сэр Уинслоу, и я удивлённо моргнула. Будь на его месте Патрик или любой другой Искатель из двадцать первого века, он бы всю душу вытряс из несчастного Путешественника, лишь бы выяснить, как работает эта магия. А этот смотрит так невозмутимо, словно здесь толпами появляются такие, как я! Или всё дело в том, что это Общество Искателей существует уже много веков, и в их архивах достаточно информации о самых разных магических явлениях? Это в двадцать первом веке Искатели будут лишь восстанавливать утраченные знания...

– Всего чуть больше двух месяцев.

Баронет задумчиво кивнул. И поскольку терять мне уже было нечего, я решительно спросила:

– Почему никто из магов этого не чувствует? Ни прочие Путешественники, ни обычные?

– Однозначного ответа у меня нет, мисс, – сэр Гаррет прищурился, пытаясь получше рассмотреть меня сквозь стёклышки пенсне. – Только предположения. Ведь Путешественники во времени не обладают никакими другими магическими способностями, верно? Возможно, таким образом природа восстанавливает баланс и наделяет их способностями, которых нет у прочих магов.

– Сэр Уинслоу, – помедлив, решилась я. – А вам известно о случаях, когда Путешественнику удавалось бы вернуться обратно? В то время, из которого он пришёл?

На этот раз сэр Гаррет не стал буравить меня взглядом, а вместо этого вздохнул. Мне отчётливо послышалось в этом вздохе сочувствие.

– Я о таком никогда не слышал, мисс, – наконец честно признался он. – Путешественники во времени – явление само по себе не слишком частое. И я не уверен, что обратный переход вообще возможен. Вы же знаете, как это бывает – два человека, находясь на пороге смерти, обмениваются телами. Как вы вернётесь в тело, в котором уже кто-то обитает? Или, если второй Путешественник погиб, то ваше прежнее тело погибло тоже. В него возврата нет.

Его слова были понятны и совершенно логичны, но услышать их всё равно было тяжело. Словно в этот момент оборвалась последняя ниточка, связывавшая меня с моим две тысячи пятнадцатым годом. Всего, что я знала в своём времени, больше никогда не будет. С этим можно только смириться.

– Из какого же вы времени, мисс? – донёсся до меня, будто издалека, участливый вопрос сэра Гаррета.

– Из будущего, – просто ответила я, не желая вдаваться в подробности.

Искатель вздохнул с заметным огорчением.

– Я так понимаю, деталями вы делиться не хотите...

– Сэр Уинслоу, – обратился к нему Джеймс, на которого я старалась не смотреть, – кто из магов был здесь в недавнее время? После кого могла остаться эта тёмная магия?

Я осторожно покосилась в его сторону. Маг уже целиком взял себя в руки, хотя каким-то шестым чувством мне было отчётливо понятно, что в данный момент он испытывал смесь растерянности и раздражения. Однако он явно мне поверил – иначе не задал бы этот вопрос.

Баронет посмотрел кисло, подёргал себя за седую бородку, а затем, наконец, принял решение и пригласил нас в свой кабинет. С моего последнего посещения здесь ничего не изменилось, и я опустилась на стул, на который мне указал сэр Гаррет. Джентльмены остались стоять.

– По всей видимости, вы, граф Блэквуд, тоже маг, – без удивления констатировал Искатель. – Впрочем, этого можно было ожидать. Вы уже второй маг, который наносит мне визит за последние два дня. Вчера ко мне приходил один джентльмен, рискну предположить – из вашего ковена. Расспрашивал, как давно Общество Искателей состоит на службе у правительства, и какие именно сведения ему передаёт. Полагаю, вы пришли ко мне с тем же вопросом?

– Как выглядел этот маг? – нейтрально поинтересовался Джеймс.

Я была готова отдать голову на отсечение, что пожилой Искатель сейчас даст описание внешности Валери – она была единственной в ковене, кто тайно практиковал чёрную магию – однако сэр Гаррет произнёс нечто совершенно иное:

– Мужчина средних лет. Темноволосый. Залысины. Одет во всё чёрное, словно пастор...

Мы с Джеймсом переглянулись и в унисон изумлённо воскликнули:

– Чарльз?!

– Но ведь он не тёмный маг, – резонно возразила я. – Я бы почувствовала.

– Он был единственным посторонним лицом в этом особняке за последние недели, – пожал плечами баронет. – Своё имя он не пожелал раскрывать, однако оказался крайне любезен и прислал мне записку с предупреждением, что зайдёт. Вот она, – он достал из ящичка небольшой конвертик и положил на стол перед нами.

Джеймс поймал мой взгляд, выразительно взглянув сперва на конвертик, потом на меня, а затем обратился к Искателю:

– И что вы ему ответили?

Глава Искателей резко вскочил на ноги, вышел из-за стола и нервно прошёлся по

кабинету. Пенсне свалилось с носа и повисло на шнурке, но баронет этого даже не заметил. Я наконец-то сообразила, что означали знаки, подаваемые мне Джеймсом и, воспользовавшись тем, что пожилой джентльмен отвлёкся, осторожно взяла конверт и спрятала в карман. Сэр Гаррет ничего не заметил.

– Мы не шпионы, мы учёные! – наконец гневно произнёс он, зло сжимая и разжимая узловатые пальцы. – Я не в восторге, что приходится информировать правительство о том, что творится в Лондоне! Однако когда этого требует сам премьер-министр, отказаться бывает трудно. Иначе Общество ждут крупные проблемы и, в частности, обвинение в занятиях магией. Так что да – иногда мы и в самом деле докладываем об исследованиях Общества. Не жду, что вы мне поверите, но лично мне эта ситуация глубоко отвратительна.

– Зря вы на это согласились, сэр Уинслоу, – задумчиво сказал Джеймс. – Маги – люди злопамятные и могущественные. А тот факт, что Искатели раскрыли наше существование, весьма их... разозлил.

– Вы мне угрожаете? – совершенно равнодушно осведомился баронет.

– Нет, – так же равнодушно пожал плечами Джеймс. – Лишь предупреждаю. Ковену известно о том, что Искатели перестали быть просто группой чудаков, интересующихся сверхъестественным. Он теперь предпримет ответные шаги.

Сэр Уинслоу устало вздохнул.

– Вполне предсказуемо.

– Пойдём, Элиза, – обратился ко мне маг.

Я кивнула и поднялась, но остановилась, когда Искатель вдруг обратился ко мне:

– Мисс, вы ведь наверняка хотите знать больше о Путешественниках во времени? Завтра состоится ежегодное собрание Искателей, на котором будут обсуждаться сделанные за год открытия. Мистер Уайтфилд, мой уважаемый коллега, всю жизнь занимался именно Путешественниками во времени, и он приехал из Кента в Лондон на это собрание. Вы можете завтра прийти и поговорить с ним. Полагаю, он сможет хотя бы частично ответить на интересующие вас вопросы.

Я с признательностью улыбнулась.

– Благодарю вас, сэр Уинслоу. Я непременно воспользуюсь вашим приглашением.

Дверь закрылась, и мы пошли вниз.

Глава 21

Однако далеко мы не ушли. Я была мысленно к этому готова и ничуть не удивилась, когда Джеймс резко остановился на ступеньках крыльца и повернулся ко мне. В первый миг я растерялась, почему он выбрал такое странное место для разговора, но затем поняла: он стоял на ступеньку ниже меня, благодаря чему наши лица оказались почти на одном уровне, и теперь он видел именно меня, а не поля моей шляпы.

– Значит, Путешественница во времени? – наконец спросил он, и в его голосе ещё можно было уловить отголоски того изумления, которое он испытал в первый миг. – Но как...

– Если бы я только знала, как это работает, – невесело усмехнулась я. – Но, по-моему, никто толком не знает. Возможно, этот мистер Уайтфилд, которого порекомендовал уважаемый сэр Гаррет, сможет что-то прояснить.

– Почему ты не сказала мне? – требовательно спросил он.

Я смотрела куда-то на улицу, чувствуя, как во мне что-то неприятно трепыхнулось, когда я подумала, о скольких ещё вещах я умолчала.

– Элиза! – позвал он настойчивее, и я перевела взгляд на Джеймса.

Он был растерян и не особенно старался это скрыть. На меня он смотрел пытливо, тщательно пытаясь прочесть что-то в моих глазах. Но была на его лице ещё одна эмоция, которую он как раз явно не хотел демонстрировать, но из-за того, что сейчас мы стояли так близко друг к другу, я могла её прочесть.

Уязвлённость.

Но из-за чего? Неужели из-за того, что я, по его мнению, не доверяла ему?

– Путешественники и маги не особенно ладят, – неохотно сказала я. – Я не очень представляю, как я могла бы взять и подойти к тебе с подобным заявлением. И потом... На момент нашего знакомства я уже была в этом теле. Всё это время здесь была только я.

И это была абсолютно наглая ложь, поскольку на момент моего появления Джеймс и Элизабет Барнс уже были помолвлены. Впрочем, Джеймс действительно был знаком с актрисой Бетси только в моём лице...

Удивление Джеймса начало постепенно сменяться глубокой задумчивостью. Молчание становилось невыносимым, и я, не выдержав этого пристального взгляда, резче нужного спросила:

– Что?

– Думаю, что в твоём поведении, манерах, пожалуй, можно было бы отметить необычные черты, – признался он. – То, что противоречит поведению обычной актрисы. Я замечал их, но не придавал значения, хотя, кажется, именно это сразу и привлекло меня в тебе. В своём времени ты тоже выступала на сцене?

– Нет, – я против воли рассмеялась, представив себя в двадцать первом веке в образе мисс Бетси. – Голос у меня обнаружился только здесь, в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году. Дома это было лишь недостижимой мечтой.

На моих последних словах в его лице что-то странно дрогнуло.

– «Дома»? – переспросил он, и в зелёных глазах мне почудилось сочувствие, смешанное с досадой.

Против воли я испытала странную, глухую тоску. Конечно, я уже неплохо освоилась здесь, привыкла к девятнадцатому веку... Можно сказать, что нашла своё место, да и моя жизнь полна приключений, как я и хотела... Но грусть оставалась, и, ненадолго задумавшись, я чётко сформулировала её причину.

– В моём времени остались все мои близкие. Мои родители, сестра, друзья. Мне

нравится, как всё сложилось здесь, мне нравится петь, я... – я едва не произнесла вслух: «Я встретила тебя», но сейчас было не время и не место для подобных откровений, и я неловко закончила, – ...я неплохо приспособилась, но... Их всех мне не хватает.

– И кем же ты...

– Искательницей, – я опередила его вопрос. – Именно поэтому ваш Закери не смог уличить меня во лжи, хотя к Обществу Искателей этого времени я не имею никакого отношения. И сэр Гаррет видел меня сегодня впервые, так же, как и тебя.

– Что с тобой произошло? Как ты очутилась здесь? И что стало с той девушкой, которая была в этом теле до тебя?

– Она умерла, – просто сказала я, начиная с последнего вопроса. – Совсем. Она не заменила меня в моём двадцать первом веке, это мне известно точно. Мы с ней встретились там... за порогом. А я... Я разбилась в автокатастрофе. По собственной глупости – мы ехали с другом, оба были пьяны. Потом тот грузовик, вспышка...

В памяти очень отчётливо всплыли события той ночи. Приближающийся ослепительный свет фар, сминающий в гармошку с отвратительным скрежетом металл, звон разбивающегося стекла, крик Ричарда... Надо же, а мне казалось, что эти воспоминания почти не отложились. Но нет – сейчас они стояли перед глазами так чётко, словно это было вчера, словно пары алкоголя никак не замутили моё сознание. Я не знала, сколько Джеймс понял из моей сбивчивой речи, но я словно на время отключилась от реального мира и не могла говорить понятнее. Джеймс меня внимательно выслушал, и по его лицу было видно, что понял он немного.

– Авто-чего? – переспросил он.

Я слабо улыбнулась и махнула рукой.

– В этом времени о подобном ещё не слышали.

– Ты бы хотела вернуться назад? – задавая этот вопрос, он смотрел особенно пристально. Мне показалось, что мой ответ был невероятно важен для него, и почему-то я была уверена, что он хотел услышать именно правду, какой бы она ни была. Такое неприятие лжи было мне очень близко, ведь я сама предпочитала даже неприглядную правду. Я задумалась, поскольку и сама хотела наконец-то разобраться в себе и своих желаниях.

– Я хотела бы вернуться, ненадолго. Узнать, что случилось с моим другом – ведь я даже не знаю, выжил он или погиб вместе со мной. По-человечески попрощаться с семьёй и друзьями. Ведь они думают, что я погибла, а на самом деле я здесь... – тут я сообразила, что только что сказала, и с какой-то истерической ноткой хихикнула. – Чёрт, что я несу? Ведь сейчас тысяча восемьсот восемьдесят пятый год. Они все ещё даже не родились!

Джеймс поймал мою руку и утешающе сжал. Я судорожно вздохнула, пытаюсь справиться с внезапно подступившими к глазам слезами.

– Но знаешь... Наверное, я бы уже не хотела вернуться насовсем, – я всё же сморгнула пару слезинок и улыбнулась. – Несмотря на всю эту историю с ритуалами и колдунами, сейчас я чувствую себя намного счастливее, чем раньше.

– И нам остаётся только остановить колдуна, чтобы всё стало совсем хорошо, – в привычной, чуть насмешливой манере попытожил Джеймс. – Элиза, даю тебе честное благородное слово, что приложу все усилия, чтобы найти его.

Меня тронула прозвучавшая в его голосе серьёзность. И если мне не изменяет память, именно Джеймс вместе с Розмари и Майклом в итоге и остановит убийства. Знать бы ещё, когда именно это произойдёт...

– И что мы будем делать теперь? – поинтересовалась я.

– Как бы мне ни претили методы Чарльза, просто прийти и обвинить его в занятиях чёрной магией невозможно... – Джеймс слегка прищурился, размышляя. – В его визите в Общество Искателей тоже нет ничего необъяснимого. Сразу по возвращении из Корнуолла я рассказал Совету о том, что узнал, и Чарльз не стал тратить время, а сразу

отправился к сэру Гаррету выяснять отношения – это понятно. Тогда завтра мы встретимся с мистером Уайтфилдом и послушаем, что он расскажет нам про Путешественников во времени. Заодно слегка злоупотребим приглашением сэра Гаррета на ежегодное собрание Искателей и послушаем, что они будут рассказывать. Раз им так много известно о ковене и Путешественниках, возможно, и о тёмной магии они знают больше, чем хотят показать. Проведённое жертвоприношение не могло не привлечь их внимания, и, вероятно, кто-нибудь отметил какую-то деталь, которую мы упустили.

Я слабо улыбнулась, когда поняла, что меня охватило ощущение deja vu. В моём собственном времени незадолго до аварии было точно такое же ежегодное собрание, где точно так же были мы с Джеймсом (хоть и порознь), и где он самым нахальным образом поднял тему тёмных ритуалов, на которую Патрик наложил табу. Возможно, правильно иногда говорят, что история имеет свойство повторяться?..

На следующий день Джеймс заехал за мной в гостиницу, и вместе мы снова отправились на Бромптон-Роуд. Сегодня перед особняком Искателей было гораздо оживлённее – стояло много экипажей, возницы переругивались между собой за лучшие места, хотя пассажиров уже не было, поскольку мы с Джеймсом слегка опоздали к началу собрания. Однако то ли сэр Уинслоу предупредил привратника о нашем прибытии, то ли в девятнадцатом веке ежегодная встреча Искателей была не настолько секретной и закрытой, как в двадцать первом, но внутрь нас пустили без проблем. Привратник указал нужное направление, и мы отправились в зал собраний. Вот только по пути я в какой-то миг остановилась и нервно огляделась по сторонам, чувствуя неладное. Джеймс уже понял, что означали мои телодвижения, и подошёл ближе.

– Что-то не так?

– Холод стал сильнее и отчётливее, – я зябко поёжилась, жалея, что оставила дома новый шарф, который купила буквально на днях. – Мне это не нравится. Джеймс, может быть такое, что тёмный маг, которого мы ищем, сейчас здесь? Иначе откуда ещё здесь могла взяться чёрная магия?

Он чуть улыбнулся, когда я назвала его по имени, но сразу же сосредоточился.

– Хочешь уйти?

– Ни за что на свете! – возмутилась я. Моё восклицание прозвучало очень громко посреди пустынного коридора, и я быстро осмотрелась по сторонам – не привлекли ли мы чьего-нибудь внимания, но никто не высунулся с требованием соблюдать тишину. – Вдруг нам сейчас удастся что-нибудь выяснить? Или больше того – мы обнаружим колдуна и схватим?

– Не думаю, что мы хотя бы увидим его, – крайне серьёзно сообщил он. – После того, как ты чуть не перерезала ему горло, он теперь к тебе на пушечный выстрел не приблизится.

– Вообще-то я спасала твою жизнь, – строго напомнила я, и он улыбнулся.

– Я такое не забуду.

Условившись быть настороже и смотреть по сторонам, мы приблизились к двустворчатым дверям, и Джеймс пропустил меня внутрь первой. При нашем появлении несколько Искателей повернули головы в нашем направлении, но остальные продолжали слушать докладчика. Я же на несколько секунд застыла на пороге, с изумлением и восхищением обзоревав зал, в котором проходило собрание. Пожалуй, сейчас я впервые могла в полной мере оценить, что Искатели двадцать первого века были лишь бледной тенью того Общества, которое существовало здесь. Огромный зал с высокими потолками и великолепной акустикой, позволявшей во всех дальних углах слышать говорившего, был намного больше нашего конференц-зала, да и Искателей здесь было в разы больше, чем я привыкла видеть. Поразительно! Ведь здесь собрались сейчас абсолютно все Искатели со всей страны! И, что примечательно, в зале были преимущественно мужчины. Женские лица попадались, но их можно было пересчитать по пальцам одной руки. В моём-то времени соотношение мужчин и женщин было примерно одинаковым...

В первом ряду я узнала сэра Уинслоу, остальные же были мне совершенно не знакомы.

Искатель за кафедрой закончил выступление и вернулся к остальным, а на его место встал молодой человек в очках, который торопливо перебирал свои записи. Мне он чем-то напомнил Мартина. Его доклад не имел никакого отношения к интересующим нас темам, и я вскоре перестала вслушиваться. Вместо этого я переключилась на свои ощущения и поняла, что в помещении становилось всё холоднее. Я даже слегка скосила глаза, чтобы увидеть, как у меня изо рта вылетит облачко пара. Разумеется, ничего не произошло, но теперь я совершенно отчётливо понимала, что что-то не так. Холод не был стабильным, он продолжал усиливаться...

Рядом резко дёрнулся Джеймс и огляделся по сторонам.

– Что-то происходит, – коротко ответил он. Сейчас он выглядел слегка встревоженным. – Теперь я чувствую...

Дальнейшее происходило очень быстро. Искатели продолжали свою встречу и даже не поняли, что случилось. Только мы с Джеймсом с нашей чувствительностью к магии оказались способны что-то заподозрить, но, признаюсь, даже я не успела чётко осознать, что сейчас произойдёт. Реакция Джеймса оказалась намного лучше моей, и в тот момент, когда по всему залу пронеслась взрывная волна, превращая абсолютно всё – мебель, людей, стены, окна – в одну сплошную мешанину, он бросился ко мне и крепко схватил меня за плечи. Нас отшвырнуло куда-то вдаль, так что я преобильно ударилась о колонну и упала на пол, так что левый бок немедленно заныл. Прямо у меня перед глазами вдруг взметнулся огненный вихрь, и я торопливо зажмурилась и прикрыла лицо рукой, чтобы не опалило брови и ресницы. Вуаль точно должна была вспыхнуть, но этого так и не произошло, и огонь не подступал ближе. Вскоре я поняла, что передышку получили только мы – в зале творился самый настоящий ад, за которым мы наблюдали из-за прозрачного защитного поля, которое Джеймс успел вовремя поставить вокруг. Каким-то невероятным образом мы остались рядом друг с другом, и он окружил нас непроницаемым куполом, диаметр которого был не больше трёх футов. На смену взрыву пришёл пожар – весь зал в считанные секунды оказался охвачен пламенем. Оно было настолько сильным, что крики людей стихли практически мгновенно. Я вцепилась в Джеймса, как утопающий в спасательный круг, и зажмурилась, чтобы не видеть того, что творилось вокруг нас. Джеймс прижал меня к себе, я уткнулась лицом ему в плечо, и так мы пережидали, когда огненная буря закончится. Единственное, что я чувствовала – его руки, обнимающие меня, и, наверное, это было единственное от нормального мира, что осталось в тот момент.

Воздух вокруг гудел от напряжения, а затем вдруг задрожал, и языки пламени словно стали расплываться. В первый миг я решила, что это у меня перед глазами поплыли круги, и я сейчас потеряю сознание, но голова оставалась вполне ясной. Тогда я поняла в чём дело – это слабел защитный купол, угрожая в любой момент исчезнуть окончательно. Поскольку Джеймс продолжал меня обнимать, я могла почувствовать, как он напрягся в попытке удержать эту тонкую плёнку – единственное, что отделяло нас от страшной смерти – и больше напоминал теперь каменное изваяние, чем живого человека. Но его силы подходили к концу. До меня долетела волна жара, вдыхаемый воздух стал сухим и раскалённым, и было абсолютно ясно, что дело плохо.

Однако в тот момент, когда мысленно я уже попрощалась с жизнью, огонь снова отступил назад. Я больше не ощущала ни жара, ни запаха гари, ни нехватки воздуха. Совсем наоборот – в один миг холод снова вернулся, и чувствовать его, находясь посреди огненного смерча, уничтожающего всё вокруг, казалось совершенно абсурдным и неестественным. Чёртова тёмная магия...

Не знаю, сколько времени длился пожар, но теперь я точно знала, что это стало одним из самых страшных воспоминаний в моей жизни. Ревущее пламя стихло так же внезапно, как появилось, и теперь мы стояли посреди тлеющих развалин, в которые превратился не только зал, но, как я подозревала, весь особняк Искателей. От мебели не осталось ничего. С потолка свешивались полуобгоревшие балки и стропила. В крыше местами светлели дыры, и я бы не удивилась, если потолок сейчас попросту обвалился на нас. В помещении было полутемно из-за копоти и сажи, покрывавшей всё вокруг плотным слоем. Единственным источником света стали дыры в потолке и тлеющие угли вокруг. На полу, среди обломков, и под ними, лежали обгоревшие трупы – целые и фрагменты, и их было столько, что нужно было приложить множество усилий, чтобы не наступить ни на один из них по дороге. Из всех, кто был в зале, выжили только мы с

Джеймсом. Ни у одного человека, лишённого магических способностей, не было ни единого шанса уцелеть. Все Искатели погибли при взрыве или сгорели.

Ну... или почти все. Мы стояли в той части зала, которая менее других пострадала от огня. Вокруг нас лежали те, кого убило взрывной волной. Несколько трупов, лежавших ближе всего к тому месту, где стояли мы, не были похожи на прочие обгоревшие останки – они были странно мумифицированы, словно из людей выпили все соки, оставив иссохшие, целиком обезвоженные тела. При этом раны, полученные при взрыве, были почти незаметны на фоне серой, истончившейся, будто пергаментной, кожи.

Общество Искателей прекратило своё существование. Всё, как рассказывал Патрик – в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году, в страшном пожаре...

Меня затрясло. Колени дрожали так, что я была вынуждена крепче вцепиться в Джеймса – иначе ноги просто отказались бы меня держать. Но голова оставалась удивительно холодной, а сознание – отстранённым. Словно там стояла не я, а кто-то другой. Забавно – мы едва не сгорели, а чувствовала я себя так, будто меня заморозили, и я лишилась способности испытывать хоть какие-то эмоции.

– Т-ты к-как? – зубы стучали, и слова удалось произнести не с первого раза. Интересно, почему меня всю сотрясает крупная дрожь, если я ничего не чувствую?..

– Тебя не ранило? – он резко и даже грубо ощупал меня со всех сторон, но я оказалась не в силах хоть как-то отреагировать на эту бесцеремонность.

– Н-нет... К-кажется. А т-тебя?

– Со мной всё хорошо.

– Т-та т-тёмная магия... Это б-была она, д-да? В-ведь О-общество Искателей т-теперь уничтожено. Целиком...

Очень хотелось вдохнуть полной грудью, но я была уверена, что в этом случае от запаха палёного меня попросту вывернет. Оставалось делать маленькие, неглубокие вдохи, от которых кружилась голова.

– Больше ничего не будет, – он снял с меня шляпу с вуалью и отбросил в сторону, а затем мягко провёл рукой по моей щеке. Я заметила, что костяшки на его руке были сбиты в кровь при падении, а на ладони виднелись глубокие ссадины. Каким-то чудом парик остался на мне, и светлые волосы не вывалились из-под рыжих.

– Я в-всё ещё чувствую х-холод, – сообщила я бездумно, и положила свою руку поверх его. – И у т-тебя руки ледяные...

Он молча притянул меня к себе, продолжая крепко обнимать, словно боялся, что я исчезну. Тем временем мой мозг сделал усилие и связал обе части моей фразы воедино.

Я медленно отстранилась от Джеймса – он без возражений убрал руки и сделал шаг назад – и ещё раз обвела взглядом иссушённые тела на полу. Затем прислушалась к своим ощущениям и осознала, что от Джеймса теперь исходил тот же холодок тёмной магии, который я чувствовала и в двадцать первом веке. Сейчас он был гораздо слабее, но спутать его с чем-то другим было совершенно невозможно.

– О Боже, – ахнула я. Моя ладонь непроизвольно взлетела вверх, чтобы зажать рот, но в последний момент я устыдилась этого театрального жеста и отдёрнула руку. – Это сделал ты! Ты использовал чёрную магию! Это не взрыв, а ты убил их, – и я ткнула пальцем в мумифицированные трупы.

Он по-прежнему стоял без движения, не делая попытки приблизиться, и только молча смотрел на меня.

– Моих магических сил было недостаточно, чтобы спасти нас, – наконец произнёс он. Джеймс говорил сухими рублеными фразами, не стараясь оправдаться или смягчить реальность. По его лицу было невозможно определить, о чём он думал в этот момент. – Я не смог удержать защитное поле с помощью обычной магии, и мы едва не погибли. Кто бы это ни устроил, он выложился по полной. Если бы мы не сгорели, то задохнулись бы,

или на нас упала часть крыши, или что-нибудь ещё. Чёрная магия могущественнее, но всегда требует жертв. Эти люди всё равно были обречены. Я принял решение.

Я беспомощно обхватила себя руками, не зная, что сказать. Да, теперь я своими глазами увидела, что такое тёмная магия. Джеймс, которого я встретила в две тысячи пятнадцатом году, был тёмным магом, причём являлся им уже сто тридцать лет. И так он жил всё это время? Убивая людей? Конечно, это было очевидно, но одно дело – говорить о чём-то абстрактном, и другое – столкнуться с этим лицом к лицу... А что было сейчас? Первый шаг в этом роковом направлении?

Мне стало не по себе. В двадцать первом веке тот факт, что Джеймс являлся тёмным магом, не отталкивал меня потому, что он был им с самого начала нашего знакомства. Мне было не с чем сравнивать, и в моём сознании Джеймс оставался неразрывно связан с чёрной магией. Здесь, в этом времени, он входил в ковен, и это тоже казалось совершенно естественным. До поры до времени Джеймс-маг и Джеймс-колдун всё же существовали в моём сознании отдельно друг от друга. Но сейчас, когда эти два... явления внезапно столкнулись друг с другом, я растерялась. Мне не удавалось разобраться, что я сама чувствую, наблюдая эту смену ипостасей...

– Ты должна решить, можешь ты это принять или нет, – холодно и отчуждённо сказал он, точно подслушав мои мысли, и сделал какое-то движение рукой.

Я поняла, что он убрал защитное поле. В тот же момент я ощутила плотный, отвратительный запах гари, буквально въедающийся в кожу, и остатки недавнего жара. На платье опустилось несколько хлопьев пепла.

– Теперь идём. Не стоит информировать обычных людей о нашем чудесном спасении.

Глава 22

Через обломки и руины мы, наконец, выбрались на улицу. Я оказалась права – взрыв и пожар уничтожили весь особняк, оставив на Бромптон-Роуд один каменный остов. К тому моменту, как мы наконец-то очутились на мостовой, оба были с головы до ног покрыты копотью. Не только одежда, но и лицо Джеймса было измазано в саже, и я подозревала, что сама выглядела не лучше. Шляпу с вуалью я тащила с собой, подметая ею пол, а потом и мостовую. Надевать её было бессмысленно – из-за испачканного в пепле лица узнать меня сейчас было сложно. Перед дымящимися руинами уже собирались зеваки, бегали полисмены, народ возбуждённо делился впечатлениями и строил самые разные гипотезы на тему того, что здесь произошло. Там, где раньше располагалось крыльцо, лежали какие-то обломки – в них с трудом можно было различить остатки экипажа, который находился слишком близко, отчего его тоже зацепило взрывом. Под тем, что осталось от кареты, я разглядела полуобгоревший труп лошади, и меня замутило с новой силой.

– Милорд! Вы живы! Какое счастье! – радостно размахивая шляпой, к нам подбежал кучер Джеймса, целый и невредимый. – Отвезти вас к доктору?

– В Суррей, Китс. Немедленно, – отозвался Джеймс, и мы направились следом за кучером к знакомой карете, пробираясь сквозь толпу. Едва мы очутились внутри, и закрывшаяся дверь отделила нас от уличного шума, я откинулась на спинку и вздохнула с облегчением. Некогда чёрную, а теперь странного серого оттенка шляпу с вуалью, больше напоминающую половую тряпку, я сбросила на пол. Потом попыталась слегка стереть копоть с лица, но увидела, что мои руки были такими же грязными, отчего сажа только больше размазывалась по щекам и лбу, и бросила это неблагоприятное занятие.

– Зачем нам в ковен? – я решила взять разговор в свои руки. Джеймс всё это время молчал, безучастно наблюдая за сменяющимися за окном улицами. Я понимала, что он пытался осмыслить свой сегодняшний поступок, осознать, почему он вдруг изменил всем принципам, которые проповедует ковен, и которые прививали ему с раннего детства. Но после нервного перенапряжения и такого количества адреналина я не могла дальше молчать. Мне требовалось поговорить, обсудить то, что произошло.

– Выяснить, кто ответственен за всё случившееся. При всей нашей нелюбви к Искателям, извести всё Общество разом – это слишком. Я хочу знать, кто это устроил.

– Ты подозреваешь Чарльза? – прямо спросила я.

Он отреагировал не сразу, и мне показалось, что ему вовсе не хотелось отвечать. Но затем Джеймс заговорил, отрывисто, резко, будто с усилием оторвался от сложных раздумий и переживаний о своём поступке и заставил себя сосредоточиться на главном:

– Решать проблемы радикальным способом вполне в его духе, хотя убить настолько хладнокровно такое количество людей за раз даже для него слишком. Единственное, что не укладывается в эту теорию – это чёрная магия. Чарльз не чёрный маг. И либо он нашёл такого где-то на стороне, либо он не имеет к случившемуся никакого отношения. Но мне это кажется слишком маловероятным. Сначала мы узнаём о сотрудничестве Искателей с властями, потом Чарльз является к сэру Уинслоу с обвинениями, а на следующий день всех Искателей поджаривают. А я не верю в совпадения...

Около минуты я молчала, обдумывая его слова. Мне в голову пришло всего одно предположение, которое объяснило бы случившееся, и на всякий случай я уточнила:

– Чарльз нашёл другого чёрного мага?

– Да, думаю, да... Нет, – растерянно выдал он, заметив выражение моего лица. – Только не говори мне, что такой колдун есть в ковене, и ты со своим чутьём чёрной магии уже его вычислила!

Ответ он прочёл по угрюмому выражению моего лица.

– Я даже почему-то не слишком удивлён, – заявил он, и устало помассировал лоб. – Имеет смысл спрашивать, почему ты столько времени молчала?

– А какой смысл рассказывать об этом хоть кому-то? – сердито спросила я, уязвлённая ироничными интонациями в его голосе. – Ещё вчера даже ты не знал, что Путешественники во времени обладают такой способностью! Хороша бы я была, если бы начала обвинять честных магов во всех смертных грехах!

Джеймс задумался, а потом кивнул, признавая мою правоту.

– Хорошо, и кто же это?

После короткого колебания я ответила:

– Валери Андерс.

– Что? – изумился он и даже коротко рассмеялся. – А если серьёзно?

– А если серьёзно, то Валери Андерс, – после этих слов у меня появилась возможность полюбоваться, как выражение недоверия на его лице сменяется самой искренней растерянностью, и я, не удержавшись, добавила. – Вот именно поэтому я и молчала.

– Валери? – переспросил Джеймс куда-то в пустоту, всё ещё не до конца поверив в услышанное. – Но ведь я знаю её столько лет! Они с моей сестрой дружат давным-давно. Неужели она и в самом деле...

Он коротко взглянул на меня, потом перевёл взгляд на свои руки, все в тёмных пятнах копоти. Один из порезов на ладони продолжал сочиться кровью, и маг резко тряхнул головой. У меня перед глазами снова встала картина испепелённого зала, где проходило собрание Искателей.

– Ладно, разберёмся...

До резиденции Хранителя ковена в Суррее мы добрались через несколько часов. День на улице уже клонился к вечеру, но мы по-прежнему были полны решимости найти виновного. Когда экипаж остановился у крыльца и Джеймс помог мне выбраться, я спросила:

– А ты уверен, что стоило приезжать сюда без предупреждения?

Но Джеймс только махнул рукой:

– Сейчас, когда Хранителя нет, ковен только и делает, что заседает, решая, кто станет следующим Хранителем. Не удивлюсь, если большую его часть мы сейчас здесь и обнаружим.

Дворецкий на пороге на несколько секунд растерял всю степенность и непробивное спокойствие, уставившись на нас, как на посланцев из преисподней. Не сомневаюсь, что, покрытые сажей, именно такое впечатление мы и производили. Джеймс ему вообще ни слова не сказал, а только аккуратно отодвинул с дороги и устремился куда-то вдаль по коридору. Я чуть ли не бегом последовала за ним, пока дворецкий не очнулся и не позвал Рыцарей на помощь, чтобы избавиться от двух оборванцев.

На этот раз мы пришли не в тот зал, где в прошлый раз допрашивали меня, а в какой-то кабинет, где неожиданно обнаружилась небольшая толпа народу. Причём лица были знакомыми – Уильям Майклсон, Алан, нынешний глава Рыцарей, Алисия в скромном сером платье... Дальше – тут я едва не скрипнула зубами – совершенно невозмутимый Чарльз, который что-то негромко обсуждал с Майклом. Была пара магов, которых я видела на своём допросе. В углу стояли тихо беседовавшие между собой Розмари, Валери и ещё какая-то женщина.

Наше появление маги встретили гробовой тишиной, поскольку мы с Джеймсом сейчас больше походили на двух трубочистов. По-моему, нас даже не сразу узнали.

– Однако, – с интересом произнёс Алан. – Джеймс, когда я на последнем собрании сказал, что ковен слишком увяз в консервативности и с новым Хранителем должны быть пересмотрены наши взгляды на мир, я не совсем это имел в виду. Мисс Элиза, приветствую вас, – я слабо улыбнулась, когда Алан назвал меня именем, которое Джеймс дал мне совсем недавно. – Вы откуда?

- С ежегодного собрания Искателей. Оно сегодня было особенно познавательным, - с яростной любезностью отозвался Джеймс.

Я в тот момент наблюдала за Валери, заметив, как её лицо залила смертельная бледность, и она с жадным вниманием уставилась на мага. Неужели испугалась за него?..

- Джеймс, хватит паясничать, - сердито прошипела Розмари.

- И в мыслях не было, дорогая сестра, - заверил её тот и объявил: - Общество Искателей сегодня было целиком уничтожено. Сгорело дотла. Мы с Элизой были там и лишь чудом избежали смерти. И я очень хочу знать, кто это сделал.

По кабинету пролетел слаженный потрясённый вздох. Розмари резко переменилась в лице, Майкл смотрел на Джеймса с тревогой, Алан теперь выглядел растерянным. Чарльз сохранял каменное спокойствие, словно его происходящее вовсе не касалось.

- Как - уничтожено? - тонким голосом спросила Алисия. Начальник посмотрел на неё строго, но та ничего не заметила. - Совсем?

- Как вы-то вдвоём очутились у Искателей? - этот сердитый голос принадлежал Майклу. Розмари теперь зажимала ладонью рот, с ужасом разглядывая помятого брата.

- Раз вы сразу пришли сюда, Джеймс, полагаю, у вас есть подозреваемый, - пронзительно заметил Уильям и скрестил руки на груди.

- Верно, - спокойно подтвердил тот и без дальнейшего перехода осведомился: - Чарльз, какое ты имеешь отношение к этому... занимательному случаю?

- Никакого, - лениво отозвался тот, но тут от дверей раздался невыразительный голос:

- Ложь.

Мы с Джеймсом обернулись и обнаружили в двух шагах от нас Закери, который подошёл так тихо, что мы его не слышали. Выглядел этот человек так же заурядно и непримечательно, как и обычно, но на Чарльза он смотрел теперь цепко и внимательно. Уильям и Алан - единственные представители Совета, которые были в комнате - переглянулись с главой Рыцарей и дружно повернулись к Чарльзу. Тот при виде новоприбывшего Рыцаря потемнел лицом и теперь смотрел угрюмо, хотя спокойствия не утратил.

- Ты лжёшь, Чарльз, - так же бесцветно повторил Закери и встал рядом с Алисией.

- Нам известно, что ты договаривался с Гарретом Уинслоу о встрече, - сообщил Джеймс и достал из кармана то самое письмо, которое мы похитили вчера из кабинета баронета. - Также нам известно, что вы встречались, и ты обвинил Искателей в передаче информации о нас властям, а сэр Уинслоу признал это. Ты решил это пресечь? Проще просто стереть с лица земли Искателей, чтобы они перестали лезть не в своё дело? Ведь это удобно - сегодня единственный день в году, когда Искатели со всей страны собираются под одной крышей...

Чарльз молчал. Особого страха или тревоги я в нём не заметила, и по его лицу было невозможно понять, о чём он думал на самом деле. Лидер Рыцарей - как его зовут-то?.. - спросил прямо:

- Это ты организовал пожар в особняке?

- Нет, - с лёгким злорадством в голосе отозвался Чарльз. Закери посмотрел на начальника несколько обескуражено - значит, маг не соврал.

Среди магов возникла лёгкая заминка. Меня же словно кто-то в этот момент дёрнул за язык, и я громко, чётко спросила:

- В особняке были отчётливые следы чёрной магии. Вы не колдун и вы не организовали пожар сами, но поручили сделать это чёрному магу, верно?

Пару секунд в кабинете царила звенящая тишина, а потом в кабинете заговорили все одновременно, причём на повышенных тонах. Молчал один только Чарльз, теперь пристально рассматривавший меня. То ли он не воспринимал меня всерьёз, то ли был настолько выдающимся актёром, то ли его в принципе было невозможно выбить из равновесия, но я не смогла прочесть в его взгляде никаких эмоций.

– Да кто вы такая, чтобы вмешиваться не в своё дело!.. – вскипела возмущением Розмари.

– Откуда у вас вообще такие бредовые предположения? – глава Рыцарей смотрел на меня с видимой неприязнью, видимо, целиком и полностью разделяя нелюбовь Майклсона к Искателям.

– Элиза, не думаю, что вам стоит... – слова Майкла до конца я не расслышала, потому что вмешался Уильям, и все почему-то смолкли, признавая его авторитет:

– Мисс Элиза или как вас там на самом деле, – будущий Хранитель смотрел на меня с высокомерием, словно я была посудомойкой, случайно забредшей в герцогские покои. – Вы не маг и даже больше не Искательница. Вы всего лишь актриса. Пусть вам невероятно повезло, что граф Блэквуд по какой-то причине вами дорожит, и потому вы избежали участи других ваших... коллег, – последнее слово он произнёс презрительно, – однако это не даёт вам никаких привилегий в нашем обществе. И вам следует...

– Уильям, достаточно, – резким тоном произнёс Джеймс, что, похоже, было здесь вопиющим нарушением субординации, потому что у Розмари внезапно приоткрылся рот, Уильям от удивления и впрямь замолчал, Алисия растерянно вздохнула, а Алан и Майкл посмотрели на Джеймса уважительно. Чарльз с интересом наблюдал за развитием событий.

– Я Путешественница во времени, – громко объявила я, и в помещении повисла звенящая тишина. Теперь все взгляды были направлены на меня. Ощукая поддержку Джеймса, я почувствовала себя увереннее. – Если бы Искатели были ещё живы, они бы подтвердили вам, что такие, как я, обладают способностью чувствовать чёрную магию. К сожалению, теперь это невозможно, однако уважаемый Рыцарь подтвердит вам, что я не лгу.

Закери кивнул. Алан наклонил голову, поощряя продолжить.

– Следы чёрной магии были в особняке Искателей вчера и сегодня. Сегодня они стали ещё более отчётливыми. Я полагаю, что взрыв и пожар устроила мисс Андерс по поручению другого мага. Других колдунов в вашем ковене нет.

Мои слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Валери, от которой я в тот момент не отрывала глаз, стремительно переменялась в лице и посмотрела на меня взглядом, полным жгучей ненависти. В кабинете в который раз за последние пятнадцать минут поднялся возмущённый шум, в ходе которого меня обвинили абсолютно во всех смертных грехах, но всё резко смолкло, когда Закери объявил:

– Девушка не лжёт.

Несколько секунд Розмари смотрела на него, а потом медленно, недоверчиво повернула голову к Валери и очень тихим голосом спросила:

– Это правда? Ты занимаешься чёрной магией?..

Пойманная в ловушку прямым вопросом, в котором невозможно было бы соврать, Валери дёрнулась и нервно облизала пересохшие губы. Она так ничего и не ответила, но по её белому лицу и бегающим глазам, пока она пыталась придумать выход из положения, все и так всё поняли.

– Да быть того не может... – пробормотал Майкл.

– Мисс Андерс, – жёстко обратился к ней Алан, и в нём внезапно проступили черты того мага, который хладнокровно пытал Путешественника в теле Мартина, – это вы провели то жертвоприношение несколько дней назад?

– Нет.

– Это вы уничтожили Общество Искателей?

Я заметила, с каким вниманием на колдунью смотрели и Розмари, и Майкл, и Джеймс. Не зря они столько времени были друзьями – для них узнать подобную правду, да ещё при подобных обстоятельствах оказалось сродни удару по голове. Обведя взглядом по очереди каждого из них, Валери наконец взяла себя в руки, тряхнула платиновыми волосами и посмотрела Алану в глаза.

– Да, я, – её голос звучал звонко и твёрдо; колдунья к этому моменту целиком овладела собой. Потом, быстро взглянув на Чарльза, она продолжила: – Я действовала по собственной инициативе. Чарльз не помогал мне.

У меня от удивления приоткрылся рот, поскольку такого поворота я не ожидала, но Закери лишь снова кивнул. Значит, Валери не врал. Однако сэр Уинслоу говорил, что, кроме Чарльза, другие маги в особняке Искателей не появлялись... Хотя Валери же обладает потрясающим талантом создавать иллюзии и маскировки, как я могла забыть! Ладно, почему её никто не заметил, объяснить можно, но это было странно. Чарльз был каким-то образом причастен к пожару, в этом я не сомневалась, да и Рыцарь это подтвердил. Но и Валери сказала правду. Как такое может быть?

– Каковы будут наши действия? – спросил Уильям, и в его голосе впервые за всё время появилось что-то, похожее на неуверенность. – Хранитель должен решить, что делать дальше, но у нас его нет. Как мы должны теперь поступить?

Алан, к которому он обращался, задумался.

– Тёмного мага необходимо поместить под стражу, – наконец вынес он самый очевидный вердикт. Глава Рыцарей кивнул Алисии, и та торопливо вышла из кабинета. – Когда у нас появится Хранитель, он и решит участь мисс Андерс. Что же касается Чарльза...

– Я весь внимание, – заверил тот. Маг обладал просто потрясающим самообладанием, которого я ещё ни у кого не встречала.

– Ты не участвовал в убийстве Искателей лично, но всё же приложил к этому руку, – Уильям говорил совершенно без осуждения, и мне в голову закралась неприятная мысль, что он не так уж осуждал уничтожение всех Искателей. – Мы ещё обсудим это с прочими членами Совета, но мы с Аланом склоняемся к тому, чтобы лишить тебя звания члена Совета.

Чарльз склонил голову, но я заметила, как в непроницаемых глазах на секунду будто сверкнула молния. Ах да... Помнится, Розмари и Майкл рассказывали мне, что маг всегда был одержим жадной властью и мечтал сам занять место Хранителя. Однако Хранителем ковена мог стать только член Совета, а это значит, что столь желанный пост Чарльз сможет занять ещё очень нескоро... Впрочем, в Совете его потом восстановят, хотя Хранителем он в ближайшие сто тридцать лет так и не станет, а всё благодаря Джеймсу и мне. Не этим ли объяснялась его ненависть к Джеймсу в будущем?

– Валери, это что, правда? – тихим, слегка дрожащим голосом спросила Розмари. – Ты и в самом деле убила сто человек?

Та ничего не ответила, лишь высоко вздёрнула подбородок. Сестра Джеймса выглядела настолько обескураженной, недоумевающей, что я ей даже посочувствовала. Маги тем временем принялись жарко обсуждать то, свидетелем чему они только что стали. Майкл приблизился к Розмари, и теперь они тихо разговаривали о чём-то, впервые за всё время напроць позабыв о своих сложных, не выясненных до конца отношениях. Валери стояла одна в стороне, разом отдалившись от всех, но я видела, что Закери и главный Рыцарь не спускают с неё глаз. Алан и Уильям неторопливо направились к дверям, обсуждая что-то своё.

– Не могу не спросить, Уильям, – Джеймсу, как и мне, назначенное Чарльзу наказание показалось явно недостаточным. – А не действовала ли Валери с одобрения всего Совета? Признаться, меня смущает, что убийство сотни человек показалось вам столь незначительным событием.

Он не старался говорить тихо, и я втянула голову в плечи, ожидая бури. Даже мне,

незнакомой с порядками в ковене, было понятно, что Джеймс говорил слишком резко и откровенно. Да и с последним обвинением он явно зашёл слишком далеко.

– Не забывайся, Блэквуд, – в наступившей мёртвой тишине холодно процедил Майклсон. Затем он развернулся и вышел из кабинета.

Алан быстро подошёл к нам и тихо, насколько позволял его голос, с укоризной, сказал:

– Не перегибай палку, Джеймс. Искателей мало кто любил в ковене, но на подобный шаг мы никогда бы не пошли. Мисс Элиза, – обратился он ко мне, – вы вновь нам помогли. Это было всё, что вы хотели рассказать?

Не столько увидев, сколько почувствовав, как пристально посмотрел на меня в тот момент Джеймс, я кивнула.

– Больше мне нечего добавить.

Алан слегка склонил голову на прощание и последовал за Майклсоном. Затем в кабинет вошли ещё двое Рыцарей, и я сразу поняла, что это был конвой для Валери. Колдунья тоже их увидела и подошла к нам с Джеймсом. На мага она смотрела с глубокой тоской в голубых глазах, которую я видела на этом прекрасном лице впервые, и поначалу даже не поверила сама себе – я и представить не могла, что Валери может быть способна на глубокие человеческие чувства.

– Прости меня, – тихо сказала она Джеймсу. – Мне и в голову не могло прийти, что ты там окажешься. Клянусь, я не хотела, чтобы так всё сложилось.

«А она и в самом деле его любила» – мелькнула у меня удивлённая мысль, пока я наблюдала за этой странной сценой. Джеймс же только устало покачал головой:

– Но ты без малейших сожалений испепелила не меньше сотни человек. Я не могу этого понять.

У губ Валери появилась на секунду горестная складка, но сразу же исчезла, когда колдунья посмотрела на меня. Печаль мгновенно исчезла с её лица, а ледяные глаза прищурились.

– Мы ещё встретимся, – почти нежно пообещала она мне, и я невольно ощутила дрожь – такой чистой злобой сочился её голос.

Потом она сделала шаг назад и без сопротивления позволила Рыцарям увести её.

– И это всё? – изумлённо подала голос Алисия, которая до этого держалась тише воды ниже травы, провожая колдунью взглядом, а потом посмотрела на Чарльза. – Не будет никакого расследования? Но как так можно? Ведь столько Искателей погибло... Мы не будем в этом разбираться?

В голосе девушки звучало настоящее негодование, которое я всецело разделяла. Джеймс в тот момент отошёл к Розмари, и я с интересом прислушалась к словам единственной женщины среди Рыцарей.

– Алисия, ты слышала, что сказали Уильям и Алан? – сурово осведомился её начальник. На его лице появилось утомлённое выражение, словно подобные замечания Алисия высказывала не впервые. – Ты хочешь оспорить решение членов Совета?

– Но это же не весь Совет, их было всего двое!.. – сбивчиво начала девушка, из-за чего глава Рыцарей выпучил глаза и начал хватать ртом воздух, кипя от возмущения.

– Алисия Филипс, что вы себе позволяете?!

– Но мы же должны поддерживать порядок и поступать по справедливости! Мы же Рыцари...

– А Рыцари подчиняются только Хранителю, – непреклонно отрубил тот, и девушка осеклась, увидев, что лицо начальника приобрело гневный апоплексический оттенок. – И пока Хранителя нет, мы ничего не предпринимаем! Возможно, тебе пора покинуть наши

ряды и вернуться в число обычных магов, раз ты всё никак не можешь усвоить эту простую истину?

– Нет, сэр, – прошептала Алисия, заметно побледнев. – Простите меня. Я всё поняла.

– Хотелось бы, – едко ответил Рыцарь, и девушка покаянно склонила голову, а тот припечатал: – И именно поэтому женщина никогда не станет главой Рыцарей. Слишком медленно до них всё доходит...

Он добавил ещё пару уничижительных замечаний о женском поле в целом, на что я только мысленно усмехнулась. Знал бы он, как сильно ошибается... Ведь именно главой Рыцарей Алисия в конце концов и станет. Как же интересно иногда складывается жизнь...

Глава 23

Больше нам там делать было нечего. После беседы с Розмари Джеймс вернулся ко мне и сказал, что сейчас мы вернёмся в Лондон. На улице уже стемнело, до города предстояло добираться несколько часов, и я была рада, что мне не придётся возвращаться в одиночку. У большинства магов, как я поняла, были свои комнаты в поместье, и Розмари как раз собиралась остаться здесь ночевать. Договорив с братом, она бросила прощальный взгляд на меня, и мы бы вполне мирно разошлись, если бы в последний момент она не заметила фамильное кольцо Блэквудов на моей руке. После этого она гневным шагом приблизилась к Джеймсу и зашипела ему что-то с удвоенной силой – слов я расслышать не могла, но не сомневалась, что это было что-то крайне нелестное о моей персоне. Впрочем, их диалог не продлился долго: Джеймс тихо, но жёстко осадил сестру, так что та удалилась в полном негодовании, а он подошёл ко мне.

Задерживаться в особняке мне не хотелось, и каким-то шестым чувством я угадывала, что Джеймс полностью разделял мои чувства. Перед отъездом мы воспользовались любезным предложением дворецкого и умылись. Я с наслаждением стёрла грязь с лица, радуясь, что за окном уже темно, и в тусклом освещении меня никто не узнает. Слегка приведя себя в порядок, мы вышли на улицу, где было уже по-вечернему холодно, и подошли к карете, когда от неё внезапно отделилась тёмная тень. Я вздрогнула и в неверном свете масляного фонаря, горевшего рядом с кучером, узнала Чарльза.

– Я могу чем-то помочь? – с неприкрытым сарказмом осведомился Джеймс.

Чарльз слегка улыбнулся, и в тусклых язычках пламени эта улыбка вышла по-настоящему жуткой.

– Зря ты со мной связался, Блэквуд, – спокойно сказал он, не пытаясь понизить голос. Впрочем, в этом не было нужды: во дворе мы были одни, не считая кучера Джеймса. – Ты об этом пожалеешь.

– Мне интересно, на что ещё ты готов пойти, чтобы стать Хранителем, – Джеймс невесело усмехнулся. – Я тут подумал – что-то в последнее время в Лондоне происходит слишком много пожаров, в которых погибает толпа народу. Это ведь наверняка ты убил Артура. Точнее, убила Валери, но действовала она по твоему приказу.

– Сперва найди доказательства, Блэквуд, – безмятежно отозвался Чарльз, пытаясь разглядеть звёзды над головой. Сквозь разошедшиеся к вечеру облака и впрямь проглядывали несколько звёздочек. Потом маг отодвинулся от кареты, у которой стоял, прислонившись, и неторопливо направился к дому. Я проводила его растерянным взглядом и посмотрела на Джеймса, который казался сейчас безгранично уставшим.

– Так это из-за него погиб Рассел?! – свистящим шёпотом спросила я. Подобное предположение не приходило мне на ум.

– Я не могу знать наверняка, – честно ответил он, наблюдая, как Чарльз скрылся в доме, и дворецкий закрыл за ним дверь. – Но не удивлюсь, если именно так всё и было.

Обратно в город мы возвращались в молчании. Мы оба чувствовали себя совершенно вымотанными, выжатыми досуха. Сперва огненный ад в особняке Искателей, потом этот допрос... С ковром и впрямь сложно иметь дело – уж слишком предвзято он относится ко всем окружающим. И ещё это выборочное наказание – Валери взяли под стражу немедленно только потому, что она была колдуньей, а Чарльз, который явно был замешан в происходящем, отделался, что называется, «лёгким испугом». Но почему Валери так легко позволила себя арестовать? Не попыталась сбежать, напасть на кого-нибудь из окружающих? Явно не из любви к Джеймсу. Учитывая, как легко она сегодня уничтожила столько людей за раз, силы Валери огромны. И она точно не относится к тем людям, которые опускают руки при первом же признаке угрозы. Да, в особняке Искателей у неё было время на подготовку, а сегодня её точно застали врасплох. Но почему она так быстро сдалась?

Чем ближе мы подъезжали к Лондону, тем понятнее мне становилось, что из-за огромной усталости молчала только я. Джеймс же выглядел не столько замученным, сколько глубоко погружённым в свои думы, и было очевидно, что эти думы не

доставляли ему никакого удовольствия. Вторгаться в его мысли я не стала, надеясь, что он сможет прийти к какому-то решению к концу поездки, но у дверей моей гостиницы стало ясно, что внутреннего спокойствия Джеймс так и не достиг. Однако, несмотря на это, он всё равно вышел вместе со мной из кареты и проводил до двери моей комнаты. Потом дождался, когда я отопру дверь, зажгу внутри свет, и только после этого попрощался и развернулся с чётким намерением удалиться.

Этого я допустить не могла. У меня больше не было сил смотреть, как его грызут внутренние терзания, поэтому я решительно схватила мага за руку и утянула в свою комнату. Он так удивился, что беспрепятственно позволил мне это сделать.

– Расскажи мне, – просто попросила я, глядя ему в лицо, где под глазами залегли чёрные тени. – Не уверена, что смогу помочь, но хотя бы выслушаю.

Какое-то время он рассматривал меня, словно не знал, стоит ли идти на откровенность, а потом мягко высвободил свою руку, которую я продолжала удерживать, и отошёл к окну.

– Сегодня я сделал выбор, который полностью перечёркивает то, чему меня учили с младых ногтей. Я отказался от всего, что считал правильным, изменил тем идеалам, в которые верил, и на это у меня ушло каких-то несколько минут. Я растерян. Не могу это осознать и совершенно не представляю, как с этим дальше жить, – признался он, рассматривая пустынную улицу за окном.

Я подошла ближе и остановилась за его спиной.

– Только благодаря тебе мы до сих пор живы, – тихо сказала я. – Ты не можешь винить себя за это.

– Ты не понимаешь! – он оторвался от оконного стекла и повернулся ко мне. Однако смотрел он куда-то мимо меня, и мне показалось, что он неосознанно развернулся на мой голос, хотя меня вовсе не видел, пребывая в собственных тяжёлых думах. – Элиза, я же не просто убил несколько человек! Не просто нарушил закон и теперь опасаясь справедливой кары! То, что я сделал... – он задумался, подыскивая подходящие слова. – Это как предать всё, во что ты веришь с младенчества! Отмахнуться от всего, что представляло для тебя вечные ценности и непреложные истины! И для меня это настолько очевидно, что я удивлён, как другие этого не заметили! Когда мы приехали в Суррей, я был уверен, что остальные сразу поймут, что я совершил! Был готов, что Дерри сразу прикажет Рыцарям меня схватить, но... Никто ничего не понял. И от этого мне ещё более не по себе. Я не знаю, что должен теперь делать.

Уже не думая ни о каких викторианских приличиях, я молча прижалась к нему. Джеймс не обнял меня в ответ, но и не отстранился.

– И потом, ты знаешь, что такое чёрная магия? Насколько она противоестественна и насколько уродует того, кто её использует?

Я на секунду зажмурилась, думая о том Джеймсе, который остался в двадцать первом веке. Если сейчас он отзывается о чёрной магии с таким отвращением, что же должно с ним произойти, чтобы через сто тридцать лет он сделал её неотъемлемой частью своей жизни?

Ответа на этот вопрос у меня не было. Но то, что ничего хорошего, было совершенно ясно.

– Мне известно, что такое чёрная магия, – наконец негромко произнесла я. – Мне доводилось видеть её последствия... Но ты же использовал её не для обретения могущества! Даже не для спасения только собственной жизни. Ты спас меня! Не твоя вина, что тебе противостоял противник, превосходивший тебя силами...

Он ничего не говорил и не двигался, но мне показалось, что Джеймс слегка пришёл в себя. Не знаю, что ему помогло – мои слова или объятия, но на меня он посмотрел уже более трезвым взглядом. Впрочем, напряжение так и не исчезло, и я заподозрила, что дело было не только в чёрной магии.

– Что ещё тебя тревожит?

Он слабо усмехнулся тому, с какой лёгкостью я догадалась о его мыслях.

– Я разочарован в ковене. Всю жизнь я был абсолютно уверен, что именно мы – маги – умнее всех остальных и живём правильнее всех, с чёткой структурой и организацией, которая поможет нам удачно существовать среди обычных людей. Этим мы в выгодную сторону отличаемся от Путешественников и тёмных, которые вовсе одиночки. Нас с Розмари так с детства воспитывали. Но неужели то, что мы видели сегодня, – правильно?..

Вместо ответа я прижалась к нему крепче. Даже представить не могу, что Джеймс сейчас испытывал – ведь в один день все его убеждения, весь привычный мир оказались разрушены, и приложил к этому руку как он сам, так и люди, которым он доверял.

– А на самом деле у нас точно такая же грызня за власть, как и везде, – продолжил он, и устало махнул рукой. – Ну, ты сама видела – пока Хранителя нет, никаких взвешенных, справедливых решений можно не ждать. Десять человек недавно убили, среди них были два мага нашего ковена – и мы ничего не делаем. С Чарльзом вовсе ничего не будет, и Совет просто закроет глаза на уничтожение целого сообщества – только потому, что Искатели начали нам угрожать, а открыто высказаться за то, чтобы как-то избавиться от них, ни у кого не хватило духа. Полагаю, в глубине души Уильям рад, что именно так всё обернулось... Теперь Чарльз отделался предупреждением, и всю ответственность предстоит нести одной лишь Валери. Я не говорю, что на ней нет вины, но именно ей придётся за всё отвечать только потому, что она стала тёмной. Даже Алан не пожелал ничего исправить, а ведь он всегда был самым мудрым из всех нас...

– Ты не мог ничего поделать, – тихо заметила я. – Мы сделали всё, что было в наших силах.

Он наконец-то взглянул мне в глаза. Тяжёлые мысли словно сделали его старше, и сейчас Джеймс выглядел именно как тот тёмный маг, которого я встретила в две тысячи пятнадцатом. Так с этого всё началось? Как раз об этом он говорил мне, когда сказал, что их взгляды с ковеном «на многие вещи слишком сильно расходятся»?

– Ты не рассказывала обо мне Совету, – вдруг сказал он, пытливо всматриваясь мне в лицо. Я вспомнила, что шляпа так и осталась валяться на полу кареты, что мы стоим слишком близко друг к другу, но отстраняться не стала. Джеймс же был по-прежнему так поглощён своими мыслями, что не замечал моего сходства с пропавшей супругой. А может, он просто настолько ей не интересовался, что даже черты её лица не отложились у него в памяти. – Хотя, обвиняя Валери, ты точно верила, что поступаешь правильно.

Я сразу поняла, о чём он, и мысли об Элизабет Барнс разом вылетели у меня из головы.

– Она убила сто человек просто так, а ты – лишь нескольких, которые всё равно бы погибли, и сделал это, чтобы спасти нас. Не сравнивай себя с Валери!

– Она – одна или вместе с Чарльзом – убила их не просто так, а чтобы уберечь ковен. Чтобы обычные люди не узнали о нас, – возразил он и болезненно поморщился. – Жестоко, но действительно. И чем я получаюсь лучше? Почему ты всё равно заступаешься за меня?

– Не пытайся переубедить меня, – велела я, в волнении запуская руку себе в волосы и запоздало вспоминая, что на мне парик. Пришлось с преувеличенной осторожностью извлекать пальцы обратно. – Там, после взрыва, ты сказал мне, что принял решение – пожертвовать несколькими людьми, чтобы спасти нас. И я тоже приняла решение, как ты и велел, – я не буду осуждать тебя и уж тем более сдавать Совету.

Джеймс схватил меня за подбородок, вынуждая смотреть ему в глаза, и я добавила:

– Ты снова спас мою жизнь сегодня, а я тебя так и не поблагодарила. Спасибо.

Он выдавил из себя горький смешок, но я уже и сама поняла, что, по сути, поблагодарила его за убийство нескольких человек. Решив, что сейчас Джеймс снова уйдёт в самобичевание, я уже хотела что-то сказать, чтобы отвлечь его, но он неожиданно произнёс:

– Понимаю, что после сегодняшнего дня у тебя остались самые неприятные

воспоминания, но... Я рад, что со мной была именно ты. Меня восхищает твоя стойкость – ты не ударилась в слёзы или истерику после взрыва. Ты одна из... Даже нет, ты единственный человек, которому я мог бы это всё рассказать. И ты даже не представляешь, как я счастлив, что в тот день, когда я обыскивал гримёрную Маргарет, ты застала меня на месте преступления.

Против воли я рассмеялась. Джеймс тоже улыбнулся, причём в этот раз улыбка вышла более живой. Маг мягко коснулся ладонью моего лица и продолжал смотреть на меня с такой нежностью, словно я была самой прекрасной и невероятной женщиной на свете. «Сейчас поцелует», – пронеслась в голове шальная мысль, и сердце заколотилось в предвкушении, как сумасшедшее. Но Джеймс внезапно решил повести себя как джентльмен и, насквозь банально и официально, сказал:

– Полагаю, ты очень устала. Спокойной ночи, Элиза.

– С-спокойной, – заикнувшись, попрощалась я. По-моему, глубокое разочарование в моём голосе не расслышал бы только глухой, но Джеймс, напоследок улыбнувшись, скрылся за дверью.

Обидно. Я заперла дверь и уже потянулась к надоевшему парикю, но нетерпеливый стук заставил меня торопливо отдернуть руки. Ну, кто там ещё?

Щёлкнул замок, и на пороге вновь показался Джеймс. И прежде, чем я успела хоть что-то сказать, он стремительно преодолел разделявшее нас расстояние и закрыл мне рот поцелуем. У меня сбилось дыхание, и все мысли сразу же разбежались. Голова стала совершенно пустой, и я лишь обвила шею мага руками и больше ни о чём не думала.

– Ты же, кажется, ушёл, – выдохнула я, когда он меня отпустил.

Дыхание Джеймса сбилось так же, как и моё, и лишь со второй попытки он ответил:

– Не мог упустить момент, когда ты была без этой дурацкой вуали.

На следующее утро я проснулась в самом приподнятом расположении духа. На секунду я даже ужаснулась своему настроению – после всего, что вчера мне довелось пережить, мне следовало испытывать как минимум жёсткий стресс, а то и вовсе переживать посттравматический синдром, но вместо этого в голову лез наш вчерашний поцелуй и признание Джеймса, что я единственный человек, кого он хотел бы видеть рядом с собой в той ситуации. И я была рада, что этот сложный разговор вчера произошёл между нами, и что мне удалось лучше узнать мага.

Утреннюю репетицию я благополучно проспала – после вчерашних приключений организму явно потребовался отдых. Я проснулась в середине дня, неторопливо позавтракала, собралась и обнаружила, что уже пора ехать в театр на очередное представление. Вот только моя шляпа с вуалью после взрыва и пожара пришла в полную негодность, да и осталась в карете Джеймса. Следовало найти ей замену в костюмерной до моего выхода на сцену. С этой мыслью я и отправилась в театр.

Однако, едва переступив порог, я сразу поняла, что в театре снова произошло что-то непредвиденное. До начала спектакля оставался час, и самые ярые поклонники уже дежурили на Друри-Лейн. И хотя большинство составляли почитатели Маргарет, была среди них пара человек, очарованных моим голосом и загадочным образом. Поскольку сейчас на мне была лишь обычная шляпка, я приказала кучеру остановить кэб у чёрного входа, чтобы избежать ненужных встреч.

За кулисами театра царил хаос. Но не обычный, с беготнёй, суетой и скандалами, как я привыкла, а, скорее, с привкусом какой-то явственной тревоги. Актёры лихорадочно переодевались и гримировались, а на лестнице я налетела на Хогарта, который трагически восклицал:

– И что, никто её не видел? Но это же катастрофа! До начала спектакля меньше часа! И у нас даже нет дублёрши!

– Мистер Хогарт, что-то произошло? – поинтересовалась я.

– Дорогая мисс Бетси! – возликовал директор, обернувшись и заметив меня, и

немедленно потянулся за платком. – Я уповаю на то, что вы сможете меня успокоить! Скажите, вы не встречались сегодня с Маргарет?

– Нет, – с удивлением отозвалась я, и Хогарт схватился за голову:

– Да куда же она могла пропасть? У нас выступление, а главная жемчужина нашего театра пропала!

Наверху лестницы показался Гровер с привычной кислой миной на лице.

– Дорогой директор, не драматизируйте. Ваша обожаемая Маргарет наверняка просто позабыла о времени в объятиях виконта Фостера. Впрочем, чего ещё можно было от неё ожидать? – голос его сочился ядом ещё больше, чем обычно: полагаю, ведущий актёр был уязвлён из-за того, что директор назвал «жемчужиной» театра Маргарет, а не его.

– Томми, не завидуй! – донёсся из коридора на втором этаже голос МакКинли, после чего актёр громко икнул: должно быть, как обычно, успел выхлебать бутылку виски прямо перед выступлением.

Гровер весь скривился из-за такой фамильярности, а я, не забыв, как он упрекал меня в исчезновении графини Блэквуд, елеинным тоном осведомилась на всю лестницу:

– Чему именно ему не завидовать, Дугал? Тому, что Маргарет находится в объятиях виконта Фостера?

МакКинли в коридоре оглушительно захохотал, бледное лицо Гровера покрылось неровными красными пятнами. Испепелив меня разъярённым взглядом, в котором я прочитала свой смертный приговор, актёр опрометью бросился вон, а Хогарт страдальчески и даже слегка жалобно воскликнул:

– Господа, неужели для этого сейчас подходящее время? Маргарет! Мне нужна Маргарет!

И убежал дальше.

Я мысленно пожала плечами – в свободное время мы с Маргарет почти не общались, я её едва знала и совершенно не представляла, где её стоило искать – и отправилась в костюмерную. Там миссис Браун помогла мне найти новую шляпку и прикрепить к ней отрез вуали. Пока я вертелась перед зеркалом, в дверях появилась новая фигура – Сара. Беспечно напевая что-то себе под нос, она подпорхнула к помощнице миссис Браун и начала рассказывать ей про какой-то шов на платье, который вроде бы не мешает, а вроде бы и мешает, и неплохо было бы с ним что-то сделать. Поскольку сейчас, прямо перед представлением, было точно не время решать подобные мелкие вопросы, я уточнила:

– Маргарет так и не нашлась?

– Нет, – подтвердила мою мысль актриса. – Хогарт уже отправил к ней домой посыльного, но чёрт его знает, когда он вернётся...

На самом деле это было довольно странно. За всё время, что я выступала, Маргарет, несмотря на все свои причуды театральной примы, к своей работе относилась вполне ответственно, на репетиции почти не опаздывала, а уж о том, чтобы взять и прогулять спектакль, речи вовсе никогда не шло. Может, что-то случилось? Поскользнулась и сломала ногу?

Недалеко от костюмерной я вновь втолкнулась с Хогартом, который спешил к зрительному залу, на ходу бормоча себе под нос:

– И билеты все проданы... Что теперь делать? Может, она ещё появится? Задержать представление на полчаса? Вовсе отменить? Стоит ли вообще её ждать?..

Я только покачала головой и отправилась в свою гримёрную. Теперь придётся задержаться в театре на лишние полчаса-час. Оставалось только надеяться, что Маргарет всё же появится...

В коридоре было уже пусто – все актёры спустились за кулисы – и я сразу ощутила знакомый холод. Чёрт, неужели опять?.. После того, что произошло с Обществом Искателей, острых ощущений хватило мне на несколько лет вперёд, и теперь холод чёрной магии внушал мне сильнейшее отвращение. Захотелось развернуться и убежать, но ноги словно приросли к полу. Помедлив, я достала подаренный Анабелл нож и, держа его перед собой, двинулась по коридору вперёд. Чем больше я продвигалась вперёд, тем холоднее становилось, а у двери моей гримёрной было, как мне показалось, самое холодное место. И почему я совсем не удивлена?..

Осторожно, готовая в любой момент отпрыгнуть в сторону, я нажала на ручку. Дверь открылась без скрипа, я осторожно заглянула внутрь и в тот же миг поняла, что на представление Маргарет не придёт.

Она лежала на полу у туалетного столика. Почему-то все ящики были выдвинуты, а их содержимое – рассыпано по полу, словно в них кто-то копался. Актриса лежала на животе, неестественно вывернув левую руку. На Маргарет был длинный халат из тёмно-красного шёлка, который она обычно надевала перед тем, как ей делали причёску, и поначалу я подумала, что женщина просто потеряла сознание. Но как только я подбежала к ней, мне в нос ударил тяжёлый, густой металлический запах. Присмотревшись, я обнаружила, что красный шёлк теперь выглядел совсем тёмным из-за пропитавшей его насквозь крови.

– Маргарет! – почему-то шёпотом позвала её я. – Ты жива?!

С трудом я перевернула её на спину и отшатнулась назад. Шёлковая ткань распахнулась, и моему взору предстали многочисленные порезы, покрывавшие грудь, руки, ноги Маргарет. Тихо вскрикнув, я торопливо зажала себе рот рукой, и лишь потом осознала, что мои ладони были в крови. От отвращения меня едва не вывернуло наизнанку, и сдержалась я только потому, что меня отвлекло совершенно белое лицо без следа жизни. Рот застыл в крике, глаза распахнуты и с ужасом смотрят в потолок.

Актриса была мертва. И убили её «Серой смертью» – проклятием, которое мне было хорошо знакомо, потому что когда-то я спасла от него Джеймса.

Глава 24

Не могу сказать, сколько времени я там просидела рядом с трупом. На меня напало странное оцепенение – мысленно я говорила себе, что мне стоит убраться оттуда поскорее, но ноги вдруг налились свинцом и отказывались слушаться. И я не знаю, как долго я бы просидела в собственной залитой кровью гримёрной, бессильно прислонившись к стене, но тут снаружи донеслись торопливые приближающиеся шаги, хлопнула дверь, и кто-то влетел внутрь, громко воскликнув:

– Элиза!

А через секунду раздалось:

– О, дьявол меня раздери...

Человек в два шага подошёл ко мне, рывком поднял меня на ноги, развернул к себе, и внезапно я узнала в нём Джеймса.

– Так Эмили не соврала, и ты и в самом деле ходишь на каждое моё выступление? – ни к селу ни к городу выдала я. Голова всё ещё соображала плохо. Джеймс это тоже понял и посмотрел на меня оценивающе.

– Может, дать тебе пощёчину? Или вылить на тебя кувшин воды? – как бы рассуждая сам с собой, предложил он.

– Н-не надо кувшина... – пробормотала я. Сознание, до этого пребывавшее в каких-то далях, вдруг вернулось, и в этот момент я отчётливо поняла, что стою посреди собственной гримёрной, где лежит труп актрисы. Зубы пару раз клацнули, но голова наконец-то начала соображать. – Твою мать...

Джеймс ещё пару секунд рассматривал меня, словно не был уверен, не ударюсь ли я в истерику, но решил, что опасность миновала, и подошёл к телу Маргарет. Присел на корточки, что-то потрогал, а затем наклонился над трупом, изучая раны и насколько не опасаясь испачкать белоснежную рубашку. С каждой секундой он мрачнел всё больше.

– Её убили совсем недавно, – поведаль он. – Тело ещё не остыло. Это чёрная магия, проклятие смертельное. У неё не было шанса выжить.

– Почему она здесь? – растерянно спросила я таким тоном, словно передо мной был Шерлок Холмс собственной персоной. – Зачем её труп притащили именно в мою гримёрную?

Джеймс распрямился и внимательно осмотрелся. Потом косо взглянул на меня, не зная, стоит ли сообщать мне правду, но потом заговорил:

– Её сюда не притащили, а убили прямо здесь. Она вся в крови, но ни в коридоре, ни на пороге кровавых следов нет. А вот тут, у этой стены, её, наоборот, очень много. Нет, она умерла именно здесь.

– Здесь что-то искали, – чужим, будто не своим голосом поделилась я ещё одним открытием и слегка дрожащей рукой указала на вывернутые ящики. Только сейчас я обратила внимание, что и шкаф у противоположной стены, и сундук для одежды, в котором я никогда ничего не хранила, тоже были распахнуты. – Что убийце было здесь нужно?

– Не уверен, что здесь искал убийца... – пробормотал Джеймс, заглядывая в ящики. Затем он подошёл к шкафу, где висела часть моего нового гардероба. Вся одежда была на месте, но выглядела так, словно в ней рылись. – Я по-прежнему склонен думать, что Маргарет была осведомительницей Путешественников. Но если это так, то что она рассчитывала здесь найти? Почему её убили именно здесь?

Да уж, вряд ли мою гримёрную обыскивала именно Маргарет, – подумала я. Если она и в самом деле шпионила для Путешественников, им не было смысла добывать обо мне информацию, потому что Анабелл и так было известно обо мне почти всё. Но в таком случае, за каким чёртом Маргарет принесло сюда, аккуратно перед выступлением?

– Откуда ты здесь взялся? – вдруг удивлённо спросила я, вспомнив ещё одну немаловажную деталь. – Как ты понял, что что-то случилось?

– Очень озабоченный Хогарт вышел на сцену и объявил, что спектакль переносится на полчаса. Потом я ощутил довольно сильный магический выброс, и мы отправились выяснять, что случилось. Уже подбегая сюда, я понял, что источник магии был в твоей гримёрной.

В этот момент одновременно произошло две вещи: в коридоре раздались новые торопливые шаги, а я удивлённо переспросила:

– Погоди, ты сказал «мы»?

На мгновение Джеймс прислушался, а затем переменялся в лице и поспешил к дверям. Дверь гримёрной закрылась, оставляя меня наедине с телом. Я не сразу поняла, что происходит, но всё стало ясно, когда сразу за порогом раздались голоса:

– Тебе не стоит туда входить. Поверь, так будет лучше, – в настойчивом, увещающем голосе я узнала Джеймса, которому ответил другой, резкий и прерывающийся:

– Отойди! Я должен её увидеть!

Раздалась какая-то возня, словно Джеймса решительно отодвинули с дороги, а потом дверь распахнулась, и на пороге показался смертельно бледный Майкл. Цветом лица он сейчас отлично гармонировал с такой же белой, как и у Джеймса, рубашкой. Стремительно сделав два шага, он резко, будто натолкнулся на невидимое препятствие, остановился в метре от своей погибшей возлюбленной, глядя на неё широко раскрытыми глазами, точно не веря до конца в то, что тут произошло. Какое-то время Майкл просто стоял на месте, словно толком не знал, что теперь делать. Потом опустился на колени рядом с трупом и осторожно коснулся рукой безжизненного лица. На его лице застыло потрясённое выражение человека, который не может ни осознать, ни принять случившееся, и видеть это вместо привычного выражения полной уверенности в себе на лице прекрасного принца было жутко. Я вжалась в стену, чувствуя себя совершенно лишним участником этой невероятно тяжёлой сцены. Джеймс шагнул в гримёрную и остановился на пороге.

– Мы должны действовать, – наконец негромко произнёс Джеймс. – Сюда могут зайти в любую минуту. Нельзя оставлять т... – он явно хотел сказать «труп», но спохватился и неловко закончил, – Маргарет здесь.

Майкл медленно кивнул, словно не сразу понял, чего от него хотят. Я была уверена, что способность действовать и принимать решения к нему вернётся нескоро – и всецело ему сочувствовала, потому что даже представить не могла, что маг сейчас испытывал, – но он сделал над собой усилие и глухим, безжизненным тоном приказал:

– Идите. Я всё сделаю.

Я бросила встревоженный взгляд на Джеймса, потому что вовсе не была уверена, что Майкла можно оставлять сейчас одного. Джеймс разделял моё мнение и осторожно произнёс:

– Ты уверен, что тебе не нужна помощь?

– Никаких сомнений, – отозвался тот так же безразлично и отстранённо, а затем вдруг посмотрел мне в лицо, и мне стало страшно от словно неживого взгляда этих тёмных глаз. – Я должен сделать это сам. Уходите.

Было в его тоне что-то такое, что напрочь отбило у нас с Джеймсом охоту возражать, и мы молча вышли, плотно прикрыв за собой дверь. Майклу необходимо было дать время, чтобы вернуть себе самообладание, поверить в случившееся и... попрощаться, и мы не стали ему препятствовать. Джеймс крепко взял меня за руку и повёл вниз, на выход. По пути нам попался заламывающий руки Хогарт, пискнувший, что сегодняшнее представление отменяется, но мы едва взглянули в его сторону. Не обращая внимания ни на кого из аристократов, покидавших театр с лицами недоумёнными и недовольными, мы вышли на улицу, и Джеймс довёл меня до своей кареты. По пути с ним поздоровался кто-то из знакомых, на что он отвечал с неизменной равнодушной любезностью.

Разумеется, знатные дамы глазели на меня всюду, стараясь делать это не слишком заметно и яростно перешёптываясь между собой, но мы даже не взглянули в их сторону. У меня мелькнуло отдалённое сожаление, что в это время ещё не изобрели тёмных очков, поскольку выражение моего лица вряд ли было спокойным и невозмутимым, но тут же пропало. Джеймс уже привычным жестом помог мне сесть в экипаж, и мы тронулись.

– Майкл переместит тело, чтобы убийство невозможно было связать ни с тобой, ни с ковром, – сообщил Джеймс, когда мы отъехали от театра. – Думаю, он сделает так, чтобы смерть Маргарет выглядела несчастным случаем.

– Ты думаешь, можно было оставлять его сейчас одного? – осторожно уточнила я.

Он на секунду запнулся, а потом задумчиво сказал:

– Майкл справится с этим. Не хочу выглядеть в твоих глазах законченным циником, но не думаю, что он по-настоящему любил Маргарет. Он был ею увлечён, несомненно, и был к ней весьма сильно привязан, но не настолько, чтобы не суметь пережить её смерть. Он всё сделает правильно.

Я промолчала, поскольку ответить мне было нечего. Джеймс, конечно, хорошо знает своего лучшего друга, и ему виднее, как переживёт Майкл эту потерю. А Маргарет... Мне было жаль её. Я не успела узнать её близко, и уж тем более мы не были подругами, но она производила впечатление вполне разумного, здравомыслящего человека (разумеется, кроме тех случаев, когда она устраивала скандалы, чтобы настроиться на спектакль). Кто мог убить её? И неужели она и в самом деле была тем самым осведомителем Путешественников, которого хотели вычислить Винсент и Анабелл?

– А куда мы едем? – спохватилась я, внезапно осознав, что нужную улицу с моей гостиницей мы давно проехали и теперь двигались в совсем неизвестном направлении.

– Я не уверен, что целью убийцы была не ты, – вдруг отрывисто ответил Джеймс, и я заметила, как побелели его пальцы, когда он сжал руки в кулаки. – Я не могу отпустить тебя сегодня одну. Останешься на ночь у меня.

Я молча воззрилась на него, переваривая это известие, и маг под моим выразительным взглядом счёл нужным пояснить:

– У меня в доме тебе ничего не будет грозить. Мнение окружающих, как и то, что они будут говорить, тебя вроде и раньше не слишком беспокоило, но зато я точно буду знать, что этой ночью тебя не убьют.

– Ночёвку в доме у женатого мужчины я уж как-нибудь переживу, – со вздохом сказала я, поскольку условности и правила приличия в данный момент были последним, что меня тревожило. – Почему ты думаешь, что убить хотели меня?

– Потому, что актрису убили в твоей гримёрной. На то, чтобы наслать проклятие, много времени не надо. Если она была там, убийца мог решить, что это ты, проклясть и скрыться, особо не всматриваясь.

Предположение, что целью нападающего была именно я, мне удалось принять на удивление спокойно – возможно потому, что за последний месяц меня пытались убить так часто, что я сбилась со счёта. Но возражать не стала, и остаток поездки прошёл в тишине. Каждый был погружён в свои мысли. Я размышляла, что на самом деле Маргарет могла делать в моей гримёрной. Джеймс же выглядел сосредоточенным и напряжённо над чем-то раздумывал. Вид у него был какой угодно, только не спокойный, и я невольно задалась вопросом, что за нелёгкие думы его одолевали.

Карета остановилась у двухэтажного особняка. Названия улицы я не разглядела, но это был один из благополучных районов Лондона, где жила знать. До недавнего времени, будучи мисс Барнс, я жила примерно в таком же. В доме я постаралась выглядеть спокойной и незаинтересованной, хотя мне до смерти хотелось узнать, как жил Джеймс, какая обстановка его окружала ежедневно. Материализовавшемся из воздуха дворецкому Джеймс отрекомендовал меня как свою гостью и велел подготовить гостевую спальню. Я исподтишка рассматривала картины и скульптуры в холле, а

Джеймс смотрел на эту музейную обстановку как на нечто совершенно обыденное.

– Пойдём, я провожу тебя, – он протянул мне руку, но в этот самый момент высокие двери сбоку распахнулись, и перед нами появилась Розмари. Сегодня на ней не было ни украшений, ни дополнительных изысков в одежде, и выглядела она так, будто её только что оторвали от чисто домашнего досуга.

– Джеймс? Ты рано. Неужели спектакль закончился так бы... – тут она осеклась, заметив меня, и в тот момент мне было отчётливо понятно, что моё появление подействовало на неё, как красная тряпка на быка. Сперва она даже произнести ничего не могла от возмущения, только беззвучно хватала ртом воздух, как вытщенная на сушу рыба.

– Что... Что она здесь делает?! – сказано это было с таким трагизмом в голосе, будто я разгуливала по её дому в чём мать родила. – Зачем ты притащил её сюда?

– Роуз...

– Нет, объясни мне! Ты уже совсем ни во что не ставишь общепринятые нормы, раз привёл свою любовницу...

– Розмари! – теперь Джеймс говорил с такой сталью в голосе, что его сестра осеклась и посмотрела на него слегка испуганно. – Сделай одолжение, оставь свой тон для прислуги! Потом ты выскажешь мне своё недовольство, и мы всё обсудим, но давай не сейчас, хорошо? И ещё, скоро сюда приедет Майкл, которому твоё возмущение будет сегодня слегка не кстати.

До этого я мысленно поражалась, пытаюсь сравнить ту спокойную и уравновешенную Розмари, которую знала в двадцать первом веке, и эту женщину, помешанную на правилах приличия. Но после последних слов Джеймса она вдруг посерьёзнела.

– Что-то случилось? – проникательно спросила она совершенно нормальным тоном, нахмурившись. – Вас двоих опять кто-то попытался убить?

– Не двоих, а только Элизу. Возможно, – Джеймс мягко потянул меня в сторону лестницы. – Но вместо неё убили Маргарет Уилфред. Так что будь добра, когда придёт Майкл, изобрази сочувствие, ладно?

И не дожидаясь реакции ошеломлённой Розмари, он увёл меня на второй этаж. Две горничные сделали книксены при виде хозяина, но больше там никого не было.

– Извини меня за это, – хмуро сказал он. – Розмари на самом деле хороший человек. Но из-за Майкла...

– Я поняла, что она ревнует его к Маргарет, – спокойно сообщила я. – И поэтому она ненавидит всех актрис на планете?

– Именно так. Несколько лет назад он собирался сделать ей предложение, да и сама Роуз была безумно в него влюблена, а потом он побывал на спектакле, где главную роль исполняла тогда ещё начинающая актриса Маргарет Уилфред, и позабыл обо всём на свете. Вот Роуз и злится, поскольку до сих пор не может выбросить его из головы...

– Майкл ведь старше её? – поинтересовалась я, пытаюсь вспомнить их возраст. Точные цифры на ум сейчас не приходили, хотя маги их когда-то мне называли.

– Да, – коротко ответил он. Я быстро взглянула на него и, не удержавшись, спросила:

– Сколько тебе лет?

– Двадцать пять.

– В смысле, тебе и в самом деле столько, или ты просто начал продлевать молодость в этом возрасте?

– Я начинаю бояться Искателей, – пробормотал он, глядя на меня во все глаза. – Откуда им столько известно о нас?.. Нет, мне на самом деле двадцать пять. К чарам, продлевающим жизнь, я ещё ни разу не прибегал.

Ну, на самом деле никакой особой заслуги Искателей в этом нет, потому что Розмари и Майкл сами рассказали мне об их долголетьи. Но сообщать это вслух было необязательно.

– Значит, мы почти ровесники, – заметила я слегка удивлённо. – Мне в моём времени было двадцать четыре. Но раз тебе всего двадцать пять, то где ваши с Розмари родители? Они ведь тоже маги, верно?

– Верно. Но их уже давно нет. Продление жизни при помощи чар, конечно, неплохо, но это не спасёт от несчастного случая.

– Прости меня, – с раскаянием произнесла я. – Я не хотела...

– У нас с Роуз было время справиться с потерей. Не извиняйся.

За разговором мы незаметно подошли к одной из дверей – единственной в пределах видимости, которая была открыта. Те самые горничные, которых я уже видела, вовсю готовили комнату к приёму гостя – тихо потрескивали дрова в камине, постель была расстелена, на столе стоял кувшин для умывания. При нашем появлении две девушки встали рядом в ожидании дальнейших распоряжений. Обе глазели на меня с огромным любопытством. Чёртовы нравы девятнадцатого века, где появление незнакомого человека в доме не может обойтись без массы обсуждений...

– Располагайся, – обратился ко мне Джеймс. – Чувствуй себя как дома. Летти, Энни, исполняйте все распоряжения Элизы.

На прощание он улыбнулся мне и скрылся за дверью. Горничные продолжали стоять стойкими оловянными солдатиками, ожидая моих немедленных приказаний, так что мне даже стало не по себе от такой исполнительности. Отпустив их, я прошлась по комнате, рассматривая спальню, а потом сняла шляпу и подошла к зеркалу.

На моей внешности сегодняшние приключения никак не отразились. На руках обнаружилось несколько пятен крови. Ещё одно пятнышко было на подбородке – должно быть, испачкалась, когда прижала ладонь ко рту. Я с удовольствием умылась, стёрла кровь и поправила парик. Больше никак «располагаться» я не могла по той причине, что все мои вещи остались в гостинице. При себе у меня была только сумочка, где лежали деньги и «Знак равных», который я продолжала всё время таскать с собой. Кстати, надеюсь, что прислуга здесь не имеет привычки шарить по чужим вещам, а то неловко получится, если артефакт кто-нибудь найдёт.

Водрузив на место шляпу, я решила немного пройтись. Вообще забавно было думать, что чисто номинально хозяйкой этого дома была уже я. В коридоре было пусто, и я дошла до какой-то гостиной. Рассматривая старинную мебель, которую в нашем двадцать первом веке можно было увидеть только в музее, я в который раз удивлялась, как люди могли считать подобную обстановку совершенно обычной и не замечать её вычурности. Проведя рукой по мягкой обивке дивана, я подошла к резному бюро у окна, когда в коридоре раздались шаги и голоса, звучавшие на повышенных тонах. Прежде, чем я успела сообразить, что творю, я метнулась в нишу, в которой стояла кадка с каким-то экзотическим растением. Угнездившись за ней, я только в этот момент задалась вопросом, какого чёрта я сюда полезла. Ведь именно теперь я выглядела как классический грабитель, застигнутый на месте преступления, или тот, кто решил подслушать...

– Как ты вообще мог подумать, что я обрадуюсь смерти Маргарет? – узнав голос Розмари, в котором теперь отчётливо сквозила обида, я только обречённо прикрыла глаза. Ну всё, если меня здесь обнаружат, сестрица Джеймса меня собственными руками в окно выбросит. Небезосновательно, кстати.

– Я так не думал, Роуз, – отозвался Джеймс откуда-то из коридора. Судя по голосам, они остановились в двух шагах от гостиной. – Я просто точно знаю, что меньше всего Майклу в ближайшее время будут нужны твои уколы.

Пару секунд она молчала, а потом негромко продолжила:

– Я понимаю. Но объясни мне, зачем ты привёз эту Элизу сюда? Что подумают соседи?

Прислуга будет болтать...

- Пускай болтает, - незамедлительно последовал совершенно равнодушный ответ.

- Нет, ты невыносим. Ты же женатый человек! Ладно, любовницы есть почти у всех женатых, но тебе не кажется, что привести её домой, когда твоя жена находится неизвестно где, как-то переходит все границы?! Кстати, я вообще удивляюсь, как ты с таким отношением к окружающим до сих пор не бросил её поиски.

- Я найду её, - на этот раз голос Джеймса звучал очень твёрдо, что было неожиданно. - Теперь я в любом случае должен это сделать. Иначе я с ней не разведусь.

Последовала пауза. Я ожидала очередного всплеска негодования, но Розмари спросила вполне миролюбиво:

- А без этого не обойтись? Мы, конечно, с самого начала знали, что этот брак - чистая фикция, но ты не мог бы немного подождать с разводом? Хотя бы пока не стихнут толки об исчезновении новой графини и о том, что ты открыто выставляешь связь с этой актрисой?

- Не обойтись, - возразил Джеймс. - Только разведясь с женой, я смогу сделать предложение Элизе.

Я в этот момент просто села на пол. Платье зашуршало, а кадка сдвинулась с места, как мне показалось, с оглушительным скрипом, но Розмари ахнула так громко, что посторонний звук никто не услышал.

- Так вот что ты задумал? - потрясённо выдохнула она. - Ты хочешь на ней жениться?!

- Не драматизируй раньше времени, - хмыкнул её брат. - Я пока ей ничего не говорил. Может, она ещё откажется...

- Как же! - презрительно усмехнулась Розмари. - Чтобы актриса отказалась стать графиней?.. Джеймс, прошу тебя, подумай об этом серьёзно! Ладно, чёрт с тем, что она безродная, - у меня приподнялись брови. Видимо, Розмари и впрямь расстроилась, раз начала чертыхаться... - Но она Искательница, Джеймс! И к тому же она не маг! Ведь у ваших детей может и не быть магических способностей!

- Поживём - увидим, - легкомысленно отозвался тот. - И потом, Элиза - Путешественница во времени. Кто знает, какими способностями она на самом деле обладает?

Я не столько увидела, сколько почувствовала, как Розмари укоризненно покачала головой. Мысленно я поражалась - она даже не пыталась вновь окатить брата потоком возмущения или пытаться переубедить его. Знала, что это совершенно бесполезно?..

- Я бы не хотела проверять это на собственном опыте, - угрюмо сказала она. - И посмотри на Эмили. Каково ей в нашем мире? Ей всё известно о магах, о ковене, но сама она не способна даже на простейшие чары, и наши законы не распространяются на неё! Каково будет вашим детям, которые сами не будут знать, к какому миру они относятся?

- Тем не менее, Алан любит её и очень сильно любил её мать, хотя она и была обычным человеком, - напомнил Джеймс. Я жадно слушала, не ожидая подобного открытия.

- И чем это для неё закончилось? - как-то грустно сказала Розмари, а потом тяжело вздохнула. - Не мне тебя переубеждать. Всё равно смысла в этом никакого нет, и ты всё сделаешь по-своему. Но я прошу тебя ещё раз всё обдумать.

По тихому шелесту платья я поняла, что она ушла. Джеймс ещё несколько секунд помедлил, а потом до меня донеслись удаляющиеся шаги, и всё стихло.

Глава 25

В свою комнату я вернулась без приключений, закрыла за собой дверь и присела на край кровати. Возбуждение от испуга, что меня в любую секунду могут застукать за подслушиванием, понемногу спадало, и на первый план постепенно выходило новое чувство – счастье, смешанное с радостным волнением.

Он и в самом деле... хочет жениться на мне? Я так дорога ему, что его не волнует мнение ни ковена, ни всего высшего света?

Да, маги в две тысячи пятнадцатом году упоминали, что у Джеймса была одна-единственная любовь, и, учитывая обстоятельства, можно прийти к выводу, что этой любовью была именно я. Но одно дело – просто помнить слова Розмари, и совсем другое – переживать всё на самом деле...

Когда ко мне позже постучалась горничная с вопросом, где я желаю поужинать, я изо всех сил постаралась изобразить спокойное и нейтральное выражение лица и попросила ужин в комнату. Общаться с Розмари, которая теперь наверняка ненавидит меня в десять раз больше, чем полчаса назад, не было никаких сил. Моё отсутствие вряд ли сильно кого-то удивит, ведь Джеймс наверняка пересказал обстоятельства, при которых мы нашли труп Маргарет. Горничная заверила меня, что это более чем возможно, и вскоре принесла мне поднос со снедью.

Впрочем, одиночество за ужином мне не грозило: вскоре ко мне постучался Джеймс. Сообщил, что он, чёрт возьми, голоден, и устроился с другой стороны подноса. Выглядел он вполне спокойно, ничто в его облике, ни единое слово, ни жест не напоминало о том разговоре с сестрой, но я не чувствовала себя задетой. Наоборот, как это ни парадоксально – учитывая смерть Маргарет – это оказался, наверное, мой лучший вечер за всё то время, что я была здесь, в девятнадцатом веке. Мы просидели довольно долго, болтая на самые разные темы, и это был первый раз, когда мы просто разговаривали, не обсуждая наши текущие проблемы и позволив себе отвлечься. Когда время было уже далеко за полночь, посерьёзневший Джеймс пожелал мне доброй ночи и отправился вниз, чтобы составить компанию Майклу и поддержать его в трудную для него минуту.

Утром я отправилась в столовую на завтрак. Буду откровенна, я бы предпочла позавтракать в одиночестве, чтобы привлекать как можно меньше внимания к моему странному облику с вуалью, но капризничать я не стала и отправилась к лестнице. Ещё с балюстрады второго этажа я заметила Майкла, сидевшего в одиночестве в холле. Он сидел на диване, ссутулившись, поставив локти на колени, и вид у него был угрюмый, хотя следов длительных возлияний или бессонной ночи я не заметила. Сегодня красавец-мужчина был бледен, на щеках пробилась щетина, а костюм был слегка помят, но в целом Майкл не очень походил на убитого горем человека. Я уже хотела ступить на лестницу и дать о себе знать, но тут в дверях гостиной внизу показалась Розмари. С утра она была одета более тщательно, чем вчера при нашем появлении, но платье на ней было приглушённых тонов, как подобало случаю. В холл она вошла торопливым шагом – будто спешила по своим делам – но при виде Майкла затормозила, и на её красивом лице появилось неуверенное выражение, словно она плохо представляла, как стоит теперь себя вести.

– Я могу что-нибудь для вас сделать? – наконец нерешительно спросила она совершенно нормальным человеческим тоном. Сейчас она была так сильно похожа на ту Розмари, которую я знала в своё время, что я невольно улыбнулась. Возможно, именно с этого момента их отношения начнут улучшаться и придут к тем, которые связывали их в моём времени?

Майкл нашёл в себе силы выдавить в ответ улыбку.

– Спасибо, Розмари. Но я так не думаю.

Она ещё немного помялась на пороге, а потом подошла ближе и села на стул рядом.

– Мне жаль, что так вышло. Действительно жаль.

Майкл приподнял голову и посмотрел на неё. Розмари под его взглядом стушевалась и сбивчиво договорила:

– Я знаю, знаю, как это выглядит со стороны! И понимаю, что моё сочувствие вам совершенно не нужно, но я не могу промолчать! Я в самом деле никогда не желала такого ни ей, ни вам! Мне жаль, что вам довелось это пере...

– Я не любил Маргарет по-настоящему, – бесцветным голосом отозвался Майкл, и Розмари осеклась. – Я был к ней привязан, это верно, и её смерти я не ожидал, но я смогу с этим справиться. Рано или поздно.

А Джеймс, выходит, всё с самого начала понял правильно... Впрочем, неудивительно – не зря же они с Майклом в этом времени лучшие друзья.

– Теперь же, – продолжил тот, поднимаясь на ноги, – я должен вплотную заняться поисками этого тёмного мага. Но для начала мне стоит слегка привести себя в порядок...

Сейчас он производил впечатление уже вполне вменяемого и взявшего себя в руки человека. Заметила это и Розмари, которая поднялась следом за ним.

– Будете завтракать? – просто спросила она. – Стол уже накрыли, осталось дожидаться только Джеймса и его новоиспечённую невесту...

– Даже так? – слабо удивился Майкл. Мыслями он явно был ещё далеко отсюда. – С первой женой не сложилось, и он уже себе новую подыскал?

Заметила это и Розмари, но не стала развивать тему, а лишь пожала плечами.

– Кроме своей Элизы, он, по-моему, сейчас больше вообще ни о чём не думает...

Розмари явно хотела добавить что-нибудь ещё на тему актрис, которые только и знают, что портить жизнь нормальным людям, но в последний момент прикусила язык. К счастью, Майкл ничего не заметил, вскоре откланялся и отправился в свою комнату. Сообразив, что сейчас он будет подниматься по лестнице, я наконец-то вышла из тени и дружелюбно с ним поздоровалась. Моё появление выглядело вполне естественным, и он не заподозрил, что я их подслушивала. Приветственно кивнув мне, Майкл исчез в глубине дома, а я направилась вниз, под грозные очи Розмари.

Вопреки опасениям, завтрак прошёл вполне мирно. Майкл вернулся вместе с Джеймсом. Прекрасный принц по-прежнему оставался хмур и неразговорчив, Розмари была гораздо больше занята им, и умудрялась оставаться обходительной хозяйкой, не переступая грань назойливости и навязчивости. Один-единственный раз – когда мы только сидели за стол – она вперила в меня испытующий взгляд. Что послужило его причиной, я поняла, как только увидела ряды столовых приборов перед собой – не настолько длинные и многочисленные, как на званом обеде, но всё же. Но я была вынуждена разочаровать её, и произнесла мысленную благодарность Анабелл, которая потратила столько времени, чтобы обучить меня. После этого Розмари переключилась на Майкла, и мы с Джеймсом могли спокойно общаться.

После завтрака я собиралась вернуться в гостиницу, но прежде чем я успела попросить Джеймса предоставить мне экипаж, в столовую вошёл дворецкий и с поклоном вручил Джеймсу запечатанный конверт. Тот сломал печать, быстро пробежал письмо глазами и нахмурился.

– Это от Алана. Говорит, что у него важное дело. Он заедет в ближайшее время и просит никого не разбегаться сразу после завтрака...

После этого уезжать мне расхотелось. Конечно, была вероятность, что маги сами выставят меня за дверь, чтобы не посвящать в дела ковена, но я сильно сомневалась, что Джеймс им это позволит. Так что просьбу отвезти меня в гостиницу я временно отложила, а вскоре после завтрака и впрямь явился Маршалл. В дом он шагнул привычным бодрым, решительным шагом, громогласно поздоровался со всеми присутствующими, с какой-то молодецкой удалью поклонился мне, но затем увидел Майкла, разом сделав строгое и печальное лицо. Понятно, он о случившемся с Маргарет уже знает. Следом за отцом показалась Эмили, которая тепло поздоровалась со всеми остальными, радостно удивилась, увидев меня, а затем подошла к Майклу и участливо выразила ему свои соболезнования. Вероятнее всего, по местным правилам выражать сочувствие по поводу смерти любовницы было совершенно некомильфо, но у магов,

похоже, действовали несколько иные законы.

Ни Джеймс, ни Розмари даже не стали специально приглашать всех в гостиную: прочие маги явно чувствовали себя здесь, как дома, и вся компания плавно переместилась из холла, будто сама собой. Я последовала за ними. Розмари недовольно зыркнула в мою сторону, но мужчины восприняли моё присутствие как должное, и она смирилась. Эмили непринуждённо расположилась на стуле у окна – значит, она была в курсе всех дел ковена, хотя сама, как я вчера подслушала, магом не являлась.

– У меня необычные новости, – поведал Алан, с удовольствием перекачивая в руке бокал поданного ему бренди. – Этим утром Уильям получил письмо от лидера Путешественников, адресованное всему Совету. Он сообщает, что совершённое жертвоприношение очень обеспокоило всех Путешественников и требует, чтобы мы взяли ситуацию в свои руки. По его словам, мы проморгали тёмного мага в его убежище под театром и теперь должны найти его. В противном случае Путешественники... – тут Алан выразительно скривился, – предпримут меры.

– Они нам угрожают? – поразился Джеймс.

– Именно так. Но и это ещё не всё. Они назначили нам сегодня ночью встречу, чтобы обсудить дальнейшие шаги. Ведут себя так, словно они агнцы божьи... – по лицу Маршалла пробежала плохо скрываемая гримаса отвращения. В глазах Розмари отчётливо промелькнуло сочувствие, а Эмили поднялась на ноги, подошла к отцу и успокаивающе положила ему руку на плечо. Лицо мага чуть-чуть оттаяло, а мне вспомнилось, что Розмари рассказывала, что у Алана уже был определённый опыт общения с Путешественниками, и что ничем хорошим он не закончился.

– Что решил Совет? – наконец спросил Майкл.

– Решили, что встреча должна пройти, – Алан презрительно усмехнулся. – Ума не приложу, как мы будем с ними до чего-то договариваться... Но, собственно, именно поэтому я здесь. Нам нужна делегация магов, действующая от имени ковена. Я буду представлять Совет и буду очень рад, если вы присоединитесь.

– Алан, мы знаем, что тебе это нелегко, – дрогнувшим голосом начала Розмари. – Неужели никто другой из Совета не может...

– Я сам вызвался, Розмари, – перебил Маршалл, и тепло ей улыбнулся. – Я очень ценю твою заботу. Но я должен сам этим заняться.

Повисла тяжёлая тишина, в которой звучали отголоски каких-то прошлых трагических событий, о которых я ничего не знала.

– Откуда им вообще стало известно о наших... приключениях в подвалах театра? – вдруг озадаченно спросил Джеймс.

Я нервно вздрогнула, потому что именно я рассказала Анабелл о той нашей вылазке во всех подробностях, однако Алан только презрительно махнул рукой:

– Мало ли у них шпионов во всех местах, где бываем мы...

Но тут вмешался Майкл. Тусклым, невыразительным голосом, словно разговаривая сам с собой, он сообщил:

– Это Маргарет. Она и в самом деле шпионила для Путешественников. Я... довольно свободно говорил при ней о ковене, о наших делах. Не мог представить, чтобы она пересказывала услышанное другим. Но вчера, когда я перенёс... её из гримёрной мисс Элизы, я был в её собственной и нашёл там подтверждение того, что она была со мной не вполне искренна. Ты был прав.

Последние слова адресовались Джеймсу.

Последовало новое продолжительно молчание. Розмари переглянулась с братом, причём её взгляд показался мне каким-то беспомощным.

Джеймс же понял, что это не тот случай, когда нужно выражать сочувствие, и деловым

тоном спросил Алана:

– Где и во сколько пройдет встреча?

– В Вестминстерском Аббатстве. В одиннадцать вечера. Так вы...

– Ну конечно, пойдём, – подтвердил Джеймс. – Розмари? Майкл?

– Пойду, – хором ответили они.

Я решила напомнить о своём существовании:

– Я тоже могу пойти.

Розмари саркастически усмехнулась, Джеймс, на которого я в тот момент смотрела, дожидаясь главным образом его реакции, отрицательно покачал головой, а Алан и Эмили понимающе улыбнулись, и сходство между ними в этот момент было неоспоримо.

– Ваша смелость и готовность помочь похвальны, Элиза. И вы очень напоминаете этим мою дочь, которая тоже всё время рвётся мне на помощь, – Маршалл с любовью улыбнулся Эмили. – Но Путешественники слишком непредсказуемы, и никто не может заранее предугадать, чем закончится встреча с ними, – на последних словах по лицу Алана пробежала тень. – Мы четверо способны за себя постоять, в отличие от вас, не обладающих магическими способностями.

Эмили разочарованно вздохнула, но спорить не стала – должно быть, знала, что это бесполезно. Джеймс сделал очень выразительное лицо и даже руки скрестил на груди, давая понять, что переубедить его мне не удастся. Я только вздохнула. Написать что ли записку Анабелл, с вопросом, какого чёрта задумали Путешественники?..

После этого Алан констатировал, что им необходим подробный план аббатства, чтобы продумать максимально удобные позиции для переговоров, а также найти пути отступления, если решить проблему мирным путём не удастся. Раздобыть где-то план Вестминстера вызвался Майкл и вскоре отбыл, а Джеймс, воспользовавшись возникшей паузой в обсуждении, решил отвезти меня в гостиницу. Отец и дочь Маршаллы тепло попрощались со мной – Эмили тоже собиралась сейчас отправиться домой – и я даже удостоилась милостивого кивка от Розмари, а затем мы с Джеймсом вышли на улицу. Порывистый ветер бросил мне в лицо пригоршню какой-то мелкой неприятной мороси, которую даже вуаль не остановила, и я только вздохнула. Когда мы уже остановим этого тёмного мага, чтобы погода наконец-то стала более нормальной?..

Карета равномерно покачивалась на булыжной мостовой, и обстановка располагала к откровенным разговорам. Но я большей частью испытывала в этот момент нервное волнение, которое толком не могла объяснить. Конечно, у Путешественников было предостаточно тараканов в голове, как, кстати, и у магов, но обычные переговоры вряд ли бы привели к каким-то плачевным результатам. Но ведь что-то наверняка может пойти не так? Я некоторое время обдумывала, с какого вопроса начать, и выбрала первым тот, который меня заинтересовал ещё в моём времени:

– Почему Алан так тяжело воспринимает одно лишь упоминание Путешественников?

Джеймс быстро взглянул на меня, но всё же ответил:

– Они убили его жену, мать Эмили. Она не была одной из нас, но он всё равно её любил и женился на ней. Эмили родилась без магических способностей, и Алан тогда отказался от продления молодости – сказал, что не хочет пережить свою семью. Потом, лет пятнадцать назад, у нас был конфликт с Путешественниками – мы с Роуз были слишком юны, чтобы в нём участвовать – и один из Путешественников вселился в леди Маршалл. Знаешь, это удобно – чтобы шантажировать кого-то. Вселиться в близкого ему человека и угрожать убить его. Путешественник при этом успеет вернуться в своё изначальное тело, а человек уже погибнет... И с женой Алана тоже такое произошло. С тех пор он сам воспитывает Эмили и на дух не переносит Путешественников. Не могу сказать, что осуждаю его за это...

– Да уж, – ошеломлённо выдохнула я, не ожидая настолько трагической истории. Да Алан ещё отлично держится – я бы на его месте просто теряла над собой контроль, как

только кто-то из Путешественников оказывался в поле моего зрения. Боже мой, Анабелл, как вы можете идти на столь жестокие меры, чтобы убивать людей, которые вовсе не имеют отношения к магии?

– Ты уверен, что тебе не понадобится моя помощь? – наконец спросила я, справившись с собой и возвращаясь к делам насущным.

– Уверен, – произнёс он тем же тоном, которым вчера осадил Розмари, когда она попыталась оскорбить меня, и я удивлённо воззрилась на мага. Он встретил мой взгляд с совершенно непробиваемым видом и явно был готов стоять до последнего, если я начну уговаривать. Такая решительность меня слегка огорошила, и я вопросительно приподняла брови, ожидая объяснений. Джеймс вздохнул и на секунду прикрыл глаза.

– Знаешь, вчера в театре, когда я понял, что что-то произошло, я вылетел из ложи и побежал в твою гримёрную быстрее, чем осознал, что именно делаю. Майкл так толком и не понял, что случилось, а я уже был на полпути к тебе. И в тот момент, когда я подходил к твоей гримёрной и по магическому возмущению чувствовал, что что-то непоправимое уже произошло, я представил себе самое худшее. Несколько секунд был уверен, что сейчас открою дверь и увижу тебя там, на полу, в луже крови. И должен сказать, что это были самые худшие мгновения в моей жизни.

После этих слов моё сердце взволнованно дрогнуло, а он продолжил таким тоном, словно мысленно махнул на всё рукой и решил сказать вслух то, что пока произносить не собирался:

– Я не могу тебя потерять. Не могу даже представить, что в тебя вселился кто-то из Путешественников и угрожал убить, только чтобы добиться от меня каких-то определённых действий. Я должен всеми силами защитить самое важное, что есть в моей жизни, – тебя.

Это было не совсем признание в любви, но настолько близко к нему, что я слушала, приоткрыв рот. Ущипните меня, я не верю, что этот маг, мыслями о котором я одержима последние месяцы, и в самом деле мне это сказал...

– Так что нет, Элиза, – закончил он, вновь возвращаясь к твёрдому, бескомпромиссному тону. – Я не хочу, чтобы ты участвовала во всём этом.

Спорить было бессмысленно, и я только кивнула. Это было невероятно эгоистично, но думать я теперь могла только об одном.

– Значит, я – самое важное, что есть в твоей жизни? – вкрадчиво спросила я, сама прекрасно чувствуя, что кокетничать у меня не получается.

Джеймс улыбнулся.

– Мы это обязательно обсудим, – пообещал он, – сразу после встречи с Путешественниками. Собственно, у меня был к тебе серьёзный разговор. Мы обязательно вернёмся к нему в ближайшее время.

Неужели он сделает мне предложение, как и говорила Розмари? Внутри меня что-то сладко замерло. Да, я прекрасно помнила, что мы и так были женаты с формальной точки зрения, но ведь это было бы так потрясающе – услышать признание, адресованное именно мне именно потому, что он любит меня!

«Ага, спустись с небес на землю, идиотка, – раздражённо посоветовал внутренний голос. – Посмотрим, как ты запоёшь, когда вся правда о тебе наконец-то выплывет наружу. Ты уверена, что Джеймс сохранит нежные чувства к той, которая так открыто лгала и вела двойную жизнь?»

Отвечать на этот вопрос мне совершенно не хотелось...

Глава 26

Джеймс вскоре уехал, и я осталась одна. День тянулся невыносимо медленно, знакомая комната казалась невероятно тесной, и я не находила себе места; всё во мне кричало, что я не могу остаться в стороне, когда происходит что-то очень важное. Во мне словно боролись два разных человека – один твердил, что я должна остаться в гостинице и не покидать её, как и просил Джеймс, а другая упорно нащёптывала – но не может же быть такого, что, если я приду, Путешественники сделают попытку вселиться в меня и убить?.. Ведь мы с Анабелл смогли найти общий язык и расстались на вполне дружественной ноте. Или это было только потому, что на тот момент я была ей полезна? А сейчас я превращаюсь в помеху, которую Анабелл отшвырнёт с дороги, не моргнув и глазом?

Подобные мысли занимали меня ещё долго, и, когда за окном уже стемнело, я пришла к окончательному решению остаться. Пожалуй, раз в жизни можно прислушаться к голосу рассудка и не бежать без оглядки навстречу опасностям...

Но едва я пришла к такому правильному, разумному выводу, как в мою дверь неожиданно постучали. Я разом насторожилась и невольно положила ладонь на рукоять подаренного Анабелл кинжала. Кто это? Джеймс вместе с другими магами, которые относятся ко мне, в общем-то, дружелюбно, едут на встречу с Путешественниками. Анабелл наверняка будет там же. Тёмный маг пришёл закончить начатое и наконец-то добить меня? Но, подкравшись вплотную к двери, я не почувствовала знакомого холода чёрной магии. А кто ещё мог заглянуть ко мне на огонёк?..

– Кто там?

– Мисс Элиза, это я, – я изумлённо уставилась на дверь, будучи в абсолютной уверенности, что у меня начались слуховые галлюцинации. – Это Эмили Маршалл, откройте, прошу вас!

Всё ещё ничего не понимая, я опустила кинжал и отодвинула засов. На пороге и впрямь обнаружилась Эмили – бледная, встревоженная, в волнении кусающая губы. Я огляделась по сторонам, ожидая, что откуда-нибудь из-за угла появится компаньонка или ещё какое-нибудь сопровождение, но девушка явно прибыла одна. На ней был бесформенный тёмный плащ, под которым было не видно ни фигуры, ни одежды, с большим капюшоном, наверняка скрывавшим всё лицо девушки. Сейчас она его сняла.

– Прошу простить меня за вторжение без приглашения, – выпалила она, глядя на меня со странной смесью беспокойства и надежды. – Но я должна с вами поговорить!

– Леди Маршалл, прошу вас, проходите, – я наконец-то отмерла, сообразив, что девушка здорово рисковала своей репутацией и добрым именем, появившись в этом месте в полном одиночестве, и пропустила Эмили внутрь. Она зашла, но не стала рассматривать обстановку, а сразу посмотрела на меня. – Что-то случилось?

– Да. Нет. Не совсем, – она слабо улыбнулась. – Вы же были сегодня при том разговоре. Вы знаете о встрече с Путешественниками. Я не могу больше сидеть дома и ничего не делать, пока мой отец рискует жизнью!

– Но ведь речь идёт о переговорах, не о войне... – осторожно возразила я, но девушка только скривила губы в горькой усмешке.

– Это же Путешественники! С ними никогда не удаётся решить дело миром! Они уже убили мою мать, теперь они снова стоят на пути моего отца, а я ничего не могу сделать! Знали бы вы, как это невыносимо – быть настолько беспомощной!

Я понаблюдала, как она нервно комкает перчатки, и взяла её за руку. Эмили подняла на меня тёмные, подозрительно блестящие глаза, и мне показалось, что она едва сдерживает слёзы.

– Вот именно поэтому вам и не стоит вмешиваться, – стараясь говорить как можно мягче, произнесла я. – Оказавшись нос к носу с Путешественниками, вы только навредите своему отцу. Он будет вынужден сосредоточиться на вашей защите, и не сможет...

– Нет! – резко воскликнула она и вырвала руку. – Вы говорите как все остальные, но я смогу помочь! Я не хочу больше быть просто... хрупкой статуэткой, которую все оберегают! Я поеду в Вестминстер и помогу остальным!

– Вы поможете этим не себе, а Путешественникам!

– Нет, это не так! Я не собираюсь действовать открыто! Я хочу спрятаться в соборе и вмешаться, только если увижу, что отцу и остальным нужна помощь! Мисс Элиза, я прошу вас, отправимся вместе! Я знаю, вы смелая, и вам дорог Джеймс. Прошу, помогите мне! – в последних словах звучала такая мольба, что растаяло бы и совершенно каменное сердце.

Это было настолько близко к моим собственным желаниям, что я из последних сил сопротивлялась искушению. Нет, нельзя! Если ситуация выйдет из-под контроля, ни от меня, ни от Эмили пользы не будет, мы будем только мешать!

– Нет, леди Маршалл, – собрав всю волю в кулак, отрезала я.

Несколько секунд она смотрела на меня потухшим взглядом, а потом ненадолго прикрыла глаза и словно встряхнулась.

– Ну как знаете, – произнесла она другим, решительным тоном. – Если вы не поедете со мной, я поеду одна. Всего хорошего, мисс Элиза!

Я застыла, как вкопанная. В том, что эта отчаянная девчонка исполнит свои намерения, я не сомневалась. Как теперь поступить? Оглушить её, ударив стулом по голове, связать и запереть в шкафу? Или...

– Чёрт с вами, – мрачно заявила я и потянулась за собственным плащом. – Едем.

Та просияла, и я, сунув в карман платья уже надоевший мне «Знак равных» и заперев дверь, вышла следом за девушкой. Эмили прибыла в семейном экипаже, но предусмотрительно велела кучеру дожидаться её за углом, и мы поспешили по тёмной улице.

Не обошлось без приключений. Неподальёку от гостиницы прямо к нам метнулась какая-то грязная оборванка, вцепившаяся сперва в мой плащ, а потом – в Эмили, уговаривая дать ей пару пенсов. Хватка у неё оказалась неожиданно крепкая, и растерявшаяся Эмили даже толком не поняла, что должна теперь делать. К счастью, проходившая неподалёку пара каких-то горожан бросилась нам на помощь. Вдвоём они без труда оторвали нищенку от Эмили и продолжили удерживать, хотя та уже не сопротивлялась и безвольно повисла на руках мужчин. Я вежливо поблагодарила их, тронула за плечо всё ещё не пришедшую в себя Эмили, и только после этого она наконец-то отмерла.

Путь до Вестминстера пролетел быстро. Мы почти не разговаривали и только договорились найти какое-нибудь место в соборе, где нас до поры до времени никто не увидит. Эмили легко согласилась, и дальше мы ехали в молчании.

Аббатство мало отличалось от себя современного. Возможно, в этом времени камень, из которого оно было построено, выглядел посветлее, но сейчас, ночью, этого было не понять. Из окон величественной громады на тёмную мостовую падал свет. Кстати, хотелось бы знать, что маги сделали на время переговоров со всеми постоянными обитателями аббатства? А с теми, кому захочется ночью прийти в собор пообщаться с высшими силами?

В собор мы попали легко, и в первый миг мне почудилось, что мы были там совершенно одни. Готические своды казались невероятно высокими, далёкими и тонули во мраке, так что наши шаги гулко отдавались далеко вокруг. Пройдя вперёд вдоль центрального нефа, я поняла, что с таким эхом нас услышат не только в соборе, но и на улице, и знаком велела Эмили снять туфли. Той хватило смекалки не задавать вопросов, и девушка послушно разулась. Держа башмаки одной рукой, я убедилась, что теперь мы двигались намного тише, удовлетворённо улыбнулась и огляделась. Мы шли очень осторожно, держась поближе к колоннам. Увидев мальчика-служку, безмятежно спавшего на скамье, я завертела головой по сторонам. Как нейтрализовали посторонних, понятно, но куда делись сами маги?

Эмили беззвучно схватила меня за руку и указала второй рукой наверх. Проследив за её взглядом, я обнаружила самих переговорщиков – довольно большая группа людей стояла на эмпорах, недалеко от места, где неф пересекал трансепт. Высота здесь была порядочная, не меньше двадцати метров, и чтобы разглядеть хоть что-то, приходилось очень сильно задира́ть голову. Поискав глазами, я нашла лестницу, которая вела наверх. Мы с Эмили переглянулись и на цыпочках устремились к ней.

Чем выше мы поднимались, тем отчётливее звучали голоса. Стало понятно, что и маги, и Путешественники были сейчас слишком заняты, чтобы заметить нас. В любой другой ситуации я бы воспользовалась случаем, чтобы получше рассмотреть потрясающую архитектуру готического собора, особенно с такой высоты, но сейчас моим вниманием целиком владели маги. Я даже позабыла о мёрзнувших на холодном каменном полу ногах.

Здесь, наверху, уже было отчётливо видно, что обе группы стояли друг напротив друга. Магов ковена было пятеро: Алан, Майкл, Джеймс, Розмари и Закери, чьё появление было вполне объяснимо. Путешественников тоже было пятеро, но я узнала только Анабелл. Сегодня она выглядела немного по-другому: чёрные волосы вместо привычного гладкого пучка были заплетены в косу, а одета моя бывшая компаньонка была – тут мне невольно захотелось протереть глаза – в штаны, рубаху и жилет. Новый образ удивительным образом омолодил её, и теперь ей нельзя было дать больше тридцати. Винсент же либо вселился в кого-то из остальных, либо его здесь просто не было. Впрочем, неудивительно – раз у ковена сейчас нет Хранителя, с какой стати глава Путешественников должен собственной персоной являться на такую встречу? Ему это, наверное, по статусу не положено...

Похоже, встреча началась совсем недавно, и маги только перешли к самому главному. Мы с Эмили уже приблизились к ним настолько, что могли расслышать их слова.

– Боюсь, мы по-прежнему не понимаем, о чём вы говорите, – вполне миролюбиво сказал Алан, хотя мне было трудно представить, насколько напускным было выражение его лица.

– Всё просто, лорд Маршалл, – высоким, ясным голосом отозвалась Анабелл. – В том жертвоприношении, где погибло десять человек, были наши люди. Мы хотим знать, кто и зачем это сделал.

– Среди убитых были Путешественники? – озадаченно спросил Майкл, и я заметила, как маги удивлённо переглядывались. Новость явно застала их врасплох. – Мы впервые об этом слышим.

– Мы не собирались делать это достоянием гласности. Однако из одного... довольно авторитетного источника нам известно, что это не последнее жертвоприношение, – Алан нахмурился и теперь не отрывал от Путешественницы глаз, а я вжалась в стену, потому что сразу поняла, что Анабелл говорит обо мне. – Будет ещё одно. Нам неизвестно, какую цель преследует тёмный маг, но его необходимо остановить.

– Полностью с вами согласны, – невозмутимо отозвался Джеймс. – Но не могу не спросить – почему вы обратились к нам? Неужели у Путешественников не хватает собственных ресурсов? С вашими-то талантами...

По лицу Алана при этих словах словно пробежала судорога, но огромным усилием воли он взял себя в руки, и снова уже невозможно было понять, каких сил ему стоила эта встреча.

– Ресурсов у нас хватает, но никому из нас не довелось так близко столкнуться с этим колдуном, – язвительно отозвалась Анабелл.

Вообще, переговоры от лица Путешественников она вела одна, остальные выполняли при ней роль просто группы поддержки. Я вспомнила, как она точно так же вела наш с Ричардом допрос, и поморщилась.

– Один раз вы встретили его лично, а потом он был в непосредственной близости от вас, когда убил одну актрису вместо другой! И вы дважды его упустили!

– Приносим свои глубочайшие извинения, – с плохо скрываемым сарказмом фыркнул

Майкл. – У нас и в мыслях не было разочаровать вас...

Анабелл холодно прищурилась. В её лице в тот момент было что-то такое, что маг внезапно оборвал себя на полуслове и присмотрелся повнимательнее.

– А ведь я вас помню, – вдруг удивлённо выдал он. – Не вы ли называли себя мисс Грэм? Вы ведь были компаньонкой при бывшей мисс Барнс, не так ли? Признаюсь, в вашем нынешнем облике не признал вас сразу...

Путешественница слегка склонила голову в знак согласия, с интересом ожидая реакции. И она не замедлила последовать.

– Выходит, Путешественники уже давно подбирались к ковену через обычных людей, – протянул Джеймс, который сразу всё понял, а затем вперил в Анабелл требовательный взгляд. – Что произошло с моей женой? Вы похитили её?

– Как же, похитишь её, – усмехнулась Анабелл, и я невольно улыбнулась. – Вашей жене, граф, не откажешь в фантазии. Она придумала план побега и осуществила его. Я лишь помогла ей в мелочах.

Джеймс невольно оглянулся на Закери, ожидая его реакции, и тот лишь кивнул головой, подтверждая слова Путешественницы. Вид у Джеймса сделался глубоко задумчивый – он явно пытался соотнести образ мисс Барнс, который уже сложился у него, с тем, что только что сказала Анабелл. Я ожидала ещё какой-то эмоциональной реакции от Розмари, но та продолжала молча стоять, внимательно наблюдая за окружающими.

– К графине Блэквуд мы ещё вернёмся, а теперь поговорим о самом важном, – твёрдо вернул беседу в прежнее русло Алан, коротко взглянув на Джеймса, словно ожидал от него возражений. – Вы так и не ответили на вопрос. Почему вы вдруг решили обратиться к нам? Чего именно вы хотите?

– Мы хотим, чтобы вы нашли этого колдуна и остановили, – отчеканила Анабелл, и Майкл выразительно развёл руками:

– Мы именно этим и занимаемся. В последнем жертвоприношении погибли два мага из нашего ковена, так что мы весьма заинтересованы в том, чтобы схватить виновного.

– Только что-то у вас плохо получается! – едко отозвалась Путешественница. – Выразусь прямо: нам нужен этот колдун. У него явно какая-то особенная связь с ковом, раз именно вам удалось набрести на его след. И именно вы схватите его.

– Ваши требования понятны, однако весьма самонадеянны, – неожиданно жёстко заявил Алан. – Не могу не поинтересоваться – откуда Путешественники вдруг набрались такой уверенности в себе, что начали диктовать условия ковену?

Повисло небольшое молчание. Анабелл мягко, почти ласково улыбнулась, и от этой улыбки у меня по спине пробежали мурашки.

– А что вам ещё остаётся делать?

Она вдруг кивнула куда-то в сторону магов. Я ничего не поняла, да и маги ничего не поняли, а вот Розмари, к моему полному изумлению, вдруг ответила утвердительным кивком. И прежде, чем кто-то успел хоть что-то сказать или вообще сообразить, что происходит, Розмари в один шаг приблизилась к ограждению, отделявшему нас от огромного пространства собора, и вскочила на него, умудрившись не запутаться в юбках. Я изумлённо ахнула, но меня никто не услышал, а Розмари ухватила одной рукой за колонну и слегка покачнулась, стоя на нешироких перилах. Майкл и Джеймс одновременно сделали попытку приблизиться к ней, но их остановил повелительный окрик Анабелл:

– Назад! Ещё один шаг в её сторону – и она прыгнет!

Розмари совершенно равнодушно кивнула, подтверждая её слова, а маги в бессильной ярости повернулись обратно к Анабелл. Я же с ужасом вспомнила, что высота здесь была двадцать метров – разобьёшься насмерть.

– Всё-таки Путешественники – редкой силы мрази, – с отвращением выдавил Алан, на лицо которого сейчас было просто страшно смотреть.

– Мы всего лишь предусмотрительны, – совершенно хладнокровно отозвалась Анабелл. Она превосходно владела собой. – А вот вам, граф, возможно, не стоило оставлять сестру одну дома. Мало ли кто мог прийти, пока вас нет?..

– Уж не знаю, кого вы в неё вселили, – прошипел смертельно бледный Джеймс, – но, клянусь Богом, если с ней хоть что-то случится...

– Она блефует, – вдруг предположил Майкл. Его голос дрогнул. – Если Розмари отсюда прыгнет, Путешественник в её теле тоже погибнет. Вы пожертвуете своим человеком?

– Совсем нет. Вы ведь знаете – если предыдущее тело живо, Путешественник просто вернётся в него, – с самым любезным видом пояснила Анабелл.

Джеймс резко повернулся к Алану, но тот лишь кивнул. Значит, Анабелл не врал.

Меня всю трясло от злости. Не ожидала от Анабелл настолько грязной игры, совсем не ожидала... И что делать? Вмешаться, вмешаться, как и говорила Эмили... Но как вмешаться? Что я могу сделать?

Ладонь вновь опустилась на рукоять кинжала. Нет, не поможет. А вот... Пальцы внезапно нащупали в кармане «Знак равных». Артефакт, уничтожающий любую магию вокруг... В этот момент я поймала взгляд Розмари – она смотрела умоляюще, и я была готова поклясться, что из-за Путешественника в этот момент выглядывала настоящая Розмари. Словно, осознавая всю грозящую ей опасность, она пыталась бороться и частично вернула себе контроль над телом. В этот момент я приняла решение.

– Достаточно! – я даже не узнала собственный голос – так резко и повелительно он прозвучал – а ноги сами вынесли меня навстречу остальным. Эмили с решительным лицом последовала за мной.

Джеймс при виде меня сделался блее стены за его спиной, и это было заметно даже в неярком освещении собора, хотя мне казалось, что побледнеть ещё больше невозможно. Алан весь переменялся в лице при виде дочери. Путешественники, включая Розмари на балюстраде, и Анабелл уставились на нас с искренним удивлением, а я вышла вперёд.

– Какая встреча, – кисло сказала Анабелл. – Зачем ты здесь?

– Останови это, – потребовала я. – Это уже переходит все границы. Так нельзя.

– А ты, значит, теперь на их стороне? – она презрительно скривилась.

– Я на стороне здравого смысла, – резко возразила я. – Анабелл, эта жестокость ничем не оправдана!

– Неужели? – зло спросила она. Кажется, мои слова вместо того, чтобы остановить, наоборот, подтолкнули её к какой-то черте, и по решительному выражению её лица я поняла, что Путешественница сейчас отдаст Розмари приказ прыгать.

Нащупав «Знак равных», я мысленно скрестила пальцы и нажала на единственную кнопку. А потом осторожно выдохнула.

Лично я никаких перемен не почувствовала, а вот маги вокруг изменились в лицах, причём как Путешественники, так и остальные, и выражения у всех стали одинаково недоумевающими и беспокойными, словно они одновременно ощутили сильный дискомфорт. Похоже, артефакт сработал так, как надо, потому что маги непонимающе заозирались по сторонам в поисках магии, которая внезапно просто исчезла.

Анабелл быстрее всех поняла, что произошло, и стремительно повернулась ко мне, так что длинная чёрная коса взлетела вверх. Вместо ответа я достала из кармана артефакт и приподняла руку, демонстрируя всем присутствующим. Судя по последовавшим растерянными вздохам, эту вещь узнали почти все.

– Значит, всё это время «Знак равных» был у тебя, – с непроницаемым выражением лица

протянула Анабелл. – А ты хитра. Не могу не спросить – где же он был?

– В библиотеке Реджинальда Барнса, – поведала я, и не столько увидела, сколько почувствовала, с каким изумлением на меня смотрят маги ковена. Один взгляд ощущался особенно остро, и теперь я прекрасно понимала, что все игры и притворство кончились. В этот самый момент я ощутила безграничную усталость. Объяснять ничего не хотелось, и я поступила проще – свободной рукой сняла с головы сперва шляпу с вуалью, потом парик и отшвырнула их в сторону, почувствовав, как мне на спину упали светлые вьющиеся волосы. Очередной всплеск растерянности был беззвучным, но ещё более ощутимым, но сейчас на это не было времени.

– Магия здесь больше не действует, – чётко выговорила я, глядя только на Анабелл и гадая, сколько времени у меня ещё осталось. – Если погибнет Розмари – погибнет и Путешественник.

Несколько невыносимо долгих секунд Анабелл молчала, глядя мне в глаза. Я не знала, какое впечатление я производила в тот момент, но, в конце концов, Путешественница кивнула.

– Будь по-твоему.

Розмари, следуя приказу, прыгнула с ограждения обратно на пол и отошла в сторону. Только после этого я позволила себе перевести взгляд на артефакт и убедиться, что всё сработало в последнюю минуту – магия должна была вернуться уже через считанные секунды. И точно – в один момент маги дружно вздохнули с облегчением. Розмари через несколько секунд без сил осела на пол, так что её едва успел подхватить Майкл. Значит, Путешественника в ней больше нет.

– Полагаю, встречу на этом можно считать завершённой, – сухо констатировал Алан, но Анабелл посмотрела на меня с настолько неприятной улыбкой, что я сразу поняла – худшее было впереди.

– Неплохой ход, Элизабет. Но запомни одно – мы всегда будем на шаг впереди.

С этими словами она махнула рукой кому-то позади меня. Я запоздало вспомнила, что рядом со мной стояла Эмили. Девушка весело улыбнулась, лихо отсалютовала мне, и прежде, чем я успела хоть что-то предпринять, подбежала к перилам. С такой же лёгкостью, с которой действовала Розмари, она в один прыжок очутилась на заграждении. Но не остановилась, а перемахнула через него и прыгнула вниз.

Глава 27

Время, казалось, застыло. Скорее инстинктивно, чем по-настоящему осознавая, что произошло, я подлетела к перилам и посмотрела вниз. Тело девушки лежало внизу изломанной куклой, с неестественно вывернутыми руками и ногами. И я с какой-то отчаянной безнадежностью и кристальной четкостью поняла – Эмили мертва. Мертва окончательно, и никакой магией её уже не спасти.

Раздался горестный не то крик, не то вой. Из-за оцепенения я даже толком не поняла, что это был за звук, и только потом увидела – его издал Алан, когда увидел, что осталось от его дочери. Я ожидала, что сейчас он сделает попытку напасть, закричит, начнёт обвинять Путешественников – но ничего не было. Алан сейчас был похож на просто сломленного горем человека, и эта картина пугала меня больше, чем любое другое проявление чувств по отношению к этой чудовищной беде. Маршалл всегда представлялся мне оплотом спокойствия и силы, и видеть, как за несколько секунд от этого оплота ничего не осталось, было страшно. Остальные маги застыли в нескольких шагах от него, не решаясь подойти и явно не зная, как помочь, что сказать.

Анабелл сделала знак своим людям, и вся группа удалилась. Я бы сказала, что они уходили победителями, если бы не излишняя торопливость – кажется, до Путешественницы всё же дошло, что она перегнула палку.

Закери бросил неуверенный взгляд на них, потом – на Алана, словно не знал толком, стоит ли пытаться их задержать, но в итоге ничего не предпринял и остался на месте.

Розмари медленно поднялась на ноги, заметно покачиваясь. Майкл ее поддерживал.

Несмотря на весь ужас и неправдоподобие ситуации, во мне ещё осталась какая-то часть, не отключившаяся целиком от внешнего мира. Окончательно перестав играть в прятки, я обернулась и, наконец, встретила взгляд Джеймса. Он молча смотрел на меня, и в этот момент я поняла, что та близость, которая уже успела установиться между нами, разрушена навсегда. В его глазах больше не было того тепла и нежности, которые я привыкла там видеть. Я уже хотела что-то сказать, но посмотрела на помертвевшего Алана, в котором не осталось вообще ничего человеческого, на растерянных Розмари и Майкла. Роуз то испуганно косилась в сторону, где осталось тело Эмили, то делала некие движения, словно хотела броситься к Алану, то растерянно таращилась на меня – и я поняла, что не хочу никому ничего не объяснять. Опустошённость накатила стремительно, накрыв меня целиком. Поэтому я молча стянула с пальца фамильный перстень Блэквудов, подошла к Джеймсу, вложила ему в руку кольцо вместе со «знаком равных» – в конце концов, изначально ему нужен был именно артефакт, а на защиту в виде родового перстня я больше не имела права. Затем подобрала с пола шляпу и парик и, не оглядываясь, пошла к лестнице. Задержать меня никто не пытался, так что я беспрепятственно вышла на улицу. Самым ужасным для меня оказался момент, когда надо было пройти мимо трупа девушки. Крови не было, но Эмили упала на спину и теперь смотрела в сводчатый потолок застывшим, стеклянным взглядом. Не в силах смотреть на это, я отвернулась и поспешила прочь.

На улице была уже глубокая ночь, и после недолгого блуждания я смогла поймать кэб. Я помнила достаточно историй о том, каким опасным местом были ночные лондонские улицы для одиноких прохожих, и уж тем более женщин, но сегодня мне, видимо, везло, и до гостиницы я добралась без приключений. В конце концов, район Уайтчепел остался далеко в стороне... да и до появления Джека Потрошителя оставалось ещё целых три года.

До утра я бездумно сидела на стуле у окна и смотрела на покачивающуюся под лёгким ветерком занавеску. Парик и шляпа валялись на кровати – в них больше не было никакого толка. Окно было приоткрыто, и ночное безмолвие, изредка нарушаемое поздними прохожими, шумом проезжавших экипажей и цокотом копыт по мостовой, постепенно сменилось утренним шумом и суетой. Дел у меня никаких не было – после смерти Маргарет все спектакли отменили, поскольку дублёрши у неё не было, и в театре мне теперь заняться было нечем. Да и сил у меня больше ни на что не осталось. Смерть ни в чём не повинной семнадцатилетней девушки внезапно оказалась для меня очень сильным ударом. Дело было не в том, что мы с Эмили стали как-то особенно близки – вовсе нет, я ведь её толком и не знала, – но сам факт того, как легко Путешественники

пошли на столь радикальные шаги, не щадя чужих жизней, выбил меня из равновесия. Анабелл ведь всегда казалась такой рассудительной, тщательно взвешивающей каждый свой шаг... Откуда вдруг такая жестокость? Да, она действовала так, потому что несёт ответственность за своих людей, которые погибли в жертвоприношении, но нельзя же убийство одного оправдывать смертями других людей!

В двадцать первом веке мы пришли к выводу, что таинственный колдун испытывает особую нелюбовь именно к Путешественникам: не зря же в обоих жертвоприношениях погибали именно они. Но после случившегося невольно задаёшься вопросом – а может, этот колдун был не так уж неправ? Стоит ли вообще тратить силы, разыскивать чёрного мага, рискуя своей жизнью? Да, он тёмный, но раз его удары пока были направлены преимущественно на Путешественников, может, другим людям не стоит в это вмешиваться? Ведь после вчерашнего мне теперь было отчётливо видно, что Путешественники – такое же зло. Возможно, не все – всё же нельзя абсолютно всю группу равнять под одну гребёнку – но большинство...

О раскрытии собственной легенды я уже не переживала. Мне просто было всё равно. Рано или поздно это и так бы вышло наружу. Сейчас или неделей позже – какая разница? Джеймс, конечно, едва ли простит меня в ближайшее время. Но, если честно, при одном только воспоминании, как вчера выглядел Алан Маршалл, переживания из-за разрушенных отношений с Джеймсом теряли свою остроту. По крайней мере, я себя в этом старательно убеждала.

Алана было жаль. Как подумаю, что он сейчас должен испытывать... Сперва его жена, потом дочь, погибшая точно такой же смертью... Нет, даже представлять это не хочу. Слишком невыносимо...

Стук в дверь вынудил меня оторваться от этих тяжёлых раздумий. На негнущихся ногах, словно я была марионеткой, которую кто-то невидимый дёргал за ниточки, я подошла к двери. Присутствия тёмной магии по-прежнему не ощущалось, и я повернула ключ.

На пороге стояла Розмари. В любой другой день её приход удивил бы меня, но сейчас я встретила её появление совершенно равнодушно. Начни она сейчас упрекать меня в чём-то, обвинять во лжи и прочих смертных грехах – я бы и глазом не моргнула.

Но ничего такого не происходило. Наоборот, сестра Джеймса выглядела вполне миролюбиво и смотрела скорее устало. Глаза у неё были красные от недосыпа и слёз, но в остальном она выглядела так же, как обычно.

– Я могу войти? – вежливо спросила она.

Я отлепилась от дверного косяка и посторонилась.

– Пожалуйста.

Она вошла и с оттенком любопытства осмотрелась по сторонам. Её взгляд задержался на парике и вуали на кровати, и Розмари выдавила какое-то подобие улыбки.

– Чем могу помочь? – осведомилась я, не пытаясь казаться любезной.

– Я пришла сказать спасибо, – чуть неуверенным тоном ответила она, а потом её лицо болезненно скривилось. – Я понимаю, как это звучит после того, что произошло с Эмили, но тем не менее. Вы вмешались и спасли меня. За это я вам очень благодарна.

– На здоровье.

По моему тону было понятно, что к дальнейшей беседе я не расположена. Уверена, что Розмари прекрасно это расслышала, но всё равно не спешила уходить. Помявшись какое-то время, она, наконец, выдавила:

– И ещё я хотела извиниться. Я несправедливо оскорбляла вас и относилась к вам свысока, хотя вы не заслуживали подобного. Приношу свои извинения.

– Вы относились так к простой актрисе, которой случайно увлёкся ваш брат и которой стал слишком сильно доверять, – пожала плечами я. – Это ваше право. Вам нет нужды извиняться перед аристократкой.

Розмари смотрела на меня недоверчиво, словно до сих пор не могла поверить, что тихоня мисс Барнс, которая в присутствии их с магами двух слов связать не могла, теперь выглядела хладнокровной и равнодушной.

Я уже хотела подойти к двери и распахнуть её, недвусмысленно намекнув Розмари, что он может выметаться, но меня остановило решительное:

– Нет!

Я удивлённо обернулась, и она поспешила объяснить своё восклицание, уже тише добавив:

– Вы не правы. То есть отчасти правы, но... Я бы в любом случае сегодня пришла. Даже если бы под личиной актрисы Элизы скрывался любой другой человек. Я прошу прощения именно у вас, хоть и не знаю вашего настоящего имени. Ведь вы всё же не настоящая Элизабет Барнс?

– Не настоящая, – подтвердила я уже более миролюбивым тоном. Подумала и отошла от двери, так и не открыв её. Следующие слова я произнесла, внимательно наблюдая за лицом Розмари:

– Настоящая мисс Барнс погибла в начале мая. На всякий случай скажу, что я не выбирала, в какое тело мне вселиться.

– Но выбрали эту судьбу сознательно? – заметила она, и у меня удивлённо вытянулось лицо. Не ожидала от Розмари такой проницательности.

– Верно, – подтвердила я. Врать смысла не было. – У меня была возможность последовать за мисс Барнс и умереть окончательно. Я не захотела.

Она кивнула, задумчиво рассматривая меня. Я же, выждав небольшую паузу, спросила:

– Что с остальными? Как Алан?

С языка едва не сорвался вопрос о Джеймсе, и мне вновь стало стыдно за свой эгоизм. В следующий миг на красивом лице Розмари появилась болезненная гримаса, и вид у женщины сделался настолько замученный, что я похвалила себя, что сдержалась и промолчала. Каким-то образом мне сразу стало понятно, что этой ночью она, как и я, не сомкнула глаз. Это было красноречивее любых слов, но она, тем не менее, ответила:

– Плохо. Сегодня с утра Совет во главе с Уильямом потребовал результатов встречи. Все переговоры с ними Майкл и Джеймс взяли на себя. Алан сейчас у нас дома. Он мне ни слова не сказал, ни в чём не обвинил, но мне кажется, что в смерти Эмили есть отчасти и моя вина. Алан же всю ночь просидел неподвижно, так что я велела добавить ему в чай опиум. Он наконец-то заснул, и только после этого я ушла.

– Вы не виноваты в смерти Эмили, – со стороны мне было заметно, как Розмари терзалась этими мыслями. – Она осталась бы жива, только если бы Путешественники убили вас. Эмили знала, что сильно рискует, когда собиралась сюда. Я пыталась её отговорить, но моего дара убеждения оказалось недостаточно. И в случившемся есть и моя вина – кажется, теперь я понимаю, в какой момент в девушку вселился Путешественник. Мы вышли на улицу, и в неё вцепилась какая-то попрошайка, которую потом от Эмили оторвали двое прохожих. Похоже, они все трое были Путешественниками... Но тогда мне это в голову не пришло.

– Я вчера ненадолго осталась дома одна. Именно в это время они и пришли ко мне. Когда всё случилось... Когда моё тело отказалось мне подчиняться... Раньше я думала, что, будучи одержим Путешественником, ты просто наблюдаешь за происходящим как бы со стороны. Но нет. Ты словно засыпаешь, не имея ни малейшего понятия, что происходит с твоим телом, и только время от времени просыпаешься. Я пыталась бороться... Пыталась вытолкнуть ту Путешественницу, вернуть себе контроль... Но тщетно. Возможно, для этого нужно обладать более сильной волей...

Мы немного помолчали. Лицо Розмари стало пепельным, пока она заново переживала вчерашние ощущения. Я против воли испытывала к ней сочувствие. Помнится, Мартин тоже ничего не помнил о тех днях, пока в его теле обитал Винсент.

Наконец, не в силах больше сдерживаться, я выпалила:

– Джеймс что-нибудь говорил обо мне? После вчерашнего?

Розмари быстро взглянула на меня.

– Мой брат... не всегда делится со мной своими мыслями, – дипломатично начала она. Но, должно быть, было в моём лице что-то, так что она сразу поняла, какое значение для меня имел её ответ, и ответила честно: – Нет. На обратном пути Майкл пытался расспросить его, но он в довольно резкой форме отказался что-либо обсуждать. Ваше вчерашнее... преобразование застало его врасплох. Думаю, ему просто нужно время, чтобы свыкнуться с мыслью, что певица Элиза и бывшая мисс Барнс – это одно лицо.

– Да, – отстранённо, упавшим тоном согласилась я. То есть, конечно, с самого начала было понятно, что раскрытие тайны дорого мне обойдётся, но в душе всё равно теплилась надежда на чудо. Но нет... У нас реальный мир, и реальность такова, что обман Джеймс мне сразу не простил. И простит ли вообще?..

После этого мы с Розмари распрощались на вполне тёплой ноте. Вот только после её ухода мне стало ещё невыносимее, чем было. Не было никакой возможности усидеть на месте, я не знала, чем себя занять. Ноги сами рвались отправиться к Блэквудам, чтобы попробовать объясниться с Джеймсом. Но стоит ли делать это прямо сейчас, сразу после смерти Эмили? Да и Розмари сказала, что её брату нужно время... Как поступить? Поехать завтра и заставить его всё-таки меня выслушать?

Но чем тогда заняться сейчас? Измерив всю комнату нервными шагами вдоль и поперёк, я поняла, что не смогу больше усидеть на месте. Переполюсывавшая меня болезненная энергия требовала какого-то выхода. Ближе к вечеру, будучи более не в силах сидеть в четырёх стенах, я отправилась в театр. Я сильно сомневалась, что смогу и там найти себе дело, но это было лучше, чем дальше оставаться в своей комнате.

В театре и впрямь было затишье. Я приехала в обычном облике, без маскировки, и сразу отправилась к директору Хогарту. Тот обнаружился в своём кабинете, где сидел за письменным столом в компании основательно початой бутылки бренди. Вид у Хогарта был печальный и нахохлившийся, и директор вдруг напомнил мне воробья.

– Мы несём колоссальные убытки, – трагически провозгласил он, едва завидев меня на пороге. – Вам ведь уже известно, что произошло с бедняжкой Маргарет, мисс Бетси?

– И что же? – спросила я, без приглашения присаживаясь на стул перед его столом.

– Как? – поразился директор. – Вы ещё не знаете? Она стала жертвой вооружённого грабителя, который нанёс ей несколько ударов ножом и забрал её драгоценности. Бедная Маргарет! И, что самое печальное, у неё даже не было дублёрши! Заменить её нечем! Так что, мисс Бетси, боюсь, в ближайшее время вы остаётесь без работы...

– Не беда, – я криво усмехнулась. – Моему мужу стало известно, чем я занимаюсь в свободное время. Пока не знаю, какие шаги он предпримет, но к сцене он, боюсь, меня больше не подпустит.

На несколько секунд Хогарт завис, пытаясь вспомнить, кем был мой муж, потом сообразил и разразился новым потоком причитаний. Примерно на середине я поднялась, извинилась и вышла, поскольку вряд ли директор смог бы сейчас сказать что-то, чего я ещё не слышала.

По непривычно пустынному коридору и лестницам я добралась до своей гримёрной. По пути мне встретилась только миссис Браун, которая сочувственно мне улыбнулась и поспешила по своим делам. Соседняя дверь, которая вела в гримёрную Маргарет, была заперта. Я прикрыла за собой дверь и осмотрелась. Цветы в вазах подвяли, и гримёрная производила совершенно нежилое впечатление. В отдалении опять копошились крысы, но сейчас я даже не замечала их. Пол перед туалетным столиком, где я нашла труп Маргарет, был чистым, без малейшего пятнышка крови.

Зря я сюда пришла. Заняться здесь точно так же было нечем. Что дальше? Обратно в гостиницу?

Дверь с тихим скрипом приоткрылась, и у меня от страха чуть не остановилось сердце. Я была готова увидеть на пороге кого угодно, от причитающего директора Хогарта до колдуна, который пришёл, чтобы наконец-то добить меня, но вместо их всех, вместе взятых, в гримёрную шагнул человек, которого я после вчерашнего ожидала увидеть ещё меньше, чем Джеймса.

Передо мной стояла Анабелл.

– Так и думала, что ты здесь, – сообщила она, закрывая за собой дверь. – В гостинице тебя не было, и я приехала сюда.

– Зачем ты пришла?

Сегодня она была больше похожа на ту Анабелл, к которой я привыкла. Чёрные волосы заколоты на затылке, платье с корсетом, в котором её талия казалась фантастически тонкой, чопорное выражение лица... Я ожидала, что сейчас посыплются обвинения в том, что я прикарманила «Знак равных» и никому ничего не сказала, но мысли Путешественницы, казалось, были заняты совсем другим.

– Я сожалею, что вчера так произошло с той девушкой, – сообщила она, и я скривила губы в саркастической усмешке. – Я перегнула палку. Хотела только продемонстрировать, насколько серьёзно мы настроены, но перестаралась. Мы не должны были её убивать. Я поняла это на пути домой.

– Скажите об этом её отцу, – угрюмо сказала я.

Анабелл помолчала. По жёсткому лицу, непривычному к проявлению эмоций, мне, тем не менее, было понятно, что в какой-то мере она действительно сожалеет – но не столько из-за самой смерти Эмили, сколько из-за того, что она совершила тактическую ошибку: неправильно провела переговоры с коеном, и теперь мирные отношения с магами вновь оказались под угрозой.

– Мы всё равно должны были это сделать, – вдруг угрюмо сказала она. – Ковен каким-то образом причастен к этим жертвоприношениям.

– Естественно, причастен. Там убили их магов.

– Да не магов, – с досадой возразила Анабелл. – На тот момент, когда их убили, в телах магов обитали мои собратья. Знаю, знаю, – нетерпеливо добавила она, поймав мой ошавший взгляд. – Обычно мы не вселяемся в магов. Но там ситуация была серьёзная... И вообще это тебя не касается. Но открою тебе тайну – все, кого убили в том ритуале, были Путешественниками.

У меня отвисла челюсть.

– Это невозможно, – категорично возразила я, когда ко мне вернулся дар речи. – Совет и Рыцари знали бы...

– Да неужели? – с издёвкой поинтересовалась Анабелл. – Каким же образом?

Я молчала. Моя бывшая компаньонка была права. Путешественники и впрямь не отчитывались перед коеном в своих действиях, и маги вполне могли не знать, кем на самом деле были погибшие.

– Вот именно, – подтвердила Путешественница, наблюдая за сменой выражений на моём лице. – И возвращаемся к делу – я более чем уверена, что кто-то из магов ковена к этому причастен.

Это было не менее неожиданно, так что я даже позабыла о новоприобретённой неприязни к Путешественникам.

– Ты о чём?

– О том, что ковен проявил слишком мало интереса к происходящему. Сразу после смерти Рассела и появления рун ты рассказала Блэквуду, чем это чревато. Ковен почти никак не отреагировал на случившееся. Потом принесли в жертву десять человек – и

опять реакция подозрительно спокойная. Я не говорю, что весь ковен ведёт какую-то свою игру, но его пассивность кажется нам слишком подозрительной. Словно есть кто-то, кто сдерживает прочих магов, не даёт им отреагировать на чёрного мага так, как должно. Тебе это не кажется подозрительным?

Я хотела было с досадой отместить её доводы, которые в первый миг посчитала совершенно надуманными и шитыми белыми нитками, но в последнюю секунду осеклась. Сразу вспомнилась наша неудачная засада в Эйлсфорде, о которой каким-то образом стало известно колдуну. Тогда Алисия пришла к выводу, что среди магов был осведомитель, и главным подозреваемым стал Джеймс. Так что же? В этом времени то же самое? Есть какой-то закулисный игрок, помогающий тёмному магу и мешающий выйти на его след?

– Кажется, – пробормотала я. – В моём времени, когда ритуалы повторялись, была подобная ситуация...

Осведомитель, предатель – называть можно как угодно – был и в моём времени. Если Анабелл права, он есть и в этом. Можно, конечно, сослаться на удачное стечение обстоятельств, повторение истории, но я, как и Джеймс, не верю в совпадения. Есть кто-то, кто помогает колдуну. Помогает сейчас и будет помогать в две тысячи пятнадцатом. Это не Джеймс, которого мы подозревали в моём времени, потому что я готова поспорить на свой голос, что в этом веке он не причастен к происходящему. Тогда кто?..

В дверь снова постучали. Мы с Анабелл удивлённо переглянулись, и я крикнула:

– Войдите!

К моему удивлению и раздражению, перед нами появился Гровер, хотя я была уверена, что из актёров в театре сейчас никого не было. Этому-то что понадобилось? Снова поскандальить? Обвинить меня на этот раз в убийстве Маргарет?

– Что вам угодно? – прохладно поинтересовалась я.

На привлекательном лице ведущего актёра блуждала отстранённая улыбка. Он шагнул внутрь, и в ту же секунду произошло несколько вещей – на пол упали и разбились несколько ваз с цветами, по полу потекли ручейки воды, меня окатило волной холода, Анабелл резко вскинула руки, собираясь колдовать. В следующий миг она вскрикнула и, держась за лицо, отшатнулась назад.

Гровер продолжал улыбаться.

А потом стало темно.

Глава 28

Я пришла в себя, ощущая, как кто-то несильно, но чувствительно хлопает меня по щекам. Болела голова, руки, всё тело ныло от долгого лежания на чём-то твёрдом, судя по ощущениям – на холодном камне. В горле пересохло, хотелось пить, а язык казался распухшим и шершавым. В себя приходиться не хотелось – интуиция подсказывала, что мне совсем не понравится окружающая обстановка, – но тут у кого-то лопнуло терпение, и следующий удар по лицу получился значительно сильнее.

– Да очнись ты! Я же вижу, что ты уже проснулась!

Я послушно открыла глаза и увидела склонившуюся надо мной Анабелл. Присмотревшись повнимательнее, почувствовала, как у меня удивлённо приоткрылся рот – я впервые видела Анабелл в таком виде. Она была бледна, чёрные волосы висели неаккуратными, растрёпанными патлами. Под левым глазом налился кровоподтёк, губа в одном месте была разорвана и распухла, а засохшая кровь маленькими пятнышками темнела вокруг рта.

– Отлично выглядишь, – хриплым шёпотом сообщила я, и закашлялась. Горло саднило.

Анабелл сделала попытку улыбнуться, но тут же поморщилась от боли.

– Это не повод для зависти, – сообщила она, отодвигаясь назад. – Из тебя скоро сделают то же самое.

Это заявление возымело поистине удивительный живительный эффект. Позабыв обо всём, я немедленно села и огляделась по сторонам, одновременно шаря по поясу. Ножен с кинжалом больше не было. От резкого движения перед глазами поплыли цветные круги, и мне пришлось подождать, прежде чем глаза вновь вернули способность видеть. Мы находились в каком-то полутёмном сыром помещении, больше всего напоминающем каменный каземат. Единственным источником освещения здесь была тускло горевшая лампадка под потолком. Комната была небольшой, её можно было измерить всего несколькими шагами. Окон не было, и, судя по холоду, мы находились где-то под землёй. Финальным штрихом стал отвратительный тихий писк в углу, к которому я уже привыкла в театре. И здесь крысы...

– Пожалуй, я знаю, где мы, – задумчиво констатировала я. – В подвале театра. Раньше здесь было убежище тёмного мага...

В голове вихрем взметнулись последние воспоминания, и я ахнула. Мы столько времени искали тёмного мага, уже было понятно, что каким-то образом он связан с театром, и в итоге им оказался...

– Твою мать, Гровер?! – вслух поразила я и растерянно посмотрела на Анабелл, ожидая подтверждения. – Так всё это время... это был он?!

Путешественница кивнула в знак согласия, и разбитые губы скривились в горькой усмешке.

– Господин ведущий актёр, – подтвердила она, осторожно касаясь пальцем распухшей губы и тут же отдернула её. – Слегка неожиданно, правда?

Ещё раз окинув её внимательным взглядом, я снова оценила её плачевный вид и уточнила:

– Так это он тебя... так?

– Ага, – отозвалась Анабелл вполне будничным тоном. – Оглушил нас обоих и притащил сюда. Пока ты была без сознания, мы с ним немного... пообщались.

– Но почему ты ещё здесь? – удивилась я. – Вы же можете покидать тела, в которых обитаете... Только не говори мне, что тебя замучила совесть, и ты не можешь просто бросить меня на произвол судьбы.

Путешественница усмехнулась, а затем вместо ответа засучила рукав и

продемонстрировала мне своеобразное клеймо у сгиба локтя. У меня в первый миг расширились глаза, как только я его узнала – точно такую же метку мне поставил Джеймс, чтобы защитить от вселения Путешественника. На свою руку Анабелл теперь смотрела с видимым отвращением, и мне сразу стало понятно, что полученные раны её мало тревожат, а вот эта печать – ещё как.

– Не могу, – сухо пояснила она. – Эта метка – как замок для Путешественников. Она не позволяет нам покидать наши тела и вселяться в людей, на которых она стоит.

Я кивнула и прислонилась к каменной стене. Анабелл сидела напротив меня в такой же позе и теперь возвращала рукав на место. В тусклом свете чуть горевшего фонаря раны на её лице казались ещё чернее и страшнее. Сидеть молча в почти полной темноте было невыносимо, и я начала размышлять вслух – просто чтобы не молчать.

– Поверить не могу... Почему же я тогда ничего не чувствовала? Он же тёмный маг! Я же могу их отличать! Почему я не ощущала никакого холода? Неужели есть какие-то специальные чары маскировки?

– А ты много общалась с Гровером лично? – резонно поинтересовалась Анабелл, слегка повернув голову и глядя на меня здоровым глазом.

– Нет, – честно призналась я. – Он производил настолько отталкивающее впечатление, что я старалась держаться от него как можно дальше. Но всё равно... Он же истерик, белоручка, тонкая натура! И что, он убил Маргарет и тех десятерых? Попытался убить меня, опрокинув декорацию?

– Люди полны сюрпризов, – последовал философский ответ.

– Зачем ему было пытаться тебя?

– Я многое знаю, – спокойно сообщила Анабелл. Она выглядела весьма невозмутимой, словно её каждую неделю похищали и избивали до полусмерти, и это уже стало хоть и неприятной, но привычной рутинной. Мне бы такую выдержку... – Я же правая рука главы всех Путешественников... Правда, он ничего от меня не добился, но это было только начало. И, как мне кажется, Гроверу просто доставляет удовольствие мучить людей.

Я подумала о том, что теперь мы вместе заперты в подземелье без возможности выбраться самостоятельно – в этом я не сомневалась, ведь такая деятельная женщина, как Анабелл, никогда не стала бы сидеть сложа руки – и находимся целиком во власти маньяка-садиста, чьим хобби является перерезать людям горло на алтаре. От этой мысли мне поплохело, а тонкий голосок в голове осторожно поинтересовался, не пора ли удариться в панику.

– Ладно, – я приложила все оставшиеся у меня силы, чтобы взять себя в руки и начать размышлять логически. – Но тогда зачем он запер здесь нас обоих? Ему же осталось провести всего один ритуал, в котором надо убить всего одного Путешественника!..

– Надеешься, что он просто придёт сюда, извинится за ошибку и отпустит тебя на свободу? – насмешливо фыркнула Анабелл.

Я покосилась на неё. Должно быть, она всё же нервничала, причём сильно, поскольку раньше такого фонтана сарказма от неё было не дожидаться.

– Мы попытаемся что-то предпринять?

– Я уже пробовала. Дверь заперта снаружи, мне её не открыть. Другого выхода отсюда нет. И либо колдун нас обоих убьёт...

– Либо нас сгрызут крысы, – пробормотала я, прислушиваясь к шороху в тёмных углах. Мне доводилось читать о том, как в голодные времена эти серые твари могли и младенца в люльке загрызть, и взрослого человека покалечить.

– Ну, это как раз не проблема, – задумчиво протянула Анабелл, оглядываясь по сторонам, словно она только сейчас заметила присутствие крыс. Затем она достала из спутанных волос чудом не выпавшую из них острую шпильку и уколола себе палец.

Показалась кровь, которая в тусклом мигающем освещении казалась совсем чёрной, и Анабелл принялась рисовать окровавленным пальцем на каменном полу какую-то очередную магическую схему. Лампадка давала совсем мало света, и я не представляла, как Путешественница видит, какие именно знаки выводит. Впрочем, возможно, она так хорошо знала, что делает, что свет ей был вовсе не нужен. Закончив, она с трудом приподнялась и направилась в самый тёмный угол, где попискивание слышалось отчётливее всего. Через полминуты она совершила какое-то резкое движение, заставив при этом от боли, и вернулась ко мне. В здоровой руке что-то копошилось, и меня передёрнуло от омерзения, когда я разглядела, что Анабелл поймала крысу. Невольно вжавшись в стену, я наблюдала, как Путешественница с безразличным видом садится обратно, без малейшего признака брезгливости или отвращения кладёт добычу в центр нарисованного кровью круга с символами и, придерживая её одной рукой, бьёт острой шпилькой прямо в шею, покрытую серой шерстью.

Крыса запищала и конвульсивно задёргалась. Анабелл закончила ритуал заклинанием, в котором я опознала несколько слов на древнеирландском – «смерть», «забрать», и «все». После этого она отбросила безвольное тельце в сторону и равнодушно стряхнула капли крови с руки. Я молча гладела на неё, в который раз поражаясь, как в одном человеке может уживаться чопорная строгая дама, помешанная на правилах приличия, и хладнокровная решительная женщина со стальными нервами, которой Маргарет Тэтчер и в подмётки не годилась.

– И что это было? – не скрывая гадливости, осведомилась я, когда убедилась, что на этом представление окончено.

– А ты прислушайся, – посоветовала Путешественница.

Я последовала её совету и с удивлением обнаружила, что теперь мы сидели в полной тишине. Больше не было слышно ни писка, ни тихого шороха, ни топота маленьких лапок.

– Очень хороший ритуал. Уничтожает всю живность определённого вида в довольно большом радиусе от места проведения. Самое оно, чтобы избавляться от домашних паразитов.

– Знай я, что ты такое умеешь – давно попросила бы тебя это сделать. Меня крысы в театре с первого дня раздражают, – не сдержав ехидства, сообщила я.

Та попыталась раздвинуть губы в слабой улыбке, но не смогла, и я вернулась к нашей основной проблеме:

– Мы сможем выбраться отсюда самостоятельно?

– Маловероятно, – помрачнев, ответила она. – Дверь запирается снаружи на засов. Мне его не открыть. Больше здесь ничего нет – ни окон, ни потайных ходов. И, кстати, раз уж у нас зашёл разговор о побеге, спрошу прямо – какова вероятность, что твой возлюбленный и супруг в одном лице нас найдёт и благородно спасёт?

Вопрос прозвучал неожиданно и отозвался болью где-то внутри меня, не имеющей никакой отношения к обычной физической. Даже страх из-за собственной печальной участи отошёл на второй план, уступая место глухой тоске.

– Невелика, – наконец тихо сказала я. – Вчера он узнал, кто я... Не думаю, что в ближайшее время он захочет меня видеть и поедет навестить. И даже если обнаружит моё отсутствие... далеко не факт, что захочет меня искать.

Мой голос звучал настолько убито, что Анабелл пристально взглянула на меня, и на долю секунду в её глазах мне почудилось сочувствие.

– Значит, сразу он тебя не простил?

– Нет. Впрочем, этого стоило ожидать. Лучше скажи мне, – думать о Джеймсе дальше было невыносимо, и я поспешила сменить тему – что с Винсентом? Он ведь наверняка будет беспокоиться из-за твоего отсутствия.

– Это да, – на лице Путешественницы отразилась тревога, которая сразу же сменилась

усталостью. – Но он даже не знает, откуда начинать поиски. Я собиралась заскочить к тебе ненадолго и никого не предупредила. Вряд ли меня скоро хватятся, а если и хватятся, то едва ли найдут.

Мы помолчали. В воздухе отчётливее сгущалось ощущение безнадёжности. Невыносимо долго тянулись минуты, складываясь в часы. У меня успело затечь всё тело, а сама я начала проваливаться в полусон-полуапатию, когда тяжёлая дверь наконец-то заскрежетала и открылась. Впрочем, при виде тёмной фигуры с фонарём на пороге я подумала, что, пожалуй, не отказалась бы, если бы и дальше никто не приходил. Второй фонарь тоже был масляным, неярким, но до этого в подвале было так темно, что глаза сразу же заслезились, и я прищурилась. Человек опустил руку с фонарём, и я узнала Гровера. Он выглядел так же привлекательно, как обычно – правильные черты лица, тёмные волосы, аристократичная бледность – всё оставалось точно таким же, словно актёр перенёсся сюда напрямик с репетиции. Вот только выражение лица изменилось, стало более замкнутым, сосредоточенным.

– Очнулась? Славно, – произнёс он без следа привычной манерности, не пытаясь лениво растягивать слова. Подойдя вплотную, он ухватил меня за шиворот и рывком поднял на ноги с силой, которой я от этого худосочного актёра не ожидала. Воротник затрещал. Холод исходящей от колдуна чёрной магии ощущался теперь совершенно отчётливо.

– Зачем она вам? – со своего места подала голос Анабелл. – Она всего лишь Путешественница во времени...

– И это придаёт особенную пикантность ситуации, – любезно откликнулся Гровер и потащил меня на выход. Я попыталась сопротивляться, скорее по инерции, чем реально имея какой-то план действий. Но колдун сразу же применил ко мне какую-то неприятную, болезненную магию, сравнимую по ощущениям с ударом электрошокером, и я подчинилась. Перед тем, как Гровер выволок меня в коридор, в свете принесённой им лампы я внезапно разглядела начерченные Анабелл на полу символы от крыс. К собственному удивлению я вдруг подумала, что где-то встречала их раньше. Но прежде, чем эта мысль оформилась до конца, Гровер вытащил меня наружу. Кровавые знаки исчезли из поля зрения, и я переключилась на собственное незавидное положение. Заперев комнату, где осталась Анабелл, Гровер подхватил с пола светильник и потащил меня куда-то в темноту подполья.

И хотя в подвале театра я уже бывала, понять, где именно мы находились, я не могла – тёмные мрачные коридоры выглядели удручающе одинаково, так что у меня даже толком не получалось следить за дорогой. За очередной дверью внезапно оказалось просторное помещение, освещённое множеством свечей, которые были всюду – на полу, на столе, на полках с книгами, на некоем сооружении, неприятно напоминающем алтарь, где я внезапно разглядела знакомый фолиант в потёртом кожаном переплёте. Пока я его разглядывала, Гровер подтащил меня к ещё одному интересному приспособлению – длинной верёвке, перекинутой через крюк в потолке. Мне это настолько напомнило статьи о пытках ведьм в Средневековье, что я снова упёрлась и в тот же момент получила такой удар магией, что меня закачало, а перед глазами всё поплыло. Концом верёвки, лежавшей на полу, колдун тем временем связал мои руки, а затем взялся за другой и начал натягивать, вынуждая меня высоко вздёрнуть руки над головой. В какой-то миг мне показалось, что Гровер с особым садистским удовольствием подвесит меня над полом, но нет – он накрутил верёвку на металлический штырь, торчавший из стены и остановился ровно в тот момент, когда я переступала с мыска на мысок, пытаясь найти положение поудобнее, в котором мой вес не слишком сильно давил бы на мои руки.

Именно в этот момент мне стало окончательно ясно, что всё происходящее – не сон и не просто очередное приключение. Как вести себя с этим сумасшедшим? Это не Джеймс и не Валери, и рядом со мной сейчас нет магов ковена, которые регулярно вставляли на мою защиту... Нет, я, конечно, помнила слова Розмари, что Элиза в девятнадцатом веке погибла уже после того, как тёмный маг был остановлен... Но какого-то особого облегчения эта мысль мне сейчас не принесла.

С алтаря, где лежала книга заклинаний, Гровер взял ритуальный нож со слегка изогнутым лезвием и вырезанными на рукояти рунами и шагнул в мою сторону. Я почувствовала, как по спине заструился ледяной пот, а ноги стали ватными от слепого ужаса. Что делать, как вести себя? Как его остановить, задержать хоть ненадолго? В

моём распоряжении было всего одно средство – разговор.

– В целом мне всё понятно, – слегка дрожащим голосом начала я, неотрывно наблюдая за Гровером. Страх заглушил прочие чувства, даже неудобство моего положения теперь отошло на второй план. – Ваше убежище было здесь, мы вас спугнули, но потом вы вернулись сюда. Разумно – ведь именно здесь ковен уж точно не стал бы вас искать. Вы попытались убить меня, опрокинув на меня декорацию. Вы провели ритуал с десятью жертвами и убили Маргарет...

Сработало – колдун остановился, и теперь с любопытством меня слушал.

– Совершенно верно, – спокойно подтвердил он, когда я замолкла. Меня поражал контраст с тем Гровером, которого я знала до сегодняшнего дня – теперь он говорил совершенно нормальным тоном, без малейших истеричных ноток. Из его движений пропала нервность. Да он и впрямь великолепный актёр...

– Ты начала мешать сразу после того, как рассказала Блэквуду о рунах. Маргарет же была вовсе ни при чём, и её убийство было незапланированным. Но она зачем-то зашла в твою гримёрную, и я принял её за тебя. Каюсь. Не разглядел.

– Значит, не Маргарет передавала Путешественникам сведения о ковене? – уточнила я, облизывая пересохшие губы.

– Нет. Она оставалась верной своему любовнику, Фостеру. Хотя я, разумеется, сделал всё необходимое, чтобы подозрения пали именно на неё. Подкинул ей в гримёрную листок с ритуалом. Убив её, я подложил в её стол бумаги, которые подтвердили бы, что именно она шпионила для Путешественников.

– Значит, Маргарет не виновата... – пробормотала я, непроизвольно дёргая затёкшими руками. Бесполезно: верёвка обвиняла запястья слишком туго.

– Нет, – охотно подтвердил Гровер.

Теперь мне было очевидно, что догадка Анабелл была абсолютно верной. Раздумывая, я на секунду опустила голову, а потом снова подняла её, глядя Гроверу в глаза.

– Кто в ковене вам помогает? – он молчал, только слегка наклонил голову набок. – Маргарет ничего не делала, но сведения всё равно поступали к Путешественникам. Вы не член ковена, у вас нет доступа к их делам. Значит, тот ваш помощник, который оглушил нас с Джеймсом и Алана с Майклом, состоит в ковене. Кто это?

Он слегка улыбнулся, а затем с какой-то нечеловеческой скоростью подлетел ко мне. Моё сердце ушло в пятки, а колдун вдруг взмахнул рукой с ритуальным ножом. Руку в районе плеча обожгло, я вскрикнула и почувствовала, как по ней потекло что-то тёплое.

– Ты и впрямь умна, – ласково улыбаясь, сообщил Гровер. Сейчас он больше всего походил на маньяка – такого, какими их изображают в фильмах ужасов. – Не зря ты меня столько времени раздражала.

– Зачем вы проводите жертвоприношения? Какой смысл от убийства стольких людей? Путешественники вам чем-то особенно досадили?

– Вот здесь ты ошиблась, Искательница, – с торжеством в голосе заявил он, обходя меня кругом. – Признаюсь тебе предельно откровенно – мне эти жертвоприношения вообще не особо нужны. Мне за них просто хорошо заплатили.

Какое-то время я в недоумении смотрела на него, а потом поняла.

– Тот маг из ковена – не ваш помощник. Это вы помогаете ему и выполняете его приказы!

– Умница, – подтвердил он. – Можешь собой гордиться.

– И вам осталось провести ещё одно жертвоприношение.

– Именно так. Та Путешественница для него и сгодится. А ты... – моё сердце застыло в

ожидании приговора, а Гровер встал передо мной, заглядывая мне в лицо. – Тебе же известно, почему ковен и Путешественники на дух не переносят чёрную магию?

– Вы используете жизненную энергию других людей, – выдавила я, уже понимая, к чему он ведёт.

Гровер довольно кивнул и почти нежно провёл свободной рукой по моей щеке. Это движение мне так напомнило о Джеймсе, что при виде колдуна перед собой я отпрянула назад, как если бы моего лица коснулась мокрица. Вернее, попыталась отпрянуть – мысок одной ноги оторвался от пола, я потеряла хрупкое равновесие и повисла на импровизированных кандалах. Полученная рана на плече заныла с новой силой. Колдун рассмеялся, наблюдая за моими мучениями.

– Должен признать, что не имею ни малейшего представления, какую энергию можно получить от смерти Путешественника во времени, – доверительным тоном поведал он. – И это будет очень познавательный опыт. Но знаешь, дорогая, простое убийство ножом в сердце – это уж очень прозаично и скучно. У нас же всё будет куда интереснее...

Ещё один взмах кинжала – и из пореза на левом боку сквозь рассечённую ткань нижних сорочек и платья хлынула кровь. Я закричала – пока я находилась в полуподвешенном состоянии, раны всё время оказывались задеты и продолжали ныть с удвоенной силой.

Гровер улыбался. Настроение у него определённо было превосходное.

Ещё один взмах ножом.

И ещё...

Глава 29

Вы когда-нибудь попадали в руки к маньякам? К тем милым людям, которые пытаются вас не для того, чтобы получить какие-то сведения, а просто потому, что чужие страдания приносят им огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие? Знай я в тот роковой день, когда мы с Алексом, Шарлоттой и Мартином приехали в Оствик и впервые вплотную столкнулись с магией, что именно мне предстоит пережить, я бы в тот же миг умчалась с криками из низины, отправилась напрямик в аэропорт и улетела бы первым же рейсом куда-нибудь в Аргентину, в район мыса Горн, лишь бы никто из магов никогда меня не нашёл. Я не хотела этого! Пожелай Гровер получить от меня какие-нибудь сведения – и я бы рассказала ему всё, что знаю, лишь бы это наконец прекратилось!

Я не знала, сколько времени провела в подземелье. Мне казалось, что минуло несколько недель, дни сменялись ночами, хотя на самом деле прошло едва ли больше пары часов. Связанные над головой руки давным-давно занемели, так что я не чувствовала больше ни их, ни боли от многочисленных порезов, которые теперь щедро украшали всё моё тело. Этот садист Гровер специально не пытался ранить меня сколько-нибудь тяжело или заняться настоящим членовредительством – желая «растянуть удовольствие», чтобы жертва не потеряла сознание от слишком сильной боли или кровопотери. В первый миг, когда я поняла, что тех пыток, которые показывают в фильмах ужасов, не предвидится, то слегка воспряла духом, но через час ноющей боли, которая постепенно усиливалась вместе с количеством порезов, я начала жалеть, что не могу потерять сознание и на время отключиться. Ещё через полчаса чувствительность наконец-то притупилась, и вместо отдельных вспышек боль слилась в один сплошной ком, от которого не было спасения. Под конец я уже даже не вскрикивала, только вздрагивала, когда колдун наносил очередной удар. На меня накатила чудовищная слабость, и сознание наконец-то начало уплывать. Ноги подогнулись, и теперь я безвольно висела на верёвках, свесив голову на грудь. Не знаю, что было тому причиной – общее перенапряжение после похищения и пыток, или же начала сказываться кровопотеря – но сил сопротивляться апатии больше не было.

Гровер и сам заметил, что я ослабла и почти перестала реагировать на происходящее. Полумёртвой я ему уже была не так интересна, да и он уже достаточно развлёкся за мой счёт – не могу сказать, что сорвала голос от воплей, но накричалась я за это время достаточно. И колдун любезно решил закончить начатое, снова встав прямо передо мной. Голову я не поднимала, но почувствовала, как мне в шею упёрлось лезвие ножа. Затем голос, который за эти часы я успела возненавидеть, почти нежно осведомился:

– Есть предпочтения? В горло или... – тут я почувствовала, как лезвие пропало, но в следующий миг его приставили к груди, – ...в сердце?

Мне по большому счёту было уже всё равно, я только хотела, чтобы это поскорее закончилось. Похоже, маги всё же ошиблись, и убьют меня прямо сейчас. Не совсем так я представляла себе свою жизнь в девятнадцатом веке, но изменить что-либо уже не смогу.

Ну и ладно... Лишь бы эта боль уже наконец-то ушла...

Жаль, что Джеймс меня так и не простил. Я не хотела, чтобы наше знакомство закончилось так...

Я прикрыла глаза, ожидая последнего удара, и уже снова представляла себе ту дорогу, в конце которой снова зажжётся свет, в котором я исчезну так же, как настоящая Элизабет Барнс, но этого так и не произошло. Раздался какой-то грохот, который показался мне удивительно далёким и неясным – словно в дальней комнате со шкафа уронили что-то тяжёлое.

«Откуда здесь взялся шкаф?» – тупо удивилась я. В тот же миг лезвие ножа убралось, Гровер вскрикнул, а тягучая боль, присутствовавшая в каждой клеточке моего тела, не спешила сменяться на спокойствие и тишину пути «за гранью». На долю секунды я даже испытала мимолётное разочарование – я так ждала этого момента, когда боли больше не будет, что промедление теперь воспринималось как продолжение пытки. И только после этого, с трудом продираясь сквозь плотную пелену, застилавшую моё сознание всё больше и больше, я разлепила глаза и осмотрелась. Точнее, попыталась – вокруг по-

прежнему была темнота, так что я решила, что ослепла. Удивительно, но даже эта мысль не вызвала особых эмоций. Потом я сообразила, что мне мешали видеть свесившиеся на лицо спутанные светлые волосы. С трудом потряся головой – движение отозвалась новой болью в шее – я наконец-то обрела способность видеть.

И ничего не поняла. После пыток мой организм, видимо, работал в каком-то заторможенном режиме, потому что мне показалось, что появившиеся в подземелье люди перемещались слишком стремительно, так что я не успевала ни следить за движением, ни хотя бы понять, кто именно сюда ворвался. Подвал наполнился грохотом, выкриками, треском ломающейся мебели – всё это доносилось до меня, будто издалека. Свечи вспыхнули с удвоенной силой от наполнившей воздух магической энергии. Гровер – его я узнала только по чёрному плащу – сбил с ног одну из фигур, так что она кувырком отлетела на пол, перевернувшись и осталась лежать на земле, и только после этого я узнала в ней Майкла. Но против колдуна остались ещё двое магов, которые теперь стали теснить Гровера к противоположной стороне. Затем прямо над моим ухом раздалось потрясённое ругательство, которое могло бы смутить неподготовленного слушателя – я таких не слышала даже от пьяницы МакКинли, который в нетрезвом виде становился абсолютно неводержан на язык. Кто-то с величайшей осторожностью коснулся моего лица, и эти прикосновения не шли ни в какое сравнение с издевательствами Гровера.

– Сможешь освободить её? – донёлся женский голос.

– Развяжи вон тот узел, – последовал ответ.

Раздался странный шорох, верёвка ослабла, а ещё через несколько секунд послышался треск, и я почувствовала, что мои руки наконец-то свободны. Но стоять на ногах после нескольких часов подвешенного состояния я уже была не в силах. Колени подогнулись, и я бы рухнула прямо на каменный пол, уже не чувствуя боли от потревоженных ран, но меня бережно подхватили, не дав распластаться на холодных плитах. Затем с моего лица отбросили завесу волос, и я увидела перед собой расплывающееся лицо Джеймса.

– Прости меня, – прошептал он тихо, так что можно было решить, что мне лишь почудилось.

Я хотела ответить, как я счастлива, что он здесь, что он всё же пришёл, что я снова вижу его, но из сухих растрескавшихся губ вырвался только хрип.

– Боже милосердный, – потрясённо выдохнул приблизившийся женский голос, в котором я узнала Розмари. – Что он с ней сделал?..

– Смертельных ран нет, насколько я могу судить, – нервно отозвался Джеймс. Ещё ни разу в его голосе не было такого страха. Я застонала, когда он дотронулся до особенно глубокого пореза на боку. – Но я всё равно не могу определить сходу, насколько плохи травмы...

Подобные ситуации обычно очень романтично и трагично выглядят в книгах и фильмах, когда героев тянет признаваться друг другу в любви перед лицом, казалось бы, неизбежной гибели. Отставать от канонов жанра мне не хотелось.

– Знаешь, – с трудом ворочая языком, всё же сумела выговорить я. – приди ты на час пораньше, мне было бы значительно лучше.

Рядом облегчённо выдохнула Розмари.

– Жить будет, – уверенно отозвалась она.

Джеймс выдавил в ответ вымученную улыбку и поднял меня на руки. Я не сопротивлялась, с трудом начиная верить, что всё почти закончилось, но сразу уйти из подвала нам не дали. Как выяснилось, пока Розмари и Джеймс освобождали меня, прочие новоприбывшие – которых оказалось неожиданно много – успели скрутить Гровера. Он теперь стоял в позе побеждённого – на коленях, плечи ссутулены – и маги держали протянутые в его сторону руки, готовые в любой момент нанести удар. Среди них я узнала изрядно помятого и потерявшего весь свой лоск Майкла, а рядом...

Я даже моргнула и поборолла искушение протереть глаза. Всё равно мои руки сейчас

весили, казалось, по тонне каждая. Вместо Алана или кого-то из Рыцарей, к которым я уже привыкла, в подвале обнаружился лидер Путешественников собственной персоной. Рядом с Винсентом стояла Анабелл – здесь, в свете горящих свечей, её избитый вид казался ещё более ужасающим, – но выглядела она вполне живой и рвущейся в бой. Когда ей бросилась в глаза наша с Джеймсом колоритная пара, даже на лице этого терминатора в женском обличье отразилось что-то, похожее на потрясение. Кажется, выглядела я и впрямь не лучшим образом.

– Мы уходим, – коротко сообщил Джеймс остальным. – Ей нужна помощь.

– Ничего себе из неё подушечку для иглол сделали... – длинно присвистнул Майкл, а в следующий момент до меня донёсся звук удара и болезненный вскрик Гровера, показавшийся мне самой сладкой музыкой.

– У вас есть пожелания, относительно дальнейшей судьбы этого колдуна? – вдогонку нам поинтересовался Винсент с величайшей учтивостью, словно мы все встретились на традиционном пятичасовом чаепитии.

Джеймс взглянул на меня, и я увидела в его глазах тот же отчуждённый холод, как в памятный день, когда уничтожили всех Искателей, и он впервые обратился к тёмной магии, чтобы спасти нас.

– Мне достаточно будет знать, что он умирал медленно, – процедил Джеймс, и мне показалось, что в воздухе вновь пронеслось знакомое холодное дуновение, а руки мага разом стали ледяными.

Но, скорее всего, только показалось. Туман перед глазами стал приближаться, окружил меня со всех сторон, уплотняясь, и свет померк.

Вопреки опасениям, когда я в следующий раз открыла глаза, вместо тёмной дороги я увидела над собой украшенный лепниной светлый потолок. Я лежала в кровати, укрытая одеялом; на улице царил белый день. Тело слегка затекло от долгого нахождения в одной позе, но это не шло ни в какое сравнение с тем, какой отбивной котлетой я чувствовала себя в театральном подвале. В голове прояснилось, и я попробовала пошевелиться. Руки и ноги слушались. Судя по ощущениям, на мне было множество бинтов, но сильная боль так и не появилась.

– Осторожнее, – раздался сбоку такой знакомый голос, и я, позабыв обо всём, повернулась на него, но дёрнулась слишком резко, и шея заныла. А, к чёрту! Видеть Джеймса прямо перед собой было гораздо важнее, и плевать на всё!

До моего пробуждения он сидел в кресле у кровати, а сейчас поднялся на ноги и приблизился. Сюртук вместе с жилетом был небрежно брошен на подлокотник, и на Джеймсе осталась только белая рубаша с расстёгнутыми верхними пуговицами. Ленточка, удерживавшая длинные русые волосы в хвосте, почти развязалась – несколько прядок выбилось. Я вспомнила, что не должна улыбаться счастливой улыбкой влюблённой дурочки, но сдержать её было сложно.

– Розмари исцелила тебя, как могла, – сообщил он, внимательно рассматривая меня. Взгляд он не отводил, и особой жалости в его лице я не заметила. Можно было надеяться, что Гровер не слишком сильно меня изуродовал. – Кое-где шрамы останутся, но, если судить в целом... Опасности для жизни никакой, и ты выздоровеешь намного быстрее, чем при помощи обычной медицины.

Мне вспомнилось, как Розмари исцелила меня в двадцать первом веке после нападения Валери. Интересно, у неё какой-то особый дар к этому?..

Я помедлила. Больше всего на свете мне хотелось сказать, как я счастлива его видеть, но вспомнила, каким было лицо Джеймса в Вестминстере, и промолчала. Вопросов было много, и я уже хотела начать спрашивать, но в горле пересохло, и я запнулась. Джеймс понял меня без слов и в следующую секунду протянул мне чашку с водой. Я с наслаждением напилась и закашлялась, а потом приподняла подушку, села и выжидательно уставилась на Джеймса.

– Что я пропустила? Как долго я вообще здесь?

– Несколько дней, – я растерянно охнула, а он сел рядом на край кровати. – После магического вмешательства организму понадобилось время на восстановление. Тот ублюдок, который сотворил это с тобой, мёртв. Глава Путешественников с одобрения всех присутствующих разобрался с ним лично. Жертвоприношений и убийств больше не будет.

– Как Винсент вообще там оказался? Как вы нас нашли?

– Благодаря Винсенту и нашли, – он слабо усмехнулся. – Он беспокоился, когда его подруга не вернулась, и явился в ковен за поддержкой...

– Как?! – изумилась я. На рассудительного главу Путешественников это совсем не было похоже. – На что он рассчитывал сразу после убийства Эмили?

– Могу только предположить, что он и в самом деле любит свою помощницу, если обратился к нам за помощью, сразу позабыв обо всех политических играх, – задумчиво отозвался Джеймс, пристально взглянув на меня, и добавил: – Не могу сказать, что не понимал бы его.

Я невольно вспыхнула под этим прямым, обжигающим взглядом и уже ждала, что сейчас прозвучит что-то очень важное, но...

– Вот только ты права, и в ковене после случившегося накануне его и слушать не пожелали. Рыцари наотрез отказались предпринимать хоть какие-то шаги для вашего спасения. Я предложил помощь Винсенту, не оглядываясь на мнение ковена. Майкл и Розмари присоединились почти сразу же, а к Алану, по понятным причинам, мы не стали обращаться. Используя какую-то магию Путешественников, Винсент привёл нас к вам. Теперь Гровер мёртв, и чёрная магия больше никому не угрожает.

– У него остался сообщник в ковене, – покачав головой, сообщила я. – Он сам мне сказал.

– Его будут искать, хотя не думаю, что ковен добьётся успеха, – Джеймс проговорил это, презрительно скривившись, и я вспомнила его слова о том, что он разочаровался в ковене. Вот он – ещё один шаг к тёмной магии? – В любом случае, на этом всё. Путешественники пообещали более нам не докучать. Колдун больше не опасен. Его книгу заклинаний Майкл и Розмари сожгли, и угрозы больше нет.

Я не сдержала кривой усмешки на этих словах. Должен ли он знать, что на самом деле эта книга цела и невредима и ближайшие сто тридцать лет будет лежать в надёжном месте? Пожалуй, в этом нет необходимости. Пускай пока всё останется как есть.

– И новых убийств больше не будет, – добавил он, продолжая свою мысль. – Кто знает, сколько их ещё бы было?..

– Всего одно, – ответила я, не задумываясь. – Должно было быть ещё одно жертвоприношение – третье, в том же месте, где вы нашли руны. Гровер собирался убить Анабелл.

На этот раз Джеймс не стал спрашивать, откуда мне это известно – вероятнее всего, решил, что меня просветил Гровер. Но затем я неожиданно осознала, что он вовсе не думал об этом, а вместо этого поймал меня за руку и теперь выводил на моей ладони пальцем какие-то узоры. Я почувствовала, как по коже побежали мурашки – и это было не потому, что в комнате вдруг резко похолодало.

– Я ведь едва не потерял тебя, – внезапно тихо произнёс он, снова поднимая на меня глаза. Моё сердце заколотилось, как ненормальное, – никто никогда не смотрел на меня так. – Я бы этого не вынес, Элиза.

Сделав над собой усилие, я слабо улыбнулась.

– Но ты же не можешь не спускать с меня глаз круглые сутки...

– Да, но я же дал тебе кольцо, которое должно было тебя защитить...

Повисла пауза, и я была уверена, что мы думали об одном и том же – о тех обстоятельствах, при которых я вернула его ему. Поколебавшись ровно две секунды, я

мысленно махнула рукой, крепко взяла его ладонь и сказала:

– Не вини себя. Я солгала тебе, и ты имел право на меня злиться. Я давно должна была сказать тебе... – в какой-то миг перед моими глазами промелькнула вся история нашего знакомства, начиная с того, как он спас меня в две тысячи пятнадцатом году от Путешественников, и признание слетело с моих губ совершенно легко, – ...что я люблю тебя. Я понимаю, какими выглядят мои поступки. Но ты так презирал свою невесту, и в то же время был самым собой рядом с актрисой, что я побоялась нарушить это равновесие. Прости меня.

На моём признании лицо Джеймса украсилось самой искренней улыбкой, которую я видела, кажется, впервые. И теперь он... выглядел счастливым?..

– Я влюбился в тебя в ту же секунду, когда впервые увидел. Ты застала меня в гримёрной Маргарет и с самым хладнокровным видом посоветовала обратиться к самой актрисе за помощью в поисках! Ты всё это время лезла прямиком в сердце опасности, не страшись ничего. Ты была рядом со мной в те моменты, когда мне требовалась помощь или я должен был сделать сложный для меня выбор, – в следующий миг он приблизил своё лицо почти вплотную к моему. – Ты не представляешь, как я счастлив, что ты перенеслась из своего времени именно сюда. Для меня нет никакой разницы, кто ты – актриса или дочь баронета. И я люблю именно тебя, Путешественница.

У меня вырвался взволнованный вздох, на глаза навернулись слёзы, а от всепоглощающего ощущения счастья мне захотелось петь. В своём родном двадцать первом веке я бы полжизни отдала, чтобы услышать это признание. Тогда оно казалось чем-то совершенно невероятным, фантастическим! Неужели сейчас всё происходит взаправду, и я не сплю?..

И в тот момент я поняла, что все мои приключения, опасности, в которые я попадала, перемещение во времени, даже встреча с Гровером – всё стоило того, чтобы их пережить. Именно ради этого момента.

Моё выздоровление благодаря магическому вмешательству значительно ускорилось, и на следующий день я уже ходила по комнате. Ещё через несколько дней, когда я чувствовала себя совсем хорошо, ко мне пришла Розмари в компании с незнакомым мне доктором. Я даже не хотела предполагать, что именно ему наврали обо мне, и каким образом я оказалась ранена. Врач же, глубокомысленно поцокав языком, подтвердил, что я вполне здорова и могу вернуться к привычному образу жизни.

Тогда же выяснилось, что всё это время я находилась в особняке Блэквудов. Я свободно передвигалась по всему дому, общалась с Розмари, чьё отношение ко мне сделалось в разы теплее. И, что меня поразило больше всего, прислуга в доме держалась со мной так, словно я была хозяйкой и обращалась ко мне «Ваша милость», чем жутко меня смущала. Когда ко мне в очередной раз подобным образом обратился степенный дворецкий, я решила, что этот вопрос стоило прояснить.

Джеймс был в библиотеке, когда я пришла к нему. Перед этим я встретила в гостиной Розмари, которая напомнила, что ждёт нас к чаю через полчаса, и я решила, что как раз успею поговорить с Джеймсом.

– Слушай, а ведь в прошлый раз у меня была другая комната? – непринуждённо поинтересовалась я, но он лишь пожал плечами.

– Тогда была гостевая, а это моя спальня. Куда ещё можно было положить мою жену?

Даже долго выяснять ничего не пришлось, получите и распишитесь... От этих слов у меня перехватило дыхание. После взаимного признания в любви мы с Джеймсом виделись каждый день и общались как возлюбленные. В частности, он свободно входил ко мне, когда я лежала в кровати, хотя по правилам местного этикета это считалось недопустимой вольностью, если речь шла о даме благородного происхождения. Однако к вопросу статуса наших отношений мы ещё не возвращались. Рано или поздно эта тема точно бы встала, но я решила не поднимать её первой.

– Значит, жену? – игриво уточнила я, с интересом наблюдая за его лицом.

- Знаешь, а ведь очень удобно получилось, - задумчиво сообщил Джеймс, притягивая меня к себе. Я прильнула к нему, наслаждаясь каждым мгновением. - Я думал, что мне предстоят развод и новая свадьба, а теперь выяснилось, что всё уже сделано. Пожалуй, такой поворот событий мне даже нравится...

- А что же скажет высший свет? - любопытствовала я. - О моём возвращении к мужу теперь все будут судачить. Ещё жди с визитом сэра Перси, который наверняка захочет высказать всё, что он обо мне думает.

- Ну и наплевать на всех, - отозвался он совершенно искренне. - Пускай болтают что хотят. А на сэра Перси можно наложить какое-нибудь проклятие, чтобы он навсегда забыл сюда дорогу.

Я слегка отстранилась от него, чтобы посмотреть Джеймсу в лицо.

- Значит, новая свадьба? Ты и в самом деле хочешь, чтобы мы были женаты?

Он чуть улыбнулся и наклонился ко мне.

- Больше всего на свете, - прошептал он, подтвердив свои слова глубоким, головокружительным поцелуем - одним из тех, от которых слабеют колени и дрожат руки.

- Пожалуй, я вспомнил, о какой важной вещи мы совсем забыли, - прошептал он, когда наконец-то отпустил меня. Моё дыхание было прерывистым, да и он сам говорил с трудом.

- И о чём же это? - всё ещё с трудом соображая, выдохнула я.

- О брачной ночи, - проинформировали меня таким тоном, что покраснела бы и Мессалина.

Происходи этот разговор в другой обстановке, при других обстоятельствах, я, возможно, залилась бы румянцем до корней волос и начала бы смущаться. Но в тот момент я точно знала, что всё происходит именно так, как и должно. Что никак по-другому сложиться и не могло. Я любила этого человека, я была по уши влюблена в него и хотела быть с ним. Остальное просто не имело значения.

- Это крайне досадное упущение с нашей стороны, - прошептала я в ответ.

На чай Розмари нас так и не дождалась.

Глава 30

С того дня моя жизнь стала больше похожа на сказку. Я наслаждалась каждой минутой обрушившегося на меня счастья, стараясь не упустить ни мгновения. Мы с Джеймсом теперь всё время проводили вместе, и это и в самом деле было похоже на медовый месяц. Мой... муж (когда-нибудь я привыкну к этой мысли) окружил меня заботой и вниманием, которых, наверное, не знала ни одна женщина с начала времён; я же не видела никого, кроме него. Розмари оставалось только снисходительно улыбаться при виде нас, но, по крайней мере, она больше не возвращалась к образу чопорной добродетели. Довольно часто на пороге дома появлялся Майкл, и приходил он не столько к Джеймсу, сколько к Розмари. И хотя ярко выраженных романтических чувств ни он, ни она не демонстрировали, я хорошо помнила их отношения в двадцать первом веке и знала, что у них всё впереди.

Разумеется, возвращение новоиспечённой графини Блэквуд не могло остаться незамеченным, и дом начали осаждать многочисленные знакомые семьи в поисках свежих сплетен. Всем ужасно хотелось посмотреть на меня – возмутительницу спокойствия и сумасбродную нарушительницу всех принятых в обществе норм, которая скомпрометировала и свою семью, и своего мужа. Большого внимания удостаивался и Джеймс, как «пострадавшая сторона». Как я и предсказывала, не обошёл нас своим вниманием и кузен мисс Барнс, который явился очень быстро и с громким праведным возмущением в голосе потребовал проводить его ко мне. Но семейного выяснения отношений удалось избежать, потому что на полпути его перехватил Джеймс. Уж не знаю, что именно он ему сказал, но сэр Перси покинул дом и больше никак меня не беспокоил.

Уже спустя три дня нескончаемых визитов вежливости, совершаемых с выражением подчёркнутой незаинтересованности на лицах, мы с Джеймсом единогласно решили, что с нас хватит. Он предложил отправиться в загородное имение Блэквудов в Пэмброкшире – то самое, куда он обещал отправить меня сразу после свадьбы. На этот раз удалённость поместья от столицы воспринималась как благо, так что я немедленно согласилась. Розмари только махнула рукой, когда брат объявил ей о нашем готовящемся отъезде, и не стала возражать. Я же начала готовиться к путешествию, с восторгом предвкушая время, когда мы с Джеймсом будем только вдвоём.

Конечно, не обходилось и без ложки дёгтя в этой бочке мёда. Теперь, когда тёмный маг погиб и ритуалы приостановились на сто тридцать лет, в какой-то момент у меня возникла мысль – а что будет дальше? Я помнила, что рассказывали Розмари и Майкл о моей участи в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году. Поскольку всё, что они рассказывали до того, сбылось с абсолютной точностью, можно было предположить, что и моя судьба уже предрешена. Не могу сказать, к сожалению или к счастью, но конкретных сведений о собственной смерти у меня не было. Маги только рассказывали, что Элиза погибла вскоре после того, как остановили тёмного мага, но ни причин её гибели, ни точной даты у меня не было. Мысли о том, что в любой момент со мной может случиться что-то непоправимое, пугали меня до полусмерти. Страх сворачивался в животе тугими кольцами, от которых не было избавления. Всеми силами я старалась гнать их как можно дальше, убеждая себя, что нет смысла запереться в своей комнате и ни в коем случае из неё не выходить. Всё равно заранее не угадаешь.

Так что я предпочла сосредоточиться на поездке и получать удовольствие от того времени, которое у меня осталось. Но за каких-то пару дней до планируемого отъезда в Суррее произошло очередное собрание магов, с которого Джеймс вернулся поздно вечером в весьма скверном расположении духа и сразу направился ко мне. Я поняла, что нам предстоит какой-то серьёзный разговор, и отложила книгу, с которой лежала в кровати.

– Мне придётся ненадолго уехать, – сообщил он, присаживаясь рядом со мной. – Это связано с делами ковена. Ненадолго, буквально на три дня. Сразу после этого мы отправимся.

Мысленно я тяжело вздохнула и кивнула.

– Понимаю. Что-то серьёзное?

– Нет, не очень, но сделать это необходимо. Я не хочу оставлять тебя одну после случившегося, ведь в ковене остался кто-то, кто действовал заодно с колдуном. Совет разделяет мои опасения, и на время моего отсутствия ты будешь под защитой Рыцарей.

Я представила себе, как за мною всюду следует группа людей с каменными лицами и в серых костюмах, и моё лицо вытянулось. Но спорить не стала, поскольку вполне разделяла опасения Джеймса.

– Есть ещё кое-что, – сказал он, дождавшись моего согласного кивка. Потом поднялся на ноги, подошёл к комоду и достал из ящика что-то, похожее на часы на цепочке. Я присмотрелась, узнала «Знак равных» и ахнула.

– Так он всё ещё у тебя?!

– Да, и Совет сегодня посетовал, что ковен его так и не получил. Полагаю, что никто из нас – ни Алан, ни Розмари, ни Майкл – не рассказал ковену о нём.

Неожиданно! Я-то думала, что Джеймс передал артефакт Совету в тот же вечер, когда я отдала его!

Он подошёл ко мне, взял мою руку, вложил «Знак равных» в раскрытую ладонь и мягко сжал мои пальцы.

– Возьми его. Поскольку мы знаем, что в ковене, возможно, есть предатель, об артефакте лучше вообще никому не сообщать. Его хранила твоя семья... точнее, семья Барнсов. Спрячь его, куда посчитаешь нужным.

Повертев «Знак равных» в руках, я отложила его в сторону и посмотрела на Джеймса.

– Когда ты уезжаешь?

– Завтра утром. Но обещаю, – он наклонился ко мне вплотную, так что я могла теперь почувствовать тепло его тела, и прикрыла глаза в ожидании поцелуя – я вернусь сразу же, как смогу. Ты не успеешь соскучиться.

– Ещё как успею, – прошептала я в ответ. – Так что не задерживайтесь, граф Блэквуд, если не хотите столкнуться с моим недовольством!

– Ни за что на свете, леди Блэквуд, – в следующую секунду он накрыл мои губы поцелуем, и я позабыла обо всём на свете.

Он уехал ранним утром. Спросонок я почувствовала, как Джеймс поцеловал меня на прощание в висок, услышала тихое «Я люблю тебя», но до конца так и не проснулась. А потом, когда я уже встала, и горничные помогли мне одеться, обнаружила, что на ближайшие три дня осталась одна.

Вскоре я поняла, что Джеймс имел в виду, когда говорил, что я остаюсь «под защитой Рыцарей». После полудня дворецкий сообщил мне о приходе мисс Алисии Филипс. Я встретила девушку в гостиной на первом этаже, и та порывисто вскочила, едва я вошла. Но потом сразу же сделала серьёзное лицо, строго нахмурила брови и очень официальным тоном произнесла:

– Добрый день, леди Блэквуд. По решению ковена меня приставили к вам. Я буду охранять вас.

Поскольку она была выше, ей приходилось наклонять голову, чтобы смотреть на меня. Я с интересом осмотрела её унылое серое платье и такие же серые сумочку и зонтик, а затем перевела взгляд на лицо собеседницы. Алисия выглядела совсем молоденькой, возможно, даже младше меня. Рыжеватые волосы аккуратно причёсаны, на широких скулах я заметила россыпь веснушек. Мне бросилось в глаза, что Алисия явно пыталась сохранять деловой вид, хотя её обуревали гораздо более сильные чувства. При этом она не выглядела враждебно, и я предположила самый очевидный вариант:

– Это ваше первое задание от Рыцарей?

Она взволнованно кивнула.

– Да! До этого были только обязанности секретаря. Понимаю, я только учусь... Но я справлюсь!

Я прогнала вновь пришедшее сравнение с Алисией из двадцать первого века – нынешняя порывистая девушка настолько отличалась от себя будущей, что мне оставалось только задаваться вопросом, что же с ней произойдёт. Неужели эти изменения – результат только времени и пришедшего с ним опыта? Или что-то ещё?..

– Мистер Дерри не верит, что я справлюсь. Говорит, что женщине среди Рыцарей не место... Но я докажу! Не беспокойтесь, леди Блэквуд. Пока лорд Блэквуд отсутствует, вы будете в безопасности.

Я с трудом сдержала ироничную улыбку. Юная Алисия выглядела очень искренней, и мне не хотелось её обижать. Хотя было очевидно, что сам ковен к вопросу о моей безопасности отнёсся весьма спокойно и приставил ко мне ту, которая раньше кроме письменных принадлежностей ничего и не видела. Вряд ли в случае настоящей опасности она сможет как-то помочь... Решение магов меня не удивило и не расстроило: и так понятно, что моя персона там мало кому симпатична. Значит, мне остаётся только быть осторожнее и надеяться, что в эти несколько дней ничего не случится.

И всё же кое-что откладывать не следовало.

– Мисс Филиппс, я очень вам признательна. В таком случае вы не съездите со мной сегодня на Друри-Лейн?..

«Знак равных» снова лежал в моём кармане, как и раньше, и всё утро я думала, куда его можно было бы спрятать. В особняк Барнсов возвращаться не хотелось. Вскоре мне пришла в голову неплохая идея, но ехать в это место снова, после всего, что со мной там произошло... На меня мгновенно накатила тошнота, и затряслись руки. Нет, я должна это сделать. Это будет последний раз, когда я туда поеду, и больше к этому месту можно будет не приближаться на пушечный выстрел!

Решение было принято, и отступить я не стала. Алисия выразила немедленную готовность отправляться, и я не стала откладывать. Набросив плащ, я велела заложить нам коляску, чтобы отправиться в театр.

В дороге мы говорили мало, хотя в этой тишине не было враждебности. Алисия, кажется, отнестись ко мне вполне дружелюбно. Когда мы добрались до театрального подъезда, я попросила девушку-Рыцаря подождать меня в экипаже и пообещала скоро вернуться. Алисия не стала возражать и осталась в карете, а я поспешила по ступеням к дверям.

Атмосфера удручённости накатывала буквально с порога, и я вспомнила, что труппа осталась мало того, что без ведущей актрисы, так теперь ещё и без ведущего актёра. Кстати, я совершенно не представляла, что общественности известно о смерти Гровера, но, признаться, мне это было совсем неинтересно. Ни с кем из прочих актёров и персонала мне встречаться не хотелось, и к Хогарту я на этот раз заходить не стала, а отправилась знакомым путём, напрямик в подвал. Холода тёмной магии в нём уже не чувствовалось, хотя тёмные стены давили и упорно возвращали меня к воспоминаниям того дня, когда меня почти изрезали на лоскутки. Не желая находиться здесь хоть на минуту дольше необходимого, я решительно подняла повыше прихваченный с собой фонарь и устремила дальше по уже знакомому лабиринту коридоров, попутно заглядывая во все попадавшиеся на пути двери.

За одной из них оказалась маленькая каморка, похожая на ту, в которой Гровер запер нас с Анабелл. Осмотрев её, я нашла в каменной стене близко к полу небольшую выемку, куда легко поместился артефакт. Потом вышла обратно в коридор и немного побродила по прочим подвальным помещениям в поисках какого-нибудь камня. Таковой нашёлся почти у самой лестницы, ведущей к наземным этажам. С ним я вернулась обратно к импровизированному тайнику и кое-как заткнула им дыру. Не бог весть какой сейф получился, но вряд ли в этих подвалах кто-то так активно копается, что с лёгкостью найдёт эту небольшую нишу, которую и не разглядишь, если только не поднести поближе светильник. С чувством выполненного долга я отправилась вверх. Надеюсь, Алисия там не слишком заскучала...

Уже в холле я вспомнила, что в моей гримёрной по-прежнему должны были оставаться

кое-какие мои личные вещи. Поколебавшись пару мгновений, я решила всё же их забрать. Вряд ли я буду в ближайшее время выступать – без главных актёров спектаклей в принципе сейчас не будет, да и не уверена, как Джеймс отнесётся к продолжению моей театральной карьеры. Умудрившись избежать по пути любых встреч, я поднялась в знакомую комнату и принялась проверять ящики туалетного столика.

Холод чёрной магии я ощутила внезапно, но так отчётливо, что сомнений и ошибки здесь быть не могло. Затем я услышала, как захлопнулась дверь, подняла голову и посмотрела в зеркало. Ещё секунду в нём отражалось только моё перепуганное лицо, а затем я увидела, как позади меня прямо из воздуха возникла стройная фигура с короной платиновых волос. Я вскрикнула – скорее от неожиданности, чем от страха – и круто развернулась. В следующий миг что-то обожгло мне живот, его скрутило острой болью, так что я согнулась пополам, а ноги вдруг отказались меня держать. По-прежнему ничего не понимая, я сползла на пол, пребольно ударившись головой о туалетный столик. Фигура приблизилась ко мне, и я узнала Валери Андерс, имевшую такой довольный вид, словно ей только что вручили корону и власть над миром.

– Доброе утро, Элиза! – весело сказала она. – Я же обещала, что мы с тобой снова увидимся?

При ближайшем рассмотрении становилось видно, что неземная красота Валери несколько поблёкла с нашей последней встречи. Некогда блестящие волосы сейчас выглядели давно не мытыми, свалились и напоминали паклю. Её лицо осунулось и подурнело, а платье выглядело мятым и изношенным.

Живот снова скрутило болью, так что я вскрикнула и перевела взгляд вниз. Удивительно – по ощущениям это было так, словно меня пырнули ножом, но моё платье оставалось чистым и целым, и кровь не текла. Опять какой-то удар магией?..

– Как ты здесь очутилась? – запоздало спохватилась я. Язык словно распух и с трудом ворочался во рту. – Неужели тебя освободили?

Голос звучал хрипло и тихо, и я поняла, что на помощь звать бесполезно. Алисия не услышала бы меня не то что из кареты, но даже из соседней гримёрной. Ждать, что она отправится на мои поиски, бесполезно – я не так долго отсутствую, и белобрысая ведьма успеет меня прикончить пять раз.

– Я сбежала, – тем временем охотно поделилась та. – Ну, как сбежала... Чарльз меня вытащил.

Я некоторое время молча смотрела на неё, соображая.

– Поэтому тогда перед Советом и Рыцарями ты взяла его вину на себя?

– Разумеется. Надо же, а ты и впрямь умна... – она наклонилась ко мне, не отрывая от меня льдисто-голубых глаз, а потом резко выкинула вперёд кулак и ударила меня в живот. Мне показалось, что мои глаза сейчас просто вылезут из орбит – так это было больно, – а она, как ни в чём не бывало, продолжила:

– Не было никакого смысла указывать на Чарльза, потому что его бы арестовали вместе со мной. А так он остался на свободе и вытащил меня сразу, как только у него появилась такая возможность.

Я тяжело дышала, но боль от удара уже притупилась, и ко мне вернулась способность соображать.

– Как тебе удалось обмануть Закери? Почему он не понял, что ты врешь?

– Потому что это была не совсем ложь, – с милой улыбкой поделилась она. – Я сказала, что уничтожила Общество Искателей сама, без руководства Чарльза. Так и было – проклятие создала я сама, сама привела его в действие, без чьей-либо помощи. Никакой лжи.

– Потрясающе, – буркнула я.

Улыбка Валери стала какой-то змеиной, жуткой, пока она задумчиво рассматривала

меня, скорчившуюся на полу.

– Я рада, что я на свободе, но ведь теперь мне предстоит бежать и скрываться, – доверительным тоном сказала она, и всё моё тело вновь пронзила боль, так что я выгнулась дугой и закричала. – Я в одночасье лишилась всего – и положения, и друзей. А всё из-за чего?

– Из-за собственной жестокости и жажды власти? – с трудом предположила я.

Да, я понимала, что не стоит дразнить того, кто и так в бешенстве. Но мне было очевидно, что живой Валери меня не отпустит, а потому я не видела смысла щадить её нежные чувства.

У Валери дёрнулся уголок глаза.

– Из-за тебя, ты, наглая, самоуверенная выскочка, которая всё время лезет не в своё дело! Как же мне было жаль, когда ты не сгорела со всем Обществом Искателей! – красивое лицо исказилось от ярости. – И жаль, что колдун не добил тебя! Но ты жива до сих пор не потому, что ты такая умная, или талантливая, или сильная, а просто потому, что тебя каждый раз спасали! Но в третий раз тебе так не повезёт!

Несмотря на то, что её злость была через край, а глаза метали молнии, я чувствовала, что это ещё не всё. Дело было не только в том, что её арестовали по моему обвинению. И мне было кристально ясно, почему именно меня она выбрала как основной объект своей ненависти.

– Если ты убьёшь меня, он всё равно не будет твоим, – мстительно сообщила я. Слова давались с трудом, приходилось делать паузы после каждого. В глазах начали мельтешить чёрные точки, голова кружилась. Да что это со мной?..

Валери изогнула пухлые губы в презрительной усмешке.

– Увидим. В тебе нет ничего, что смогло бы надолго его удержать. Ты даже не маг, и прожить смогла бы только несколько десятилетий! Я же красивее и талантливее, и...

– И очень сильно себя переоцениваешь, – договорила за неё я, постаравшись произнести это как можно невозмутимее.

Несколько секунд её лицо кривилось в странных гримасах, словно колдунья пыталась взять себя в руки, но тщетно. Метнув в меня последний взгляд, исполненный глубокой, чистой злобы, она снова подняла руку.

Каким-то шестым чувством я безошибочно поняла, что это всё. Больше она не будет ни изливать душу, как любой злодей в кино, ни даже пытаться. Она просто убьёт меня, получив от этого огромное удовольствие. И чудесного спасения на этот раз тоже не будет. Алисия провалит своё первое задание. Джеймс не придёт. Финита ля комедия.

Для меня на самом деле всё закончится. И именно тогда, когда я наконец-то поняла, каково это – быть счастливой рядом с любимым человеком. Жаль.

Все эти мысли пронеслись стремительным вихрем, а потом боль пронзила меня снова. Но на этот раз она не затихла, а продолжала нарастать. Я уже не слышала собственного крика. Точки, кружившиеся у меня перед глазами, слились в сплошную черноту. Звон в ушах нарастал, я одновременно лишилась и зрения, и слуха. Даже боль уже ощущалась не так сильно, и именно тогда впервые пришёл страх. Но и он продолжался недолго – темнота захватила меня целиком, и я даже с каким-то облегчением провалилась в неё...

И не осталось ничего.

Я снова шла вперёд по тёмной дороге. Вокруг царилась ночь, и я опять не сразу поняла, откуда я здесь взялась и что происходит. На этот раз дорога была немного другой, появилось что-то, похожее на пейзаж, – по крайней мере, в один момент я поймала себя на том, что иду по мосту. Интересно, откуда он здесь взялся?..

Боль ушла. Воспоминания о Валери отчётливо отпечатались в памяти, но казались далёкими, словно это произошло целый месяц назад, и выглядели чем-то

несущественным. Вокруг царило лишь спокойствие, которое не имело ничего общего с тем, что я испытывала. Сердце разрывалось от щемящей тоски. Я не хотела умирать. Не хотела этого ещё больше, чем в прошлый раз. Джеймс будет страдать. Ну почему, почему мы так мало были вместе? Почему тогда утром я не проснулась до конца и не сказала, как сильно я его люблю?

К знакомому перекрёстку я вышла неожиданно. Там вновь пересекались три дороги, и я на несколько секунд остановилась, ожидая, когда в конце одной из них зажжётся свет. Мягкое, тёплое сияние возникло очень быстро, и я уже была готова направиться к нему, как вдруг за моей спиной раздался далёкий шум и грохот. Услышать их здесь, в загробном мире, было так неожиданно, что я вздрогнула и резко обернулась, чтобы увидеть, как на моих глазах мост, по которому я пришла, обрушился и рухнул в пропасть. Дорога теперь оканчивалась обрывом, так что пойти по ней было невозможно.

Ну... Должно быть, это логично? Элизабет Блэквуд умерла окончательно и возврат в тело невозможен, правильно я понимаю?

Но... Тут я снова повернула голову и уставилась на третью дорогу – тёмную, конец которой тонул во мраке. Во время моего движения прядь волос перелетела через плечо, и я с отстранённым удивлением отметила, что вместо уже привычных белокурых волос вижу прямые тёмно-рыжие. Неужели ко мне вернулся мой настоящий облик? Облик Джейн Эшфорд?

Почему третий путь всё ещё передо мной? Ведь я погибла в автокатастрофе! Именно так и произошёл мой переход в прошлое! Почему эта дорога до сих пор существует, если вторая – та, что вела к Элизе – обрушилась? Как это возможно? Или это уже новый путь – в другое время, в другое тело? Но тогда я должна встретить ещё одного Путешественника во времени, как раньше я встретила настоящую мисс Барнс! Однако здесь – я снова огляделась по сторонам – я была одна, и никто новый появляться не спешил.

Не знаю. Но если осталась ещё хоть какая-то возможность избежать смерти, я должна ею воспользоваться. Я не хочу туда, к этому зовущему свету! Я хочу остаться в живых! И посмотрим, куда это приведёт меня теперь.

Я пошла по тёмной дороге. Свет и разрушенный мост остались позади, а я всё шла, шла...

Как и в прошлый раз, я пропустила момент, в который всё изменилось. Я просто поняла, что лежу в кровати, что воздух пахнет больницей – современный запах, который я в викторианском Лондоне уже успела подзабыть – что вокруг раздаётся механический писк приборов. Тело меня не слушалось и вообще словно утратило чувствительность. При попытке открыть глаза я решила, что ослепла – белый свет после газовых светильников и свечей показался мне невероятно ярким. В глазах всё расплывалось, и с опозданием я поняла, почему – ко мне вернулось моё старое зрение, когда без контактных линз ты не видишь дальше собственной руки.

– Доктор Фелпс! Срочно в четвёртую палату! Пациентка Эшфорд вышла из комы!

Конец второй части

Примечания

Роман М. Шелли «Франкенштейн или Современный Прометей», 1818 г.

Мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз.

3

Вытянутое помещение, часть интерьера, ограниченное с одной или с обеих продольных сторон рядом колонн или столбов, отделяющих его от соседних нефов.

Покоящиеся на колоннах или арках помещения в виде трибун или галерей в интерьерах византийских и средневековых европейских церквей.

Поперечный неф в базиликальных и крестообразных по плану храмах.